

СИНКЛЕР ЛЬЮИС

БЭББИТ • ЭРОУСМИТ

СИНКЛЕР ЛЬЮИС

БЭББИТ • ЭРОУСМИТ

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Синклер Льюис

БЭББИТ

1

Башни Зенита врезались в утреннюю мглу; суровые башни из стали, бетона и камня, несокрушимые, как скала, и легкие, как серебряные стрелы. Это были не церкви, не крепости, — сразу было видно, что это — великолепные здания коммерческих предприятий.

Туман из жалости прикрывал неприглядные строения прошлых лет: почту с вычурной черепичной крышей, красные кирпичные вышки неуклюжих старых жилищ, фабрики со скважинами задымленных окон, деревянные дома грязного цвета. В городе полно было таких уродов, но стройные башни вытесняли их из центра, а на дальних холмах сверкали новые дома, где, казалось, обитают радость и покой.

Через бетонный мост промчался лимузин — длинный, блестящий, с бесшумным мотором. Его владельцы, веселые, разодетые, возвращались с ночной репетиции «Интимного театра», где любовь к искусству подогревалась немалой толикой шампанского. За мостом шло железнодорожное полотно в путанице зеленых и алых огней. С гулом пролетел нью-йоркский экспресс, и двадцать стальных рельсов сверкнули в ослепительном свете.

Водном из небоскребов приняли последние телеграммы агентства Ассошиэйтед Пресс. Телеграфисты устало сдвинули со лба целлулоидные козырьки — всю ночь шел разговор с Парижем и Пекином. По зданию расползлись сонные уборщицы, шлепая старыми туфлями. Утренний туман рассеялся. Вереницы людей с завтраками в руках тянулись к гигантским новым заводам — сплошное стекло и полый кирпич, — в сверкающие цехи, где под одной крышей работало пять тысяч человек, производя добротный товар, который пойдет и на берега Евфрата, и в африканские вельды. Гудки встречали их веселым гулом, бодрой, как апрельский рассвет, песней труда, в городе, словно воздвигнутом для великанов.

Ничего «великанского» не было в человеке, который в эту минуту просыпался на закрытой веранде особняка колониального стиля, в том

изысканном предместье Зенита, которое носило название «Цветущие Холмы».

Звали его Джордж Ф.Бэббит. В апреле этого, тысяча девятьсот двадцатого, года ему было уже сорок шесть лет, и он, в сущности, ничего не умел производить: ни масла, ни башмаков, ни стихов, — зато превосходно умел продавать дома по цене, которая мало кому была по карману.

У него был большой, розовый череп, покрытый редкими суховатыми каштановыми волосами. Лицо его во сне казалось совсем ребяческим, несмотря на морщины и красные вмятины от очков на носу. Он был не слишком толст, но отлично упитан; щеки его походили на подушки, а холеная рука, лежавшая поверх армейского одеяла, слегка отекала. Сразу было видно, что он состоятелен, безнадежно женат и прозаичен. Да и закрытая веранда, на которой он спал, была чрезвычайно прозаична: с нее был виден довольно большой вяз, две аккуратные полосы газона, бетонная дорожка и гараж из рифленого железа. И все же Бэббиту опять снилась юная волшебница, и сон его был поэтичнее алых пагод у серебряного моря.

Уже много лет юная волшебница являлась ему во сне. И если другие видели в нем только Джорджи Бэббита, для нее он был молод и отважен. Она ждала его в полутьме сказочных роц. И как только ему удавалось уйти от домашней толчеи, он мчался к ней. Жена, крикливые друзья — все пытались догнать его, но он убегал за легконогой подругой, и они садились отдохнуть на тенистом холме. Она была такая тоненькая, такая светлая, такая ласковая! Она уверяла его, что он веселый и храбрый, что она будет терпеливо ждать и они уплывут далеко-далеко...

Грохот и стук молочного фургона...

Бэббит застонал, повернулся на бок, пытаясь возвратиться в сон. Но ее лицо только на миг мелькнуло перед ним сквозь туманную мглу. Истопник грохнул дверью подвала. В соседнем дворе залаяла собака. И когда Бэббит снова погрузился в блаженную теплую волну, почтальон, посвистывая, прошел мимо парадного, и свернутый номер «Адвоката» со стуком полетел на пол у двери. Бэббит вздрогнул, с испугу у него сразу засосало в животе. И только он снова успокоился, его пронзил знакомый противный звук — рядом заводили форд: «пф-ф-у-у, пфф-у-у, пфф-у-у!» Бэббит — сам страстный автомобилист —

мысленно стал крутить ручку вместе с невидимым водителем, вместе с ним напряженно ждал, пока не загудит мотор, вместе с ним мучился, когда мотор заглох и снова пошло противное, въедливое «пф-ф-у-у, пф-ф-у-у», — звук был какой-то круглый, плоский, по-утреннему зябкий, доводящий до бешенства, неумолимый звук. И только когда нарастающий гул мотора сказал ему, что форд пошел, Бэббит с облегчением вздохнул, спокойно посмотрел на свое любимое дерево — ветви вяза четко выступали на позолоте неба — и стал на шаривать сон, как шарят в поисках снотворного. Он, который в детстве так доверчиво относился к жизни, теперь был почти равнодушен ко всем мыслимым и немыслимым происшествиям, которые ему сулил наступающий день.

И он снова ушел от действительности, пока в семь двадцать не зазвонил будильник.

Это был лучший из широко разрекламированных будильников серийного выпуска, со всякими новшествами, вроде колокольного звона, переменного боя и светящегося циферблата. Бэббит гордился тем, что его будит такой великолепный механизм. Это так же поднимало человека в глазах общества, как покупка самых дорогих шин для автомобиля.

С неохотой он признал, что выхода нет — надо вставать, но не встал, чувствуя, как ненавистна ему скучная и однообразная работа в конторе по продаже недвижимости, как противна семья и как он сам себе противен за то, что они ему противны. Накануне он до полуночи играл в покер у Верджила Гэнча, а после таких развлечений он всегда до завтрака бывал не в духе. То ли он выпивал слишком много пива, которое при сухом законе варили дома, и после пива выкуривал слишком много сигар, то ли ему бывало обидно возвращаться из хорошей, крепкой мужской компании в ограниченный мирок жен и стенографисток, где все время пристают, чтобы ты не курил так много.

Из спальни, выйдя на террасу, раздался до тошноты бодрый голос жены: «Пора вставать, Джорджи, милый!» — и этот зудящий звук, этот шорох и треск от вычесывания волос из жесткой щетки.

Он хрюкнул себе под нос, выпростал толстые ноги в младенчески-голубых пижамных брюках из-под армейского одеяла и сел на край

кровати, ероша растрепанные волосы и машинально нащупывая толстыми ступнями ночные туфли. С грустью он взглянул на плотное защитного цвета армейское одеяло — постоянное напоминание о свободе и героических приключениях. Одеяло было куплено для туристской вылазки, которая так и не состоялась. Оно стало заменой безудержного безделья, безудержного сквернословия и мужественных фланелевых рубашек.

С трудом разминая суставы, он поднялся на ноги и застонал от болезненной рези в глазах. И хотя он ждал, что приступ режущей боли может еще повториться, он все же обвел мутным взглядом свой дворик. И, как всегда, это доставило ему огромное удовольствие. Двор был вычищен и выскоблен, как положено двору преуспевающего зенитского коммерсанта, то есть это был превосходный двор, который вызывал у хозяина чувство собственного превосходства. Бэббит посмотрел на железный гараж и подумал, как думал триста шестьдесят пять раз в году: «Дешевка, куда она годится, эта жестянка? Надо будет выстроить хороший деревянный гараж. Но, честное слово, больше на участке ничего устаревшего нет!»

Глядя на свой гараж, он подумал, что в Глен-Ориоле, где он застраивал участки, нужен общественный гараж. Он перестал пыхтеть и поеживаться. Он упер руки в бока. Насупленное, опухшее от сна лицо вдруг стало решительным и твердым. Он сразу стал хозяином, дельцом, из тех, кто умеет планировать, управлять, добиваться своего.

И под воздействием этих мыслей он решительно зашагал по пустому, чистому, словно необитаемому, коридору в ванную.

Хотя дом был невелик, но, как во всех особняках Цветущих Холмов, ванная в нем была поистине королевская — сплошной фаянс, керамические плитки и блистающий серебром металл. Сушилка для полотенец была сделана из матового стекла, оправленного в никель. В ванне легко поместился бы прусский гвардеец, а над вделанным в стену умывальником красовались такие замысловатые и ослепительные приспособления для зубных щеток, бритвенных приборов, мыльниц и губок, такая потрясающая аптечка, что казалось, стоишь перед распределительным щитом электростанции. Но Бэббит, чьим идолом было Новейшее Оборудование, недоволю поморщился. Вся ванная пропахла какой-то мерзкой зубной пастой. «Опять Верона

за свое! Сколько раз я ее у-пра-ши-вал — покупай „Лилидол“! — а она опять притащила какую-то вонючую пакость, от которой тошнит...»

Циновка возле ванны смята, пол мокрый. У Вероны, его дочери, иногда появляется фантазия — принимать ванну рано утром! Он поскользнулся на циновке, ударился о ванну. «Черт!» — выругался он. Свирепо схватил крем для бритья, свирепо намылился, воинственно шлепая пенной кисточкой, и свирепо стал скрести толстые щеки безопасной бритвой. Бритва не шла. Лезвие притупилось. Он опять выругался: «О, ч-чч-черрт!»

Он долго искал в аптечке пачку новых лезвий и, как всегда, подумал: «Дешевле купить эту, как ее там, штуковину и самому править бритвы!» Найдя лезвия за круглой коробкой с содой, он мысленно осудил жену за то, что она их туда засунула, и похвалил себя за то, что удержался и не послал ее к черту. Но он тут же чертыхнулся вслух, пытаясь мокрыми, скользкими от мыла пальцами снять с нового лезвия эту гнусную обертку и плотную липкую вощанку.

Потом, как всегда, перед ним встала вечная и неразрешимая задача — куда девать старое лезвие, чтобы дети не порезали пальцы. И, как всегда, он забросил его на аптечку, напоминая себе, что непременно надо будет убрать все пятьдесят или шестьдесят лезвий, которые там уже накопились. Он кончил бриться, злясь на растущую головную боль, на пустоту в желудке. С влажным, гладким от бритья лицом, с горящими от мыльной воды глазами, он потянулся за полотенцем. — Все полотенца были мокрые насквозь, липкие, противные, он хватал их вслепую, перебирал: его личное полотенце, полотенце жены, Теда, Вероны, Тинки, купальная простыня с толстой меткой — все до одного мокрые! И тут Джордж Ф.Бэббит сделал ужасающую вещь — он утерся полотенцем для гостей. Тонкое, вышитое анютиными глазками, оно всегда висело в ванной, как доказательство того, что Бэббиты принадлежат к лучшему обществу Цветущих Холмов. Полотенцем этим никто никогда не пользовался. Гости и дотронуться до него не решались. Они украдкой вытирали руки концом какого-нибудь хозяйского полотенца.

Бэббит бушевал: «Безобразие, хватают все полотенца, ни одного, черт подери, не оставят, все мокрые, как губка, хоть бы догадались приготовить для меня сухое! Мучайся тут из-за них, понадобилось полотенце — и вот тебе! Честное слово, я единственный человек в

этом проклятом доме, который еще хоть как-то, будь я проклят, думает о других, один я понимаю, что другим тоже после меня придется пользоваться этой проклятой ванной, один я забочусь...»

Он швырял, эту мокрую мерзость в ванну, злорадно слушая, как полотенца уныло плюхаются на дно, но тут с безмятежным видом вошла его жена и безмятежно спросила:

— Джорджи, милый, что это ты затеял? Уж не хочешь ли ты стирать полотенца? Зачем тебе их стирать?.. Боже мой, Джорджи, неужели ты вытерся гостевым полотенцем?

Ответил он ей или нет — об этом история умалчивает.

Но впервые за много недель жена его настолько задела, что он даже посмотрел на нее.

Майру Бэббит, миссис Джордж Ф.Бэббит, — иначе, как перезрелой, назвать было трудно. От углов рта к подбородку шли морщинки, полная шея отвисла. Но больше всего ее возраст подчеркивало явное отсутствие стеснения перед мужем и то, что ее самое это ничуть не смущало. Сейчас она стояла перед ним в нижней юбке и корсете, из которого складками выпирало тело, и даже не замечала, что корсет ей тесен. Она настолько привыкла к семейной жизни, что при всей своей женственности стала бесполой, как бескровная монашка. Женщина она была добрая, славная, работающая, но никто, кроме, пожалуй, Тинки, их десятилетней дочери, не интересовался ею и даже не замечал ее существования.

После довольно придиричивого обсуждения полотенечного вопроса с обеих точек зрения — как семейной, так и общественной, — она попросила у Бэббита прощения за то, что у него с похмелья болит голова, а он настолько пришел в себя, что даже позволил ей поискать его сетчатую рубашку, которую, как он едко заметил, кто-то нарочно засунул под чистые пижамы.

Он совсем смягчился, когда стали обсуждать вопрос о его коричневом костюме.

— Так как же, Майра? — Он рылся в грудe одежды, брошенной на кресло в спальне, а Майра расхаживала по комнате, каким-то непонятным образом прилаживая и расправляя нижнюю юбку, и Бэббит смотрел на нее желчным взглядом — ему казалось, что она век

не кончит одеваться. — Надеть мне сегодня опять коричневый костюм или нет?

— Он тебе очень к лицу!

— Знаю, но, понимаешь, пора бы его выгладить.

— Это-то верно. Пожалуй, пора.

— Да, не мешает его выгладить, не мешает.

— Да, надо бы его отдать выгладить.

— Но пиджак-то можно не гладить! На кой же черт отдавать в глажку весь костюм, когда пиджак вовсе и не надо гладить.

— Правда, как будто незачем.

— Но брюки-то отгладить нужно, очень нужно. Ты только погляди — видишь, как они измялись. Нет, брюки обязательно надо отгладить.

— Да, надо. Слушай, Джорджи, а почему бы тебе не надеть к коричневому пиджаку те синие брюки, которые мы не знали, куда девать?

— Фу-ты господи! Да разве ты когда-нибудь в жизни видела, чтобы я надел брюки от одного костюма, а пиджак от другого? Кто я, по-твоему, такой? Проворовавшийся бухгалтер, что ли?

— Ну хорошо, а почему бы тебе не надеть сегодня темно-серый костюм, а по дороге занести портному коричневые брюки?

— Да, безусловно, не мешает их... а, черт, да где же этот серый костюм? Ага, вот он!

Дальше одеванье пошло уже гораздо быстрее и спокойнее.

Первым делом он натянул сетку-безрукавку, в которой он был ужасно похож на мальчишку, напялившего марлевые латы на школьном маскараде. Надевая сетчатое белье, Бэббит всегда благодарил бога Прогресса за то, что не носит длинного тесного старомодного белья, как его тесть и компаньон Генри Томпсон. Чтобы стать еще красивее, он расчесал и пригладил волосы. Лоб у него сразу стал огромным, дюйма на два выше линии, где когда-то начинались волосы. Но самое главное чудо сотворили с ним очки.

У каждой пары очков есть свой характер — и у важных роговых очков, и у скромного пенсне учителя, и у серебряной оправы старого фермера. Очки Бэббита представляли собой огромные круглые стекла без оправы, наилучшего качества, с тонкими золотыми дужками для ушей. В них он сразу становился современным дельцом, который отдает приказания клеркам, сам водит машину, любит поиграть в

гольф и по-научному решает проблемы Торговли. В очках он уже не походил на ребенка: сразу стало видно, какая у него крупная голова, какой широкий туповатый нос, прямой рот с длинной плотной верхней губой и слишком мясистый, но решительный подбородок. С достоинством, вызывавшим уважение, он заканчивал туалет и по всей форме превращался в Солидного Гражданина.

Его серый костюм был отлично скроен, отлично сшит и совершенно ничем не приметен. Это был стандартный костюм. Белый кант на жилетке придавал ему серьезность и значительность. Башмаки на Бэббите были черные, шнурованные, отличные башмаки, честные, стандартные башмаки, удивительно неинтересные башмаки. Единственное, в чем он позволил себе некоторое легкомыслие, — это темно-вишневый вязаный галстук. Сопровождая выбор галстука многословным комментарием, обращенным к миссис Бэббит (которая с акробатической ловкостью прикалывала сзади блузку к юбке английской булавкой и ни слова не слышала), он отдал предпочтение вишневому галстуку перед пестрым произведением искусства, где коричневые арфы без струн переплетались с пушистыми пальмами, и заколол выбранный галстук булавкой в виде змеиной головы с опаловыми глазами.

Чрезвычайным событием явилось переключивание всех вещей из карманов коричневого костюма в карманы серого. К своим вещам Бэббит относился серьезно. Он видел в них вечные ценности, такие же, как бейсбол или республиканская партия. Среди этих вещей были вечная ручка и серебряный карандаш, у которого всегда не хватало грифеля; носил он их в правом верхнем кармане жилетки. Без них он чувствовал бы себя просто голым. На часовой цепочке висел золотой перочинный ножик, серебряная машинка для сигар, семь ключей, из которых два — неизвестно откуда, и, кроме того, прекрасные часы. Сбоку при часах болтался большой желтоватый зуб лося — знак принадлежности к Благодетельному и Покровительственному ордену Лосей. Самым важным предметом, однако, был карманный блокнот, новейший деловой блокнот, где были записаны адреса давно позабытых людей и квитанции почтовых переводов, давным-давно полученных адресатами; там же лежали пересохшие марки, вырезки со стихами Т.Чамондли Фринка и газетными передовицами, из которых Бэббит черпал и свои политические убеждения, и набор ученых слов;

кроме того, там были записки с напоминанием — сделать то, чего он никогда делать не собирался, и, наконец, красовалась непонятная запись — Д.С.С. Д.М.У. П.Д.Ф.

Однако портсигара у Бэббита не было. Никто не догадывался презентовать ему портсигар, поэтому он привык обходиться без него и всех, кто имел портсигары, считал неженками.

После всего он воткнул в петлицу значок клуба Толкачей. С лаконичностью, присущей великому искусству, на значке было выбито всего два слова: «Толкай вперед!» Благодаря этому значку Бэббит чувствовал себя честным человеком, значительным человеком. Значок связывал его с Хорошими Людьми, с людьми порядочными, приятными, имевшими вес в деловых кругах. Значок заменял ему Крест Виктории, ленточку Почетного легиона, эмблему студенческой корпорации.

К сложности одевания примешивались и другие заботы.

— Мне нынче что-то не по себе, — сказал он. — Должно быть, слишком плотно пообедал. И зачем ты подаешь эти жирные оладьи с бананами?

— Но ты же сам просил!

— Мало ли чего... Когда человеку за сорок, он должен следить за пищеварением. Сколько людей пренебрегают своим здоровьем! Говорю тебе: после сорока — ты дурак, если сам не врач — я хочу сказать, если ты сам себе не врач. Слишком мало обращают внимания на диету. А по-моему... ну конечно, после работы человеку надо поесть как следует, но нам с тобой не вредно бы завтракать второй раз полегче.

— Что ты, Джорджи, я и так всегда ем дома самые легкие завтраки!

— Намекаешь, что я на службе жру как свинья? Да, там поешь, как же! Ты бы не то запела, если бы тебе пришлось есть пакость, которую нам подают в Спортивном клубе! А сегодня утром мне было по-настоящему плохо. Какая-то странная боль с левой стороны — нет, это все-таки не аппендицит, как по-твоему? А вчера вечером, когда я ехал к Верджу Гэнчу, у меня что-то и желудок побаливал. Вот тут, в этом месте — такая, знаешь, острая, внезапная боль... Куда я девал эту монетку?.. Слушай, почему ты так редко подаешь к завтраку чернослив? Конечно, вечером я съедаю яблоко — как говорится, «по

яблоку на день, и доктор не надобен», — но все-таки обязательно следовало бы подавать чернослив вместо всякой этой стряпни.

— В прошлый раз, когда подали чернослив, ты к нему и не притронулся.

— Что ж, значит, не хотелось! Впрочем, я все-таки как будто съел несколько штук. В общем, повторяю, все это очень существенно. Вот вчера я так и говорил Верджу Гэнчу: не умеют люди заботиться о пищеваре...

— Позовем Гэнчей к нам обедать на той неделе?

— Непременно, еще бы!

— Тогда вот что, Джордж, очень прошу тебя — надень к обеду новый смокинг.

— Чушь! Кто это придет в парадном костюме?

— Все придут! Помнишь, как ты не надел смокинг к ужину у Литтлфилдов, а все другие пришли разодетые; вспомни, как неловко ты себя чувствовал.

— Еще чего — неловко! Ничуть не бывало! Все знают, что я могу напялить эти «хвосты» не хуже других, чего же мне стесняться? И вообще, все это дурацкие выдумки. Вам, женщинам, хорошо — крутитесь дома целый день, а если человек работает как проклятый с утра до вечера, зачем ему забивать себе голову, ходить переодеваться во всякие брюки-фраки — и для кого, спрашивается? Для людей, которых он в тот же день видел в самом обыкновенном платье.

— Неправда, ты любишь хорошо одеться. Позавчера ты мне сам сказал спасибо за то, что я тебя уговорила надеть фрак. Говорил, что чувствовал себя гораздо лучше. И вот еще что, Джорджи, пожалуйста, не называй вечерний костюм «хвосты». Надо говорить «фрак» или «смокинг».

— Чушь! Не все ли равно!

— Во всяком случае, воспитанные люди так не говорят! Представь себе, вдруг Люсиль Мак-Келви услышала бы, как ты говоришь «хвосты»!

— Ладно, прекратим этот разговор! Люсиль Мак-Келви мне не указ! Родные у нее не бог весть кто, хоть ее муж и папаша теперь миллионеры. Может, ты хочешь подчеркнуть, что ты из благородных? Так вот, разреши тебе напомнить, что ивой уважаемый предок, Генри Т., даже не говорит просто «хвосты», а обязательно скажет

«длиннохвостый пиджак для бесхвостых обезьян», а на него самого такой пиджак ни за какие деньги не напялишь — разве что под хлороформом.

— Фу, какой ты грубый. Джордж, перестань!

— Я и не собирался тебе грубить, но, ей-богу, ты стала придираться — совсем как Верона. Стоило ей окончить колледж, как житья не стало от ее кривляний — сама не знает, чего ей надо, — но я-то знаю! Хочет выйти замуж за миллионера и жить в Европе, якшаться там со всякими проповедниками, а вместе с тем, видите ли, ей хочется сидеть дома, в Зените, и стать каким-нибудь идиотским агитатором у социалистов или командовать благотворительными комитетами — словом, чушь собачья! А Тед, тот еще хуже! То он поступает в колледж, то нет. Из них троих одна Тинка знает, чего ей надо. Просто не понимаю, как это у меня выросли такие бездельники, как Тед и Рона. Конечно, может, я сам не какой-нибудь Рокфеллер или Джеймс Д.Шекспир, но я-то знаю, чего хочу, работаю у себя в конторе, добиваюсь... А ты слыхала последнюю новость? Насколько я понимаю, у Теда новый заскок — решил стать киноактером... Я ему сто раз повторял: если он пойдет в колледж, а потом в юридический институт и хорошо окончит, я ему помогу открыть собственную контору! А Верона? Сама не знает, чего ей надо! Ну, что же ты? Идем завтракать, уже минуты три прошло, как прислуга звонила!

Прежде чем пройти за женой в столовую, Бэббит остановился у крайнего западного окна спальни. Цветущие Холмы, резиденция богатых людей, возвышались над городом, и хотя центр находился в трех милях, — в Зените уже насчитывалось около четырехсот тысяч жителей, — Бэббиту был отлично виден Второй Национальный банк — тридцатипятиэтажная башня из индианского камня.

Сверкающие стены, увенчанные простым куполом, вздымались в апрельское небо, как сноп ослепительного света. Здание было воплощением цельности, целеустремленности. Как великан войн, оно легко несло свою силу. И пока Бэббит глядел на башню, на лице его сглаживались следы раздражения, и в благоговейном созерцании он поднял безвольно опущенный подбородок. Он только пробормотал: «Одно удовольствие смотреть!» — но город вдохновлял его своим

ритмом, и смотрел он на него с любовью. Башня небоскреба казалась ему колокольной храма, где ту религию, имя которой — Бизнес, исповедовали с верой страстной и возвышенной, доступной лишь посвященным. И, входя в столовую, он мурлыкал припев старой песни: «Та-ра-ри-ра, та-ра-ти-та!» — как будто это был гимн, грустный и торжественный.

2

Когда умолкло ворчание Бэббита и невнятное похмыкивание его жены, которым она выражала сочувствие, — хотя долгий опыт отучил ее сочувствовать, но зато еще более долгий опыт приучил всегда поддакивать, — их спальня сразу стала безличной, похожей на все другие спальни.

Комната эта выходила на закрытую веранду. В спальне они оба одевались, а в холодные ночи Бэббит с наслаждением отказывался от всякой закалки на веранде и забирался в свою кровать в спальне, сворачиваясь калачиком в тепле и подсмеиваясь над январскими холодами.

Спальня была выдержана в приятных мягких тонах и обставлена по стандартным эскизам одного из лучших декораторов, который «отделывал» почти все собственные дома в Зените. Серые стены с белыми окнами и дверями, ковер спокойного голубоватого оттенка, вся мебель — под красное дерево, шкаф с огромным шлифованным зеркалом, туалет миссис Бэббит со всякими принадлежностями чуть ли не из чистого серебра, гладкие одинаковые кровати, между ними — ночной столик со стандартной ночной лампочкой, стаканом для воды и стандартной книжкой для чтения на ночь с множеством цветных иллюстраций — какая это была книга, сказать трудно, так как никто никогда ее не открывал. Матрацы были упругие, но не жесткие, отличные матрацы новейшего фасона, и притом очень дорогие; радиаторы центрального отопления были точно рассчитаны по кубатуре спальни. Широкие окна легко открывались, запоры и шнуры на них были наилучшего качества, а полотняные шторы не пропускали света. Это была образцовая спальня, прямо из каталога «Новейший уютный дом для семьи со средним достатком». Но спальня эта существовала безотносительно к Бэббитам и вообще к кому бы то ни было. И если люди в ней жили и любили, читали на ночь увлекательные романы или блаженно бездельничали утром по воскресеньям, то на комнате это никак не отразилось. У нее был вид очень хорошего номера в очень хорошем отеле. Казалось, что сейчас войдет горничная, уберет ее для людей, которые останутся тут всего на

одну ночь, а потом уйдут, даже не оглянувшись, и никогда о ней не вспомнят.

И в каждом втором доме на Цветущих Холмах была точно такая же спальня.

Дом, где жили Бэббиты, был выстроен пять лет назад. Он весь был такой же удобный и такой же вылощенный, как спальня. Здесь все было выдержано в лучшем вкусе, — самые лучшие недорогие ковры, самая простая и добротная планировка, самые новейшие удобства. Везде электричество заменяло свечи и грязные каминные. В спальне было три штепселя для ламп, скрытые крошечными медными дверцами. В коридоре были специальные штепсели для пылесосов, а в гостиной — для торшера и для вентилятора. В нарядной столовой (с отличным дубовым буфетом, стеклянной горкой, кремовыми стенами и скромной картиной, изображающей лосося при последнем издыхании рядом с горой устриц) тоже были специальные штепсели для электрического кофейника и электротостера.

В сущности, у дома Бэббитов был только один недостаток: в нем не было домашнего уюта.

По утрам Бэббит обычно выходил к завтраку оживленный, с веселой шуткой. Но сегодня, неизвестно отчего, все шло вкривь и вкось. Величественно прошагав по коридору, он заглянул в комнату Вероны и возмутился: какой смысл создавать для своей семьи первоклассный дом, когда они ничего не ценят, не желают заниматься делом, вести себя по-человечески!

Все семейство уже собралось. Верона — толстенькая темноволосая девушка двадцати двух лет, только что окончившая Бринморский колледж и вечно занятая проблемами долга, религии, пола и заботой о том, что на ней так плохо сидит ее серый спортивный костюм; Тед — Теодор Рузвельт Бэббит, красивый семнадцатилетний мальчик, и Тинка — Кэтрин — совсем еще ребенок в свои десять лет, ярко-рыжая, с прозрачной кожей, по которой сразу было видно, что девочка ест слишком много конфет и мороженого. Бэббит вошел в столовую шумно, но ничем не выказал раздражения. Он никак не хотел быть тираном в своей семье и ворчал на них без всякой злобы, хотя и весьма часто. Тинке он, как всегда, крикнул: «Здравствуй, тяпа-ляпа!» Это

было единственное ласковое словечко в его словаре (не считая обращений «дорогая» и «душенька», которые относились к жене), и каждое утро он приветствовал Тинку этим восклицанием.

Первую чашку кофе он проглотил залпом, надеясь, что душа и желудок сразу успокоятся. Желудок и вправду перестал казаться чужим, но тут Верона начала какой-то сугубо «душеспасительный» и нудный разговор, и сразу к Бэббиту вернулись все те сомнения, касавшиеся жизни вообще, и семьи, и работы, которые грызли его с утра, когда отошел сон и улетела тоненькая юная волшебница.

Вот уже полгода, как Верона служит регистраторшей в конторе кожевенной компании Грюнсберга, в надежде стать секретаршей самого мистера Грюнсберга, и Бэббит всегда твердил: «Пока ты не вышла замуж и не устроилась, пусть будет хоть какой-нибудь прок от твоего высшего образования, которое стоило таких денег».

И вдруг Верона заявляет:

— Знаешь, отец, я говорила со своей подружкой по колледжу, она работает в Объединении благотворительных обществ — ах, папочка, ты бы посмотрел, каких чудных ребятишек приносят на молочную кухню! — так вот я считаю, что мне тоже надо заняться чем-нибудь таким, стоящим!

— То есть как это «стоящим»? Если ты станешь секретаршей Грюнсберга, — а ты бы наверно добилась этого, если б побольше занималась стенографией и не бегала каждый вечер по всяким концертам и собраниям, — ты увидишь, что тридцать пять — сорок монет в неделю — очень «стоящее» дело!

— Знаю, но — ммм — видишь ли, мне так хочется — ну... приносить пользу, например, работать где-нибудь в рабочем районе, в многоквартирном доме. Вот если бы мне разрешили создать при каком-нибудь большом универмаге специальный отдел обслуживания с бесплатной комнатой отдыха, уютно ее обставить — пестрый ситец, плетеные кресла, ну и все, что полагается... И еще я могла бы...

— Постой, постой! Первым делом пойми, что всякие эти благотворительные выдумки и все эти просвещения-развлечения, рабочие кварталы и прочая мура — просто лазейка для социализма, и больше ни черта! А чем скорее человек поймет, что никто с ним нянчиться не будет и даром кормить его тоже не станут и никаких бесплатных лекций и всяких там штучек для детей ему тоже никто не

даст, если он сам не заработает, — чем скорее, говорю, он это поймет, тем скорее найдет себе работу и будет давать продукцию, да, продукцию, понимаешь, дело делать! Вот что нужно стране, а не эти выдумки, от которых рабочий человек становится тряпкой, а его ребята начинают воображать бог знает что и хотят стать выше своего класса. А ты — лучше бы ты делом занялась, вместо того чтобы тратить время на глупости! Когда я был молодым, я точно знал, чего хочу, и добивался изо всех сил, несмотря ни на что, вот почему я и стал тем, что я есть, и... ох, Майра! Зачем ты позволяешь прислуге резать хлеб на гренки такими мелкими кусками? В руки не возьмешь! Да еще подает холодные!

Тед Бэббит, ученик знаменитой ист-сайдской школы, все время пытался прервать разговор негромким покашливанием, похожим на икоту. Наконец он не выдержал:

— Слушай, Рона, ты поедешь...

Верона так и подскочила:

— Тед! Сколько раз тебя просили не прерывать, когда у нас с отцом серьезный разговор!

— Э, чушь! — свысока бросил Тед. — С тех пор как тебе по ошибке дали этот вонючий диплом, ты такая стала заноза — с утра до вечера готова лопотать глупости про то и про се, и так далее, и тому подобное. Ты поедешь сегодня... словом, вечером я беру машину!

Бэббит возмутился: «Беру!» Скажите! Может, она мне самому нужна!» Верона вспыхнула: «Беру!» — ишь какой умник выискался! Я сама возьму машину — и все!» Тинка пропищала: «Папочка, ты же обещал повезти нас в Роздейл!» — но тут вмешалась миссис Бэббит: «Осторожней, Тинка, рукав в масле!» Все сердито смотрели на Теда, Верона крикнула: «Ты просто свинья, Тед, машина не твоя!»

— Ах, а ты не свинья, о нет! — Тед своим высокомерным тоном мог привести в бешенство кого угодно. — Ты просто хочешь захватить машину сразу после обеда, а потом она весь вечер будет стоять у дома какой-нибудь твоей куклы, пока вы с ней треплетесь про литературу и про то, за каких ученых пшютов вы выйдете замуж, — если только вас кто-нибудь возьмет!

— Нет, папа, не позволяй ему брать машину! Ты с твоими Джонсами гоняешь как сумасшедший! Как ты смел поворачивать на площади при такой скорости — сорок миль в час!

— С чего ты взяла? Сама так боишься машины, что даже в гору едешь, вцепившись в ручной тормоз!

— Неправда! Ты сам вечно хвастаешь, что знаешь машину вдоль и поперек, а Юнис Литтлфилд говорит, что ты сказал, будто батарея питает генератор!

— Ну, милая моя, ты бы молчала! Генератор от дифференциала отличить не можешь!

Тед не зря так презирал сестру. Он был прирожденным механиком, вечно ковырялся в машинах, что-то изобретал, «и лепетом детским ему был чертеж».

— Перестаньте! — машинально остановил их Бэббит, с наслаждением затягиваясь первой утренней сигарой и упиваясь увлекательными заголовками «Адвокат-таймса».

Тед пытался уговорить сестру:

— Слушай, Рон, ей-богу, мне не нужна эта старая калоша, но я обещал девчонкам из нашего класса отвезти их на репетицию школьного хора, клянусь тебе, мне самому неохота, но раз джентльмен дал слово, он обязан его сдержать!

— Ну, знаешь! Тоже, нашелся джентльмен! Еще из школы не вылез!

— Скажи пожалуйста! Окончила какой-то курятник — и воображает! Разреши тебе сказать, что во всем штате нет ни одной частной школы, где учились бы такие классные ребята, как у нас в Гамма Дигамма. У двоих мальчиков отцы — миллионеры! Ей-богу, мне пора иметь свою машину, как у других ребят!

Бэббит даже подскочил на месте:

— Свою машину? Может быть, тебе подавай и яхту, и особняк с садом? Какое нахальство! Мальчишка, по латыни провалился, не то что другие мальчики, — и смеет требовать машину! Может, тебе нужен еще и шофер и самолет? Еще бы! Он, бедняга, так работает, ему так трудно бегать в кино с Юнис Литтлфилд! Вот я тебе покажу машину...

Но Тед, пустив в ход всю свою дипломатию, заставил Верону сознаться, что она просто собирается в манеж смотреть выставку кошек и собак. Тед предложил ей остановиться напротив выставки, у кондитерской, где он и заберет машину. Они долго договаривались, где оставить ключи и кто зальет бензин, и до того доходила их беззаветная

преданность Великому Богу Автомобилю, что они воспевали даже заплатку на запасной камере, даже потерянную ручку от завода.

Но после такого перемирия Тед заявил, что все ее подружки «кривляки, дуры, задавалы, каких свет не видал, вруньи и вообще троило». На это Верона заметила, что его товарищи «противные нахалы, а девчонки — омерзительные визгливые идиотки».

— А на тебя глядеть тошно, свинство, что ты куришь и вообще... Смотри, как ты одет, просто смешно и противно — честное слово, противно до невозможности!

Тед враскачку подошел к длинному зеркалу буфета, полюбовался своей красотой и расплылся в довольной улыбке. Костюм на нем был самым последним криком моды: в пеструю клетку, брючки в обтяжку, не доходившие до ярко-желтых, начищенных до блеска башмаков, кургузый пиджачок с узкой, как у танцора, талией и пояском сзади, который ничего не подпоясывал. Вместо галстука на шею было намотано широченное кашне из черного шелка. Льяные волосы, напомаженные до зеркального блеска, были гладко зачесаны назад, без пробора. Уходя в школу, Тед надевал кепку с длинным козырьком, напоминавшим лопату. Но его гордостью была жилетка — сколько он ее вымаливал, выпрашивал, сколько копил на нее! Жилетка была наимоднейшая — коричневая, в бледно-алую крапинку, с невероятно длинными концами. На самом краешке выреза были приколоты значки школы, класса и корпорации.

Впрочем, все это никакого значения не имело. Мальчик он был складный, ловкий, пышущий здоровьем. Хоть он и считал, что у него «взгляд циника», — глаза у него были чистые и живые. Правда, особой душевной чуткостью он не отличался. Вот и сейчас он сделал ручкой бедной коротышке Вероне и протянул:

— Да, мы для вас, конечно, смешноватые и противноватые, и наш новый галстук — просто тряпка!

— Вот именно! — прикрикнул на него Бэббит. — А кстати, раз ты так собой любишься, разреши тебе напомнить, что твоя мужественная красота только выиграет, если ты вытрешь рот — у тебя все губы в яичнице!

Верона захихикала, чувствуя себя на миг победительницей в самой жестокой из жестоких войн — в семейной войне. Тед посмотрел на нее безнадежным взором и вдруг заорал на Тинку:

— Поставь сейчас же сахарницу! Ты весь сахар высыплешь себе в тарелку!

Когда Верона с Тедом ушли, а Тинка поднялась наверх, Бэббит заворчал на жену:

— Да, скажу я тебе, милые детки! Не говорю, что я сам — кроткий ягненок, может быть, я тоже за завтраком ершусь, но я не могу выносить, как они трещат, трещат без умолку — сил нет! Честное слово, хочется забраться куда-нибудь, где тихо, спокойно. Ты думаешь, легко, когда человек всю жизнь только и старается дать детям образование, устроить их, а они целыми днями грызутся, как стая гиен, нет того, чтобы... Ого, любопытная штука! Слушай, в газете пишут... да чего они там орут? Ты видела газету?

— Нет, милый! — За двадцать три года замужней жизни миссис Бэббит просматривала газету раньше своего мужа всего каких-нибудь шесть-семь раз.

— Интересные новости. Страшная буря на Юге. Да, плохо, не повезло беднягам! Ого, слушай, вот это здорово! Только начать, а там их живо прикончат: «Законодательное собрание штата Нью-Йорк провело несколько постановлений, согласно которым социалисты будут поставлены вне закона». В Нью-Йорке забастовали лифтеры, и студенты встали вместо них на работу. Молодцы! А на митинге в Бирмингеме требовали, чтобы этот ирландец, этот чертов агитатор, де Валера, был выслан вон. И правильно, черт возьми! Все эти агитаторы подкуплены немецким золотом! И не наше дело вмешиваться в дела Ирландии, да и вообще в чужие дела. Надо держаться в стороне — и все! Ага, из России идут вполне достоверные слухи, будто бы Ленин скончался. Что ж, посмотрим. Я вообще не понимаю, почему мы не вмешаемся и не вытурим этих большевиков!

— Верно, — сказала миссис Бэббит.

— И дальше пишут — недавно один мэр приступил к исполнению обязанностей в рабочем комбинезоне. Да притом он еще проповедник! Что ты на это скажешь?

— М-мм-да!

Бэббит и сам не знал, как к этому отнестись: то, что он был членом республиканской партии, пресвитерианцем, завсегдаем собраний ордена Лосей и маклером по продаже недвижимости, еще не давало никаких указаний, как относиться к проповеднику, выбранному в мэры

города. Поэтому он только фыркнул и продолжал читать газету вслух. Жена смотрела на него сочувственно, но ничего не слушала. Потом она сама прочитает заголовки, светскую хронику и рекламы универмагов.

— Нет, ты только послушай! Чарли Мак-Келви — опять в роли светского льва! Слушай, что эта сплетница-репортерша пишет про вчерашний вечер:

«Никогда члены Общества — с самой, самой большой буквы! — не чувствовали себя более польщенными, чем получив приглашение на вечер в изысканную и гостеприимную резиденцию мистера и миссис Чарльз Л.Мак-Келви, на бал, состоявшийся вчера вечером. Супруги Мак-Келви живут в одном из живописнейших поместий, раскинувшихся среди обширных лужаек и садов, украшающих Ройял-ридж, и этот дом славится не только своей красотой, но и радушным, веселым уютом, несмотря на мощные каменные стены и просторные покои с пышной изысканной обстановкой. Вчера в этом прекрасном доме был дан бал в честь знатной гостьи миссис Мак-Келви — мисс Дж.Снитс из Вашингтона. Огромный холл столь вместителен, что его без труда превратили в великолепный бальный зал, и танцующие пары блистательной феерией отражались в зеркале сверкающего паркета. Но даже прелесть танцев меркла перед соблазном интимных *tete-a-tete*'ов^[1], и душа влеклась в укромную тишину громадной библиотеки, к средневековому камину или в уют гостиной с ее глубокими, мягкими креслами и затененными торшерами, словно созданными для лукавых намеков и нежных перешептываний *a-deux*^[2]. Некоторых тянуло в бильярдную где, взяв кий в умелые руки, можно было проявить свое мастерство и в другой игре, несхожей с играми Амура и Терпсихоры».

Дальше все шло в том же духе, в самом вдохновенно-изысканном стиле, каким только владела мисс Эльнора Пэрл Бэйтс — репортер светской хроники «Адвокат-таймса». Но Бэббит не выдержал. Он читал и фыркал. Он смял газету. Он возмутился.

— Это уж слишком! Конечно, я не отрицаю, что Чарли Мак-Келви умеет жить. Я его знаю, вместе учились, он был таким же голодранцем, как мы все, а потом заработал миллион чистоганом на подрядах, хотя жульничал и давал взятки городским чинам не больше, чем следовало. И дом у него хороший — хотя никаких «мощных

каменных стен» там нет, и он не стоит тех девяноста тысяч, которые Чарли за него выложил. Но мне надоела эта болтовня, будто Чарли Мак-Келви и вся его пьяная компания чуть ли не... чуть ли не Вандербильды, ей-богу!

— Все-таки хотелось бы побывать у них в доме, — робко заметила миссис Бэббит. — Наверно, красиво. Я никогда там не была.

— А я часто бывал, верней, раза два-три. Заходил к Чарли по делу. Ничего особенного там нет. И я ни за что не пошел бы к ним обедать в компании со всякими... со всякими великосветскими олухами. Держу пари, что я больше зарабатываю, чем эти... эти прыгуны, которые только и знают, что напяливать фраки, а у самих приличной пары белья за душой нет. Ого! Послушай! Что ты на это скажешь?

Но миссис Бэббит вполне равнодушно прослушала объявление из «Адвокат-таймса» о продаже недвижимости:

Аштабула-стрит, 496. Дж.К.Доусон — Томасу Маллэли,
17 апреля, площ. 17,7 на 112,2 оцен. 4000 нал.

Правда, в это утро Бэббит слишком нервничал и не стал занимать супругу выдержками из объявлений о банковских ссудах, просрочке заданных и заключении контрактов. Он встал из-за стола. И когда он посмотрел на жену, его брови как будто взлохматились еще больше обычного.

— Да, — сказал он вдруг, — может, и вправду глупо не поддерживать отношений с такими людьми, как Мак-Келви. Не пригласить ли нам их как-нибудь пообедать? Нет, к черту, не стоит перед ними пресмыкаться! Наша компания во сто раз веселей всех этих плутократов! Возьми хоть себя — настоящий живой человек, а не кривляка-неврастеничка вроде Люсиль Мак-Келви — одни ученые разговоры, и разряжена, как цирковая лошадь! Ты у меня душенька!

И чтобы замять неожиданное проявление чувств, он добавил:

— Ради бога, не позволяй Тинке объедаться ореховой халвой! Это для нее — яд! Не давай ты ей портить желудок, ради Христа! Сколько раз я говорил — люди не понимают, как важно иметь хорошее пищеварение и регулярный стул. Ну, я вернусь, как всегда.

Он поцеловал ее, вернее, не поцеловал, а приложился неподвижными губами к ее холодной щеке. И, уходя в гараж, пробормотал:

— Ну и семейка, прости господи! Теперь Майра из меня душу вымотает за то, что мы не якшаемся с этими миллионеришками! Эх, удрать бы от всего на свете! В-конторе тоже забот и хлопот не оберешься. Поневоле взбесишься — доводят... Ох и устал же я...

3

Для Джорджа Ф.Бэббита, как и для большинства преуспевающих граждан города Зенита, собственный автомобиль был поэзией и драмой, страстью и героизмом. Контора была для него пиратским кораблем, поездка в автомобиле — опасной вылазкой на берег.

Самым решительным из всех решительнейших моментов дня был момент, когда заводилась машина. В холодное утро она заводилась плохо: жалобно и долго гудел стартер, время от времени приходилось подсасывать бензин, и это было настолько увлекательно, что во время завтрака Бэббит рассказывал о каждой капле истраченного бензина и вслух подсчитывал, во что эта капля ему обошлась.

В это утро он смутно ждал, что все пойдет не так, и был несколько обескуражен, когда зажигание легко и сразу включилось и машина даже не задела дверную раму, исцарапанную и ободранную крыльями, которые столько раз цеплялись, когда Бэббит выводил машину из гаража. Он даже растерялся. Оттого он и крикнул Сэму Доппелбрау «доброе утро!» гораздо приветливей, чем хотел.

Зеленый с белым дом Бэббита, построенный в голландском колониальном стиле, вместе с двумя другими занимал целый квартал на Чэтем-роуд. Слева от него проживал мистер Сэмюэл Доппелбрау — новый помощник директора процветающей фирмы санитарного оборудования. Дом у него был удобный, без всяких претензий — большой, бревенчатый, с низким мезонином и широкой верандой блестящего ярко-желтого, как яичный желток, цвета. Бэббит неодобрительно называл мистера и миссис Доппелбрау «богемой». Из этого дома далеко за полночь слышались музыка и непристойный смех, среди соседей ходили слухи о контрабандном виски и веселых катаньях на машинах. Об этой семье Бэббит любил вести долгие разговоры по вечерам, безапелляционно заявляя:

— Я не святоша и не возражаю, если человек изредка выпьет стаканчик-другой, но когда люди позволяют себе бог знает что и думают, что им все сойдет с рук, — этого я не терплю!

По другую сторону от Бэббитов жил Говард Литтлфилд — доктор философии. Его дом был последним словом архитектуры — нижний

этаж из темно-красного матового кирпича с застекленным портиком, верх светло оштукатурен под мраморную крошку, крыша из красной черепицы. Литтлфилд был Великим Ученым этих мест, авторитетом по части чего угодно, кроме автомобилей, детей и кухни. Он получил звание бакалавра искусств при Бюджетском колледже и доктора философии — при экономическом факультете Йельского университета. Он служил директором-распорядителем и заведующим отделом рекламы зенитского акционерного общества городского транспорта. Он мог, если предупредить его не позже чем за десять часов, выступить перед собранием членов городского муниципалитета или перед сенатом штата и доказать абсолютно точно, с цифрами в руках и примерами из истории Польши и Новой Зеландии, что акционерное транспортное общество обожает своих акционеров и нянчится со своими рабочими, что всеми акциями общества владеют только вдовы и сироты и что все его начинания благотельствуют домовладельцев, повышая ценность квартир, а беднякам помогают, снижая квартирную плату. Все знакомые обращались к Литтлфилду, когда им нужно было узнать год битвы при Сарагосе, значение слова «саботаж», будущий курс германской марки, перевод латинской фразы «hinc illae lacrimae»^[3] или количество производных антрацитовой смолки. Он вызывал глубочайшее уважение Бэббита, когда признавался ему, что часто сидит по ночам, разбираясь в цифрах и примечаниях к отчетам конгресса или просматривая (с легкой иронией по адресу невежественных авторов) последние книги по химии, археологии и ихтиологии.

Но главным образом Литтлфилд всем служил примером высокой религиозности и морали. Несмотря на свои необычайные познания, он был столь же строгим пресвитерианцем и столь же непоколебимым республиканцем, как Джордж Ф.Бэббит. И он поддерживал в деловых людях их веру. Эту их инстинктивную, горячую веру в то, что их коммерческая система и личное поведение — верх совершенства, доктор Литтлфилд подкреплял и доказывал ссылками на историю, экономику и на исповеди раскаявшихся радикалов.

Бэббит искренне гордился, что живет по соседству с таким ученым мужем и что Тед дружит с Юнис Литтлфилд. Хотя в шестнадцать лет Юнис не интересовалась никакой статистикой, кроме возрастов и

окладов кинозвезд, она все же, как подчеркивал Бэббит, «была дочерью своего отца».

Разница между таким легкомысленным типом, как Сэм Доппелбрау, и таким поистине превосходным человеком, как Литтлфилд, сказывалась и на их внешности. В сорок восемь лет Сэм выглядел непозволительно молодо. Он всегда носил котелок на затылке, и его красное лицо вечно морщилось от бессмысленного смеха. Доктор Литтлфилд в сорок два года выглядел стариком. Он был высокий, широкоплечий, толстый. Казалось, очки в золотой оправе тонут в глубоких складках его длинного лица. Надо лбом вздымалась черная лохматая копна сальных волос. Беседуя с кем-нибудь, он пыхтел и мычал. Значок университетской корпорации Фи Бета Каппа сверкал на грязноватом черном жилете. Пахло от Литтлфилда застарелым табаком, и во всем его облике вообще было что-то похоронное и церковное: рядом с посредником по продаже недвижимого имущества и агентом по распространению санитарного оборудования он излучал какой-то дух святости.

В это утро он стоял перед своим домом, разглядывая газон между мостовой и широкой асфальтированной дорожкой. Бэббит остановил машину и, высунувшись, крикнул: «Доброе утро!» Литтлфилд вразвалку подошел к нему и поставил ногу на подножку машины.

— Славное утро! — сказал Бэббит, незаконно рано закуривая вторую сигару за этот день.

— Да, утро действительно хорошее! — отозвался Литтлфилд.

— Весна уже совсем близко!

— Да, теперь уже совсем весна! — подтвердил Литтлфилд.

— А ночи по-прежнему холодные. Сегодня пришлось взять на веранду запасное одеяло.

— Да, сегодня ночью было не слишком тепло, — согласился Литтлфилд.

— Но, пожалуй, больше настоящих холодов не будет.

— Пожалуй, нет, хотя в Тифлисе, штат Монтана, вчера шел снег, — изрек Ученый Муж. — Помните, три дня назад-на Западе была сильная буря, в Грили, штат Колорадо, выпало до тридцати дюймов снега, а два года назад и у нас, в Зените, двадцать пятого апреля была настоящая пурга!

— Что вы говорите! Слушайте, друг, а какого вы мнения о республиканском кандидате? Кого выдвинут в президенты? Не думаете ли вы, что нам давно необходимо иметь по-настоящему деловое правительство?

— По моему мнению, стране прежде всего и в первую очередь нужно хорошее, здоровое, деловое управление. Нам... м-mmm-м... больше всего необходимо, так сказать, деловое правительство!

— Рад слышать это! Очень-очень рад слышать это от вас! Не знал, как вы к этому относитесь, все-таки вы связаны с учеными кругами и так далее, но я рад, что вы отнеслись к этому именно так. Стране нужнее всего, именно в данное время, не ученый президент и не возня со всякими международными вопросами, а настоящее, крепкое, деловое экономическое руководство, которое даст нам возможность повысить наши обороты.

— Правильно. Обычно забывают, что даже в Китае в последнее время ученые уступают дорогу более практическим деятелям, и, конечно, вы сами понимаете, что из этого следует.

— Что вы говорите! Как интересно! — вздохнул Бэббит. На душе у него стало гораздо легче, гораздо спокойней за весь ход мировых событий. — Всегда рад перекинуться с вами словечком. А теперь мне пора в контору, надо облапошить двух-трех клиентов! Всего лучшего, старина! Вечерком увидимся! До скорого свидания!

Да, немало они поработали, эти уважаемые граждане. Двадцать лет назад высокий склон, где теперь вырос район Цветущие Холмы — с новыми домами, безукоризненными газонами и потрясающим комфортом, — был покрыт буйной порослью самосева — тополями, кленами, дубами. И посейчас на вытянутых по струнке улицах встречались незастроенные, заросшие лесом участки и остатки одичалых садов. Утро было ослепительное; распускающиеся листья яблонь горели на ветвях зеленоватыми огоньками. По овражкам белели первые лепестки цветущих вишен и заливались малиновки.

Бэббит вдыхал запах земли, улыбался сумасшедшим руладам малиновок, как улыбался бы играющим котяткам или смешному кинофильму. С виду он был стандартным дельцом, едущим в свою контору, — упитанный, в корректной темно-коричневой шляпе и в

очках без оправы, он вел отличную машину по загородной аллее, куря огромную сигару. Но в нем жила неподдельная любовь к своему кварталу, своему городу, к своим близким и друзьям. Кончилась зима, пришло время строить, наблюдать, как растут дома, а для него это было счастьем. Вся утренняя хмурь прошла, и в самом бодром и веселом настроении он остановился на Смит-стрит, чтобы занести портному коричневые брюки и заправить машину у бензоколонки.

Привычная процедура еще больше подняла настроение: приятно было смотреть на высокую красную бензоколонку, на изразцы и темный кирпич гаража, на витрину с самыми соблазнительными деталями — сверкающими цилиндрами, автомобильными свечами в безукоризненных фарфоровых изоляторах, золотыми и серебряными снеговыми цепями для шин. Он был польщен радушием, с каким его встретил Сильвестр Мун, самый грязный и самый умелый механик на свете.

— Здравствуйте, мистер Бэббит! — сказал Мун, и Бэббит почувствовал себя важным лицом, чье имя помнят даже занятые по горло механики, а не каким-нибудь горе-спортсменом, который носится без толку на своей малолитражке. Ему нравился замысловатый счетчик на бензоколонке, отщелкивающий галлон за галлоном, нравился остроумный плакат: «Вовремя набрать — в пути не застрять. Обслужим в момент, бензин — тридцать один цент!» Нравилось ритмическое бульканье бензина, льющегося в бак, и равномерные точные движения Муна, поворачивающего ручку.

— Сколько нам сегодня? — спросил Мун тоном, в котором звучала и независимость великого специалиста, и приветливость доброго приятеля, и уважение к столь почтенному члену общества, каким являлся Джордж Ф.Бэббит.

— Наливайте доверху!

— Кого вы прочтете в республиканские кандидаты, мистер Бэббит?

— Рано сейчас предсказывать. Впереди еще целых полтора месяца, нет, почти два — да, верно, почти два... словом, до съезда республиканской партии осталось не меньше шести недель, и, с моей точки зрения, надо без всякой предвзятости отнестись ко всем кандидатам — так сказать, проверить их, послушать, а потом уже обдумать и решить.

— Это верно, мистер Бэббит!

— Но я вам вот что скажу — кстати, я и четыре года назад и восемь лет назад думал так же, — да, и через четыре года, и через восемь лет я от своего не отступлюсь! Я всем говорю и всем буду втолковывать одно: нам прежде всего, в первую очередь нужно хорошее, здоровое, деловое правительство.

— Ей-богу, ваша правда!

— Взгляните-ка на шины, как они — в порядке?

— В порядке! У вас все в порядке! Нам, механикам, нечего было бы делать, если б все так следили за своими машинами, как вы!

— Стараюсь, сам во все вникаю! — Бэббит заплатил, бросил, как полагалось: — Сдачи не надо! — и поехал дальше, искренне восхищаясь собой.

С видом доброго самаритянина он окликнул солидного гражданина на трамвайной остановке:

— Подвезти? — и когда тот забрался в машину, Бэббит снисходительно спросил: — В центр? Всегда стараюсь подвезти человека, когда вижу, что он ждет на остановке, — конечно, если он не какой-нибудь бродяга!

— Хорошо, если бы все так щедро распорядились своими машинами, — поддакнул пассажир, павший жертвой благотворительности.

— Нет, тут щедрость ни при чем! Суть тут в другом — я и сыну вчера как раз говорил об этом: всякий должен делиться с ближним всеми благами земными, и я просто из себя выхожу, когда человек вообразит, что он бог знает кто, и похваляется перед всеми только потому, что делает добро.

Жертва не знала, что сказать. А Бэббит пробасил, не ожидая ответа:

— Безобразно нас обслуживает Транспортная компания. Разве можно пускать трамваи на Портленд-роуд с перерывами в семь минут? Зимой, в холодное утро, пока ждешь на углу, всего насквозь продует.

— Правильно. А какое им дело до нас, этой компании? Надо бы ее хорошенько поприжать!

Но тут Бэббит испугался.

— Нет, нельзя обвинять только Компанию Городского транспорта и не понимать, в каких трудных условиях там работают, нельзя идти на поводу у всяких чудаков, которые требуют передачи транспорта муниципалитету. Вы только посмотрите, ведь это просто преступно

так вымогать прибавку зарплаты, как рабочие, а мы с вами отвечай, плати по семь центов за проезд! В сущности-то обслуживание на всем транспорте превосходное!

— Как сказать, — нерешительно начал пассажир.

— Утро замечательное! — перебил его Бэббит. — Весна в полном разгаре!

— Да, совсем весна.

Жертва бэббитовской благотворительности была, как видно, лишена остроумия и смекалки, и Бэббит погрузился в молчание, развлекаясь тем, что обгонял трамваи на перекрестках: нажать, насесть ему на хвост, рывком проскользнуть между высокой желтой стенкой вагона и стоящими у обочины машинами и перед самой остановкой промчаться мимо, — это отличный спорт, требует смелости.

И все время он неустанно любовался Zenitom. Иногда по целым неделям он не видел ничего, кроме клиентов и досадных объявлений «Сдается внаем», вывешенных его соперниками. Сегодня, в непонятном смятении, он и радовался и сердился с одинаковой легкостью, а весеннее солнце так соблазнительно пригревало в это утро, что он все видел яснее, чем обычно.

Каждый квартал на знакомой дороге в контору имел для него свою особую прелесть: особняки, сады и извилистые аллеи Цветущих Холмов, одноэтажные магазины на Смит-стрит, блеск зеркальных витрин и нового желтого кирпича, бакалейные магазины, прачечные и аптеки для удовлетворения насущных потребностей хозяек восточного предместья, огороды в Датч-Холлоу, со сторожками в заплатках из ребристого железа и краденными дверьми, афиши с божественными красавицами девяти футов роста и ярко-красного цвета, бесчисленные рекламы кинофильмов, трубочного табака и пудры, старинные «виллы» вдоль Девятой улицы на юго-востоке города, похожие на стареющих денди в несвежем белье; деревянные палаццо, превращенные в семейные пансионы, с запущенными дорожками палисадников за ржавой решеткой, гаражи, которые росли как грибы, тесня старые строения со всех сторон, дешевые многоквартирные дома, фруктовые киоски, где хозяйничали вежливые, хитроватые греки. За железнодорожными путями — заводы с высокими трубами и водокачками, заводы, где производили сгущенное молоко, картонные коробки, электрооборудование, автомобили. И наконец — деловой

центр, шумное оживленное движение, толкотня у переполненных трамваев и огромные парадные подъезды из мрамора и полированного гранита.

Величественное зрелище, а Бэббит уважал величие во всем — будь то горы, бриллианты, мускулы, состояния, слова. Околдованный весенним днем, он в эту минуту был певцом и почти бескорыстным обожателем Зенита. Он подумал о загородных фабричных поселках, о реке Чалузе с причудливо размытыми берегами, о холмах Тонаванды, к северу от города, засаженных фруктовыми деревьями, обо всех сочных пастбищах, вместительных амбарах, тучных стадах. И, высаживая своего пассажира, он воскликнул:

— Честное слово, у меня сегодня неплохое настроение!

Вопрос — куда поставить машину — оказался не менее важным и волнующим, чем проблема — как ее завести. Поворачивая с Оберлин-авеню на Третью улицу, он напряженно искал глазами свободное место на стоянке. Он рассердился, когда перед его носом это место занял другой водитель. Но впереди какая-то машина отъехала от тротуара, и Бэббит затормозил, сделал предостерегающий знак рукой машинам, наседавшим сзади, махнул старухе, чтобы та посторонилась, увернулся от грузовика, наезжавшего сбоку. Задев передними колесами стальной буфер ближней машины, он остановился, судорожно сжимая руль, задним ходом протиснулся на свободное место и, оставляя между собой и соседней машиной не больше восемнадцати дюймов, подвел свою машину к тротуару. Это было настоящее мужское дело, и он выполнил его с честью. С удовлетворением он повесил стальной замок на переднее колесо и, перейдя улицу, вошел в Ривс-Билдинг, где на первом этаже помещалась его контора.

Это здание было огнеупорным, как скала, и точным, как пишущая машинка, — четырнадцать этажей из желтого прессованного кирпича, — ровное, прямое, без всяких украшений. В нем размещались приемные адвокатов, врачей, конторы агентов по распространению машин и точильных станков, проволочных решеток и горнорудных акций. На окнах красовались золотые надписи. Подъезд здания был вполне современный, без всяких колонн — простой, строгий, гладкий. На Третью улицу выходили окна почтово-

телеграфного отделения Уэстерн-Юнион, кондитерской Блю-Дельфт, писчебумажного магазина Шотвелла и конторы по продаже недвижимого имущества «Бэббит и Томпсон».

Бэббит мог бы войти в контору с улицы, как входили клиенты, но он чувствовал себя своим человеком, проходя по длинному коридору через все здание, чтобы войти через боковую дверь. Тем более что тут его приветствовали все «туземцы».

Неизвестный мелкий люд, наполнявший коридоры Ривс-Билдинг, — лифтеры, механики, монтеры, охрана и подозрительный хромоногий тип, который ведал табачным и газетным киоском, — никак не могли считаться городским населением. Они были именно туземцами, которые жили в уединенной долине, интересуясь только друг другом и своей «деревней» — Ривс-Билдинг. Их «Главной улицей» был холл при входе, с каменным полом, мраморным, без украшений, потолком и внутренними окнами магазинов. Самым оживленным местом на этой «улице» была парикмахерская Ривс-Билдинг, что несколько смущало Бэббита, потому что сам он брился в сверкающей новой парикмахерской «Помпея», в здании отеля Торнлей, и всякий раз, проходя мимо парикмахерской Ривс-Билдинг, чувствовал, что изменяет, родной деревне.

Но сейчас его, как представителя касты хозяев, почтительно приветствовали местные жители, и он проследовал в свою контору, важный и спокойный, словно неприятности никогда и не начинались.

Впрочем, они тут же начались снова.

Стэнли Грэф, разъездной агент, разговаривал по телефону тем катастрофически неубедительным тоном, который никак не может воздействовать на клиента: «М-мм — так вот... понимаете... есть у меня для вас подходящий дом — Персиваль-Хауз, в Линтоне. Ах, видели? Ну, как он вам понравился?.. Что?.. Мммм-н-да... — и уж совсем нерешительно: — М-м... понятно...»

И, проходя в свой кабинетик — вернее, небольшой закуток, отделенный от общего помещения дубовой перегородкой с матовым стеклом, — Бэббит подумал, как трудно найти помощников, которые с такой же уверенностью, как он сам, умели бы уговорить покупателя.

Кроме Бэббита и его тестя, Генри Томпсона, очень редко заходившего в контору, там работало еще девять человек: Стэнли Грэф, разъездной агент — моложавый человек, заядлый курильщик и

бильярдист, старый Мэт Пеннимен, выполнявший, всякую подсобную работу, он же сборщик квартирной платы и страховой агент, седой, забитый, молчаливый. Ходили слухи, что когда-то он был известным дельцом, занимался продажей недвижимости, владел собственной конторой в «самом» Бруклине. У Бэббита служили еще Честер Керби Лейлок, постоянный агент на строительстве в Глен-Ориоле, восторженный мальчик, с шелковистыми усиками и большой семьей, мисс Тереза Мак-Гаун, проворная и довольно миленькая стенографистка, мисс Вильберта Бенниген, низкорослая, медлительная и усердная бухгалтерша, и еще четыре разъездных агента, получавших комиссионные с прибыли.

Бэббит с грустью поглядывал из закутка на своих служащих: «Эта Мак-Гаун еще ничего — умница и хорошая стенографистка, зато Стэн Грэф и остальные...» Вся прелесть весеннего утра увяла в затхлом воздухе конторы.

Обычно он с удовольствием приходил в свою контору и сам удивлялся: неужели ему удалось создать это приятное, солидное учреждение. Контора никогда не надоедала, его радовала чистота и новизна обстановки, деловитый дух. Но сегодня все казалось невзрачным — кафельный пол, как в ванной, металлический потолок, выкрашенный охрой, выгоревшие карты на оштукатуренных стенах, стулья светлого полированного дуба, стальные конторки и шкафчики для картотек, покрытые мутно-зеленой краской. Настоящий склеп, стальная часовня, где всякое веселье и смех казались черным грехом.

Даже новый бачок с холодильником не доставил ему никакого удовлетворения. А бачок был первоклассный, наиновейшей конструкции, научно обоснованный, безупречный. И стоил он огромных денег (что само по себе уже было достоинством). В нем был герметический фибровый контейнер для льда, фарфоровый сосуд для воды (гигиеничность гарантирована), столь же гигиеничный, тугой, незасоряющийся кран, а сверху он был расписан трафаретом под золото, в два тона. Бэббит смотрел на беспощадно гладкие плитки пола, на бачок, доказывая себе мысленно, что ни у кого из обитателей Ривс-Билдинг не было такой дорогой машины, но чувство социального превосходства, которое в нем раньше рождала эта мысль, теперь исчезло. К собственному удивлению, он вдруг пробормотал:

— Уехать бы куда-нибудь в глушь, ни черта весь день не делать. А вечером — опять к Гэнчу, дуться в карты, ругаться на чем свет стоит и выхлестать сто тысяч бутылок пива!..

Со вздохом он просмотрел почту, потом крикнул: «Мисмган!» — что означало «мисс Мак-Гаун!» — и стал диктовать.

Вот как он продиктовал первое письмо:

«Омару Грибблу, пошлите к нему в контору, мисс Мак-Гаун, ваше письмо от двадцатого получил, хочу вам сказать вот что, ежели будем зевать, так непременно прозеваем торги Аллена. Вызывал Аллена позавчера, договорился обо всем, уверяю вас — нет, нет, не так, пишите: долголетний опыт мне подсказывает, он человек честный, деловой, я проверил его финансовое положение, вполне прилично — эта фраза что-то запутана, мисс Мак-Гаун, вы из нее выкройте, что надо, точка, абзац.

Он согласен учесть векселя, и можно будет без труда заставить его внести страховую премию, и, бога ради, давайте поскорей — нет, не так: давайте ближе к делу, надо поскорее взяться — нет, это все — можете подчистить, когда будете печатать, мисс Мак-Гаун — искренне ваш и прочее».

А вот каким он получил это письмо на подпись от мисс Мак-Гаун, перепечатанное на машинке:

«БЭББИТ И ТОМПСОН

Контора по продаже недвижимого имущества. Жилые дома.

Ривс-Билдинг, уг. Оберлин-авеню и Третьей улицы. Зенит.

ОМАРУ ГРИББЛУ, ЭСКВАЙРУ

567 Норс-Америкен-Билдинг. Зенит.cent

Многоуважаемый мистер Гриббл!

Мы получили Ваше письмо от двадцатого сего месяца. Должен сказать, что меня беспокоит, как бы мы не пропустили торги Аллена. Вчера я его вызывал к себе и договорился обо всем. Долголетний опыт мне подсказывает, что он — человек деловой. Я ознакомился с его финансовым положением и вполне удовлетворен.

Он согласен учесть платежные векселя, а заставить его внести страховую премию не представит особого труда.

Итак — ближе к делу!

Искренне ваш...»

Перечитав письмо, Бэббит поставил свою подпись — с деловитым росчерком, как он научился подписываться в колледже, и подумал: «Вот это письмо — ясное, четкое, ни слова лишнего. Что такое — разве я ей велел сделать третий абзац? Хоть бы она перестала править то, что я ей диктую! Не понимаю, почему это Стэн Грэф или Чет Лейлок не умеют писать такие письма — с огоньком, с душой!»

В этот день он продиктовал еще одно, самое важное, письмо. Это был рекламный проспект, который размножался и рассылался тысячам «возможных» клиентов. Реклама эта была составлена по образцу самых лучших литературных реклам, которые были в ходу, — всех этих «задушевных разговоров с глазу на глаз», «убедительных» писем, бесед на тему о «силе воли» и панибратских похлопываний по плечу — эти рекламы в изобилии выпускала новая Школа Поэтов Коммерции и Торговли. Бэббит старательно написал черновик и теперь декламировал его вслух, как самый утонченный, не от мира сего, поэт:

«Слушай, старина!

Не могу ли я сделать тебе огромнейшее (так и напишите, мисс Мак-Гаун, — «о-гро-мад-ней-шее») одолжение? Ей-богу, я не шучу! Знаю — тебе хотелось бы купить дом, и не просто жилье, где бы приткнуть голову, а настоящее уютное гнездышко для жены с ребятишками — а может, и с пристанищем для машины во дворе, за огородиком. А ты когда-нибудь думал, что мы для того и существуем на свете, чтобы тебе помочь? — мы этим и на кусок хлеба зарабатываем, нам платят не ради наших прекрасных глаз! Так вот:

сядь-ка сейчас за свое шикарное бюро да черкни нам словечко — напиши, что тебе нужно, и, если мы найдем что-нибудь подходящее, мы сразу прибежим к тебе с хорошими новостями, а если нет — беспокоить не станем. Для скорости заполни прилагаемый бланк. По требованию высылаем бланки с описанием торговых помещений, которые имеются в продаже на Цветущих Холмах, в Серебряной Роще, Линтоне, Бельвю и во всех жилых кварталах восточной части города.

Готовые к услугам (подпись).

P.S. Предлагаем ознакомиться с описанием домов, которые нам сегодня предоставили для продажи — на выгоднейших условиях!

Серебряная Роща — прелестный четырехкомнатный домик, в. уд., гараж, тенистые деревья, шикарный район, удобное сообщение,

3700 долларов, 780 при въезде, остальное в рассрочку, на льготных условиях — только у Бэббита и Томпсона! Взносы дешевле квартирной платы!

Дорчестер — дешево и красиво! Изящный двухквартирный домик, дубовая облицовка, паркет, камин — под газ и под дрова, большие террасы, колониальный стиль, ОТАПЛИВАЕМЫЙ ЗИМНИЙ ГАРАЖ, почти даром — всего 11250 долларов!!!»

Окончив диктовку, из-за которой приходилось сидеть на месте и думать, вместо того чтобы бегать, шуметь и действительно что-то делать, Бэббит откинулся на спинку вращающегося кресла, так что оно затрещало, и улыбнулся мисс Мак-Гаун. Он заметил, как смиренно ложатся ее подстриженные волосы на щеки. Какая-то слабость, тоска, похожая на одиночество, потянули его к ней. И пока она ждала, постукивая острым карандашом по блокноту, ему почудилось в ней сходство с девушкой его грез. Он представил себе, как вдруг их глаза встретятся в испуганном признании, как он почтительно и робко коснется ее губ... «Дальше будете диктовать, мистер Бэббит?» — прощепетала она, и Бэббит буркнул в ответ: «Нет, пожалуй, хватит!» — и грузно повернулся в кресле.

Никогда, даже в мыслях, он не позволял себе ничего более интимного. Он часто размышлял: «Не забыть, как говаривал старый Джек Оффат: умный человек у себя в конторе или дома ни с кем любовь крутить не станет. Конечно, так-то оно так, неприятностей не оберешься. И все же...»

За двадцать три года супружеской жизни он не раз с опаской поглядывал на стройные ножки, на округлые плечи, мысленно холил их и нежил, но никогда не рисковал пойти на авантюру. И сейчас, высчитывая, сколько будет стоить ремонт дома Стайлсов, он снова томился, снова был недоволен неизвестно чем и, стыдясь своего недовольства, тосковал по юной волшебнице.

4

Это утро было расцветом художественного творчества. Через пятнадцать минут после пламенных строк бэббитовского проспекта Честер Керби Лейлок, постоянный агент на строительстве в Глен-Ориоле, пришел с докладом о продаже участка и принес объявление в стихах. Бэббит не одобрял Лейлока за то, что он пел в хоре о развлечениях дома игрой в «дурака» и «ведьму». У него был высокий тенорок, кудрявые каштановые волосы и усики, похожие на мягкую щетку. Бэббит считал простительным, когда человек семейный смущенно бормотал: «Видали новую фотографию сынишки — крепкий малец, а?» — но Лейлок рассыпался в похвалах своему семейству, как женщина.

— Слушайте, мистер Бэббит, я тут придумал чудную рекламку для Глена. Почему бы нам не попробовать стишки? Честное слово, на клиентов подействует безотказно. Вот, слушайте:

Куда бы вас ни занесло,
Подумайте о том,
Как вам найти себе жену,
А мы найдем вам дом.

— Чувствуете? Похоже на песенку: «Дом, милый дом»! Понимаете, я...

— Хватит, хватит, черт возьми! Все понял, понял! Лучше все-таки сделать рекламу как-то достойней, выразительней. «Мы во главе, другие отстают!» или, скажем: «Зачем откладывать — покупайте сейчас!» Конечно, я и сам верю, что можно использовать и поэзию, и юмор, и вообще всю эту муру — лишь бы реклама сработала, но для такого классного строительства, как Глен-Ориоль, давайте лучше держаться более сдержанного тона — вы меня понимаете? Ну, на сегодня все, Чет...

Но кому в мире искусств не знакома эта трагедия: весь апрельский энтузиазм Чета Лейлока лишь пробудил творческую энергию более

опытного и талантливое мастера — Джорджа Ф.Бэббита. Он ворчливо бросил Стэнли Грэфу: «Ну и голосишко у этого Чета — на нервы действует!» — но в нем самом уже проснулось вдохновение, и он в один присест написал:

«ПОЧИТАЕТЕ ЛИ ВЫ СВОИХ РОДНЫХ И БЛИЗКИХ?»

Когда отдан последний долг усопшим — можете ли вы со спокойной совестью сказать, что сделали для дорогих покойников все возможное? Нет, если только они не покоятся на прекраснейшем из кладбищ.

«ДОЛИНА ЛИП» — это единственное место погребения, оборудованное по последнему слову техники, где прелестно озелененные участки на усеянных ромашками склонах улыбаются веселым полям Дорчестера.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ: БЭББИТ — ТОМПСОН, НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО

Ривс-Билдинг».

Тут Бэббит подумал: «Пусть теперь Чэн Мотт поучится, как вести дела по-новому, куда ему до нас с его запущенным старым кладбищем!»

Он послал Мэта Пеннимена в справочную контору — выведать фамилии тех домовладельцев, которые сдают свои дома через других посредников. Побеседовал с клиентом, предложившим сдать помещение склада под игорный зал, проверил контракты, по которым истекал срок аренды, послал Томаса Байуотерса — кондуктора трамвая, подрабатывавшего в свободное время на комиссионных, — проверить «объекты» на окраинах, куда не стоило посылать такого специалиста, как Стэнли Грэф. Но творческий подъем уже прошел, и эти повседневные дела раздражали Бэббита. И только на миг он почувствовал себя героем: он вдруг открыл новый способ, как бросить курить.

Он бросал курить не реже чем раз в месяц. Брался он за это основательно, как подобало солидному гражданину: признавал вред табака, мужественно принимал решение — не курить, составлял планы, как избавиться от этого порока, постепенно урезывая

количество сигар, и каждому встречному внушал, как хорошо стать добродетельным. Словом, он делал все, кроме одного — курить он не бросал.

Два месяца назад он вычертил график, отмечая час и минуту, когда он закуривал, и, с восторгом увеличивая интервалы между каждой сигарой, дошел до трех сигар в день. Потом этот график куда-то затерялся.

Неделю назад он придумал новую систему: оставлять сигареты и сигары в регистратуре, в нижнем ящике картотеки, которым никто не пользовался. «Не стану же я, как дурак, лазить туда весь день, перед служащими неловко!» — вполне резонно думал он. Но дня через три он уже машинально вставал из-за стола, шел к ящику, вынимал сигарету и закуривал ее, даже не замечая, что он делает.

В это утро его вдруг осенило, что ящик слишком легко открывается. Запереть его — вот это дело! Он вдохновенно бросился к картотеке и запер в ящик все — сигары, сигареты, даже коробку спичек, а ключ спрятал в свой письменный стол. Но от этих героических подвигов ему так захотелось курить, что он немедленно вынул ключ, суровым и решительным шагом пошел в регистратуру и достал сигару, спичку — «одну-единственную спичку: если потухнет эта чертова сигара — пусть!». Когда сигара и вправду потухла, он вынул из ящика еще одну спичку, но в одиннадцать тридцать к нему пришли на совещание покупатель и домовладелец, и тут, разумеется, пришлось предложить им сигары. Совесть его взбунтовалась: «А ты-то зачем с ними закуриваешь?» — но Бэббит ее оборвал: «Не твое дело! Я занят! Отучусь постепенно!» Конечно, он не отучился, но от одного сознания, что он борется с этой скверной привычкой, его охватывало блаженное и возвышенное чувство. С таким ощущением своего душевного величия он бодрым и необычайно приподнятым тоном заговорил по телефону с Полем Рислингом.

Бэббит любил Поля Рислинга больше всех на свете, кроме себя самого и своей дочери Тинки. Они с Полем учились вместе в университете, жили в одной комнате, но Поль Рислинг, стройный, темноволосый и немногословный, влюбленный в музыку, казался Бэббиту младшим братом, которого нужно баловать и опекать. После окончания университета Поль вошел в дело своего отца; у него была небольшая фабрика и оптовая торговля толем. Бэббит искренне верил

— и во всеуслышание заявлял об этом всем добрым друзьям, — что Поль мог бы стать великим скрипачом, художником или писателем.

— Вы бы послушали, какие он мне письма писал из Канады! Просто видишь все, как будто сам там был! Верьте слову — он этим дохлым писакам сто очков вперед даст!

Но разговор по телефону был короткий:

— Южная, три сорок три. Да нет же, нет! Я просил — Южная, три сорок три! Что за чертовщина! Барышня, неужели нельзя правильно соединить — Южная, три сорок три! То есть как это не отвечают? Алло, алло, три сорок три? Можно мистера Рислинга? Мистер Бэббит у телефона... Ты, Поль?

— Я.

— Это Джордж.

— А-а!

— Ну, как ты, старая калоша?

— В общем, ничего. А ты?

— Отлично, Полибус! Какие новости?

— Как будто никаких.

— Где ты пропадаешь?

— Да нигде особенно. А что у тебя, Джорджи?

— Может, позавтракаем вместе после двенадцати?

— Не возражаю. В клубе?

— Ага. Давай встретимся в половине первого.

— Договорились. Ровно в половине. Пока, Джорджи.

Утро Бэббита не было строго размечено по графику. Между диктовкой писем и составлением рекламы вклинивались тысячи назойливых пустяковых дел: то звонили мелкие служащие в несбыточной надежде найти пятикомнатную меблированную квартиру с ванной не дороже шестидесяти долларов в месяц, то надо было инструктировать Мэта Пеннимена — как взыскать деньги с квартирантов, у которых денег не было.

Главными достоинствами Бэббита как посредника по продаже и аренде недвижимости, то есть как слуги общества, призванного подыскивать жилища для людей семейных и торговые помещения для тех, кто их снабжает, — были его добросовестность и усердие. Он был

честен в общепринятом смысле, аккуратно вел списки своих клиентов, как продавцов, так и покупателей, обладал большим опытом по части аренды и контрактов и отличной памятью на цены. Плечи у него были достаточно широкие, голос — достаточно громкий, шутки — достаточно крепкие, чтобы дать ему возможность выдвинуться и войти в правящую касту Порядочных Людей. Правда, значение его для человечества несколько умалялось полным и блаженным неведением по части архитектуры (кроме строительства), а также по части доходных домов, садоводства (кроме разбивки газонов, дорожек и посадки шести сортов декоративных кустарников) и полным непониманием самых азбучных истин экономики. Он искренне верил, что единственная цель агентства по продаже недвижимости — дать Джорджу Ф.Бэббиту заработать как можно больше. Конечно, для саморекламы очень полезно было на завтраках в клубе Толкачей и на всяких юбилейных банкетах, куда приглашали всех Порядочных Людей, произносить пышные речи о «Бескорыстном служении Обществу», о «Долге комиссионера оправдывать доверие своих клиентов» и о некоей туманной штуке, именуемой Этикой, о которой известно только то, что, если она у тебя есть, ты — Первоклассный Посредник, а нету — ты пройдоха, плут и проходимец. Благодаря своим Добродетелям ты пользуешься Доверием и можешь обделывать Крупные Дела. Однако это не значит, что надо быть простачком и не содрать за дом вдвое против настоящей цены, если покупатель такой идиот, что не стал торговаться, когда ты запросил лишнее.

Бэббит часто и очень красноречиво говорил на этих оргиях коммерческой добродетели, что «роль посредника — прежде всего в том, чтобы видеть путь будущего развития своего города и пророчески планировать расчистку этого пути для неизбежных перемен». Это означало, что комиссионер может неплохо заработать, если угадает, в каком направлении будет застраиваться город. Такую догадливость Бэббит называл Прозорливостью.

В одной речи на собрании клуба Толкачей он уточнил это положение. «Долг и вместе с тем привилегия посредника — знать все о своем городе и его окрестностях. Как хирург понимает расположение каждой жилки, каждой потаенной клетки человеческого организма, как инженер знает все свойства электрического тока и каждый винтик огромного моста, величественно возвышающегося над мощным

потоком, так агент по недвижимости должен знать каждый дюйм своего города, знать все его недостатки и достоинства».

Но хотя сам Бэббит знал стоимость каждого дюйма земли во многих кварталах Зенита, он понятия не имел — достаточно ли полиции для охраны города, не потворствует ли она росту проституции и азартных игр. Он знал, какие противопожарные меры надо принимать при постройке зданий и как в зависимости от этого повышается страховка, но не знал, сколько в городе пожарных команд, как они обучены, как оплачиваются и насколько снабжены оборудованием. Он вдохновенно воспевал преимущество близости школ к домам, сдаваемым внаем, но не знал — и главное, не знал, что это надо знать, — хорошо ли отапливаются, освещаются и вентилируются школьные помещения, как они обставлены, не знал, как подбирают учителей, и хотя любил разглагольствовать, что «Зенит гордится тем, как мы прекрасно оплачиваем учителей», но слова эти он взял из «Адвокат-таймса». Сам он понятия не имел о средней заработной плате учителей ни в Зените, ни в других городах.

Он краем уха слышал, что «условия» в окружной или городской тюрьме далеко не отвечают «современным требованиям науки», и, возмущившись критикой родного Зенита, просмотрел доклад, в котором адвокат Сенека Доун, пресловутый пессимист и радикал, доказывал, что сажать юнцов и молодых девчонок в кутузку, битком набитую сифилитиками, запойными пьяницами и проститутками, далеко не самый лучший способ перевоспитания. Бэббит пытался опровергнуть доклад, ворча: «Просто тошнит от этих людей, думают, что тюрьма — какой-нибудь шикарный отель! Не нравится — веди себя так, чтобы туда не попасть! И вообще эти психопаты-реформаторы всегда преувеличивают». Этим началось и навсегда кончилось его вмешательство в функции исправительных и карательных учреждений Зенита. Что же касается «притонов порока», то по этому поводу он бодро заявлял: «В такие дела ни один порядочный человек носа не сунет! Но, между нами, откровенно говоря, когда в городе есть район, где всякие подонки могут безобразничать как хотят, то для наших дочерей и для всех порядочных женщин это защита! По крайней мере, к нам этих людей не подпустят. Все остается в стороне от нашего дома!»

Что же касается рабочего вопроса, то Бэббит думал о нем довольно много, и его точка зрения сводилась примерно к следующему:

«Хороший профсоюз — ценная организация, потому что он не допускает радикальных объединений, которые хотят уничтожить собственность. Однако никого не надо насильно втягивать в профсоюз. Всех рабочих-агитаторов, которые пытаются силой заставить рабочих вступать в союзы, надо перевешать. Вообще-то, строго между нами, никаких союзов разрешать не нужно, и для всех деловых людей лучший способ бороться с профсоюзами — это вступить в ассоциацию промышленников и быть членом Торговой палаты. В единении — сила. Значит, каждого эгоиста, который не желает стать членом Торговой палаты, свинья этакая, надо заставить силой!»

Но хотя по его компетентным советам целые семьи переезжали в новые кварталы, чтобы обосноваться там на много лет, — ни в чем Бэббит не был столь блистательно невежествен, как в вопросах санитарии. Он не отличил бы малярийного комара от летучей мыши, он ничего не знал о пробах питьевой воды, а в вопросах устройства водопровода и канализации был столь же неосведомлен, сколь красноречив. Он любил подчеркивать, какие благоустроенные уборные и ванны в домах, которые он продает. Он с удовольствием распространялся на тему о том, почему там, в Европе, никогда не моются. Когда ему было двадцать два года, кто-то объяснил ему, что выгребные ямы — вредная вещь, и с тех пор он всегда бранил эти ямы. Если клиент нахально пытался продать через него дом с выгребной ямой, Бэббит всегда поднимал этот вопрос, прежде чем принять дом на комиссию и продать его.

Когда он стал застраивать участки в Глен-Ориоле — «Иволговом перелеске» — и подчистую уничтожил леса и точные луга, превратив всю местность в выжженный солнцем пустырь без иволг и перелесков, сплошь утыканный табличками с названиями воображаемых улиц, он с гордостью заложил на участках настоящую канализационную сеть. Благодаря ей он почувствовал себя головой выше всех и втихомолку мог подсмеиваться над выгребной ямой на строительстве Мартина Ламсена в Эвонли и воспевать свои участки в многоречивых рекламах: в них говорилось о красоте, дешевизне и сверхгигиеничном оборудовании участков Глен-Ориоля. Единственным недостатком этой канализации был малый диаметр труб, из-за чего там скоплялись

нечистоты, что было но особенно приятно, тогда как «выгребная яма» в Эвонли представляла собой асептический бетонированный резервуар системы Уоринга.

Вообще весь проект застройки Глен-Ориоля говорил о том, что хотя Бэббит не терпел явных жуликов, но и сам не отличался бессмысленной честностью. Владельцы участков и эксплуатационники предпочитали, чтобы посредники по распродаже не брали на себя их функций и заботились только об интересах своих клиентов. Предполагалось, что «Агентство Бэббит и Томпсон» было только посредником по распродаже участков Глен-Ориоля, только представляло настоящего владельца, Джека Оффата, но на самом деле Бэббит и Томпсон были держателями шестидесяти двух процентов акций Глен-Ориоля, президент и управляющий Zenitской Транспортной компании имели двадцать восемь процентов всех акций, а Джек Оффат (бессовестный политикан, мелкий заводчик, старый шут, вечно жевавший табак и увлекавшийся грязными политическими махинациями, дяляческим дипломатничаньем и шулерской игрой в покер) владел только десятью процентами акций, которые ему выдали Бэббит и Транспортная компания за то, что он «умаслил» санитарную инспекцию, пожарную охрану, а также члена государственной комиссии по транспорту.

Но Бэббит был человек добродетельный. Он проповедовал сухой закон, хотя сам его не придерживался; он хвалил, хотя и не соблюдал, правила, запрещающие быструю езду, он платил долги; он делал взносы на церковь, на Красный Крест, на ХАМЛ, он следовал обычаям своего клана и мошенничал только там, где это было освящено традицией, и он никогда не опускался до прямого обмана, хотя и говорил Полю Рислингу:

— Конечно, я не собираюсь утверждать, что каждая моя реклама — чистая правда или что я сам верю во все, что я наворачиваю покупателю. Ты понимаешь... ты вот что пойми: во-первых, может быть, владелец недвижимости преувеличил, когда сдавал мне ее на комиссию, и, уж конечно, не мое дело идти и доказывать, что мой комитент — лгун. А во-вторых, люди в большинстве — такие мошенники, что они и от других ждут вранья, хоть самого ничтожного; значит, если бы я, как дурак, никогда бы не блефовал, меня все равно считали бы вруном. Ради самозащиты я должен сам себя хвалить, как

адвокат, который защищает клиента, — разве он не обязан выявить все лучшее в этом несчастном? Да сам судья напустился бы на адвоката, который не вступился бы за своего подзащитного, даже если бы оба знали, что тот виновен! Но при всем при том я не искажаю правду, как Сесиль Раунтри, или Сейер, или все прочие комиссионеры. Больше того, я считаю, что тех, кто врет исключительно ради собственной выгоды, надо расстреливать, да!

Насколько ценным советником Бэббит был для своих клиентов, лучше всего выясилось на совещании, которое состоялось в это утро, в одиннадцать тридцать, между ним самим, Конрадом Лайтом и Арчибальдом Парди.

Конрад Лайт спекулировал недвижимым имуществом. Спекулянт он был беспокойный. Прежде чем начать игру, он советовался с банкирами, адвокатами, архитекторами, подрядчиками и со всеми их стенографистками и клерками, которых можно было схватить за пуговицу и допросить, каково их мнение. Он был решителен и предприимчив, но обязательно требовал полной гарантии для своих капиталовложений, не желал входить в мелочи и сверх всего претендовал на те тридцать или сорок процентов, которые, по мнению всех авторитетов, причитались каждому зачинателю дела за то, что он все предвидел и шел на риск. Лайт был коротенький человечек с копной вьющихся седых волос, и даже в костюме от самого лучшего портного он казался обтрепанным. Под глазами у него были огромные впадины, будто ему клали на веки тяжелые серебряные монеты.

Всякий раз Лайт неизменно советовался с Бэббитом и верил его неторопливой осмотрительности.

Шесть месяцев тому назад Бэббит узнал, что некто Арчибальд Парди, владелец бакалейной лавки в отдаленном предместье под названием Линтон, поговаривает об открытии мясной лавки рядом со своей бакалейной торговлей. Разузнав имена владельцев соседних участков, Бэббит обнаружил, что Парди владеет только участком под своей лавкой, но что единственный участок, продававшийся рядом, ему не принадлежит. Бэббит посоветовал Конраду Лайту купить этот участок за одиннадцать тысяч долларов, хотя оценка по налоговому листу составляла всего около десяти тысяч. Бэббит объявил, что

аренду брали слишком скромную и что, выждав некоторое время, они смогут заставить Парди пойти на их условия. Это и называлось Прозорливостью. Ему пришлось чуть ли не силой заставить Лайта купить участок. Как агент Лайта, он первым делом повысил арендную плату за полуразвалившийся склад, стоявший на этом участке. Арендатор сказал немало скверных слов, но все-таки заплатил.

И вот теперь Парди как будто склонялся к покупке, но его нерешительность должна была обойтись ему в лишние десять тысяч долларов — эту сумму мистеру Конраду Лайту переплачивали за то, что он сумел найти себе агента, который обладал Прозорливостью, учитывал всяческие Точки Зрения, Стратегические Преимущества, Решающие Моменты, Недооценку Обстановки и Психологию Коммерции.

Лайт пришел на совещание в прекрасном настроении. В это утро он особенно любил Бэббита и назвал его «старичина». Бакалейщик Парди, длинноносый медлительный человек, особых чувств к Бэббиту за его Прозорливость не питал, хотя тот встретил его у входной двери в контору и самолично проводил к себе в кабинетик, не без приятности восклицая: «Сюда, Парди, сюда, братец!» — Бэббит вытащил из ящика картотеки непечатую коробку сигар и заставил гостей закурить. Он двинул их кресла сначала на два дюйма вперед, потом — на три дюйма назад, что придавало всему нужный оттенок гостеприимства, потом сам развалился в кресле, веселый, толстый. Но разговаривал он со слабовольным бакалейщиком решительно и твердо:

— Так вот, брат Парди, у нас есть очень и очень выгодные предложения и от мясников, и от множества других людей, которые хотят купить соседний с вами участок. Но я уговорил брата Лайта, что в первую очередь мы должны дать вам возможность подумать насчет этого участка. Я так и сказал Лайту: «Нехорошо выйдет, говорю, если кто-нибудь вдруг откроет бакалейную лавку и мясную торговлю под самым носом у Парди и все дело ему испортит. И плохо будет, если... — тут Бэббит наклонился вперед, голос у него стал резким, — если вдруг там обоснуется один из этих филиалов универмага и трест станет снижать цены ниже себестоимости, пока не прижмет вас к стенке и не избавится от вашей конкуренции!»

Парди рывком вынул костлявые руки из карманов, подтянул брюки, снова сунул руки в карманы, развалился в кресле и, стараясь сделать

веселое лицо, стал отстаивать свои интересы.

— Да, конечно, с ними не потягаешься. Но вы, должно быть, не знаете, что значат Личные Отношения и Свой Человек на такой окраине.

Великий Бэббит улыбнулся:

— Это верно. Ну, как вам угодно, старина. Хотели дать вам фору, так сказать. Что же, значит, так...

— Погодите! — умоляюще протянул Парди. — Я наверняка знаю, что почти такой же самый участок, рядышком, продали меньше чем за восемь с половиной тысяч всего года два назад, а вы тут с меня запрашиваете двадцать четыре тысячи долларов! Мне же сразу придется все заложить — ну, тысяч двенадцать куда ни шло, это я мог бы, но такую сумму... нет, ей-богу, мистер. Бэббит, вы запросили вдвое! Да еще грозитесь разорить меня, если не куплю!

— Послушайте, Парди, что-то мне ваш тон не нравится! Совсем не нравится! Ну, положим, мы с Лайтом такие скоты, что способны разорить ближнего, но неужели же вы думаете, что мы не понимаем, насколько это в наших собственных интересах, чтобы в Зените было побольше состоятельных людей? Впрочем, это к делу не относится. Я вам вот что скажу: мы спустим цену до двадцати трех тысяч — пять наличными, а остальное — под залог, а если вы захотите снести эту старую развалину и построить, я, пожалуй, смогу уговорить Лайта, чтобы он засчитал ссуду на постройку на самых льготных условиях. Господи, да разве мы не хотим пойти вам навстречу? Мы сами терпеть не можем этих иногородних трестовиков-бакалейщиков. Но неужели мы должны терять одиннадцать тысяч из одной любви к ближнему? Что скажете, Лайт? Согласны на уступку?

Бэббит так горячо принял к сердцу интересы Парди, что тут же уговорил отзывчивого мистера Лайта спустить цену до двадцати одной тысячи. В самый подходящий момент Бэббит вытащил из ящика договор — его уже с неделю назад отпечатала мисс Мак-Гаун — и протянул Парди. С добродушной улыбкой он тряхнул свое вечное перо, чтобы убедиться, что чернила хорошо идут, подал его Парди и одобрительно следил, как тот ставит свою подпись.

В общем, дело провернули. Лайт заработал что-то около девяти тысяч долларов, Бэббит получил четыреста пятьдесят долларов комиссионных, а Парди благодаря сложной системе современных

финансовых отношений приобрел торговое помещение, откуда вскоре счастливые обитатели Линтона будут щедро снабжаться мясом по ценам, только слегка превышающим городские.

Да, бой был дан хороший, но после него Бэббит как-то весь обмяк. Из всех дел, которые он сегодня вел, только на это и стоило тратить силы. Больше ничего интересного не предвиделось, кроме мелких вопросов аренды, оценки, заклада.

Он пробормотал:

— Даже подумать противно, что Лайт загреб львиную долю, старый скупердяй, а всю работу, в сущности, проделал я! Да, хорошо бы — какие у меня там еще дела? — хорошо бы отдохнуть как следует, подольше. Проехаться на машине. Вообще...

Но тут он вскочил, с удовольствием вспомнив о том, что ему предстоит завтрак с Полем Рислингом.

5

Подготовка, которую проводил Бэббит перед завтраком, прежде чем бросить на целых полтора часа свою бедную контору на произвол судьбы, была только немногим упрощеннее подготовки всеобщей войны в Европе.

Он совсем задержал мисс Мак-Гаун:

— В котором часу вы пойдете завтракать? Пусть тогда мисс Бенниген посидит тут. Объясните ей, что если позвонит Биденфелд, пусть скажет, что я уже заказал опись. Да, кстати, напомните мне завтра распорядиться, чтобы Пеннимен ее заготовил. И еще, если кто-нибудь спросит насчет дома за сходную цену, помните, что нам надо сбыть с рук тот домишко на Бенгор-роуд. Еще вот что... еще... Словом, я вернусь к двум.

Он смахнул сигарный пепел с жилетки. Потом положил письмо, на которое трудно было сразу дать ответ, в стопку недоделанных работ, чтобы непременно заняться им после завтрака. (Уже третий день он клал это самое письмо в стопку недоделанных работ.) Он нацарапал на клочке желтой оберточной бумаги для памяти «поч. кв. дв.» — и у него было приятное чувство, будто он уже починил квартирные двери доходного дома.

Он поймал себя на том, что закурил сигару. Он отшвырнул ее с возмущением: «Черт тебя дерит, ты же бросил курить!» Он мужественно поставил ящичек с сигарами в регистрационную картотеку, припрятал ключ еще дальше, ругательски ругая себя: «Надо о здоровье подумать. Больше двигаться, каждый день ходить в клуб пешком, да, так я и буду делать — каждый божий день хватит разъезжать в машине!»

Решив это, он пришел в восхищение от собственной добродетели. Но тут же подумал, что сегодня идти пешком уже поздно.

Чтобы завести машину и выехать на главную улицу ему понадобилось только чуть больше времени, чем для того чтобы пройти пешком три с половиной квартала до клуба.

По дороге он с привычной нежностью поглядывал на дома.

Если бы приезжий сразу попал в деловой центр Зенита, он бы не отличил его от любого города в Орегоне или Джорджии, Огайо или Мэне, Оклахоме или Манитобе. Но для Бэббита каждый камень имел свою индивидуальность, волновал его. Как всегда, он отметил, что Калифорния-Билдинг по той стороне улицы, на три этажа ниже, а следовательно, и на три этажа невзрачней, чем его родной Ривс-Билдинг. Как всегда, проезжая салон чистки обуви «Парфенон» — одноэтажный домишко, который рядом с гранитом и красным кирпичом старого Калифорния-Билдинг казался чем-то вроде купальни под скалой, — он подумал: «Черт, надо бы почистить сегодня ботинки! Вечно забываю...» У Магазины новейшей мебели и Агентства по распространению счетных машин он размечтался о диктофоне, о новой пишущей машинке, которая умела бы складывать и множить, как мечтает поэт об издании томика стихов или врач — о запасе радия.

У магазина готового платья «Мужской шик» он снял левую руку с руля, чтобы потрогать свой галстук, и с уважением к себе подумал, что может покупать дорогие галстуки — и платить за них чистоганом, да-с! — а у Центрального магазина табачных изделий, во всем его ало-золотом великолепии, он прикинул: «Кажется, мне нужны сигары — ах, я болван! Совершенно забыл — я же бросаю это дурацкое курево!» Он посмотрел на свой банк — Национальный Горнорудный и Промышленный банк, и подумал, как умно и солидно держать вклады в таком роскошном мраморном дворце. Но высшее блаженство он испытал во время остановки на перекрестке, под высоченным зданием Второй Национальной гостиницы. Машины выстроились стальными рядами, подрагивая, как нетерпеливые кавалерийские кони, пока мимо неслись лимузины, огромные грузовики, прыткие мотоциклы, а на противоположном углу с залитого солнцем каркаса нового здания доносился гул автогенной сварки, и откуда-то в шуме и вихре мелькнуло знакомое лицо, и приятель по клубу Толкачей крикнул: «Привет, Джорджи!» Бэббит от всей души помахал ему рукой и по знаку полисмена двинулся дальше в потоке машин. Он радовался, что его машина сразу набрала ход. Он чувствовал себя могучим и сильным, как стальной челнок, снующий в мощном механизме.

Как всегда, он старался не смотреть на следующие два квартала, где царили мерзость и запустение старого Зенита 1885 года. Проезжая мимо магазина стандартных цен, мебелированных комнат «Дакота» и отеля «Конкордия» с дешевыми номерами и приемными гадалок и мозольных операторов, он стал думать о том, сколько он зарабатывает, чуть-чуть возгордился, чуть-чуть расстроился, еще раз подсчитал давно знакомые цифры: «С Лайта заработал четыреста пятьдесят монет. Да, а налоги? Постой-ка: в этом году надо бы выгнать тысяч восемь чистых, из них полторы отложить — нет, не удастся, если строить гараж и... погоди: шестьсот сорок монет очистилось в прошлый месяц, значит, за год выйдет... сколько же это будет... двенадцать раз по шестьсот сорок, значит, шесть на двенадцать — семь тысяч двести, а... впрочем, черт с ним, восемь тысяч я как-нибудь заработаю... ого, не так плохо, не всякий зарабатывает по восемь тысяч в год, восемь тысяч честных, крепких, полновесных долларов, — честное слово, во всех Штатах едва ли наберется пять человек из ста, которые зарабатывают больше дяди Джорджа! Высоко забрался! Конечно, расходов не оберешься — семейка у меня такая, бензин тратят почему зря, одеваются как миллионеры, — да матери надо посылать восемьдесят в месяц... А тут еще эти стенографистки, коммивояжеры готовы последний цент из меня высосать».

В результате столь научного планирования бюджета Бэббит почувствовал себя и колоссально богатым, и безнадежно нищим, и вдруг, посреди всех этих размышлений, он остановил машину, забежал в небольшой магазин новинок и купил ту самую электрическую зажигалку, о которой мечтал всю неделю. Чтобы заглушить совесть, он разговаривал громко и оживленно и даже крикнул приказчику:

— Экономлю на спичках нагоню, вот и окупится, верно?

Зажигалка была очень красивая — никелированный цилиндр в оправе под серебро, прикреплявшийся к распределительной доске автомашины. Это была не только «изящная вещица, последний штрих, придающий стиль машине настоящего джентльмена», как гласила реклама, висевшая над прилавком, нет — зажигалка давала бесценную экономию времени. Не надо было останавливать машину, чтобы прикурить от спички, так что за месяц или два набегало экономии не меньше десяти минут!

Бэббит вел машину и любовался зажигалкой.

— Славная штучка. Давно мечтал, — сказал он задумчиво. — Для курильщика — просто клад!

И тут он вспомнил, что бросает курить.

«А, черт! — огорчился он. — Ну ничего, неужели иногда нельзя выкурить сигарку? А потом — другим-то как удобно! Куда легче будет по-дружески разговаривать в машине с каким-нибудь покупателем. Нет, серьезно, она тут как раз на месте! Классная вещица, честное слово! Действительно, последний штрих, сразу видно — человек со вкусом! Что ж, неужели я и этого не могу себе позволить? Неужели я один из всей семьи должен себе отказывать в удовольствии? Нет уж, извините!»

И, владея этим бесценным кладом, испытав столько романтических приключений на протяжении каких-нибудь трех кварталов, он подъехал к своему клубу.

В Спортивном клубе города Зенита нет ничего спортивного и почти ничего клубного, но зато — он высшее воплощение самого Зенита. Правда, там есть всегда переполненная и прокуренная бильярдная, существуют при клубе и команды — бейсбольная и футбольная, а в бассейне и гимнастическом зале один из десяти членов клуба иногда пытается похудеть. Но большинство его членов — а их насчитывается три тысячи — используют клуб как кафе, где можно завтракать, играть в карты, рассказывать анекдоты, встречаться с клиентами и угощать обедом приезжих дядюшек. Это самый большой клуб в городе, и там питают самую неудержимую ненависть к консервативному клубу Юнион, о котором всякий порядочный член Спортивного непременно скажет: «Затхлая, скучная дыра, дерут втридорога, полно снобов, ни одного настоящего, компанейского парня — меня туда ни за какие деньги не заманишь!» Однако статистика говорит, что ни один из членов Спортивного клуба еще не отказался от приглашения вступить в клуб Юнион, а шестьдесят три из ста тотчас же выходили из Спортивного и не раз потом говаривали в сонной тишине святылища клуба Юнион — его гостиной: «Нет, Спортивный, в общем, не плохой ресторанчик, будь там отбор посетителей поостроже».

Спортивный клуб помещался в девятиэтажном здании из желтого камня с зимним садом наверху и огромными колоннами у подъезда.

Холл, с пилястрами из пористого кайенского камня, сводчатым потолком и выложенным глазированными плитками полом цвета хорошо подрумяненной хлебной корочки, походил не то на соборную усыпальницу, не то на винный погребок. Члены клуба влетают в холл, как обычно вбегают в магазин за покупками, когда очень некогда. Так влетел и Бэббит, и сразу заорал компании, стоявшей у табачного прилавка:

— Здорово, друзья, как дела? Чудная погода, верно?

Они весело заорали в ответ — и Верджил Гэнч — торговец углем, и Сидни Финкельштейн — коммивояжер фирмы дамского готового платья Паркер и Штейн, и профессор Джозеф К.Памфри — директор коммерческого колледжа «Верный путь», преподававший там ораторское искусство, деловую корреспонденцию, сценарное мастерство и коммерческую юриспруденцию. И хотя Бэббит восхищался этим ученым мужем и отдавал должное Сидни Финкельштейну — «он, знаете, отличный делец и передовой человек», — но душа у него лежала к Верджику Гэнчу. Мистер Гэнч был председателем клуба Толкачей, где еженедельно собирались к завтраку члены местного филиала этой общенациональной организации, чьим девизом была поддержка деловых начинаний и укрепление связей между Порядочными Людьюми. Кроме того, Гэнч занимал почетное место Первого Рыцаря в Благотельном и Покровительственном ордене Лосей, и ходили толки, что на следующих выборах его кандидатура будет выставлена на пост Великого Магистра Ордена. Он был весельчак, любил произносить речи и покровительствовать искусству. Когда в город приезжали знаменитые актеры или опереточные певцы, он вечно торчал за кулисами, угощал актеров сигарами, называл по именам, а иногда приводил их на завтраки Толкачей, чтобы «поразвлечь компанию на даровщинку». Громадный, с торчащими кверху волосами, он всегда знал самые свежие анекдоты и ловко играл в покер. Именно после вчерашнего вечера у него в гостях Бэббита весь день разъедало беспокойство.

— Как дела, старый смутьян? Как чувствуешь себя после вчерашнего? — крикнул Гэнч.

— Ох, и не говори! Голова трещит! Ну и задал ты нам угощение, Вердж! Не забыл, как я тебя обставил напоследок? — заорал в ответ

Бэббит, хотя Гэнч стоял в трех шагах от него.

— Ладно, ладно! погоди, я тебе еще всыплю, Джорджи! Слушай, а ты прочел в газетах, как нью-йоркский муниципалитет разделался с красными?

— Еще бы! Здорово, а? А погода сегодня какая!

— Да, совсем весна, только ночи холодные!

— И впрямь холодные! Спал нынче под двумя одеялами. Слушайте, Сид, — Бэббит обернулся к коммивояжеру Финкельштейну, — хочу с вами посоветоваться. Купил сейчас электрическую зажигалку для машины, так вот...

— Правильно сделали! — сказал Сид, и даже ученый профессор Памфри, круглый человечек в сером с искрой костюме, с визгливым, как шарманка, голосом, подтвердил:

— Изящная вещичка! Придает стиль машине.

— Да, решил наконец купить. Последнего выпуска, так приказчик уверяет. Выложил пять долларов. Вот и думаю — не переплатил ли? Сколько они стоят в универмаге, а, Сид?

Финкельштейн подтвердил, что пять долларов вовсе не дорого, особенно за такую первоклассную зажигалку, всю никелированную, с проводкой лучшего качества.

— Мое мнение такое, — сказал Сид, — и верьте, я это знаю по своему долголетнему коммерческому опыту, — чем лучше вещь, тем она в конце концов обходится дешевле. Конечно, — добавил Финкельштейн, — какой-нибудь жид хватается за всякую дешевку, но в конце-то концов дешевле всего обходятся первоклассные вещи! Вот я скажу о себе: на днях я сменил на своей старой калоше кузов и всю обивку и заплатил сто двадцать шесть долларов пятьдесят центов, ну и, конечно, найдутся такие, которые скажут — дорого! Ой, если б мои папа с мамой узнали — они до сих пор живут в захолустном местечке и не могут понять городского человека, знаете, такие старозаветные евреи, — так они бы, наверно, окочурились, если б им сказали, что их Сид сразу выложил сто двадцать шесть монет. Но я считаю, что я не переплатил, Джордж, ничуть! Машина как новенькая, конечно, она и так не старая, ежу на ней всего третий год, но уж ежу всюю! По воскресеньям меньше ста миль не делаю, ну да, о чем я? Нет, вас не надули, Джордж. В конце-то концов первоклассные вещи всегда обходятся дешевле.

— Правильно! — подтвердил Верджил Гэнч. — И я так считаю. Живет человек, как говорится, деятельной жизнью, как у нас в Зените, — особенно если вращается в такой среде, как наши Толкачи и здешние одноклубники, — не мудрено, что он может замотаться от всей этой суеты и умственного напряжения; значит, ему надо побереечь нервы и пользоваться только первоклассными вещами.

Бэббит кивал в такт каждому его слову под гул голосов и весь расплылся от восхищения, когда Гэнч по привычке под конец сострил:

— Вот только не знаю, можешь ли ты себе позволить такой расход, Джорджи! Я слышал, что власти на тебя что-то косятся, с тех пор как ты отхватил кусок Иторнского парка и распродал его по участкам.

— Ну и шутник ты, Вердж! Ты меня не дразни, не то я тебе тоже припомню, как ты украл черное мраморное крыльцо почтамта и продал по кускам вместо угля! — Бэббит в восторге хлопал Гэнча по плечу и трепал по спине.

— Это еще куда ни шло, а вот хотел бы я знать, какая акула скупила у меня этот «уголек» для своих доходных домов?

— Ага. Джордж, крыть нечем! — сказал Финкельштейн. — А я, знаете, что слышал, друзья: заходит супружница Джорджа в отдел мужского белья, у Парчера, купить мужу воротнички, и не успела сказать номер, а приказчик уже подает ей тринадцатый. «Откуда вы знаете, что он носит тринадцатый номер?» — спрашивает миссис Бэббит, а тот ей говорит: «Если мужчина посылает жену покупать ему воротнички, мадам, значит, он наверняка носит тринадцатый номер!» Здорово, а? Неплохо сказано! Что, съели, Джордж?

— А я... — Бэббит пытался придумать такую же безобидную колкость, но вдруг замолчал и уставился на двери. В клуб входил Поль Рислинг. Бэббит крикнул: «До скорого, друзья!» — и заторопился навстречу Полю. Теперь Бэббит был уже не капризный ребенок, как утром во сне, не домашний тиран в столовой, не матерый делец на совещании с Лайтом и Парди, не крикливый Славный Парень, шутник и душа человек из Спортивного клуба. Он сразу стал старшим братом Поля Рислинга, готовым защищать его и восторгаться им с гордой, доверчивой влюбленностью, которая была сильнее всякой другой любви. Они с Полем торжественно пожали друг другу руки; они улыбнулись с таким смущением, будто не виделись три года, а не три дня. Но говорили они так:

— Ну, как, старый ворюга?

— Ничего как будто. А ты, дохлая курица?

— Сам старый ошметок! У меня-то все отлично!

Убедившись таким образом во взаимной привязанности, Бэббит буркнул: «Хорош тип, нечего сказать! Опоздал на целых десять минут!» — на что Рислинг фыркнул: «Твое счастье, что ты вообще удостоился позавтракать с порядочным человеком!» Оба засмеялись и пошли в умывальную, похожую на термы Нерона, где над тяжелыми мраморными умывальниками склонялись ряды мужчин, словно преклоняясь перед собственными отражениями в массивных зеркалах. Густые, самодовольные, внушительные голоса отдавались от мраморных стен, гудели под потолком, выложенным молочными с палевой каемкой плитками: это хозяева города — короли страховых обществ, юриспруденции, минеральных удобрений и автомобильных шин — устанавливали законы для Зенита, возвещая, что погода сегодня теплая, да, прямо весенняя, что заработки рабочих слишком высоки, а проценты по закладным слишком низки, что Бэйб Рут, знаменитый бейсболист, — благороднейший человек и что «эти черти в театре „Водевиль“ действительно актеры что надо!». И хотя обычно Бэббит гремел уверенней и внушительней всех, сейчас он молчал. В присутствии темноволосого, сдержанного Поля Рислинга он чувствовал себя неловко, и ему хотелось быть спокойным, ровным, тактичным.

Холл Спортивного клуба был построен в готическом стиле, умывальная — в стиле ампир, гостиная — в испанском, а читальня представляла смесь китайщины и чиппендейла. Но жемчужиной клуба была столовая — шедевр самого популярного архитектора Зенита, Фердинанда Рейтмана, — высокая, до половины обшитая дубом, со стрельчатými окнами в стиле Тюдоров, стеклянным фонарем, безменестрельной галереей менестрелей и гобеленами, на которых якобы изображалось пожалование Хартии Вольностей. Открытые потолочные балки были отделаны ручным способом в автомобильных мастерских Джека Оффата, задвижки и петли были фигурного чугуна, панели прикреплены деревянными, обточенными вручную болтами. В конце комнаты красовался каменный готически-геральдический камин, очень глубокий, про который в брошюре, рекламирующей клубы, было сказано, что он не только больше всех каминов во всех старинных

замках Европы, но и тяга в нем несравненно более усовершенствованная. Кроме того, камин был и гораздо чище других, так как его никогда не топили.

Почти все столы были чудовищных размеров, и за ними легко помещалось человек двадцать или тридцать. Обычно Бэббит садился поближе к дверям, вместе с Гэнчем, Финкельштейном, профессором Памфри, своим соседом — Говардом Литтлфилдом, поэтом и агентом по рекламе — Т.Чамондли Фринком и Орвилем Джонсом, чья прачечная по всем статьям занимала первое место в Зените. Эта компания была чем-то вроде клуба внутри клуба, и ее члены игриво окрестили себя «дебоширами». И сегодня, когда Бэббит проходил мимо стола, «дебоширы» орали ему вслед: «Давай сюда! Садись с нами! Что-то вы с Полем носы задрали! Брезгуете нами, бедняками! Боишься, Джорджи, — вдруг нагреют на бутылку минеральной! Задаются, братцы, нехорошо. Избегаете нас, что ли?»

— Еще бы! — загремел в ответ Бэббит. — Нам наша репутация дорога — еще увидят, что сидим с вами, скупердяями! — И он решительно направился с Полем к одному из маленьких столиков под галереей менестрелей. Он чувствовал себя виноватым. В зенитском Спортивном клубе уединяться от компании считалось весьма дурным тоном. Но ему хотелось побыть с Полем наедине.

Сегодня утром он ратовал за легкие завтраки и потому заказал себе только баранью котлетку по-английски, редиску, горошек, яблочный пирожок, сыр и кофе со сливками и, помявшись, добавил, как всегда: «М-ммм... пожалуй... дайте-ка мне еще порцию жареного картофеля!» Когда подали котлету, он основательно посолил и поперчил ее — он всегда, не пробуя, клал в мясо много соли и перцу.

Поговорили о том, что весна уже похожа на весну, о преимуществах электрических зажигалок, о действиях нью-йоркского муниципалитета. И только когда Бэббит, до отвала наевшись жирной баранины, погрузился, он стал изливать душу:

— Обтяпал сегодня неплохое дельце с Конрадом Лайтом, положил в карман пятьсот кругленьких — казалось бы, все хорошо, все отлично. Да вот — сам не знаю, что со мной творится! То ли весенняя лихорадка, то ли поздно засиделся вчера у Верджила Гэнча, а может, просто измотался за зиму, не знаю, но только весь день меня тоска грызет. Конечно, «дебоширам» за тем столом я не стал бы жаловаться,

но тебе... С тобой так бывало, Поль? Что-то на меня находит, делаю я все, что требуется: содержу семью, имею хороший дом, машину с шестью цилиндрами, неплохо поставил дело, никаким излишествам не предаюсь, разве что люблю покурить, да и то, кстати говоря, я уже почти бросил. И в церковь хожу, и в гольф играю, чтобы не толстеть, и дружу только с честными, порядочными людьми. И все-таки — никакого удовлетворения!

Он говорил медленно: то его перебивали выкрики с соседних столов, то он машинально заигрывал с официанткой или тяжело отдувался после кофе, от которого у него шумело в голове и подпирало под ложечкой. Слова его звучали виновато и неуверенно, но высокий голос Поля сразу рассеял эту муть:

— Черт побери, Джордж, неужели ты думаешь, будто я не знаю, как мы всю жизнь мотаемся, думаем, что достигли бог знает чего, а на самом деле все это зря... У тебя такой вид, будто я сейчас донесу, какой ты крамольник! Сам знаешь, что у меня за жизнь!

— Знаю, старик, знаю!

— Мечтал стать скрипачом, а торгую толем! А Зилла... нет, я не жалею, ты не хуже меня знаешь, какая у меня возвышенная супруга... К примеру: пошли мы вчера вечером в кино. У кассы — огромная очередь, стоим в хвосте. И вот она начинает проталкиваться вперед с таким видом: «Сэр, как вы смеете!...» Честное слово, иногда смотрю на нее — намазанная, покрашенная, духами от нее несет, и вечно скандалит, вечно визжит: «Не смейте! Я дама, черт вас дерит!» Ей-богу, я готов ее убить. Прет напролом, а я за ней, весь горю от стыда, и мы почти добираемся до входа — вот-вот впустят. А впереди нас стоит скромный такой человек, видно, ждет уже с полчаса, я им просто залюбовался: повернулся он к Зилле и вежливо так говорит: «Сударыня, почему вы меня отталкиваете?» А она как заорет на него — мне просто стыдно стало: «Вы не джентльмен! — и тут же меня впутала: — Поль! — кричит, — этот тип оскорбляет меня!» Этот несчастный, наверно, решил — сейчас я его побью!

А я притворился, что ничего не слышу, — да не тут-то было: орет, как паровозный гудок! Я уставился вверх — могу тебе точно описать каждую плитку на потолке, там была одна, в коричневых пятнах, прямо какая-то дьявольская физиономия, — а люди набились, как сельди в бочке, и кругом отпускают по нашему адресу всякие

словечки, а Зилла никак не уймется, вопит про этого человека, что «таких, как он, и впускать нельзя туда, где бывают порядочные леди и джентльмены», и пристает ко мне: «Поль, будь добр, сию же минуту вызови администратора, я должна пожаловаться на эту грязную крысу!» Уф, до чего я был рад войти в зал и спрятаться в темноте!

Неужели ты думаешь, что после двадцати четырех лет такой жизни я с пеной у рта накинусь на тебя за один твой намек, что наша прекрасная, чистая, уважаемая, высококонраваственная жизнь совсем не то, что кажется! Ни с кем, кроме тебя, я говорить об этом не желаю, пусть не думают, что я тряпка. А может, так оно и есть. Плевать... Да, пожаловался я тебе, Джордж, досталось тебе нынче... Ну, это в первый и последний раз.

— Ерунда, Поль, никогда ты не жалуешься. Бывает со всеми — вот я вечно хвастаю перед Майрой, что я великий делец, а сам втихомолку думаю — уж не такой я Пирпонт Морган, как воображаю. Но если я немножко помогаю тебе развеселиться, Полибус, так, может, святой Петр хоть за это впустит меня в рай!

— Ты молодец, Джорджи, старый ты греховодник! Но когда я тебя вижу, у меня и вправду настроение подымается.

— Почему не разведешься с Зиллой?

— Почему? Если бы я только смог! Если б она согласилась! Нет, ее силком не заставишь развестись со мной или бросить меня. Слишком она любит свои три кусочка шоколаду с орехами да еще три фунта конфет в придачу. Если бы она хоть, что называется, изменила мне! Джордж, я не подлец, честное слово. Когда я был студентом, я бы сказал, что за такие слова человека расстрелять не жалко! Но клянусь честью, я был бы на седьмом небе, если б она по-настоящему с кем-нибудь спуталась! Как же, держи карман шире! Конечно, она флиртует с кем попало, знаешь ее манеру хохотать, когда ей жмут ручку, — ох, этот смех, отвратительный, визгливый! — и пицать: «Ах вы, шалун, не смейте, у меня муж — силач, он вам задаст!» А этот тип презрительно косится на меня и думает: «Катись-ка ты, цыпленок, подальше, не то я тебе покажу!» А она ему позволяет бог знает что, лишь бы нервы себе пощекотать, а потом вдруг начинает разыгрывать оскорбленную невинность, ей, видите ли, приятно стонать: «Ах, я никогда не думала, что вы такой!» Вот в книжках пишут про всяких *demi-vierges*...^[4]

— Чего, чего?

— ...а оказывается, эти прожженные, опытные, затянутые в корсет замужние женщины, вроде Зиллы, в тысячу раз хуже какой-нибудь стриженной девчонки, которая очертя голову бросается в так называемые житейские бури, а сама прячет зонтик под мышкой! В общем, к черту, ты сам знаешь, что такое Зилла. Знаешь, как она меня пилит, пилит, пилит без конца, как вечно требует, чтоб я ей покупал все, что можно и чего нельзя, знаешь ее полнейшую безответственность, а когда я пытаюсь ей что-нибудь втолковать, она начинает разыгрывать такую королеву, что даже меня сбивает с толку, и я одно долблю без конца: «зачем ты так говоришь?» и «я не то хотел сказать». И еще, Джорджи: ты знаешь, я непривередлив, во всяком случае, в еде. Конечно, ты всегда меня попрекаешь, что я люблю дорогие сигары, а не эти «Флер-де-Капустос», которые ты куришь...

— Ладно, ладно! Вполне приличные сигарки. Кстати, я тебе говорил, что бросаю ку...

— Да, да, говорил... Понимаешь, если меня плохо кормят, я готов терпеть. Могу съесть и пережаренный бифштекс, и консервированный компот с покупным пирогом — дивный десерт, правда? Но чего я не могу — это сочувствовать Зилле, что из-за ее паршивого характера у нас ни одна кухарка не живет, а самой ей готовить некогда: еще бы, все утро занята, валяется в грязном кружевном капоте и запоем читает про красавцев с Дикого Запада. Вот ты всегда говоришь насчет нравственности и, очевидно, подразумеваешь единобрачие. Для меня ты всегда был непоколебимой скалой, но на самом деле ты простак. Ты любишь...

— Эй, эй, милый, что это еще за «простак»? Ты поосторожней! Я тебе вот что скажу...

— ...любишь делать серьезное лицо и объявлять во всеуслышание, что «долг всякого порядочного гражданина — быть строго нравственным и подавать тем самым пример всему обществу». Ей-богу, ты так серьезно защищаешь нравственные устои, Джорджи, старина, что мне даже неприятно думать, до чего ты, наверно, сам в душе безнравственный человек. Ну что ж, проповедуй...

— Погоди, погоди! Как это ты...

— ...проповедуй всякие добродетели, милый друг, но поверь мне, если бы не твоя дружба и не вечера, когда я могу поиграть на скрипке с Террилом О'Фаррелом, под его виолончель, и если бы не те славные

девчушки, которые помогают мне забыть это гнусное издевательство, называемое «респектабельной жизнью», я бы давно повесился!

А мои дела! Торговать толем! Крыть коровники! Нет, я не говорю, что мне совсем не доставляет удовольствия вести игру, обставлять, скажем, профсоюзы, получать большие деньги, расширять дело. Но что пользы? Ты понимаешь, что мое дело, в сущности, не торговать. И у тебя то же самое. Основное наше занятие — перервать глотку сопернику и заставить покупателей платить за это!

— Перестань, Поль! Ей-богу, эти разговоры пахивают социализмом!

— Нет, конечно, я не то хочу сказать... Ясно: здоровая конкуренция, побеждает лучший, естественный отбор — и все-таки... Все-таки знаешь что: возьми всех наших знакомых, хотя бы тех, кто сейчас тут, в клубе, все они с виду вполне довольны своей семейной жизнью и своим делом, до небес превозносят Зенит и Торговую палату и проповедуют рост населения до миллиона! Но я готов душу прозакладывать, что, если б можно было прочесть их мысли, стало бы видно, что треть из них вполне довольна и женами, и детьми, и конторами, и приятелями, другая треть — чем-то недовольна, но даже себе не признается, а остальные просто-напросто несчастные люди и знают это сами. Они ненавидят все это рвачество, суету, гонку, им надоели жены, детей они считают болванами — во всяком случае, к сорока — сорока пяти годам им все надоедает, они ненавидят свое дело и с удовольствием бросили бы все. Ты думал когда-нибудь, откуда столько «таинственных» самоубийств? Думал, почему Солидные Граждане удирали на войну? По-твоему, из одного патриотизма, что ли?

Бэббит презрительно хмыкнул:

— А ты чего ждал? Что ж, по-твоему, нам жизнь дана, чтоб развлекаться и, как это говорится, «на ложе лени возлежать»? По-твоему, человек создан только для счастья?

— А разве нет? Впрочем, мне еще не попадался мудрец, который бы знал, на кой черт создан человек.

— По-моему, это общеизвестно — и не только из Библии, просто здравый смысл подсказывает: кто не трудится, не выполняет свой долг, даже если его иногда и берет тоска, тот просто слюнтяй! Баба он, вот что! А ты, в сущности, из-за чего копыя ломаешь? Говори прямо!

Неужели ты серьезно считаешь, что, если человеку надоела жена, он имеет право ее бросить и удрать или удавиться?

— О господи, да почему я знаю, на что человек «имеет право»? Почему я знаю, как избавиться от тоски? Если б я знал, я был бы единственным философом, способным врачевать человеческие души. Знаю только, что из десяти человек лишь один откровенно признается, что жизнь — скука, и к тому же бессмысленная. И еще знаю, что, если бы мы не сдерживались и хоть изредка откровенно об этом говорили, вместо того чтобы быть тихими, терпеливыми и верными до шестидесяти лет, а потом быть тихими, терпеливыми и мертвыми до окончания века, жизнь, может быть, стала бы веселее.

И они пошли философствовать. Бэббит неуклюже спорил. Рислинг был полон дерзаний, хотя и сам не представлял себе, по какому это поводу он «дерзает». Иногда Бэббит неожиданно соглашался с Полем, противореча всем своим доводам в защиту долга и христианского долготерпения, и каждый раз при этом испытывал непонятную безудержную радость. В конце концов он сказал:

— Слушай, Поль, старина, вот ты вечно разглагольствуешь, что все надо снести к черту, а сам ничего не делаешь. А почему?

— Никто ничего не делает. Слишком в нас это въелось, вошло в привычку. Впрочем, знаешь, Джорджи, хочется мне выкинуть одну штуку, — да не пугайся ты, защитник брачных устоев! Все в высшей степени благоприлично! Кажется, уже решено — хотя Зилла и точит меня, чтобы разориться на отдых в Нью-Йорке и Атлантик-Сити, ей, видите ли, нужны «огни столицы», запрещенные коктейли и всякие фертики для танцев, — кажется, мы решили, что Бэббиты с Рислингами поедут на озеро Санасквем, правильно? Почему бы нам с тобой под каким-нибудь предлогом — скажем, дела в Нью-Йорке — не поехать вперед, побыть в Мэне дней пять-шесть без семьи, одним, ни черта не делать, курить, ругаться сколько влезет — словом, отдохнуть как следует!

— Вот это здорово! Замечательная мысль! — Бэббит был в восторге.

Ни разу за последние четырнадцать лет он не отдыхал без жены, да Поль и сам не верил, что они решатся на такую выходку. Многие члены Спортивного клуба ездили отдыхать без жен, но те официально занимались охотой и рыбной ловлей, тогда как Бэббит и Поль Рислинг

неизменно и свято блюли верность гольфу, езде на автомобилях и бриджу. А если бы игроки в гольф или рыболовы изменили своим привычкам, они нарушили бы свои собственные традиции и привели в ужас всех здравомыслящих и добропорядочных граждан.

Бэббит заволновался:

— Давай решительно скажем: мы едем раньше, и никаких разговоров! Ничего преступного тут нет. Скажи Зилле напрямик...

— Да разве Зилле что-нибудь скажешь напрямик? Нет, Джорджи, она любит читать мораль ничуть не меньше, чем ты, и скажи я ей чистейшую правду, она все равно решит, что мы с тобой едем в Нью-Йорк кутить с женщинами. И даже твоя Майра — хоть она и не пилит тебя, как Зилла, но и она расстроится. Обязательно скажет: «Неужели тебе неприятно ехать со мной? Конечно, я и не подумаю навязываться, если ты не хочешь!» — и тут ты сразу сдашься, лишь бы ее не обидеть. А ну их всех к черту! Давай-ка сыграем в настольные кегли!

Пока они играли в эту безобидную игру — разновидность настоящих кеглей, Поль все время молчал. Они вышли из клуба — Бэббит опаздывал всего на полчаса против того срока, который он так сурово назначил мисс Мак-Гаун, и Поль со вздохом сказал:

— Слушай, старик, напрасно я так говорил про Зиллу...

— Глупости, старик, надо же облегчить душу!

— Знаю, знаю. Я тут целый час издевался перед тобой над всякими условностями, а я и сам такой: теперь мне неловко, что я выложил тебе все мои дурацкие неприятности, чтоб не подохнуть с тоски.

— Поль, дружище, у тебя нервы ни к черту. Я тебя увезу. Все устрою. Скажу, что у меня важное дело в Нью-Йорке, а ты... ну конечно, мне нужен твой совет насчет кровли в одном новом доме! Дело, разумеется, лопнет, и нам с тобой ничего другого не останется, как только уехать в Мэн. А я — честно говоря, Поль, мне все равно, взбунтуешься ты или нет. Конечно, мне приятно, что у меня репутация порядочного человека, но если я тебе понадобится, я все брошу и встану за тебя горой. Я не говорю, что ты... я не хочу сказать, что ты способен выкинуть такую штуку, которая все устои перевернет вверх тормашками, но... в общем, ты меня понимаешь? Человек я медлительный, неповоротливый, мне не обойтись без твоей горячей южной души. Мы с тобой... о черт! Да что это я разболтался! Работать

пора! Ну, всего доброго! Не давай себя водить за нос, Полибус! Всего лучшего!

6

Он позабыл о Поле Рислинге — день прошел в довольно приятных делах. Заехав в контору, где без него все шло кое-как, он повез «возможного» покупателя в Линтон — показать ему четырехквартирный домик. Ему нравилось, что покупатель так восхищается новой зажигалкой. Три раза он сам пробовал, как она работает, и три раза выбрасывал недокуренную сигарету, сокрушаясь вслух:

— А, черт, нельзя мне столько курить!

Пространное обсуждение зажигалки во всех подробностях навело их на разговор об электрических утюгах и грелках. Бэббит с виноватым видом признался, что пользуется по старинке простой резиновой грелкой, и объявил, что немедленно проведет электричество на веранду. Он с беспредельным, вдохновенным восхищением относился ко всякой технике в быту, хотя разбирался в ней довольно плохо. Но для него она была символом истины и красоты. Про любой новый сложный механизм, будь то токарный станок, двухкамерный карбюратор, пулемет, аппарат для автогенной сварки, он вызубривал какую-нибудь звучную техническую фразу и любил повторять ее, чувствуя себя знатоком всех тонкостей.

Клиент; тоже благоговейно говорил о технике, и они в отличном настроении подъехали к дому, где осмотрели все — от шиферной крыши и двустворчатых дверей до безукоризненного паркета, после чего начались дипломатические переговоры с притворными обидами, удивленными возгласами и готовностью дать себя уговорить на то, что уже давно решено и что в один прекрасный день должно завершиться продажей дома.

На обратном пути Бэббит заехал за своим компаньоном и тестем, Генри Т.Томпсоном, на его завод хозяйственного оборудования, и они вместе поехали через Южный Зенит — самый пестрый, шумный, интересный район города, мимо новых заводов из пустотелой плитки, с гигантскими стеклянными окнами за металлической обрешеткой, мимо угрюмых фабричных построек из закопченного красного кирпича, мимо высоких водонапорных башен, мимо огромных, как

паровозы, красных грузовиков и сплетения подъездных путей, где стоял неугомонный грохот товарных поездов дальнего следования и по всем магистралям шли грузы: из яблоневых садов — по Нью-Йоркской Центральной, с пшеничных полей — по Большой Северной, с апельсиновых плантаций — по Тихоокеанской железной дороге.

Они заехали поговорить с уполномоченным зенитского чугунолитейного завода о заказе художественной литой решетки для кладбища «Долина лип». Потом подъехали к конторе автозавода Зико и расспросили коммерческого директора Ноэля Райленда, можно ли получить скидку на машину его фирмы для Генри Томпсона. Бэббит и Райленд оба принадлежали к клубу Толкачей, а каждый из них считал себя в обиде, если не добивался скидки, покупая что-нибудь у сочленов по клубу. Но Генри Томпсон проворчал: «Да ну их к чертям! Стану я подлизываться из-за какой-то скидки!» В этом и была разница между Томпсоном — настоящим старозаветным поджарым янки, типичным грубоватым дельцом старой закалки, каких выводят в пьесах, и Бэббитом, упитанным, вежливым, деловитым, точным — словом, во всех отношениях современным бизнесменом. Когда Томпсон тянул в нос: «Вытряхивай мошну, дело на мази!» — Бэббита эти устарелые провинциализмы забавляли, как забавляет коренного англичанина речь любого американца. Бэббит считал себя гораздо культурнее и интеллигентнее Томпсона. Недаром он окончил университет, играл в гольф, часто курил сигареты вместо сигар, а когда ездил в Чикаго, брал номер с отдельной ванной. «Все дело в том, — объяснял он Полю Рислингу, — что этим старым бобрам не хватает тонкости, а без нее в наше время не обойтись!»

«Правда, и цивилизация хороша в меру», — подумал Бэббит. Ноэль Райленд, коммерческий директор Зико, был выпускником легкомысленного Принстона, тогда как сам Бэббит был доброкачественным и стандартным продуктом из гигантского универмага, именуемого университетом штата. Райленд щеголял в гетрах, сочинял пространные письма о планировании городов, о хоровых кружках, и ходил слух, что, несмотря на свою принадлежность к клубу Толкачей, он носит в кармане томики стихов на иностранных языках. Это уж было слишком. Одной крайностью был Генри Томпсон, прикованный к земле, другой — Ноэль Райленд, витавший в облаках. А между ними, как столпы государства,

защитники евангелической церкви, домашнего очага и процветающего бизнеса, стояли Бэббит и его друзья.

Дав себе мысленно такую оценку — и, кстати, выторговав скидку на машину для Томпсона, — Бэббит с триумфом вернулся в свою контору.

Но, проходя по коридорам Ривс-Билдинга, он вздохнул: «Эх, бедняга Поль! Надо бы мне... К черту Ноэля Райленда! К черту Чарли Мак-Келви! Воображают себя бог знает кем оттого, что делают дела больше, чем я. Да меня живым не затащишь в их клуб Юнион, там задохнуться можно. Я им... Ох, как не хочется сегодня работать! Что поделаешь...»

Он ответил на телефонные звонки, просмотрел четырехчасовую почту, поговорил с квартиронанимателем о ремонте, разругался со Стэнли Грэфом.

Молодой Грэф, разъездной агент конторы, постоянно намекал, что заслуживает повышения комиссионных, и сегодня тоже стал жаловаться: «Право, мне следует премия, если удастся продать дом Гайлера. Гоняю без передышки, каждый вечер занят, ей-богу!»

Бэббит часто объяснял жене, что «лучше подмазывать своих помощников, пусть будут довольны, чем наседать на них, гнать в три шеи, хорошим отношением из них больше выжмешь», — но беспримерная неблагодарность Грэфа задела его за живое, и он рассердился:

— Слушайте, Стэн, давайте потолкуем начистоту. Вам взбрело в голову, что все сделки заключаете вы. Откуда вы это взяли? Чего бы вы добились, если бы за вами не стоял наш капитал, наши списки, если бы мы не находили для вас объекты? Ваше дело маленькое — заключать сделки по нашим указаниям, и все. Ночной сторож и то сумел бы продать участки по спискам Бэббита — Томпсона. Говорите, у вас есть невеста, а все вечера приходится гонять за покупателями? А что же вам делать? Что вам нужно? Сидеть и держать ее за ручку? Так я вам вот что скажу, Стэн: если девушка стоящая, она сама будет рада, что вы стараетесь, зарабатываете деньги на гнездышко, вместо того чтобы любезничать с ней. Кому неохота поработать сверхурочно, кто предпочитает по вечерам зачитываться всякой дрянью, крутить

романы, забивать головы девчонкам, тот не настоящий человек, энергичный, с Будущим, Прозорливый, — а нам только такие и нужны! А вы? Есть у вас Идеал? Хотите стать богатым, занять свое место в обществе или предпочитаете лентяйничать, жить без стремлений, без всякой цели?

Но в этот день на Грэфа что-то не действовали разговоры об Идеале и Прозорливости.

— Конечно, для меня самое важное — заработать! Поэтому я и заговорил о премии! Честное слово, мистер Бэббит, не хочу вам прекословить, но хуже гайлеровского дома я в жизни ничего не видел! Никто на него не позарится. Полы прогнили, стены трескаются.

— Об этом-то я и говорю! Такие трудности только подстегивают комиссионера, который любит свою профессию. А кроме того, Стэн... в общем, мы с Томпсоном принципиально против премиальных. Вы нам нравитесь, мы с удовольствием поможем вам поскорее жениться, но не можем же мы обойти других наших работников. Начни мы давать вам премии, Лейлок и Пеннимен обидятся, скажут, что это несправедливо. Что правильно, то правильно, и никакого неравенства мы у себя в конторе не допустим, это нечестно! Вы только не воображайте, Стэн, что и сейчас, как во время войны, трудно найти комиссионеров, — нет, сейчас безработными хоть пруд пруди, сколько способных молодых людей согласились бы пойти на ваше место, радовались бы тем возможностям, которые мы вам даем, а не вели бы себя так, будто мы с Томпсоном — вам враги и на нас можно работать только за премиальные. Поняли вы меня, а? Поняли?

— Да... Как будто понял... Ну что ж... — вздохнул Грэф и попятился к дверям.

Бэббит не так уж часто ссорился со своими служащими. Он любил, чтобы его любили окружающие, он огорчался, когда к нему относились плохо. Но стоило им посягнуть на его священный кошелек, как с испугу он приходил в ярость, но потом, будучи прирожденным оратором и человеком высокой принципиальности, увлекался собственным красноречием и пылом добродетели. Сегодня он с таким вдохновением доказывал свою правоту, что вдруг подумал — а был ли он достаточно справедлив по отношению к Стэну.

«В конце концов Стэн не мальчишка. Не стоило так его честить. А, черт, иногда не мешает как следует пробрать человека — ему же на

пользу. Неприятная обязанность — да что поделаешь. Интересно, обиделся Стэн или нет? Воображаю, что он там говорит этой Мак-Гаун!»

Но когда он вышел из кабинета в контору, оттуда на него пахнуло такой холодной ненавистью, что все удовольствие привычного вечернего ухода домой было испорчено. Бэббит был расстроен, не чувствуя того одобрения служащих, от которого так зависит всякий хозяин. Обычно он уходил из конторы в веселой суете, хлопотливо повторяя тысячу раз, что завтра трудный день и лучше бы мисс Бенниген и мисс Мак-Гаун пришли пораньше, а как только он сам придет, пусть ради всех святых ему напомнят позвонить Конраду Лайту. Сегодня он попрощался со всеми притворно бодрым и вместе с тем виноватым-тоном. Он боялся этих застывших физиономий, этих пристальных взглядов. Мисс Мак-Гаун подняла на него глаза от машинки, мисс Бенниген косилась исподлобья, Мэт Пеннимен вытянул шею из своего темного угла, у Стэнли Грэфа вид был замкнутый, мрачный, и Бэббит боялся их, как выскочка боится холодной чопорности своего дворецкого. Бэббиту до смерти не хотелось услышать за спиной их смех, и, пытаясь напустить на себя небрежную веселость, он что-то бормотал, развязно шутил и в конце концов с жалким видом протиснулся в двери.

Но все огорчения как рукой сняло, когда уже со Смит-стрит перед ним открылась вся прелесть Цветущих Холмов: крытые красной черепицей и зеленоватым шифером дома, сверкающие стекла новых террас, ослепительно чистые стены.

Он остановился у дома Говарда Литтлфилда, своего ученого соседа, и сообщил ему, что, несмотря на по-весеннему теплый день, вечера, вероятно, будет холодный. Входя в дом, он крикнул жене: «Где ты там?» — не испытывая, впрочем, особого желания знать, где именно она находится. Он осмотрел лужайку, проверяя, хорошо ли подчистил ее дворник. С некоторым удовлетворением, и после всестороннего обсуждения данного вопроса с миссис Бэббит, Тедом и Говардом Литтлфилдом, он пришел к выводу, что дворник подчистил лужайку очень плохо. Он сам срезал два пучка сорной травы большими портняжными ножницами жены, заявил Теду, что глупо

держат дворника: «Такой верзила, как ты, сам мог бы делать всю работу по дому», — а про себя подумал: приятно, когда соседи знают, что благодаря его богатству сыну ничего делать по дому не приходится.

Выйдя на террасу, он занялся дневной зарядкой: руки в стороны — две минуты, руки вверх — две минуты, бормоча при этом: «Надо бы больше гимнастики, подтягивает». Потом подошел к зеркалу проверить — нужно ли менять воротничок к обеду или сойдет и так. Как всегда, сошло и так.

Служанка, мощная женщина, наполовину латышка, наполовину хорватка, ударила в обеденный гонг.

Ростбиф, жареный картофель, фасоль — все оказалось в этот вечер превосходным, и после пространных рассуждений о погоде, о заработанных четырехстах пятидесяти долларах, о завтраке с Полем Рислингом и несомненных достоинствах новой зажигалки Бэббит снизошел до благодушного замечания:

— Подумываю, не купить ли новую машину! Не знаю, как в этом году, но, может, и купим.

Верона, старшая дочь, обрадовалась:

— Знаешь, папа, уж если покупать, так закрытую! Это такая прелесть! Закрытая машина куда удобней открытой.

— Ну, не скажи. Я вот люблю открытую, больше дышишь свежим воздухом.

— Еще чего! Просто ты никогда в закрытой не ездил! Давай купим закрытую. Классная штука! — сказал Тед.

«Да, в закрытой не так пылится платье», — вставила и миссис Бэббит. «И волосы не разлетаются», — добавила Верона. «И куда шикарней!» — подтвердил Тед, а Тинка, младшая, пропищала: «Давайте купим закрытую! Папа Мэри Элен уже купил закрытую!» Тед подвел итог: «У всех закрытые машины, кроме нас».

Бэббит выдержал натиск:

— Не понимаю, к чему эти разговоры! Во всяком случае, машину я завел не для того, чтобы вы, дети, разыгрывали из себя миллионеров. А я люблю открытую машину, чтобы летом можно было откинуть верх, прокатиться вечерком, подышать как следует свежим воздухом. Да и, кроме того, закрытая машина куда дороже!

— Ну-у, вот еще! Если уж эти Доппелбрау могут купить закрытую, неужели мы хуже их! — подзадоривал Тед отца.

— М-да... Я-то зарабатываю в год тысяч восемь, а он всего семь... Но я денег на ветер не бросаю, не расшвыриваю, как он, не трачу попусту! И вообще я считаю, что нельзя вдруг выбросить столько денег, лишь бы пустить пыль в глаза, и кроме того...

Тут пошло горячее и подробное обсуждение обтекаемых корпусов, мощности, качества шин, хромированной стали, систем зажигания и окраски автомобилей. Речь шла не просто о способе передвижения — речь шла о завоевании рыцарского герба. В городе Зените, среди варваров двадцатого века, автомобиль определял социальное положение семьи, так же как звание пэра определяло знатность английских семейств, определял, пожалуй, даже более точно, если припомнить, с каким презрением старинная английская знать относилась к новоиспеченным баронам-пивоварам и виконтам-суконщикам. Правда, никаких местных законов в Зените официально не существовало. Не было придворного этикета, который указал бы — должен ли младший сын лимузина пирс-эрроу садиться за обедом выше старшего сына закрытого бьюика, но уж в их относительной социальной значимости никто не сомневался, и если мечтой Бэббита в ранней молодости был пост президента, то мечтой его сына, Теда, был двенадцатицилиндровый паккард и прочное положение среди автомобильной знати.

Но благосклонное отношение семьи, которое Бэббит завоевал разговором о новой машине, сразу улетучилось, когда они поняли, что в этом году никакой машины не будет.

— Фу, безобразие! — огорчился Тед. — У нашей старой калоши такой вид, будто ее заели блохи и она так чесалась, что соскребла всю краску.

На это миссис Бэббит рассеянно заметила: «Так с отцом не разговаривают», — а Бэббит рассердился; «Если ты такой безукоризненный джентльмен и возвращаешься во всяком там бонтоне и прочее, так не бери вечером старую машину — и все!»

— Да нет, я вовсе не к тому... — оправдывался Тед, и весь обед прошел в обычных семейных «радостях», пока Бэббит не сказал:

— Ну, хватит, не сидеть же тут весь вечер! Дайте прислуге убрать со стола.

Разговоры расстроили его: «Ну и семейка! И почему мы вечно цапаемся? Хорошо бы уехать куда-нибудь подальше, посидеть, подумать... С Полем... В Мэн... Надеть старые штаны, валяться на траве, душу отвести...»

Жене он осторожно сказал!

— Мне тут один человек писал из Нью-Йорка, хочет повидать меня насчет одной сделки. Возможно, придется отложить до лета. Лишь бы только это дело не заварилось как раз тогда, когда мы с Рислингами соберемся ехать в Мэн. Жалко будет, если не сможем поехать вместе. Впрочем, это еще не скоро...

Верона убежала сразу после обеда, и никто ее не остановил, хотя Бэббит машинально бросил: «Посидела бы дома!»

В гостиной на диване Тед пристроился учить уроки: планиметрия, Цицерон, мучительный разбор мильтоновских метафор в «Комусе».

— Не понимаю, на кой черт нас заставляют учить эту старую рухлядь, всяких там Мильтонов, Шекспиров, Вордсвортов и как их там! — пожаловался он. — Ну, я еще согласился бы посмотреть Шекспира на экране, в хорошей постановке, со всякими трюками, но вот так, здорово живешь, сесть и *читать* его... Нет, до чего только эти учителя додумываются, ужас!

Миссис Бэббит, штопая носки, тоже высказалась:

— Да, я сама не понимаю, зачем учить Шекспира. Конечно, я не стала бы спорить с профессорами, указывать им, но у Шекспира есть такие места, — правда, не скажу, что я сама его читала, но когда я была молодая, мне подруги показывали такие строчки, такие... ну, словом, совершенно неподходящие вещи.

Бэббит сердито поднял глаза от юмористического приложения к газете «Вечерний адвокат». Это было его любимое чтение — комиксы, в которых мистер Джефф бомбардирует мистера Мэтта тухлыми яйцами, а мамаша учит папашу уму-разуму при помощи кухонной скалки. С благоговейным выражением лица, тяжело посапывая и полуоткрыв рот, он ежевечерне внимательнейшим образом изучал каждую картинку и терпеть не мог, когда прерывали этот торжественный ритуал. Кроме того, он сознавал, что по части Шекспира он не авторитет. Ни в «Адвокат-таймсе», ни в «Вечернем адвокате», ни в «Известиях зенитской Торговой палаты» еще ни разу не было передовицы о Шекспире, а пока один из этих органов не

высказался, Бэббиту было трудно составить собственное мнение. Но и с риском утонуть в незнакомом болоте он не мог не ввязаться в спор.

— Я тебе объясню, зачем учить Шекспира и прочих. Затем, что это требуется для поступления в университет! Лично я не вижу, зачем их надо было включать в программу нашей современной школы. Было бы гораздо лучше, если б ты проходил коммерческую корреспонденцию и учился составлять объявления или писать деловые письма, такие, что сразу действуют. Но программы существуют, и тут спорить, рассуждать и возражать не приходится. Беда твоя, Тед, в том, что ты сам не знаешь, чего тебе хочется. Но если ты поступишь на юридический факультет, — а ты туда непременно поступишь, мне самому не пришлось, но тебя-то я непременно отдам на юридический, — там тебе и английская литература, и латынь еще как понадобятся!

— А, ерунда! Не понимаю, на черта мне юридический, и даже школу мне кончать незачем. Не хочется мне в университет! Ей-богу, сколько людей кончили университеты, а зарабатывают во сто раз меньше, чем те, кто сразу занялся делом. Старый Шимми Питере, наш учитель латыни, — он кандидат чего-то там по Колумбийскому университету, — ночи напролет читает какие-то трепанные книжки и вечно бубнит про «значение лингвистики», а сам, бедняга, еле-еле выколачивает тысячу восемьсот в год. Да за такие деньги ни один агент разъезжать не станет! Нет, я знаю, чего мне хочется! Я бы хотел стать летчиком или владельцем шикарного гаража, а еще я бы хотел — мне вчера про это один парень рассказывал, — я бы хотел стать одним из тех, кого «Стандарт Ойл» посылает в Китай, живешь там в особняке, делать нечего, можешь свет посмотреть, всякие там пагоды, море и все такое! А еще я мог бы учиться заочно. Вот это дело! Не надо отвечать какому-нибудь старому чучелу, которому только и дела, что выслуживаться перед директором, а учиться можно чему угодно! Вот послушай! Я собрал замечательные вырезки насчет всяких курсов.

Он вытащил из учебника геометрии с полсотни реклам заочных курсов — вклад в педагогическую науку, внесенный энергичными и дальновидными коммерсантами Америки. На первой из них был изображен молодой человек с высоким лбом, железной челюстью и словно отлакированными волосами, в шелковых носках; держа одну руку в кармане, он вытянул указующий перст другой и явно

очаровывал аудиторию, состоящую из господ с седыми бородами, внушительными животами, лысыми и всеми другими признаками мудрости и богатства. Над картиной был изображен вдохновляющий символ знания — не устаревшая лампада, или факел, или сова Минервы, а ряд долларовых знаков. Текст гласил:

«ОРАТОРСКОЕ ИСКУССТВО НЕСЕТ ВЛАСТЬ И БОГАТСТВО РАССКАЗ ЧЛЕНА НАШЕГО КЛУБА

Как вы думаете, кого я встретил вчера в ресторане «Люкс»? Нашего старого приятеля, Фредди Дэрки, который был скромнейшим клерком в нашей конторе, — «мистера Мышь», как мы в шутку звали этого славного парня. Тогда он был настолько застенчив, что боялся директора как огня, и никто не мог оценить его отличную работу. И вдруг он — в ресторане «Люкс»! Преспокойно заказывает шикарнейший обед, со всеми «онерами» от сельдерея до орехов на десерт! И не только не стесняется официантов, как бывало в захудалом ресторанчике, где мы завтракали в добрые старые времена, а наоборот, распоряжается, словно миллионер! Я робко спросил его, чем он сейчас занимается. Фредди рассмеялся и ответил: «Слушай, старик, ты, наверно, не понимаешь, что со мной случилось! Могу тебе сообщить приятную новость: я теперь помощник директора нашей старой конторы, вступил на путь к настоящей Власти и Богатству, собираюсь купить двенадцатицилиндровую машину, жена моя блистает в свете, а ребята учатся в первоклассной школе.

Вот как это вышло. Однажды я прочел о заочном курсе обучения: любого из нас предлагалось научить, как легко и непринужденно беседовать, отвечать на вопросы, вносить предложения начальству, добиваться ссуды в банке, как очаровывать публику шутками, анекдотами, рассказами и так далее. Объявление было составлено профессором ораторского искусства Уолдо Ф.Питом. Да, я тоже сразу не поверил, но все же написал (достаточно открытки с указанием адреса и фамилии) издателю и попросил выслать мне лекции без всяких обязательств (деньги возвращаются, если результат окажется неудовлетворительным). Мне прислали восемь лекций, написанных простым и ясным языком, понятным каждому, и я изучал их по вечерам в свободные часы, а потом стал практиковаться перед своей женой. Вскоре я

увидел, что могу запросто разговаривать с самим директором. Я добился хорошей оценки моей добросовестной работы. Меня стали ценить, и я начал быстро продвигаться по службе. Знаешь, старый черт, сколько мне теперь платят? Шесть с половиной тысяч в год! И представь себе, я понял, что могу овладеть вниманием любой аудитории и заставить слушать мое выступление на любую тему. Как друг, советую и тебе, старина, выписать циркуляр (никаких обязательств!), а также ценную репродукцию художественной картины (прилагается бесплатно) по следующему адресу:

Издательство кратких курсов самообразования.

Почтовый ящик В.-А.Сэндпит, Айова».

ЧЕМУ ВЫ НАУЧИТЕСЬ У НАС

Как произносить речи в клубе.

Как провозглашать тосты.

Как рассказывать анекдоты.

Как делать предложение руки и сердца.

Как вести себя на банкетах.

Как убеждать покупателей.

Как расширить запас слов.

Как производить впечатление на людей.

Как стать глубоким, точным
и оригинальным мыслителем.

Как стать ХОЗЯИНОМ ЖИЗНИ.

Проф. У.-Ф.ПИТ —

автор ускоренного курса ораторского искусства, безусловно, является выдающимся ученым в области литературы, психологии и красноречия. Обладатель ученых степеней лучших наших университетов, лектор, неутомимый путешественник, автор множества книг, стихов и проч. Настоящий ВЛАСТИТЕЛЬ ДУМ. Готов передать вам все тайны своей культуры и непреодолимой власти над людьми в нескольких общедоступных лекциях, которые не помешают остальным вашим занятиям.

СТОПРОЦЕНТНЫЙ ВЫ ЧЕЛОВЕК ИЛИ ТОЛЬКО
ДЕСЯТИПРОЦЕНТНЫЙ?»

Бэббит опять не знал, чем руководствоваться для авторитетных высказываний. Ни при вождении машины, ни при продаже недвижимости он никогда не сталкивался с вопросами — как солидный гражданин и настоящий человек должен относиться к передаче культурных достижений по почте. Он заговорил нерешительно:

— Что ж, как будто тут обо всем сказано. Конечно, ораторское искусство — дело хорошее. Иногда мне казалось, что у меня самого есть какой-то талант, да, кроме того, я отлично понимаю, что, скажем, такой старый жулик, как Чэн Мотт, чего-то добивается в своем деле только потому, что умеет заговорить клиента, хотя сказать ему, в сущности, нечего. Конечно, все эти заочные курсы по всяким предметам ловко придуманы. И все-таки я тебе скажу вот что: не стоит зря переводить деньги на эти курсы, когда ты можешь получить блестящие знания и до ораторскому искусству, и по английскому языку в своей собственной школе — в самой большой школе штата!

— Верно, верно! — с довольным видом подтвердила и миссис Бэббит, но Тед огорченно сказал:

— Мало ли что, папа! Учат-то нас всякой чепухе, от которой никому пользы нет, — ну, я не говорю о ручном труде, машинописи, — да еще о баскетболе, танцах, а вот на заочных курсах учат таким вещам, которые каждую минуту могут пригодиться. Только послушай:

«А ты — НАСТОЯЩИЙ МУЖЧИНА?»

Представь себе, что ты гуляешь с матерью, сестрой или любимой девушкой, и вдруг кто-то отпустит на их счет обидное замечание или непристойное слово. Неужели тебе не будет стыдно, если ты не сможешь за них заступиться? А сможешь ли ты, — вот вопрос!

Мы учим боксу и самообороне заочно. Многие наши ученики сообщали, что после нескольких уроков они побеждали гораздо более сильных противников. Уроки начинаются с простейших движений, которые можно разучить перед зеркалом, — вытягивать руку или разворачивать плечи, как при плавании брассом и так далее. И незаметно ты выучишься профессионально нападать и обороняться, уклоняясь от удара и делая ложные выпады, как будто перед тобой настоящий противник».

— Вот бы мне так! — мечтательно протянул Тед. — Я бы им показал! Есть у нас в школе один такой, треплет языком, так что деваться некуда, попался бы он мне в уголке, черт возьми...

— Глупости! Ерунда! Глупей ничего не мог выдумать! — сердито оборвал его Бэббит.

— Да ты только представь себе, вдруг я иду с мамой или Роной, а кто-нибудь отпускает на их счет обидное замечание или непристойное слово. Что я буду делать?

— Ты? Наверно, побьешь рекорд по скоростному бегу!

— Неправда! Я покажу этому мерзавцу, как отпускать обидные замечания насчет моей сестры, я ему всю морду...

— Слушай, ты, недопеченный Демпси! Если я когда-нибудь услышу, что ты дерешься, я из тебя дух вышибу, хоть я и не практиковался перед зеркалом, как вытягивать руку!

— Нехорошо, Тед, голубчик! — ласково сказала миссис Бэббит. — Разве можно драться!

— Господи, ничего вы не понимаете! А вдруг мы с тобой гуляем, мама, а кто-нибудь отпустит на твой счет обидное замечание?

— Никто никаких замечаний отпускать не будет, — внушительно сказал Бэббит, — лишь бы все сидели дома, учили геометрию и занимались делом, а не шлялись по бильярдным и кафе и по всяким злачным местам, куда вообще ходить нечего!

— Ну, папа, ты тоже скажешь! А вдруг все-таки кто-нибудь посмеет...

— А если посмеют, — пропищала миссис Бэббит, — я не обращу ни малейшего внимания — много чести! И вообще этого не бывает. Вечно слышишь про то, как к женщинам пристают, как их оскорбляют, а я в это не верю, тут сами женщины виноваты, пусть не строят глазки кому попало! Во всяком случае, ко мне еще никто не приставал...

— Да ну, мама, неужели ты не можешь вообразить, что к тебе пристали? Понимаешь — вообразить! Неужели ты не можешь представить себе, что так случилось? Неужели у тебя не хватает воображения?

— Как это я не могу себе представить? Конечно, могу!

— Конечно, мама сумеет представить себе что угодно! — вступился Бэббит. — Уж не думаешь ли ты, что из всей семьи только у тебя одного есть воображение? Впрочем, какой смысл воображать?

Воображение не доведет до добра. Глупо воображать, когда есть столько фактов, из которых можно сделать вывод...

— Слушай, папа! Вообрази на минуту — понимаешь, вообрази, что в твою контору входит какой-нибудь твой конкурент, другой маклер...

— Не маклер, а посредник!

— Ну, посредник, которого ты ненавидишь...

— Чего ради я буду ненавидеть других посредников?

— Да ты только вообрази, понимаешь, ну представь себе!

— Не желаю воображать всякую чушь! Да, есть люди моей профессий, которые опускаются до того, что ненавидят своих конкурентов, но был бы ты постарше и разобрался в делах, вместо того чтобы шляться в кино и бегать за девчонками в платьях выше коленок, за дурами, которые красятся и мажутся, как будто они хористки или бог знает кто, — тогда бы ты понимал и ясно представлял себе, что для меня самое главное, чтобы у нас, в коммерческих кругах Зенита, всегда говорили друг о друге в самых дружественных тонах, чтобы меж нами царил дух братства, сотрудничества! Вот почему я не могу вообразить, не могу себе представить, чтобы я вдруг возненавидел кого-нибудь из посредников по продаже недвижимого имущества, даже такого гнусного жулика и втирушу, как Сесиль Раунтри!

— Ну, а вдруг!

— Никаких «вдруг» тут не может быть! Но уж если бы мне нужно было кого-нибудь проучить, разве я стал бы прыгать перед зеркалом, вертеться и крутиться — зачем мне эти фигли-мигли? Представь себе, что ты где-то сидишь и тебя вдруг кто-то обругает. Что же, ты будешь боксировать и прыгать вокруг него, как учитель танцев, что ли? Ты просто уложишь его одним ударом (во всяком случае, надеюсь, что мой сын на это способен!), а потом оботрешь руки и забудешь о нем, вот и все — и нечего заниматься всякими заочными боксами!

— Нет, все-таки... Понимаешь, я только хотел тебе показать — каким замечательным вещам можно научиться заочно, вместо всей этой жвачки, которой нас пичкают в школе.

— Но, по-моему, вас учат боксу на уроках гимнастики!

— Это не то! Поставят с каким-нибудь верзилой, он тебя и молотит кулаками в свое удовольствие, разве тут успеешь чему-нибудь

научиться? Нет, спасибо! Ищите дураков! А ты послушай, тут у меня еще есть!

Это были не объявления, а сплошная филантропия. Одно из них было украшено кричащим заголовком: «Деньги! Деньги! Деньги!» В другом рассказывалось, как «мистер П.Р., зарабатывавший всего восемнадцать долларов в неделю в своей парикмахерской, теперь, пройдя курс нашего обучения, получает не меньше пяти тысяч в год, сделавшись врачом остеопатом-виталистом». Третье объявление повествовало о том, как «мисс Д.Л., служившая упаковщицей в магазине, теперь получает десять долларов чистоганом в день, обучая по нашей индусской системе Правильному Вибрационному Дыханию и Психическому Самоконтролю».

Тед собрал пятьдесят или шестьдесят таких вырезок из всяких ежегодников, воскресных приложений, художественных журналов и газет. Один благодетель умолял: «Не будьте в тени! Станьте популярным в обществе, зарабатывайте кучу денег! Вы можете завоевать сердца людей игрой на гитаре или пением! Наш тайный, недавно открытый метод обучения музыке дает возможность каждому ребенку или взрослому, без утомительных упражнений, специальных уроков, долгих занятий, без затраты денег, времени и сил, научиться играть по нотам на рояле, банджо, корнете, кларнете, саксофоне, скрипке и барабанае, а также петь с листа!»

Другой благодетель, под призывным заголовком «**НУЖНЫ ДАКТИЛОСКОПИСТЫ — ОГРОМНЫЙ ЗАРАБОТОК!**» доверительно сообщал: «**ДЛЯ ВАС — люди с горячей кровью! — нашлась ПРОФЕССИЯ, которую вы так долго искали! ОГРОМНЫЕ ДЕНЬГИ — масса ВЫГОД, постоянные разъезды, неослабевающий интерес, увлекательные и захватывающие приключения, которых так жаждет ваш живой ум и мятежная душа. Подумайте, как заманчиво стать главным действующим лицом и сыграть решающую роль в разоблачении таинственных происшествий и загадочных преступлений. Занимаясь этой необычайной профессией, вы на равных встретитесь с влиятельнейшими лицами и вам часто придется путешествовать, иногда по отдаленным и неизведанным краям, причем все расходы оплачиваются! НИКАКОГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НЕ ТРЕБУЕТСЯ!**»

— Здорово, а? Все отдай — и то мало! Вот бы мне так попутешествовать, поймать какого-нибудь знаменитого преступника! — воскликнул Тед.

— Ничего хорошего тут нет! Еще ранят, чего доброго! Вот уроки музыки — это как будто дело. Если можно поднять производительность труда на фабриках, так почему бы специалистам по музыке не придумать какой-нибудь способ, чтобы человеку не надо было возиться со всякими там гаммами и экзерсисами! — Бэббит явно был под впечатлением этой рекламы и, кроме того, испытывал приятнейшее родительское чувство, оттого что они с Тедом, так сказать, мужчины в семье, отлично понимающие друг друга.

Сын стал читать ему рекламы заочных университетов, обучавших, как писать рассказы, укреплять память, как стать киноактером, развить силу воли, как научиться банковскому делу, испанскому языку, хироподии и фотографии, электротехнике и оформлению витрин, птицеводству и химии.

— Да, ничего не скажешь... — Бэббит не знал, как выразить свое восхищение. — Черт меня подери! Я слышал, что заочное обучение — дело выгодное; ей-богу, рядом с ним наша контора по продаже участков — грошовое предприятие! Но я никогда не думал, что такое дело вырастет в настоящую отрасль промышленности! Не хуже универмагов и кино, честное слово! Я так и думал, что найдется человек с головой, который поймет, что нельзя возлагать дело обучения на всяких книжных червей, непрактичных теоретиков, тут нужны широкие масштабы. Да, я теперь понимаю, почему эти курсы тебя заинтересовали. Надо будет спросить своих в клубе, не знает ли кто-нибудь об этом. Но вместе с тем, Тед, ты понимаешь, что в объявлениях — я хочу сказать, в некоторых объявлениях — все преувеличивается! Не знаю, смогут ли они так молниеносно вдолбить человеку то, что они рекламируют.

— Еще бы, папа! Конечно, смогут! — Тед чувствовал себя бесконечно счастливым и вполне взрослым оттого, что старшие так внимательно его слушают. Бэббит был счастлив, что испытывал такое чувство к сыну.

— Да, я и сам вижу, какое влияние эти курсы могут оказать на всю систему просвещения. Конечно, в обществе я об этом никогда не скажу, — если человек окончил университет штата, как я, он из

патриотизма, из чувства приличия должен всюду превозносить свою альма-матер, но, по правде сказать, и в университете теряешь черт знает сколько драгоценного времени — учишь всякую там поэзию, французский, словом, предметы, на которых никто и цента не заработал. Не знаю, может быть, эти заочные курсы окажутся одним из самых блестящих американских изобретений. Беда в том, что большинство людей такие материалисты, — продолжал он, — не видят они духовного и умственного превосходства Америки! Они думают, что изобретения, вроде телефона, самолета и радио, — впрочем, нет, радио изобрел какой-то итальяшка, но это неважно — в общем, они считают, что эти технические усовершенствования для нас — самое главное. А на самом деле настоящий мыслитель видит, так сказать, и духовную сторону наших достижений, он понимает, что производительность труда, и ротарианские клубы, и сухой закон, и демократия — величайшие наши духовные завоевания. И, может быть, заочное образование, университет на дому, тоже принадлежит к их числу. Говорю тебе, Тед, человек должен смотреть в Будущее.

— А по-моему, эти курсы на дому — мерзость!

Философы остолбенели. Как это миссис Бэббит вдруг решила нарушить их духовное общение? Одной из главных добродетелей миссис Бэббит было именно то, что, за исключением званных обедов, когда она превращалась в главу семьи и хозяйку дома, она только и знала, что хлопотать по хозяйству, и никогда не утруждала мужчин своими соображениями. Но тут она высказалась вполне решительно:

— Да, я считаю, что это ужасно: уговаривать несчастных детей, что они чему-то научатся без всякой помощи... Вы-то оба, может быть, и быстро выучиваетесь, а я никогда не умела сама заниматься! Да и вам тоже...

Но Бэббит остался тверд:

— Чепуха! Отлично можно заниматься самостоятельно. Не думаешь ли ты, что парень легче выучится, если будет тратить отцовские денежки, заработанные с таким трудом, на то, чтобы сидеть в мягких креслах, в шикарном гарвардском общежитии, со всякими картинами, гербами, скатертями и прочей мурой? Я тебе по опыту говорю, — сам учился в университете! Правда, есть одно возражение против этих курсов. Я решительно возражаю против того, чтобы отвлекать людей от работы в парикмахерских и на заводах и делать из

них квалифицированных специалистов. Их и без того как собак нерезанных! А откуда взять рабочих, если все полезут в науку?

Тед курил, развалившись в кресле, и никто не делал ему замечания. В эту минуту он чувствовал себя участником высокоинтеллектуальной беседы, как будто он был Полем Рислингом или даже самим доктором наук Говардом Литтлфилдом. Он решил закинуть удочку:

— Так как же ты думаешь, папа? Не поехать ли мне в Китай, а то и в какое-нибудь место почище, и уже там заочно изучить инженерное дело или еще что-нибудь?

— Думаю, что не стоит, сынок, и сейчас объясню почему. Я убедился, что иногда очень приятно сказать, что ты окончил университет. Случается, какой-нибудь клиент не знает, кто ты, думает — делец, торгаш, и начнет разоряться насчет экономики, литературы, внешней торговли, а ты вдруг этак незаметно ввернешь: «Когда я был в университете — да, я получил звание бакалавра по социологии и всякой такой штуке...» Тут он сразу и заткнется! Но какой прок заявлять: «Получил звание лизателя почтовых марок в Тарарамском заочном университете!» Понимаешь, мой отец был славный старикашка, но образования ни на грош, в университете мне самому пришлось пробиваться, работал я как проклятый. И не жалею — зато теперь я принят в лучшем обществе Зенита, в самых благородных кругах, в клубах и прочее, и мне не хотелось бы, чтобы ты стал изгоем, оторвался от класса джентльменов. Да, у этих людей такая же красная кровь, как у простого народа, но в их руках сила, они цвет общества. И для меня будет большим ударом, если ты оторвешься от общества.

— Понимаю, папа. Ну что ж, буду стараться. О, черт! Вот так штука! Совершенно забыл, что обещал отвезти девчонок на репетицию хора. Надо лететь!

— Но ты еще не приготовил уроки!

— Завтра с утра сделаю!

— Ну, что ж...

Шесть раз за последние шесть недель Бэббит подымал крик; «Никаких „завтра с утра“! Сию минуту садись заниматься!» — но сегодня вечером он только сказал: «Ну, беги скорей!» — и улыбнулся топ редкой и ласковой улыбкой, какой обычно улыбался только Полю Рислингу.

— Тед — хороший мальчик, — сказал он миссис Бэббит.

— Конечно, хороший.

— Какие это девочки с ним поедут? Из приличной семьи, воспитанные?

— Не знаю. Да разве Тед мне что-нибудь теперь рассказывает? Не понимаю, что случилось с нынешним поколением. Меня заставляли все решительно рассказывать папе с мамой. А наши дети вышли из-под всякого контроля.

— Надеюсь, что это порядочные девицы. Ведь Тед не ребенок, и мне не хотелось бы, чтобы он... м-мм... связался с кем-нибудь неподходящим.

— Знаешь, Джордж, я уже думала: не пора ли тебе поговорить с ним с глазу на глаз, рассказать ему... ну, про все! — Она покраснела и опустила глаза.

— Право, не знаю. Видишь ли, Майра, по-моему, не надо наводить мысли мальчика на всякие такие вещи. Боюсь, что он и сам до всего додумается. Впрочем, не знаю... сложный это вопрос. Интересно бы узнать мнение Литтлфилда.

— Конечно, мой отец с тобой согласен. Он считает, что всякие эти... ну, разъяснения... просто неприличны!

— Ах вот как! Разреши тебе сказать, что у Генри Т.Томпсона такие представления — я говорю о нравственности, — что хотя этого старого пролазу...

— Как тебе не стыдно! — про отца!

— ...никто не перешибет, когда нужно обмозговать выгодное дело, но позволь тебе сказать, что в вопросах высшего порядка, в вопросах воспитания мы с ним держимся противоположных точек зрения. Может быть, я для тебя тоже не светоч науки, но по сравнению с Генри Т. я просто президент академии! Нет, дорогая моя, я непременно поговорю с Тедом с глазу на глаз и объясню ему, почему я веду исключительно нравственный образ жизни.

— Объяснишь? А когда?

— Когда, когда... Зачем ты меня ограничиваешь всякими «когда», и «где», и «как», и «почему»? Беда с этими женщинами! Из-за этого они не могут занимать ответственные посты: никакой дипломатии не понимают. Подвернется удобный случай, подходящая обстановка — я

с ним и заговорю, по-дружески, и я ему скажу... господи, чего это Тинка шумит наверху? Ей давно пора спать.

Он прошелся по гостиной, вышел на застекленную террасу, где стояли плетеные стулья и качалка, — семья отдыхала тут по воскресеньям. Только свет в окнах у Дюппелбрау да туманные очертания высокого вяза — любимого дерева Бэббита — виднелись в мягкой тьме апрельской ночи.

«Славно поговорили с мальчиком. Даже настроение стало лучше — не то что утром. А мне было здорово не по себе. Ей-богу, надо нам с Полем побыть вдвоем в Мэне... Стерва эта Зияла!.. М-да... А Тед ничего. Семья у меня вообще ничего. И дело хорошее. Много ли таких, кто может заработать четыреста пятьдесят долларов — почти полтысячи! — в один день, да еще так легко! А если мы цапаемся, так, может, я тоже виноват. Надо ворчать поменьше. Эх, жить бы мне, как жил дед, во времена первых поселенцев! Впрочем, тогда у меня не было бы такого дома. О черт, сам не знаю, чего мне надо!»

Он с грустью стал вспоминать Поля Рислинга, их общую молодость, девушек, с которыми они встречались.

Двадцать четыре года назад, когда Бэббит окончил университет, он хотел стать адвокатом. В университете он выделялся своим красноречием, чувствовал себя прирожденным оратором, мечтал стать губернатором штата. Но, уже учась на последнем курсе, он работал агентом по продаже недвижимости. Он копил деньги, жил в дешевых меблирашках, съедал на ужин одно яйцо с кусочком мяса. Живой, веселый Поль Рислинг (который не сомневался в том, что через неделю или через год уедет в Европу и станет учиться играть на скрипке) был его прибежищем в тяжелые минуты, пока Поля не околдовала Зилла Кольбек, хохотушка и плясунья, за которой бегали все мужчины, стоило ей только поманить их пухленьким пальчиком.

Бэббит скучал по вечерам, и его единственным утешением была троюродная сестра Поля — Майра Томпсон, тоненькая, ласковая девушка, которая проявляла большую чуткость, соглашаясь с пылким молодым Бэббитом, что он непременно станет губернатором штата. И когда Зилла подтрунивала над провинциалом. Майра с негодованием говорила, что он гораздо надежнее, чем все эти молодые франты из великого города Зенита — города, которому в 1897 году исполнилось сто пять лет, где жило двести тысяч человек, царственного города,

которым восхищался весь штат и который казался молодому Джорджу Бэббиту, уроженцу глухой Катобы, таким огромным, таким шумным и роскошным, что ему льстило даже знакомство с девушкой, облагороженной уже тем, что она родилась в Зените.

Но о любви между ними и речи не было. Бэббит знал, что, если он хочет стать адвокатом, он еще много лет не сможет содержать жену. А Майра безусловно была девушкой из Хорошей Семьи — с такими не целуются, о таких даже не думают «в определенном смысле», если не собираются жениться. Но товарищем она была надежным. Она всегда с удовольствием ходила с ним на каток и на прогулки, с удовольствием выслушивала его тирады о великих подвигах, которые он совершит, о том, как он будет защищать обиженных бедняков от несправедливых богачей, о речах, которые он собирался произносить на банкетах, и о том, как он будет влиять на общественное сознание.

Однажды вечером, когда он немножко раскис от усталости, он увидел, что она плачет. Оказывается, ее не пригласили на бал, который давала Зилла. И когда вдруг ее головка очутилась у него на плече и он стал поцелуями осушать ее слезы, она доверчиво взглянула на него и сказала:

— Теперь, когда мы помолвлены, надо решить — сейчас мы поженимся или подождем?

Помолвлены? Об этом он и не подумал. Вместо нежности к этому хрупкому темноволосому существу он почувствовал холод и страх, но он не мог обидеть ее, не мог обмануть ее доверие. Он пробормотал, что, конечно, надо подождать, и убежал. Целый час бродил он по улицам, пытаясь придумать, как бы ей сказать, что все это ошибка. Как часто, в течение целого месяца, он уже совсем решался сказать ей все, но так приятно было держать ее в объятиях, что с каждым днем становилось все труднее и труднее обидеть ее, огоршить признанием, что он ее не любит. Сам он в этом не сомневался. Вечер накануне свадьбы был мучением, а наутро хотелось бежать куда глаза глядят.

Она стала ему, что называется, Хорошей Женой, — верной, хозяйственной, по временам даже веселой. Слабое отвращение к интимной жизни сменилось у нее какими-то проявлениями горячего чувства, но и оно вскоре перешло в скучную будничную привязанность. И все же она жила только для него, для детей и так же огорчалась, так же беспокоилась, как и он сам, когда ему пришлось

бросить занятия юриспруденцией и целиком посвятить себя продаже недвижимости.

«И ей, бедняжке, было не легче, чем мне, — подумал Бэббит, стоя на темной веранде. — А все-таки жаль, что я не стал юристом, не попробовал силы в политике. Интересно, чего бы я мог достичь. Что ж — зато сейчас я, наверно, зарабатываю больше».

Он вернулся в гостиную, но, прежде чем усесться в кресло, ласково погладил жену по голове, и она ответила ему счастливым, хотя и несколько удивленным взглядом.

7

Он с самым серьезным видом дочитывал последний номер «Американского журнала», когда его жена вздохнула, отложила штопку и с легкой завистью начала рассматривать модели белья в женском журнале. В комнате стояла тишина.

В этой комнате были соблюдены все самые высокие требования, какие предъявлялись на Цветущих Холмах. Серые стены были искусственно разбиты на панели лакированными белыми планками. Правда, Бэббиты перевезли из прежней квартиры две старинные качалки, не в меру разукрашенные резьбой, но зато все остальные кресла были новые — очень глубокие и удобные, крытые синим, в золотистую полоску бархатом. Перед камином стояла синяя бархатная кушетка, рядом — стол красного дерева и высокий торшер с золотистым абажуром. (Из каждых трех гостиных на Цветущих Холмах в двух перед камином стояла кушетка, стол красного дерева — настоящий или подделка, — торшер либо высокая настольная лампа с абажуром желтого или розового шелка.)

На столе лежала вышитая золотом китайская дорожка, четыре журнала, а рядом серебряная коробочка с крошками табаку на дне и три «подарочные» книги — огромные дорогие издания сказок с иллюстрациями английских художников, никем из Бэббитов, кроме Тинки, не читанные.

В углу у окон стояла большая кабинетная виктрола (в восьми из девяти гостиных на Цветущих Холмах стояли такие кабинетные граммофоны).

Среди картин, развешанных строго симметрично посреди каждой серой панели, красовалась подделка под английскую гравюру, изображавшая охоту, бесцветная репродукция какой-то жанровой картинки с французской подписью, в нравственности которой Бэббит всегда сильно сомневался, и раскрашенная «от руки» фотография старинной комнаты — вязаный коврик, девушка у прялки, смиренная кошечка перед белой печью. (Из двадцати домов на Цветущих Холмах в девятнадцати висела охотничья гравюра или репродукция «Madame fait la toilette»^[5], раскрашенная фотография старинного дома в Новой

Англии или пейзаж Скалистых гор, — а то и все четыре картины вместе.)

Эта гостиная была настолько же лучше жилой комнаты в родительском доме Бэббита, насколько его автомобиль был лучше отцовской брички. И хотя ничего интересного в гостиной не было, она не оскорбляла глаза. Чистая, безликая, она походила на кусок искусственного льда. В камине не было ни пушистого пепла, ни потемневших кирпичей — ничто не смягчало его сверкающую новизну, медные щипцы сияли непорочным блеском, а гигантские решетки напоминали образцы, выставленные на продажу в лавке, — унылые, мертвые, никому не нужные предметы.

У стены стояло пианино и еще одна высокая лампа, но в доме никто, кроме Тинки, не играл. Резкий отчетливый голос граммофона вполне удовлетворял все семейство, они с удовольствием сознавали, что такую коллекцию джазовых пластинок могли собрать только богатые и культурные люди, и все музыкальное искусство для Бэббитов сводилось к искусной установке граммофонной иглы. На книгах не было ни пятнышка, они лежали на столе аккуратными параллельными стопками, ни один угол ковра не был завернут, нигде не валялись хоккейные клюшки, потрепанные книжки с картинками, не возились шумные, веселые собаки.

Дома Бэббит никогда не погружался в чтение по-настоящему. В конторе он умел сосредоточиться, но тут он сидел, скрестив ноги, часто менял позу. Когда попадался интересный рассказ, он читал жене вслух самые лучшие, то есть самые смешные места; когда чтение не увлекало его, он откашливался, почесывал то ногу, то правое ухо, засовывал большой палец в жилетный карман, позвякивал мелочью, вертел цепочку с ключами и машинкой для сигар, зевал, тер нос и часто выходил из комнаты. То он шел наверх — надеть ночные туфли, свои элегантнейшие ночные туфли из коричневой кожи, похожие на средневековые башмаки. То он спускался в подвал и выбирал из бочонка яблоко.

— По яблоку на день — и доктор не надобен, — просвещая он миссис Бэббит, безусловно впервые за последние четырнадцать часов.

— Это верно.

— Яблоко регулирует все естественные отправления организма.

— Да, да...

— У женщин дурное свойство — они не умеют вырабатывать в себе хорошие навыки.

— Нет, я...

— Вечно что-нибудь жуют или грызут между завтраком и обедом.

— Да, Джордж! — Она подняла глаза от книги. — Скажи, а ты сегодня действительно легко позавтракал, как собирался? Я очень легко.

Перед таким коварным и неожиданным выпадом он спасовал:

— М-мм, пожалуй, не так уж легко... Завтракал с Полем, какая уж тут диета! Не ухмыляйся, пожалуйста, как чешская кошка! Если б я не следил за тем, что вы едите... Я — единственный человек в семье, который понимает, что на завтрак полезней всего овсянка. Я...

Она продолжала читать, а он, тщательно разрезая яблоко на дольки и благоговейно прожевывая их, все говорил, говорил...

— Одного я добился — бросил курить. Да, с Грэфом у меня вышла стычка. Стал невозможно дерзить. Я все терплю, но надо же иногда поднять свой авторитет, вот я на него и налетел: Стэн, говорю... ну, словом, выложил ему все...

— День сегодня какой-то странный. Нервничаешь...

— Ну-уууу-ааа! — самый заразительный звук на свете — последний зевок. Миссис Бэббит зевнула за компанию и с благодарностью услышала его сонное: «А не пора ли на боковую? Теда и Рону мы все равно до света не дождемся. Да, странный какой-то день, и не так чтоб уж очень жаркий... Ей-богу, мне хочется... Поеду как-нибудь на машине далеко-далеко».

— Да, это нам будет полезно, — зевнула она.

Он отвел глаза, чувствуя, что ему вовсе не хочется брать ее с собой. Заперев двери и проверив шпингалеты на окнах, он отрегулировал отопление так, чтобы утром из калориферов пошло тепло, и грустно вздохнул с каким-то тяжелым чувством одиночества, которое и удивило и напугало его. От рассеянности он даже не мог вспомнить, какие окна уже проверены, и в темноте, натываясь на стулья, снова проверил все защелки. Громко топая по лестнице, он поднялся наверх — наконец-то окончился этот знаменательный и опасный день, день его тайного бунта.

Обычно перед завтраком в нем просыпались привычки деревенского парнишки, и он старался увильнуть от сложных обязанностей горожанина — от бритья, от ванны, от размышлений, можно ли еще день проносить ту же рубашку. Когда он проводил вечер дома и рано ложился спать, он перед сном старался выполнить все эти неприятные дела. Он позволял себе роскошь бриться, уютно сидя в горячей ванне. И сейчас этот толстенький, гладенький, розовый, лысоватый и пухлый человек, без очков утративший всякое достоинство, сидел по грудь в воде, снимая пену с намыленных щек безопасной бритвой, похожей на крошечную косилку для стрижки газона, и с грустным вниманием ловил упорно ускользавшее мыло.

Теплая вода ласково баюкала его. Свет озарял стенку ванны, и мелкая зеленоватая зыбь шла по гладкому белому фаянсу, когда колебалась прозрачная вода. Бэббит лениво следил за игрой воды, он заметил, что вдоль его ноги, с ярко освещенного дна подымались воздушные пузырьки и, прилипая к волоскам, образовывали причудливое сплетение, похожее на мох. Он хлопнул по воде, и отсветы лампы заиграли, запрыгали, заискрились. Ему это доставило ребяческое удовольствие. Он стал играть. Он даже сбрил кустик волос на толстой ноге.

Из крана тихонечко капало, словно звенела веселая и нежная песенка: дришшети-дрип-дрип-дриббль, дрип-дрип-дрип! Бэббит радовался этим звукам. Он смотрел на огромную ванну, на красивые никелированные краны, на кафельные стены и чувствовал себя гордым обладателем всей этой роскоши.

Но тут он очнулся и грубовато заворчал. «Иди сюда! Подурачились — хватит! — буркнул он мылу и сердито одернул щетку, когда она его царапнула: — Это еще что!» Намылившись, он окатился водой и с ожесточением растерся мохнатой простыней. Заметив в ней дырку, он задумчиво сунул в нее палец и вернулся к себе в спальню прежним непоколебимо суровым гражданином.

И тут наступила минута полного самозабвения, волнующий миг, как бывало, когда он вел машину: вынимая чистый воротничок, он увидел, что края разлохматились, и с великолепнейшим треском разорвал его пополам.

Но самым важным был момент подготовки ко сну на закрытой веранде.

Неизвестно, любил ли он спать на веранде ради свежего воздуха или оттого, что порядочному человеку полагалось спать на такой веранде.

Так же как он стал членом ордена Лосей, клуба Толкачей и Торговой палаты, так же как священники пресвитерианской церкви определяли все его религиозные убеждения, а сенаторы-республиканцы решали в тесных прокуренных комнатах, что ему думать о разоружении, тарифах и Германии, точно так же американские рекламные агентства определяли внешнюю сторону его жизни, все то, что он считал своей индивидуальностью. Все стандартные разрекламированные товары — зубная паста, носки, шины, фотоаппараты, калориферы, — все это было для него символом и доказательством его превосходства. Сначала они были признаком, а потом — заменой счастья, и страсти, и мудрости.

Но ни один из этих разрекламированных атрибутов благосостояния и положения в обществе не играл в жизни Бэббита такой роли, как веранда над застекленной террасой.

Ритуал отхода ко сну был сложен и неизменен. Надо было как следует подоткнуть одеяло в ногах (тут же пришлось выяснять с миссис Бэббит, почему этого не сделала горничная). Вязаный коврик надо было подвинуть так, чтобы утром сразу встать на него босыми ногами. Будильник надо было завести. Грелку наполнить и положить точно в двух футах от спинки кровати.

Эти грандиозные задачи он преодолевал с огромной решимостью, на каждом этапе сообщая миссис Бэббит о ходе их выполнения и о победе над всеми препятствиями. Наконец его чело прояснилось, и сильным мужественным голосом он бросил: «Доброй ночи». Но ему понадобилось еще одно героическое усилие. В ту минуту как он погрузился в первый сон, в самую сладостную минуту забвения, к соседнему дому подкатила машина Доппелбрау. Бэббит подскочил со стоном: «Какого черта они не ложатся спать вовремя!» Он настолько хорошо знал, как ставят машину в гараж, что прислушивался к каждому звуку, как опытный палач, которого самого вздергивают на дыбу.

Вот машина нагло и весело фыркает на дорожке. Вот с треском открываются и закрываются дверцы, скрипя, отворяется дверь гаража, и снова хлопает дверца машины. Motor ревет на подъеме при въезде в гараж и захлебывается в последний раз перед тем, как его выключают. Последний треск закрываемой и открываемой дверцы машины. Потом тишина — жуткая тишина, пока мистер Доппелбрау неторопливо осматривает шины, перед тем как запереть гараж. И наконец для Бэббита наступает блаженное забытие.

В тот же час, в том же городе Зените, Хорэйс Апдайк ухаживал за Люсиль Мак-Келви в ее лиловой гостиной на Ройял-ридж, куда они вернулись с лекции знаменитого английского писателя. Апдайк был самым закоренелым холостяком в Зените. Сорокашестилетний мужчина, с тонкой талией и высоким, как у женщины, голосом, он любил цветы, пестрые ситцы и молоденьких девушек. Миссис Мак-Келви — рыжая и белотелая особа, была не удовлетворена жизнью, всегда изящна, резка и откровенна. Апдайк испробовал свой неизменный прием — погладил ее тонкую руку.

— Перестаньте дурить! — сказала она.

— А вам очень неприятно?

— Нет, не очень. Но это-то и есть самое неприятное!

Апдайк переменял тактику. Он славился своим красноречием. Он очень неглупо заговорил о психоанализе, игре в поло на Лонг-Айленде, о китайском блюде эпохи династии Минг, которое он раскопал в Ванкувере. Люсиль обещала встретиться с ним летом в Довиле. «Хотя Довиль становится ужасно пошлым, — вздохнула она, — никого, кроме американцев и захудалых английских баронесс!»

И в этот же час, в этом же Зените, продавец кокаина и проститутка пили коктейли в кабачке Хили Хэнсона на Фронт-стрит. Так как в стране царил сухой закон, а в Зените законы соблюдались особенно строго, им приходилось с невинным видом пить коктейли из чайных чашек. Дама швырнула свою чашку в голову кокаиниста. Тот выхватил револьвер из потайного кармана и небрежно уложил ее на месте.

В этот же час в Зените двое ученых сидели в лаборатории. Уже вторые сутки они корпели над докладом о своих исследованиях в области синтетического каучука.

В этот же час в Зените четверо профсоюзных деятелей совещались — бастовать ли двенадцати тысячам горняков в округе за сто миль от города. Из них один был похож на сердитого разбогатевшего лавочника, второй — на плотника-янки, третий — на приказчика из аптеки, а четвертый — на еврейского эмигранта-актера. Актер-эмигрант цитировал Каутского, Юджина Дебса и Авраама Линкольна.

В этот же час умирал ветеран войны за освобождение негров. Прямо с полей Гражданской войны он пришел на ферму, и хотя она официально считалась в черте Зенита, но жизнь там была дикой, как в лесной глуши. Этот человек никогда не ездил в автомобиле, никогда не видел ванны, не читал ни одной книги, кроме Библии, хрестоматии Мак-Гаффи и религиозных брошюр, и верил, что земля плоская, что англичане — десятое пропавшее колено израилюво, а Соединенные Штаты — демократическая страна.

В этот же час на Пуллморвском тракторном заводе — в настоящем городе из стали и бетона — работала ночная смена, выполняя заказ на транспортеры для польской армии. Завод гудел, как тысячи пчел, его гигантские окна походили на огнедышащий вулкан. За высокой оградой из колючей проволоки прожектора освещали заваленные шлаком дворы, железнодорожные стрелки и вооруженную охрану.

И в этот же час Майк Мондей заканчивал молитвенное собрание. Мистер Мондей, выдающийся евангелист, самый знаменитый протестантский проповедник и политический деятель в Америке, когда-то был профессиональным боксером. Но служить дьяволу оказалось невыгодным. В бытность свою боксером он ничего не приобрел, кроме разбитого носа, прославленного набора ругательств и умения держаться на подмостках. Служение господу оказалось не в пример выгодней. Он уже собирался уйти в отставку, нажив порядочное состояние. Оно досталось ему по заслугам, ибо, как писали газеты в последних отчетах о его деятельности, «преподобный мистер Мондей, пробивной пророк», показал, что он — лучший в мире продавец спасения и что благодаря деловой организации наивысшую стоимость духовного очищения можно свести до твердого минимума. Он обратил в свою веру более двухсот тысяч заблудших и погибших душ, при материальных затратах в среднем около десяти долларов на душу.

Из крупных городов Штатов один только Зенит не сразу решился отдать свои пороки на суд и расправу мистеру Мондею и его отряду опытных спасателей душ. Наиболее предприимчивые организации настаивали на его приглашении — мистер Джордж Ф.Бэббит однажды даже произнес о нем хвалебную речь в клубе Толкачей. Некоторые священники епископальной и конгрегационалистской церкви, эти ренегаты, которых мистер Мондей так остроумно величал «шайкой хриstopродавцев, с помоями в жилах вместо крови, кучкой пискунов, которым не хватает лишь протертых коленок на штанах и волос на тощих туловищах», восстали против Мондея. Но эту оппозицию сломил секретарь Торговой палаты, сообщивший объединению фабрикантов, что в тех городах, где подвизался мистер Мондей, он отвлекал мысли рабочих от повышения зарплаты и сокращения рабочего дня и тем самым предотвращал забастовки. И Мондея немедленно пригласили в Зенит.

По подписке собрали внушительную сумму в сорок тысяч долларов и на городской торговой площади соорудили молельню имени Майка Молден, вмещавшую пятнадцать тысяч человек. Там-то пророк в этот час и заключал свою проповедь:

— Есть и в этом вашем городишке умники из университетских профессоров и салонных слюнтяев, которые говорят, что я — грубиян, никудышник, в истории ни шиша не смыслю. Есть еще такие длиннобородые гниды, которые воображают, что они умней самого господа бога, им ученая немчура и грязные немецкие еретики дороже святого, истинного слова божия. Есть еще много маменькиных сынков, слюнтяев, нюнь и нехристей, много писак, распухших от пива, которые любят обливать меня грязью, пищать, что Майк Мондей — пошляк и дикарь. И эти щенки смеют говорить, что я кормлюсь Евангелием, выжимаю деньгу из святой книги! Слушайте меня, братья! Я готов с ними потолковать! Пусть выйдут сюда и прямо мне в глаза скажут, что я жулик, брехун и деревенщина! Но уж если они выйдут — если только посмеют! — пусть никто тут не падает в обморок, ежели с божьей помощью какой-нибудь из этих оголтелых врунов получит хорошую крепкую затрещину от Майка и кулак мой станет карающей десницей господней! Ну, выходи, кто там есть! Кто трепал языком? Кто болтал, что Майк Мондей мошенник и болван? А? Кажется, кто-то хочет встать? Нет? То-то же! Хватит настоящим людям

слушать истошный визг из-под забора! Хватит слушать всяких субчиков, которые варят, жарят и пекут безбожные мерзости, а потом блюют вам на голову! И я глаголю вам — приидите, помолимся — с треском, с перцем, со всем сердцем! — господу нашему Иисусу Христу и безграничному милосердию его-оо-ооо!

В этот же час Сенека Доун — адвокат-радикал, и доктор Курт Явич — гистолог (чья работа о разрушении эпителиальных клеток под воздействием радия прославилась в Мюнхене, Праге и Риме), беседовали в кабинете Доуна.

— Зенит — город гигантских возможностей, — задумчиво сказал Доун, — город гигантских зданий, гигантских машин, гигантской транспортной сети...

— А я ненавижу ваш город. Здесь все стандартизовано — вся красота жизни. Похоже на громадный вокзал, где все спешат взять билет на самое лучшее кладбище, — спокойно заметил доктор Явич.

Доун вспыхнул:

— Неправда, черт меня дерит! Нет, Курт, надоели мне ваши вечные жалобы на «стандартизацию». А в других странах, по-вашему, нет стандартов? Разве найдется что-либо более стандартизованное, чем Англия, где в каждом доме в один и тот же час пьют чай с одними и теми же булочками, и все отставные генералы слушают одинаковые молитвы в одинаковых церквях серого камня с одинаковыми колокольнями, и каждый гольфист в грубошерстных штанах, напыжившись, говорит другому такому же богатому болвану: «Совершенно справедливо!» И все же я люблю Англию. А что касается стандарта — вспомните французские уличные кафе, итальянские любовные песенки!

Видите ли, стандартизация per se^[6] — отличная штука. Когда я покупаю часы фирмы Ингерсолл или машину Форда, я получаю хорошую вещь по недорогой цене и точно знаю, что я купил, — и тогда у меня остается больше времени и энергии на мою личную жизнь. Да, помню, как однажды в Лондоне мне попала реклама зубной пасты в «Сатердей ивнинг пост», и на ней картинка: американский городок, знаете, белая улочка, обсаженная тополями, новые дома, некоторые в старинном стиле или с широкими

черепичными крышами, — словом, такая улица, как у нас в Зените, скажем, на Цветущих Холмах. Простор. Деревья. Газоны. И такая меня взяла тоска по родине! Нигде на свете нет таких чудесных домов. И мне наплевать, что они стандартные! Это отличнейший стандарт!

Нет, я не о таком стандарте! В Зените меня возмущает стандартизация мысли и, конечно, укоренившиеся понятия о конкуренции. Настоящие злодеи в этой драме — именно те добрые, чистые, трудолюбивые отцы семейств, которые не постесняются пустить в ход любую подлость, любую жестокость — лишь бы обеспечить материальное благополучие своим отпрыскам. Самое скверное в этих людях то, что они такие хорошие и, в каждом отдельном случае, в своей отрасли такие неглупые. Их нельзя по-настоящему ненавидеть, и все же их стандартизованная мысль — вот настоящий враг... И потом — это вечное бахвальство. Правда, втайне я и сам думаю, что жить в Зените лучше, чем в Манчестере или Глазго, Лионе, Берлине, Турине...

— Это неверно, я-то жил в этих городах, — пробормотал доктор Явич.

— Ну, это дело вкуса. Лично я предпочитаю город с неведомыми перспективами, которые дают простор моему воображению. Но чего мне особенно хочется...

— Вы, — перебил его доктор Явич, — вы умеренный либерал и не имеете ни малейшего представления о том, чего вам особенно хочется. А я, как революционер, точно знаю, чего хочу, — и сейчас я особенно хочу выпить.

В этот же час Джек Оффат, местный политикан, и Генри Т.Томпсон долго совещались. Оффат внушительно говорил:

— Главное — заставить этого простачка, твоего зятя, протолкнуть наше дело. Он из таких, из патриотов. Когда он для нашей бражки заграбастывает какую ни на есть недвижимость, у него так получается, будто мы смерть как любим наррррррод, а я тоже люблю, чтоб все было респектабельно, по сходной цене, конечно. Как ты думаешь, Хэнк, долго мы продержимся? Нам ничто не грозит, пока все примерные мальчишки, вроде Джорджа Бэббита, и эти симпатичные и уважаемые профсоюзные лидеры думают, что мы с тобой — заядлые

патриоты. Да, честному политику тут есть чем поживиться, Хэнк: целый город готов нас угощать жареными цыплятами, сигарами и коктейлями и в возмущении — да еще в каком! — встать под наше знамя, как только кто-нибудь из этих пискунов вроде Сенеки Доуна выступит против нас! Честью клянусь, Хэнк, стыдно было бы мне, такому смекалистому парню, не выдоить этих коровушек, сами просятся, мычат! Но большой аферы, как бывало, Транспортной компании сейчас не поднять. Хотел бы я знать, долго ли нам... эх, знаешь, Хэнк, вот бы выставить этого Сенеку Доуна из Зенита! Мы или он!

В этот час в Зените триста сорок или триста пятьдесят тысяч Обыкновенных Людей спали — огромная, неизведанная масса.

В трущобах за железной дорогой молодой человек, полгода тщетно искавший работы, открыл газ и отравился вместе с женой.

В этот час Ллойд Маллэм, поэт, владелец книжной лавки «Хафиз», заканчивал рондо, где рассказывалось, как интересно было жить в феодальной Флоренции и как скучно в будничном Зените.

И в этот час Джордж Ф.Бэббит тяжело повернулся на бок, повернулся в последний раз — знак того, что ему надоело ворочаться без сна, — и решил заснуть всерьез и надолго.

И сразу он погрузился в волшебный сон. Он стоял среди незнакомых людей, которые смеялись над ним. Но он ускользнул от них, он помчался по дорожкам полночного сада, где у ворот ждала его юная волшебница. Ласковая спокойная рука легла на его щеку. Он сразу стал храбрым, мудрым и горячо любимым, ее теплые плечи казались белее слоновой кости, а за гибельными трясинами сверкало смелое море.

8

Главными событиями этой весны для Бэббита были, во-первых, тайная скупка земельных участков в Линтоне для некоторых дельцов из Транспортной компании еще до того, как официально сообщили о продлении линтонской линии трамвая, и во-вторых, парадный обед, который был задуман, как Бэббит со вкусом внушал жене, «не только как обычный светский прием, но и как по-настоящему интересная, высококультурная встреча, где будут общаться лучшие умы города и самые изящные и веселые дамы».

Бэббита это настолько захватило, что он чуть не позабыл о своем плане — удрать в Мэн с Полем Рислингом.

Хотя Бэббит был родом из глухого поселка Катоба, он уже поднялся до того столичного уровня, когда принимаешь к обеду трех, а то и четырех человек, и готовишься к этому всего лишь день-другой. Но обед на двенадцать персон, с цветами из лучшего магазина и всем фамильным хрусталем, вывел из равновесия даже Бэббитов.

Целых две недели они изучали, обсуждали и наконец утвердили список гостей.

Бэббит был в восторге:

— Конечно, мы и сами — люди современные, но ты только подумай: принимать в доме такого знаменитого поэта, как Чам Фринк, человека, который какими-нибудь стишками, какими-нибудь рекламами выколачивает свои пятнадцать тысяч монет в год!

— А возьми Говарда Литтлфилда! Вчера Юнис сказала мне, что ее папа говорит на трех языках! — заметила миссис Бэббит.

— Ну, это ерунда! Я сам говорю на трех — на американском, на бейсбольном и на карточном!

— Мне кажется, шутить на эту тему просто неудобно! Должно быть, очень приятно разговаривать на трех языках, — и как это может пригодиться! По-моему, вовсе незачем приглашать вместе с такими людьми этих Орвилей Джонсов!

— Ну, знаешь, Орвиль далеко пойдет!

— Да, понимаю, но — прачечная!

— Конечно, иметь прачечную — совсем не то, что писать стихи или заниматься недвижимым имуществом, не тот класс, но все же Орвиль — малый с головой. Только наведи его на разговор насчет садоводства! Да он тебе каждое дерево назовет, даже по-гречески или по-латыни! Кроме того, мы обедали у Джонсов и должны их позвать! И потом надо же нам посадить хоть кого-нибудь попроще, пусть слушают, когда такие мастера пускать пыль в глаза, как Фринк или Литтлфилд, заведут свою музыку.

— Кстати, милый, я считаю, что тебе, как хозяину, лучше помолчать и послушать, дать гостям возможность тоже поговорить хоть немножко!

— Ах, ты так считаешь? Значит, я все время говорю один? Конечно, кто я такой? Обыкновенный делец! Ясно, раз я не доктор философии, вроде Литтлфилда, и не поэт, так мне, по-твоему, и сказать нечего! Так вот, разреши тебе доложить, что не далее как вчера твой дорогой Чам Фринк подошел ко мне в клубе и стал расспрашивать — что я думаю про акции спрингфилдовского школьного треста. Кто ему все объяснил? Я! Будь уверена, все объяснил! Именно я, такое ничтожество! Он подошел, спросил, а я объяснил! Будь уверена! И он с удовольствием меня слушал, — а ты еще говоришь «тебе, как хозяину»... Знаю свои хозяйские обязанности не хуже тебя, и запомни, пожалуйста...

Словом, Орвилей Джонсов пригласили.

Утром перед званым обедом миссис Бэббит не находила себе места.

— Прошу тебя, Джордж, непременно приходи сегодня пораньше. Помни, что тебе надо переодеться.

— Угу. Смотри, в «Адвокате» пишут, что на пресвитерианском съезде голосовали за выход из Всемирного Совета церквей. Значит...

— Джордж! Ты слышал, что я тебе сказала? Ты должен вовремя прийти домой и одеться!

— Одеться? А я уже одет! Что ж, по-твоему, я хожу в контору в одних кальсонах?

— Я не допущу неприличных острот при детях! Ты должен надеть фрак!

— Ты хочешь сказать — смокинг. До чего мне надоели эти собачьи выдумки, все эти парады, фокусы...

Но через три минуты Бэббит таким тоном буркнул: «Не знаю, стану ли я переодеваться», — что было ясно — переоденется он непременно, и разговор перешел на другую тему.

— А главное, Джордж, не забудь заехать по дороге домой к Веккии и взять там мороженое. У них сломался грузовик, а я не надеюсь, что они доставят мороженое на...

— Ну, хватит! Ты мне уже перед завтраком говорила!

— Но я боюсь, что ты забудешь! Я тут буду весь день мучиться, учить новую прислугу, как подавать к обеду...

— Все твои дурацкие затеи, — нечего было нанимать специальную прислугу из-за одного обеда. Матильда отлично справилась бы...

— ...и мне еще надо пойти заказать цветы, расставить их, накрыть на стол, купить соленый миндаль, посмотреть, готовы ли цыплята, приготовить детям ужин наверху, да мало ли что. Нет, ты должен обещать, что заедешь за мороженым к Веккии.

— Ла-аа-дно!!! Заеду, заеду!

— Тебе только надо зайти и сказать: «Дайте мне мороженое, которое миссис Бэббит вчера заказала по телефону», — там, наверное, все готово.

В десять тридцать она позвонила ему в контору, чтобы он не забыл взять мороженое от Веккии.

И тут его неожиданно расстроила неприятная мысль: стоят ли званые обеды на Цветущих Холмах всей этой противной суеты и спешки? Но он раскаялся в кощунственном вольнодумстве, когда поехал покупать все необходимое для коктейлей.

Вот как доставали алкогольные напитки в добродетельные времена сухого закона.

Со строгих прямых улиц заново отстроенного делового центра Бэббит поехал путаными переулками через Старый город, мимо грязных, закопченных складов и амбаров, и дальше в «Рошу», где когда-то действительно был славный лесок, а теперь громоздились трущобы — доходные дома и притоны. По спине у него пробегала дрожь, в желудке ощущался приятный холодок, и на каждого полисмена он смотрел с невинным видом, словно желая показать, как

он почитает закон и обожает полицию и как ему хочется остановиться и перекинуться шуткой с постовым.

Он оставил машину за целый квартал от салуна Хили Хэнсона, и все же на душе у него было беспокойно: «Ну, ни черта, если меня видели, подумают, что я тут по делу».

Он вошел в помещение, до странности похожее на все кабаки, существовавшие до сухого закона: та же засаленная стойка, опилки на полу, на стене зеркало в потеках, тот же некрашенный столик, за которым грязный старикашка клевал носом над чем-то похожим на виски, те же посетители, пившие у стойки что-то весьма похожее на пиво, то же ощущение толпы, которое всегда бывает в кабаках, как только в них собирается больше двух человек. Бармен, высокий бледный швед с алмазной булавкой в лиловом галстуке, в упор посмотрел на Бэббита, когда тот неловкими шажками просеменил к стойке и шепнул:

— Я... м-ммм... меня, так сказать, прислал приятель Хэнсона. Мне бы немножко джину...

Бармен посмотрел на него с видом оскорбленного епископа:

— Боюсь, что вы ошиблись, приятель. Мы продаем только безалкогольные напитки.

Он стал стирать пиво со стойки тряпкой, которая сама нуждалась в стирке, и сердито покосился на Бэббита, непрерывно двигая рукой.

Старик, дремавший у столика, умоляюще сказал:

— Оскар, я тебя прошу, послушай...

Но Оскар слушать не стал.

— Да ну же. Оскар, послушай! Ну послушай же!

Дребезжащий, сонный голос пьяницы, приятный запах пивных дрожжей словно загипнотизировали Бэббита. Бармен угрюмо придвинулся к толпе из двух человек. Бэббит подобрался к нему осторожно, как кот, и вкрадчиво попросил:

— Послушайте, Оскар, я хочу поговорить с мистером Хэнсоном.

— На что он вам?

— Надо поговорить. Вот моя карточка.

Карточка была великолепная, гравированная, на ней ослепительно черными и ослепительно красными буквами было обозначено, что мистер Джордж Ф.Бэббит представляет Недвижимость, Страхование, Аренду. Бармен держал ее, словно она весила десять фунтов, и читал

так, словно на ней было сто слов. Не теряя своего епископского достоинства, он пробасил:

— Посмотрю, тут ли он.

Из задней комнаты он привел чрезвычайно старообразного молодого человека, спокойного, остроглазого, в песочной шелковой рубашке, расстегнутом клетчатом жилете и ярко-рыжих брюках, — самого мистера Хили Хэнсона. Мистер Хэнсон протянул только: «Да?» — и бесстрастным наглым взглядом проник в самую душу мистера Бэббита, даже не замечая нового темно-серого костюма, за который Бэббит (как он признавался каждому знакомому в Спортивном клубе) заплатил сто двадцать пять долларов.

— Рад познакомиться, мистер Хэнсон. М-мм... видите ли, я Джордж Бэббит, из конторы по продаже недвижимости «Бэббит и Томпсон». Я близкий друг Джека Оффата.

— Ну и что?

— Мм-мм... видите ли, у меня сегодня гости, и Джек сказал, что вы можете снабдить меня джином. — И в подобострастном испуге, видя, что глаза Хэнсона становятся совсем скучающими, он торопливо добавил: — Можете позвонить Джеку, спросить обо мне, если хотите...

Вместо ответа Хэнсон мотнул головой, показывая на дверь в заднюю комнату, и вышел. Бэббит с таинственным видом пробрался в помещение, где обнаружил четыре круглых столика, одиннадцать стульев, рекламу пива и некий запах. Он стал ждать. Трижды Хили Хэнсон, засунув руки в карманы, проходил мимо, напевая что-то под нос и совершенно игнорируя Бэббита.

За это время клятва, которую дал себе Бэббит утром: «Ни цента сверх семи долларов за квартиру!» — уже превратилась в утверждение: «Я бы заплатил и десять». При следующем появлении Хэнсона он умоляюще спросил: «Ну как, можете меня выручить?» — но Хэнсон в ответ нахмурился и прохрипел: «Минуту, черт возьми, одну минуту!» И Бэббит стал ждать со все возрастающей робостью, пока Хэнсон не появился, небрежно держа в длинных белых пальцах квартиру джина — вернее, то, что условно называется квартирой.

— Двенадцать монет! — бросил он.

— Послушайте, да как же так, милейший! Джек сказал — вы достанете за восемь-девять долларов, не больше.

— Ни-ни. Двенадцать. Настоящий, контрабанда из Канады. Это вам но разбавленный спирт с можжевеловой водичкой! — с добродетельным видом заявил честный торговец. — Двенадцать кругляшей — если, конечно, вам нужно. Сами понимаете, только ради Джека!

— Да, да, понимаю! — Бэббит с благодарностью отсчитал двенадцать долларов. Он чувствовал себя польщенным таким общением с великим мира сего, когда увидел, как Хэнсон зевнул, не считая сунул бумажки в свой ослепительный жилет и враскачку удалился.

Бэббит испытал приятную дрожь, вынося бутылку под пальто и потом пряча ее в свой письменный стол. Весь день он фыркал, посмеивался и пыхтел от сознания, что сможет за обедом «угостить ребят настоящей штукой»! Он был в таком возбуждении, что только подъезжая к дому вспомнил, что жена ему что-то поручила, да, поручила привезти мороженое от Веккии! «А, черт!» — буркнул он и повернул обратно.

Веккиа был не просто кондитер — он был Главный кондитер Зенита. Почти все балы для дебютанток давали в белой с золотом зале ресторана «Мэзон Веккиа». Почти на всех светских чаепитиях гости узнавали пять сортов сэндвичей от Веккии и семь сортов его пирожных, и все по-настоящему шикарные обеды заканчивались последним аккордом — неаполитанским мороженым от Веккии в одной из трех его форм: в виде дыни, в виде слоеного торта или в виде длинного брикета.

Кондитерская Веккии была украшена бледно-голубыми панелями, гирляндой гипсовых роз, официантками в плоеных фартучках и стеклянными полками с пирожными «безе», воплотившими всю воздушность, какая таится во взбитых белках. Среди этой кондитерской изысканности Бэббит показался себе неуклюжим и толстым и, дожидаясь заказа, вдруг понял по колючему ощущению в затылке, что какая-то девчонка-посетительница над ним смеется. Он вернулся домой в раздраженном состоянии. И первое, что он услышал, был взволнованный голос жены:

- Джордж! А ты не забыл заехать к Веккии за мороженым?
- Слушай, да разве я когда-нибудь забываю?
- И даже очень часто!

— Чушь какая! Никогда я ничего не забываю! Конечно, устанешь тут бегать после работы по всяким тошнотворным заведениям, вроде твоего Веккии, и торчать там среди полуголых девчонок, покрашенных, как шестидесятилетние старухи, — сидят там я портят себе желудки всякой дрянью...

— Ах, бедный ты, несчастный! Давно заметила, что ты терпеть не можешь хорошеньких барышень!

Бэббита кольнуло, что его жена слишком занята, чтобы оценить его возмущенную добродетель — сильнейшее оружие, с помощью которого мужчины правят миром, и, смирившись, он пошел наверх одеваться. Мельком он заглянул в столовую, увидел ее во всем великолепии хрусталя, свечей, полированного дерева, кружев, серебра, роз. С замиранием сердца, приличествующим столь важному делу, как устройство званого обеда, он устоял перед искушением в четвертый раз надеть фракную рубашку, вынул ослепительно свежее белье, завязал галстук бабочкой и потерял лакированные туфли носовым платком. С удовольствием он любовался запонками — гранаты в серебряной оправе. Он тщательно разгладил и подернул шелковые носки, от которых коренастые лапы Джорджа Бэббита превратились в элегантные конечности высшего существа, величаемого «членом клуба». В трюмо отразился его отлично сшитый фрак, красивые с тройной отстрочкой брюки, и в лирическом экстазе Бэббит пробормотал:

— Клянусь честью, неплохой вид! Никогда не скажешь, что я из Катобы! Увидели бы меня в таком наряде тамошние провинциалы — с ними бы родимчик приключился!

Он величественно сошел вниз и занялся коктейлями. И когда он колот лед, выжимал апельсины и составлял у раковины в буфетной невероятное количество использованных бутылок, стаканов и ложек, он чувствовал себя не менее важным, чем бармен в салуне Хили Хэнсона. Правда, миссис Бэббит попросила его не болтаться под ногами, а Матильда и прислуга, нанятая на этот вечер, непрестанно толкали его локтями и визжали: «Пжалста, ткройте двери!» — когда им нужно было пронести подносы, но в эти священные минуты он не обращал на них внимания.

Кроме новой бутылки джина, его «погреб» состоял из полбутылки бурбонского виски, четвертинки итальянского вермута и примерно из

ста капель апельсинной горькой. Шейкера у него не было. Шейкер был доказательством распушенности, символом запойного пьянства, а Бэббит хоть и любил выпить, но не хотел, чтобы его считали пьяницей. Он смешивал коктейли, наливая виски из старого соусника в кувшин без ручки, он лил спиртное с благородным достоинством, подымая свои колбы и реторты к электрической лампе, и лицо его горело, крахмальная рубашка сверкала белизной, а медная раковина отливала червонным золотом.

Наконец он попробовал божественную влагу.

— Нет, провались я на месте, настоящий, старинный коктейль! Не то «Бронкс», не то «Манхэттен»! М-мммм! Слушай, Майра, хочешь глоточек, пока народ не собрался?

Миссис Бэббит то суетливо переставляла в столовой стаканы на четверть дюйма правее или левее, то с решительным и неумолимым видом, в сером с серебром парадном платье, повязанная суровым полотенцем вместо фартука, влетала в буфетную. В ответ она только сердито покосилась на мужа и с упреком сказала:

— Разве можно!

— Ну-с, — развязно и шутливо сказал он, — а твой старичок, пожалуй, отведаст еще!

Коктейль наполнил его головокружительным восторгом, он ощутил непреодолимое желание лететь с сумасшедшей скоростью в машине, целовать девушек, петь, острить. Он пытался вернуть себе прежнее достоинство, важно объявив Матильде:

— Сейчас я поставлю кувшин с коктейлем в холодильник, вы, пожалуйста, не опрокиньте.

— Угу.

— Понимаете, поосторожнее! Ничего не ставьте на верхнюю полку!

— Угу.

— Поосторожнее. — У него кружилась голова. Голос стал тонким, слабым. — У-ууффф... — С безгранично важным видом он еще раз приказал: — Вы поосторожнее! — и мелкими шажками проследовал в гостиную — там было безопаснее. Он подумал — можно ли будет «уговорить этих тихонь, вроде Майры и Литтлфилдов, прокатиться после обеда, поднять, что называется, пыль столбом, может, раздобыть

еще горячительного». Он обнаружил, что в нем пропадает настоящий кутила.

Но к тому времени, как собрались гости, включая и ту неизбежно опаздывающую чету, которую все ждут с притворной любезностью, огненный вихрь сменился в мозгу Бэббита бездонной серой пустотой, и он с усилием заставил себя бурно приветствовать гостей, как полагалось хорошему хозяину на Цветущих Холмах.

Пришел Говард Литтлфилд, доктор философии, который составлял рекламы и утешительные финансовые отчеты для Городской Транспортной компании, Верджил Гэнч, торговец углем, одинаково влиятельный и в ордене Лосей, и в клубе Толкачей, затем Эдди Свенсон, агент автомобильной фирмы Джевелин, живший напротив Бэббитов, и, наконец, Орвиль Джонс, владелец прачечной «Лилейная белизна», о которой справедливо писалось в рекламе как о самом большом, самом известном, самом шикарном прачечном заведении в Зените. Но, разумеется, самым почетным гостем был Т.Чамондли Фринк. Он являлся не только автором так называемых «поэмореклам», которые ежедневно распространялись газетными синдикатами в шестидесяти семи ведущих газетах, что давало ему такую обширную аудиторию, какой не имел ни один поэт в мире, — он еще был проповедником оптимизма и творцом нового типа реклам: «Зри не зря!» Несмотря на проникновенную философию и глубокую мораль его стихов, они были написаны в шуточной форме и понятны даже двенадцатилетнему ребенку; стихи казались еще забавнее, потому что печатались, как обычно печатают прозу. Вся Америка запросто называла мистера Фринка «Чам».

С мужчинами явились и шесть жен, все они были более или менее... впрочем, сейчас, в начале вечера, трудно было что-нибудь про них сказать, так как на первый взгляд они все были похожи одна на другую и все говорили одинаково весело и убежденно: «Как у вас тут мило!» С виду мужчины меньше походили друг на друга: Литтлфилд — типичный ученый, высокий, с лошадиным лицом; Чам Фринк — маленький человечек с мягкими, мышиного цвета волосами, подчеркивавший свою поэтическую профессию моноклем на шелковом шнурке; Верджил Гэнч — широкоплечий, с черным ежиком волос; Эдди Свенсон — рослый лысоватый молодой человек, чей изысканный вкус выразился в черном муаровом жилете со

стеклянными пуговицами; Орвиль Джонс — солидный, коренастый, очень значительного вида мужчина с льяными усиками. Но все они были такие упитанные, такие вымытые, все так бодро кричали: «Здорово, Джорджи!» — что казались если не родными, то двоюродными братьями; и как ни удивительно, но чем больше ты знакомился с женщинами, тем меньше они казались похожими друг на друга, а чем больше узнавал мужчин, тем больше казалось, что они все на один образец.

Питье коктейлей было такой же церемонией, как и приготовление. Гости ждали их с затаенным беспокойством и с надеждой, натянуто соглашаясь, что погода действительно теплая, но в то же время довольно холодно, а Бэббит все еще и не заикался о выпивке. Но когда пришла запоздавшая чета — на этот раз опоздали Свенсоны, — Бэббит позволил себе намек:

— Ну, как, друзья, способны вы кой в чем нарушить закон?

Все взглянули на Чама Фринка, признанного властителя дум. Фринк дернул шнур монокля, как звонок, откашлялся и сказал то, чего от него и ждали:

— Знаете, Джордж, я человек законопослушный, но, говорят, Верджил Гэнч — настоящий бандит, а он, конечно, сильнее меня, и я просто не представляю, что делать, если он меня заставит пойти на преступление!

Гэнч сразу захохотал: «Что ж, попробую!» Но Фринк поднял руку и продолжал:

— Так что, если вы с Верджем будете настаивать, Джорджи, я поставлю мою машину там, где не положено, я ни минуты не сомневаюсь, что вы именно об этом преступлении и говорите!

Поднялся смех, шутки. Миссис Джонс уверяла, что «мистер Фринк — умора! Можно подумать, что он — невинный младенец!».

Бэббит шумел больше всех:

— И как вы только угадали, Чам? Ну, погодите, сейчас я пойду принесу... ключи от ваших машин!

Среди общего веселья он внес долгожданные дары: сверкающий поднос с бокалами и в центре — мутно-желтый коктейль в громадном графине. Мужчины наперебой говорили: «Ого, посмотрите-ка!» — или: «Ох, прямо дрожь берет!» — или: «Ну-ка, пропустите меня!» Но Чам Фринк, человек многоопытный и привыкший к превратностям

судьбы, вдруг испугался, что в графине просто фруктовый сок, сдобренный разведенным спиртом. Он робко ждал, пока Бэббит, весь в поту от восторга, протянет ему стакан от своих щедрот, но, пригубив коктейль, восторженно пропищал:

— О, боже, не будите меня! Все это сон, но я не хочу просыпаться! Дайте помечтать во сне!

Часа за два до этого Чам сочинил стихи для газеты, которые начинались так:

Сидел я хмур и одинок,
глядел угрюмо в потолок
и думал: есть же дураки,
которых тянет в кабаки.
Они салун вернуть хотят,
дыру, в которой грязь и смрад;
а там любой мудрец — болван,
когда бывает в стельку пьян.
Нет, я не стану пить вина,
мне их отравы не нужна.
Я воду чистую, друзья,
пью из прозрачного ручья,
и голова моя свежа,
как у грудного малыша.

Вместе со всеми выпил и Бэббит: временная депрессия прошла, он понимал, что лучше этих людей нет никого на свете. Он готов был дать им тысячу коктейлей.

— Ну как, выдержите еще по одному? — крикнул он.

Жены захихикали, но отказались, зато мужья расплылись в широких, восторженных улыбках:

— Ну, разве только чтобы не обидеть тебя, Джорджи!

— Вам еще полагается прибавка! — говорил каждому Бэббит, и каждый рокотал: «Выжимай, Джорджи, выжимай до капли!»

А когда графин безнадежно опустел, начался разговор о сухом законе. Покачиваясь на пятках, засунув руки в карманы, мужчины выражали свои взгляды с тем громогласным глубокомыслием, с которым преуспевающие господа повторяют самые пошлые суждения о том, в чем они совершенно не разбираются.

— Я вам вот что скажу, — заявил Верджил Гэнч, — по-моему, — и я могу об этом говорить с уверенностью, потому что мне приходилось беседовать с врачами и вообще с понимающими людьми, — по-моему, правильно, что закрыли кабаки, но надо дать человеку возможность выпить пива или легкого вина.

Говард Литтлфилд философически заметил:

— Обычно упускают из виду, что весьма опасно ограничивать свободу личности. Возьмите такой пример: король баварский — да, кажется, баварский... По-моему, это было в Баварии, вот именно в Баварии, в тысяча восемьсот шестьдесят втором году, да, в марте тысяча восемьсот шестьдесят второго года, — король издал эдикт: запретить общественный выпас скота. И крестьяне, терпевшие тяжкие налоги без единой жалобы, вдруг взбунтовались против этого эдикта. Впрочем, возможно, что дело было в Саксонии. Во всяком случае, это доказывает, как опасно нарушать свободу личности.

— Правильно, — сказал Орвиль Джонс, — нельзя нарушать свободу личности!

— Однако не следует забывать, что для рабочих сухой закон — чистое благодеяние. Не дает им тратить деньги впустую и снижать производительность труда, — заявил Верджил Гэнч.

— Это верно. Но плохо, если закон навязывают насильно, — продолжал Говард Литтлфилд. — Конгресс пошел неправильным путем. Будь на то моя воля, я сделал бы так, чтоб каждый пьющий должен был получать лицензию на выпивку. Тогда мы могли бы ограничивать неустойчивых рабочих, не давать им пить, а вместе с тем мы бы не нарушали права других, то есть свободу личности таких людей, как мы с вами.

Все закивали, с восхищением переглянулись и подтвердили: «Да, конечно, так было бы правильней!»

— Одно меня беспокоит, — вздохнул Эдди Свенсон, — как бы эти люди не стали нюхать кокаин!

Все закивали еще усиленней, заворчали: «Верно, верно, есть и такая опасность!»

Но тут поднял голос Чам Фринк:

— Слушайте, мне вчера дали изумительный рецепт домашнего пива. Берется...

— Погодите, — прервал его Гэнч. — Я скажу свой.

Литтлфилд фыркнул: «Пиво! Ерунда! Лучше всего дать сидру перебродить!» Джонс настаивал: «Нет, у меня рецепт настоящий» Тут вмешался Свенсон: «Слушайте, я вам расскажу такой анекдот!» Но Фринк не сдавался:

— Берется шелуха от гороха, на бушель шелухи — шесть галлонов воды, кипятить эту смесь, пока...

Миссис Бэббит подошла к ним с умоляющей сладкой улыбкой. Фринк поторопился досказать про рецепт пива, и она весело объявила:

— Прошу к столу!

В дружеском споре — кому из мужчин пройти последнему — они наконец перешли из гостиной в столовую, и по дороге Верджил Гэнч всех рассмешил, крикнув громовым голосом:

— Если мне нельзя сидеть рядом с Майрой Бэббит и пожимать ей ручку под столом, я не играю и ухожу домой!

В столовой все немного растерялись, пока миссис Бэббит хлопотала:

— Погодите — ах, мне так хотелось приготовить для каждого карточку с рисунком, но не вышло — погодите, сейчас: мистер Фринк, вы сядьте сюда...

Обед был сервирован в лучшем стиле женских журналов, когда салат подается в выдолбленных яблоках, и все блюда, кроме неизменных жареных цыплят, напоминают что-нибудь другое.

Обычно мужчинам не о чем было разговаривать со своими дамами: флирт — искусство неизвестное на Цветущих Холмах, а царства контор и кухонь меж собой не соприкасаются. Но под воздействием коктейля беседа разгорелась вовсю. У каждого из мужчин накопилось множество важнейших соображений насчет сухого закона, и теперь, заполучив внимательного слушателя в лице соседки, они пустились в рассуждения:

— Нашел место, где можно достать сколько угодно спиртного по восьми за кварту...

— Читали, как один человек заплатил тысячу долларов за десять ящиков «вырви-глаза», а потом оказалось, что там одна вода? Говорят, он стоял на углу, и вдруг к нему подходит какой-то тип...

— Говорят, в Детройт контрабандой пригнали целый пароход этого самого...

— Может попасться всякая ядовитая штука — древесный спирт, да мало ли что...

— Конечно, я принципиально с этим согласен, но я не желаю, чтобы меня учили думать и жить! Ни один американец этого не потерпит...

Но всем показалось, что Орвиль проявил дурной вкус — и никто не улыбнулся его шутке, — когда он ляпнул:

— Главное в сухом законе — не разводить вокруг него столько сырости.

И только после того, как эта тема была исчерпана, разговор стал общим.

Знакомые часто с восторгом говорили о Верджили Гэнче: «Ну, этому все на свете сходит с рук! Он может отмочить такую штуку при дамах, что небу станет жарко, и все будут только хохотать, а если я скажу что-нибудь хоть чуточку рискованное, с меня голову снимут!»

И сейчас Гэнч привел всех в восторг, крикнув миссис Свенсон — самой молоденькой из дам:

— Луэтта! Я спер из кармана у вашего Эдди ключ от двери, может, мы с вами удерем потихоньку, чтоб никто не видел? Мне нужно, — тут он расплылся в хитрейшей улыбке, — сказать вам что-то очень важное!

Женщины захихикали, и Бэббит тоже почувствовал себя способным на шалости:

— Слушайте, друзья! Хочется мне показать вам одну книжечку, но не решаюсь. Мне ее дал док Паттен.

— Джордж! Как тебе не стыдно! — остановила его миссис Бэббит.

— Да, вот это книжка! С перцем — не то слово! Антропологический доклад насчет — ну, насчет всяких обычаев тихоокеанских дикарей, чего там только нет! Купить ее, конечно, нельзя. Вердж, хочешь, дам почитать?

— Чур, я первый! — потребовал Эдди Свенсон. — Наверно, ядовитая вещь!

— А я вчера слышал отличный анекдот, — объявил Орвиль Джонс. — Идут два шведа с женами...

Он рассказал «отличный» анекдот с еврейским акцентом, слегка продезинфицировав конец. Гэнч тут же его поправил. Но вскоре

влияние коктейлей ослабело, искатели истины вернулись к трезвой реальности.

Чам Фринк недавно разъезжал с лекциями по маленьким городам и сейчас со смешком рассказывал:

— До чего приятно вернуться к цивилизации! Навидался я этих провинциальных городишек, хватит с меня! Нет, я ничего не говорю, таких хороших людей, как там, в целом свете поискать, но, понимаете, эти городишки с их главной улицей до того сонные, что... Нет, хорошо вернуться к живым людям!

— Я думаю! — обрадовался и Орвиль Джонс. — Верно, таких хороших людей в целом свете не найдешь, но мамочка моя! О чем они разговаривают! Ей-богу, они только и знают, что говорить о погоде да о новых фордах, провались я на месте!

— Правильно! — подтвердил и Эдди Свенсон. — Они все разговаривают об одном и том же!

— Вот именно! — подхватил Верджил Гэнч. — Повторяют одно и то же без конца!

— Да, удивительное дело! Они совсем лишены способности смотреть на вещи объективно. Просто повторяют одни и те же разговоры про погоду, про форды и так далее, — заметил и Говард Литтлфилд.

— Ну, за это их осуждать нельзя! Нет у них интеллектуальных стимулов, какие получаешь здесь, в большом городе, — сказал Чам Фринк.

— Ей-богу, верно! — поддержал его Бэббит. — Я, конечно, не хочу, чтобы вы, наша ученая братия, стали задаваться, но должен отметить, что каждый старается стать головой выше, когда сидит в компании с таким знаменитым поэтом или с таким докой в экономике, как Говард. А этим провинциальным дурачкам и поговорить не с кем, кроме как друг с другом, не удивительно, что они и разговаривают некультурно, малограмотно, да и думать разучаются!

Орвиль Джонс добавил:

— И потом возьмите другие наши преимущества — кино, например. Эти мужички-серячки думают, что им бог знает как повезло, если у них каждую неделю новая программа! А у нас в городе в любой вечер можно выбрать хоть из дюжины картин!

— Ясно, а сколько пользы получаешь, когда трешься весь день среди дельцов высшей марки, — им пальца в рот не клади! — сказал Эдди Свенсон.

— А вместе с тем, — начал Бэббит, — нечего особенно оправдывать эти захолустные городишки. Люди там сами виноваты, что не проявляют инициативы, — взяли бы и уехали в большой, город, как мы с вами! И скажу вам по секрету, как друзьям, — завидуют они нашему брату, просто ужас! Каждый раз, как я приезжаю в Катобу, я как будто должен просить прощения у своих друзей детства за то, что я более или менее преуспел в жизни, а они — нет. А разговоришься с ними, вот как мы с вами, проявишь какую-то тонкость мысли, то, что называется широкий кругозор, они сразу подумают — это он нарочно выставляется! Возьмите моего сводного брата Мартина, он хозяин того самого универсального магазинчика, которым владел еще мой папаша. Честное слово, готов пари держать, что он даже не знает про такую штуку, как полный парад, — я хочу сказать, фрачный костюм. Если бы он сейчас сюда вошел, он бы подумал, что мы с вами бог знает кто, — не представляю, за кого он принял бы нас! Да, братцы, завидуют они нам, вот что!

— Верно! — согласился Чам Фринк. — Но главное, что меня в них раздражает, это полное отсутствие культуры, недооценка красоты — простите, что я так высокопарно выражаюсь! Я, знаете, люблю прочесть хорошую лекцию, почитать лучшие свои стихи, — не те, что для газет, а те, что для журналов. Пробуешь пронять их чем-нибудь таким, возвышенным, а их ничто не берет, кроме старых анекдотов с предлинной бородой, грубых шуток и всякой такой чепухенции, за которую любого из нас выставили бы в два счета за дверь, посмей он только рассказать...

— В общем, наше счастье, что мы живем среди цивилизованных людей, у которых есть и художественный вкус, и деловой нюх, — подытожил Верджил Гэнч. — Скучновато нам было бы, если б мы застряли на какой-нибудь их Главной улице и стали рассказывать этим старым бобрам про нашу здешнюю жизнь. Но в одном надо им отдать справедливость: каждый, самый маленький, американский город стремится расти, достигнуть современного уровня. И растут, черт их подери, растут! Кто-нибудь начнет крыть такую захолустную дыру, рассказывать, как он заехал туда в тысяча девятисотом году, и ничего

там, кроме одной грязной улицы, не было, понимаете, одной на девятьсот жителей, похожих на улинок. А приедешь туда в девятьсот двадцатом году, смотришь — асфальт, чудная гостиница, первоклассный магазин дамского готового платья — просто красота! Нельзя смотреть только на то, какие они сейчас, эти городишки, надо разобраться, чем они хотят стать, а у них у всех есть свой идеал, оттого они и станут когда-нибудь отличнейшими городами. А идеал у них — стать такими, как наш Zenit, вот что!

Хотя все они и жили в самом близком соседстве с Т.Чамондли Фринком и он часто брал у них на время косилки для газона и гаечные ключи для машины, каждый помнил, что Фринк — знаменитый поэт и выдающийся деятель рекламы и что за его простотой и доступностью кроются знойные джунгли литературных тайн, куда никому из них нет доступа. Но сегодня, разоткровенничавшись под влиянием джина, он сам допустил их в свою святая святых.

— Меня страшно мучит одна литературная проблема. Сейчас я занят составлением серии реклам для автомобильной фирмы Зико, и мне хотелось бы из каждой рекламы сделать этакую поэтическую жемчужину — в хорошем стиле, понимаете. Я целиком и полностью придерживаюсь теории, что весь фокус — в совершенстве формы, без этого и писать не стоит, но такой крепкий орешек мне еще никогда не приходилось раскусывать. Вы, может быть, думаете, что мне труднее писать стихи, я хочу сказать — на лирические темы: семья, очаг, счастье и прочее, но это, в общем, легче легкого. Тут никаких просчетов быть не может; отлично знаешь, чем дышит каждый порядочный человек, если он действительно наш, и выражаешь именно эти чувства. Но индустриальная поэзия — такой литературный жанр, где нужно открывать новые, неизведанные области. А знаете, кто по этой части наш, американский гений? Вы даже имени его не слышали, и я не слышал, но его творчество надо сохранить для будущих поколений, чтобы они могли судить о силе американской мысли наших дней, об ее оригинальности. Я говорю о человеке, который пишет рекламы табака «Принц Альберт». Нет, вы только послушайте:

«Сплошная радость и восторг — П.А. в хорошей трубке! Скажи, слышал ли ты, как хвастают шоферы: рвануть с пяти на пятьдесят

единым духом, дать газу, чтобы небу стало жарко! Да, в этом что-то есть, не спорю, но, между нами, милый друг, проверь-ка сам любым спидометром, как быстро с уныния от скверных табаков на скорость высшую блаженства переключишься ты, усевшись с трубкой, где тлеет вкусный и душистый „Принц Альберт“.

«Принц Альберт» попадает в точку, он словно весело поет своим чудесным ароматом: «Давай еще!» Всегда прохладный и душистый! Нет, никогда куренье никому не доставляло такой бодрящей, крепкой радости мужской!

Закуривай, дружок! Берись за трубку сразу — не упускай момент! «Принц Альберт» — сам пойми! — воьет в тебя такую силу, что ты всем сразу дашь и шах и мат. Уж мы-то знаем оба, о чем я говорю!»

— Ого! — восхищенно протянул агент автомобильной компании Эдди Свенсон, — вот это настоящая мужская литература, честное слово! Ну и молодчага этот малый — впрочем, что я! Не может быть, чтобы один человек так здорово писал! Наверно, там целая комиссия классных писак. Впрочем, это неважно! И пишет-то он не для каких-нибудь длинноволосых нюнь, он пишет для настоящих парней, для меня — и я снимаю перед ним кепку. Вот только одно: поможет такое объявление продаже товара или нет? А не завела ли фантазия этого альбертовского сочинителя неизвестно куда, — все они такие, эти поэты! Читаешь — классная штука, но о товаре она мне ничего не говорит! Прочешь-то я прочту, а покупать «Принц Альберт» все равно не стану, потому что тут ничего толком про самый табак не написано! Одни выдумки!

Фринк воззрился на него с возмущением:

— Нет, ты, брат, спятил! Неужели мне надо объяснять тебе, что такое стиль? Во всяком случае, мне очень хотелось написать рекламу для Зико именно в таком роде. Но не могу — хоть тресни! Пришлось придерживаться чистой поэзии, написал для Зико очень утонченную штуку. Послушайте, не знаю, понравится ли:

«Далекий путь зовет-манит, он там, вдали, за горной цепью, он далеко, и ждет того, в ком кровь кипит, как пламень алый, на чьих устах звенит-поет всех храбрецов призыв старинный. Прочь, будничная, цепь забот, долой, постылая тревога! Лететь и мчаться —

наш девиз; в нем наше счастье — не на миг, в нем наша жизнь: лететь вперед! И эту истину постигли создатели машины Зико. Они обдумывали все — не только красоту и цену. Машина — легче антилопы, скользит, как ласточка в полете, но сила, сила в ней — слоновья! В ней дышит все изяществом и мощью, машина эта — первый класс. Послушай, друг мой! Никогда не знать тебе высокого искусства путешествий, если не приобретешь ты ЗАЛОГ ЗЕМНОГО СЧАСТЬЯ — ЗИКО».

— Да, — задумчиво добавил Фринк, — могу сказать, что я сумел вложить какую-то элегантность в эти строки, но оригинальности, этакой рекламной зазывности тут все-таки не хватает!

В ответ на это все гости вздохнули с сочувствием и с восхищением.

9

Бэббит любил своих друзей, обожал играть роль хозяина и кричать: «То есть как это вы не хотите больше цыпленка — что за выдумки!» — и преклонялся перед талантом Т.Чамондли Фринка, но подъем от коктейлей уже пропал, и чем больше он ел, тем меньше веселился. Кроме того, дружеская атмосфера обеда была нарушена ссорой четы Свенсонов.

На Цветущих Холмах и в других зажиточных кварталах Зенита, особенно среди «молодоженов», было много женщин, которые ничего не делали. Хотя прислуги они держали мало, но при газовом отоплении, электрических плитах с мойками для посуды и пылесосами в выложенных кафелем кухнях квартиры у них были настолько удобные, что домашней работы делать почти не приходилось, а кроме того, их стол главным образом состоял из полуфабрикатов и готовых закусок. Редко у них бывало больше одного-двух детей, чаще браки были бездетными, и хотя существовала легенда, будто мировая война приучила людей считать всякую работу уважаемой, их мужья не позволяли им «тратить время зря и забивать себе голову дурацкими идеями», занимаясь бесплатно общественной деятельностью, и еще больше возражали против платной работы, чтобы не было повода для разговоров, будто мужья их плохо обеспечивают. Забот по дому им хватало часа на два, не больше, а в остальное время они объедались шоколадом, ходили в кино, разглядывали витрины магазинов, собирались по двое, по трое сплетничать и играть в карты, робко мечтали о любовниках, которых и в помине не было, и накапливали невероятную энергию, находившую выход в грызне с мужьями.

Классический образец супружеской грызни являла чета Свенсонов.

В течение всего обеда Эдди Свенсон во всеуслышание ворчал по поводу нового платья жены. Он говорил, что платье слишком короткое, до неприличия прозрачное и чересчур дорогое. Он искал сочувствия у Бэббита:

— Скажите честно, Джордж, какого вы мнения об этой тряпке, которую отхватила Луэтта? Наверно, и вы считаете, что дальше идти некуда?

— Да что вам взбрело в голову, Эдди? По-моему, чудное платье!

— Конечно, мистер Свенсон! — поддержала мужа миссис Бэббит. — Платье просто прелесть!

— Что, съел, умник? Много ты понимаешь в платьях! — вскинулась Луэтта, а гости задумчиво жевали и поглядывали на ее плечи.

— Перестань! — оборвал ее Свенсон. — Настолько-то я понимаю, чтоб видеть, когда бросают деньги на ветер, и вообще — надоело! У тебя полный шкаф платьев, а ты их не носишь! Я уж тебе высказывал мое мнение, но ты, ясное дело, ни малейшего внимания не обращаешь! Пока от тебя чего-нибудь добьешься, лопнуть можно.

Они ссорились без умолку, и все принимали в этом участие — все, кроме Бэббита. Он был как в тумане, ничего не чувствовал, кроме своего желудка; внутри все горело и жгло. «Поел лишнего, а вот сладкое совсем уже ни к чему!» — мысленно простонал он, глотая скользкие холодные куски пломбира с ореховым тортом, липким, как мыльный крем для бритья. Ему казалось, что желудок набит глиной, его распирало, подперло к самому горлу, мозг превратился в раскаленную жижу, и с мучительной натугой он продолжал улыбаться и что-то выкрикивать, как подобало хозяину на Цветущих Холмах.

Если бы не гости, он вышел бы на улицу, и на воздухе прошла бы эта хмельная сытость, но в тумане, наполнявшем комнату, гости трещали, трещали без умолку, казалось, этому конца не будет, а он сидел и мучился: «Дурак я, что столько съел, хватит, больше ни кусочка!» — и тут же ловил себя на том, что снова ест тошнотворно сладкий подтаявший пломбир. Присутствие друзей потеряло всю прелесть, и на него не произвело ни малейшего впечатления, когда Говард Литтлфилд извлек из своей научной сокровищницы сообщение о том, что химическая формула каучука-сырца — $C_{10}H_{16}$ и что он превращается в изопрен, то есть в $2C_5H_8$, и вдруг, без всякой причины, Бэббит не только ощутил скуку, но и сознался себе, что ему невыносимо скучно. Какое счастье, что можно наконец встать с неудобного жесткого стула и развалиться на диване в гостиной!

Судя по бессвязным, вялым репликам гостей, по их лицам, болезненно-напряженным, словно их кто-то медленно душил, они не меньше своего хозяина страдали от тягот светской жизни и ужасов

обильной пищи. Все облегченно вздохнули, когда было предложено сесть за бридж.

У Бэббита стало проходить ощущение, что его варят заживо. Ему повезло в игре. Он снова терпеливо выносил неистребимую бодрость Верджила Гэнча. А мысленно он отдыхал с Полем Рислингом на берегу озера, в Мэне. Это ощущение было сильным, острым, как тоска по родине. Он никогда не бывал в Мэне и все же представлял себе горы в тумане, спокойную вечернюю гладь озера. «Поль лучше всех этих умников, вместе взятых, — подумал он. — Хоть бы уехать подальше от всего на свете».

Даже Луэтта Свенсон не вывела его из оцепенения.

Миссис Свенсон была женщина хорошенькая и кокетливая. Бэббит в женщинах не разбирался, он интересовался только их вкусами, сдавая им меблированные квартиры. Всех женщин он делил на Настоящих Леди, на Работающих Женщин, Старых Чудачек и Веселых Курочек. Он мог расчувствоваться перед женскими прелестями и был того мнения, что все женщины (кроме женщин из его семьи) «особенные» и «непонятные». Но он безотчетно чувствовал, что к Луэтте Свенсон можно найти подход. У нее были влажные глаза и влажные губы. От широкого лба лицо ее сужалось к остренькому подбородку, рот у нее был тонкий, но твердый и жадный, а между бровями лежали две привлекательные изогнутые морщинки. Ей было лет тридцать, а то и меньше. Сплетня никогда не касалась ее, но все мужчины с первой же встречи начинали за ней ухаживать, а все женщины поглядывали на нее со сдержанной неприязнью.

Сидя на диване рядом с Луэттой, Бэббит в перерывах между партиями обращался к ней с той подчеркнутой галантностью, принятой на Цветущих Холмах, которая была не столько ухаживанием, сколько испуганной попыткой воздержаться от всякого флирта.

— Вы сегодня хороши, как новенький табачный киоск, Луэтта.

— Правда?

— Наш Эдди что-то брюзжит.

— Да! О, как мне это надоело!

— Что ж, если вам надоест муженек, можете сбежать с дядей Джорджем.

— Уж если бы я сбежала... Впрочем, это я так...

— А вам кто-нибудь уже говорил, что у вас замечательно красивые руки?

Она посмотрела на свои руки, спустила кружевной рукав пониже, но в общем не обращала на Бэббита внимания, погрузившись в невысказанные мечты.

Бэббит слишком раскис в этот вечер, чтобы выдерживать роль неотразимого (хотя и строго добродетельного) мужчины. Он вернулся к карточным столам. Никакого восторга в нем не вызвало и предложение миссис Фринк, маленькой пискливой дамочки, попробовать заняться спиритизмом и столоверчением: «Знаете, мой Чам умеет по-настоящему вызывать духов — честное слово, он меня даже иногда пугает!»

Дамы весь вечер не участвовали в беседе, но тут, поскольку известно, что женский пол больше интересуется миром духовным, тогда как мужчины сражаются с грубой материей, они взяли инициативу и закричали: «Да, да, давайте, давайте!»

В темноте мужчины вели себя торжественно и глупо, а их жен от восторга пробирала дрожь. Но когда мужчины пожимали им руки, они хихикали: «Ведите себя как следует, а то я все скажу!»

И в Бэббите проснулся некоторый интерес к жизни, когда рука Луэтты крепко сжала его пальцы.

Все наклонились вперед, затаив дыхание. Кто-то громко вздохнул, заставив соседей вздрогнуть. В мутном свете, просачивавшемся из передней, все казались неземными существами и чувствовали себя бесплотными. Миссис Гэнч вдруг взвизгнула, и все вскочили с неестественной веселостью, но Фринк зашикал, и все благоговейно притихли. Внезапно, не веря себе, они услышали стук. Все уставились на еле видные руки Фринка, но, убедившись, что они лежат спокойно, заерзали на местах, притворяясь, будто на них это не произвело впечатления.

Голос Фринка звучал серьезно:

— Кто здесь?

Стук.

— Означает ли один удар «да»?

Стук.

— А два удара — «нет»?

Стук.

— Леди и джентльмены, просить ли нам этого духа связать нас с духом кого-нибудь из усопших знаменитостей? — шепотом спросил Фринк.

Миссис Орвиль Джонс умоляюще протянула:

— Ах, давайте поговорим с Данте! Мы научали его в литературном кружке. Ты, конечно, знаешь, кто он был, Орви?

— Ясно, знаю! Поэт из итальянцев. Где я, по-твоему, воспитывался, а? — обиженно сказал ее муж.

— Помню, помню, тот самый, который проехался по туристской путевке в ад! — сказал Бэббит. — Я-то его стишков не читал, но мы про него учили в университете.

— Вызвать мистера Данта! — торжественно провозгласил Эдди Свенсон.

— Вам, наверно, легко с ним столкнуться, мистер Фринк, все-таки вы оба — поэты! — сказала Луэтта Свенсон.

— Оба поэты! Откуда вы забрали себе в голову такую чушь! — возмутился Верджил Гэнч. — Конечно, этот самый Дант в свое время, наверно, неплохо разворачивался, — не знаю, сам не читал, — но, если говорить правду, разве он бы справился, если б ему пришлось заняться полезной литературой, каждый день выдавать для газетного синдиката стих, как приходится Чаму!

— Верно! — поддержал его Эдди Свенсон. — Этому старью что! Времени у них было по горло! Мать честная, да я сам мог бы отхватить неплохую поэмку, если бы мне на это дали целый год и разрешили писать про всякую допотопную чепуху, как этому Данту.

— Тише! — потребовал Фринк. — Молчите, я сейчас его вызову... О Светлоглазый дух, спустишь во... м-ммм... во тьму пределов и приведи сюда дух Данте, мы, смертные, хотим послушать мудрые его слова!

— Ты забыл дать ему адрес: тысяча шестьсот пятьдесят восемь, Серная улица, Огненные Холмы, Ад, — загоготал Верджил Гэнч, но все были оскорблены в своих религиозных чувствах. А вдруг, даже если это стучит Чам, вдруг все-таки что-то есть, да и вообще интересно поговорить со стариком из какого-то там века, словом, из прошлого.

Стук. Дух Данте явился в гостиную Джорджа Ф.Бэббита. Казалось, он исполнен готовности отвечать на все вопросы. Он даже сказал, что

«не прочь провести с ними вечер».

Фринк передавал его слова, называя все буквы алфавита, пока дух не отмечал стуком нужную букву.

Литтлфилд ученым тоном спросил его:

— Правится ли вам в раю, мессир?

— Мы счастливы в горних высях, синьор. Мы рады, что вы изучаете высшую истину спиритуализма, — отвечал ему Данте.

Все задвигались, зашуршали крахмальные рубашки, потрескивали корсеты. А вдруг — вдруг что-нибудь есть на самом деле?

Но Бэббита беспокоило другое: вдруг Чам Фринк и в самом деле спиритуалист! Для литератора Чам был вполне порядочным малым, аккуратно посещал пресвитерианскую церковь на Чэтем-роуд, участвовал в обедах клуба Толкачей, любил сигары, автомобили, соленые анекдоты. Но вдруг втайне он... Черт их знает, этих высоколобых, ведь настоящий спиритуалист — это что-то вроде социалиста!

Но в присутствии Верджила Гэнча никто не мог долго сохранять серьезность.

— Ну-ка, спросим у Дантика, как там Джек Шекспир и этот римский дядя, которого окрестили в мою честь Верджилием, как они там поживают и не хотят ли сниматься в кино! — заорал он, и все сразу расхохотались. Миссис Джонс взвизгнула, Эдди Свенсон потребовал, чтобы у Данте спросили, не холодно ли ему ходить в одном венке.

Польщенный Данте скромно отвечал на вопросы.

Но Бэббита мучила проклятая неизвестность, и он мрачно раздумывал, сидя в спасительной темноте: «Сам не знаю... мы так легкомысленно относимся, думаем — умней нас никого нет. Неужто такой человек, как Данте... Надо было раньше почитать его стихи. А теперь всю охоту отбило».

Почему-то Бэббиту мерещился скалистый холм, а на вершине, под сенью зловещих туч, одинокая, суровая фигура. Его самого огорчило внезапно вспыхнувшее презрение к лучшим своим друзьям. Он крепко сжал руку Луэтты Свенсон, и ему стало легче от ее живого тепла. Привычка, как старый солдат, встала на стражу, и он встряхнулся: «Что это на меня напало сегодня, черт подери?»

Он похлопал по ручке Луэтты, желая показать, что в его пожатии ничего предосудительного не было, и крикнул Фринку:

— Слушайте, а может, заставим старичка Данта почитать нам свои стишки? Потолкуйте-ка с ним. Скажите ему: «Буэна джорна, синьор, коман са ва, ви гейтс? Кескесе^[Z] насчет маленькой поэмки, а, синьор?»

Снова зажгли свет. Женщины уже сидели на краешке стульев в решительной и выжидающей позе, которой жена обычно показывает, что как только кончит говорить очередной собеседник, она весело скажет мужу: «Знаешь, милый, а не пора ли нам домой?» На этот раз Бэббит не делал бурных попыток удержать гостей. Ему — да, ему необходимо было кой о чем подумать... Снова заговорили о спиритических сеансах. («Ох, почему они не идут домой! Почему они не уходят?») С уважением, но без всякого энтузиазма слушал он глубокомысленные наставления Говарда Литтлфилда; «Соединенные Штаты — единственная страна в мире, где государственное устройство является нравственным идеалом, а не только общественным установлением». («Правильно, правильно... да неужели они никогда не уйдут?») Обычно он обожал «заглядывать хоть одним глазком» в таинственный мир машин, но в этот вечер он почти не слушал откровений Эдды Свенсона: «Если хотите брать выше классом, чем джэвелин, так лучше зико не найти. Недели две назад решили сделать опыт — имейте в виду, что опыт был поставлен честно, по всей форме! Взяли обыкновенную туристскую машину зико и на третьей скорости пустили ее в гору, на Тонаваду, и один тип мне сказал...» («Зико неплохая машина — о господи, неужели они всю ночь собираются тут сидеть?»)

Наконец гости с шумом стали расходиться, повторяя: «Мы так чудно провели время!»

Больше всех шумел на прощание сам Бэббит, но, выкрикивая любезности, он думал про себя: «Фу, все-таки справился, а то мне уже казалось, что я не выдержу!» Он предвкушал самое утонченное удовольствие, уготованное хозяину: поиздеваться над гостями в ночной тишине. Закрыв двери, он сладострастно зевнул, выпятил грудь и, подрагивая плечами, с презрительным видом обернулся к жене.

Но та вся расплылась в улыбке:

— Ах, как все вышло мило! Я знаю, они были просто в восторге. Правда?

Нет, нельзя. Смеяться он не мог. Это было бы все равно что издеваться над счастливым ребенком. И он торжественно солгал:

— Ну еще бы! Самый удачный прием за весь год — ни у кого такого не было!

— А какой чудный обед! Честное слово, цыплята удались изумительно!

— Еще бы! Хоть королеву угощай. Я таких чудных цыплят сто лет не ел!

— И как Матильда удачно их зажарила! А суп какой вкусный, верно?

— А как же! Дивный суп. Такого супа я с пеленок не пробовал.

Но тут голос ему изменил. Они стояли в передней, под ярким светом плафона с квадратным, похожим на ящик абажуром из красноватого стекла, обрамленного полосами никеля. Жена в упор посмотрела на Бэббита.

— Что с тобой, Джордж? У тебя такой голос... Можно подумать, что тебе вовсе не было весело!

— Нет, было очень весело!

— Джорджи! Да что с тобой?

— Устал очень. В конторе столько работы. Надо бы мне поехать отдохнуть как следует.

— Так мы нее через несколько недель уедем в Мэн, милый!

— М-да-а... — И вдруг он сразу откровенно выпалил все, что думал: — Слушай, Майра, хорошо бы мне поехать туда пораньше.

— Но тебе надо встретиться по делу с каким-то человеком в Нью-Йорке.

— С каким человеком? Ах, да, да. С этим, как его... Нет, уже не надо. Но я хочу поехать в Мэн пораньше — порыбачить малость, поймать здоровенную форель! — Его нервный смешок прозвучал совсем фальшиво.

— Отчего же нам и не поехать пораньше? Верона с Матильдой прекрасно справятся по хозяйству, а мы с тобой можем уехать в любое время, как только ты выберешься.

— Нет, я не о том. В последнее время я что-то нервничаю, лучше бы мне уехать одному, стряхнуть с себя все...

— Как, Джордж! Ты не хочешь, чтобы я поехала с тобой?

Она так искренне огорчилась, что ей было не до трагических упреков, не до высокомерных обид, — она просто растерялась, беззащитная, пухлая, красная, как распаренная свекла.

— Да нет же... — И, вспомнив, что Поль Рислинг все это предсказывал, он сам растерялся не меньше ее. — Понимаешь, иногда полезно старому ворчуну вроде меня побыть одному, успокоиться. — Он пытался говорить как добрый папаша. — А когда ты с ребятами приедешь, — я-то думал, что заберусь туда на несколько деньков раньше вас, — я уже буду совсем веселый, понимаешь? — Он уговаривал ее густым добрым басом, снисходительно улыбаясь, как благодушный пастырь, благословляющий прихожан на пасху, как остроумный лектор, когда он хочет покорить аудиторию своим красноречием, как все мужчины, когда они хитрят и лукавят.

Все праздничное оживление исчезло с ее лица, когда она посмотрела на мужа.

— Значит, я тебе мешаю, когда мы ездим отдыхать? Значит, тебе никакого удовольствия не доставляет, когда я с тобой?

И тут его прорвало. В страшной истерике он закричал, завизжал, как младенец:

— Да, да, да! Да, черт подери! Неужели ты не понимаешь, что я больше не могу! Я устал! Мне надо прийти в себя! Слышишь — надо, надо! Мне все осточертело, надоело — все надоели! Мне надо, надо...

И тут она сразу стала его заботливым старшим другом:

— Да, да, милый, конечно! Поезжай один! Возьми с собой Поля, езжайте вдвоем, порыбачьте, отдохните! — Она погладила его по плечу, для чего ей пришлось стать на цыпочки. Он весь дрожал от беспомощности и в эту минуту не только испытывал к ней привычную привязанность, но и пытался найти у нее поддержку.

— А теперь марш наверх! — бодрым голосом приказала она. — И сразу спать! Мы все устроим. Двери я сама запру. Ну, беги!

Много минут, часов, целую вечность он лежал без сна, дрожа от самого примитивного страха, понимая, что он вдруг обрел свободу, и не зная, что с ней делать, с этой непривычной, обременительной вещью — свободой.

10

Ни один доходный дом в Зените не строился с таким решительным намерением выиграть площадь, как Ревельсток-Армс, — дом, в котором жили Поль и Зилла Рислинг. Кровати были вдвинуты в низкие альковы, а спальни превращены в гостиные. Кухня походила на шкаф, где еле помещалась электрическая плита, медная раковина, холодильник, а иногда втискивалась и прислуга из балканских иммигранток. Все в этом доме было в высшей степени современным и в высшей степени тесным — кроме гаражей.

Бэббиты пришли в гости к Рислингам. Заходить к Рислингам было делом рискованным, очень увлекательным, но иногда неприятным. Зилла была подвижная, решительная, пышная и полногрудая блондинка. Когда она снисходительно старалась быть веселой, настроение у нее повышалось, и с ней было занято. О людях она говорила с едкой иронией и всегда разоблачала человеческое лицемерие. «Верно, верно!» — обычно отвечали ей растерянные собеседники. Она танцевала как одержимая, заставляла всех веселиться, но вдруг ни с того ни с сего принимала оскорбленный вид. Оскорблялась она без конца. Вся жизнь была сплошным заговором против нее, и она яростно разоблачала этот заговор.

Сегодня вечером она была вполне любезна. Она только намекнула, что Орвиль Джонс носит накладку на лысине, что пение миссис Т.Чамондли Фринк напоминает визг фордовских тормозов и что достопочтенный Отис Дибль — мэр Зенита и кандидат в конгресс, — набитый дурак, что, кстати, было правдой. Бэббиты и Рислинги неуютно восседали на жестких, как камень, обитых плюшем стульях в тесной гостиной Рислингов, где был фальшивый камин, а на сверкающей лаком пианоле лежала тяжелая, шитая золотом дорожка.

— Чего мы сидим? — завизжала вдруг миссис Рислинг. — Давайте веселиться. Ну-ка, Поль, доставай скрипку, а я поучу Джорджи танцевать как следует!

У Бэббитов настроение было серьезное. Они хотели обсудить поездку в Мэн. Но стоило только миссис Бэббит с улыбкой на пухлых губах намекнуть: «Скажи, а Поль тоже устал после зимней работы, как

мой Джордж?» — и Зилла сразу вспомнила все обиды, а когда Зилла Рислинг вспоминала, как ее обижали, жизнь останавливалась, пока не выяснялось, кто виноват.

— Устает? Нет, он не устает, он просто сходит с ума! Все думают, Поль такой благоразумный, — о да, конечно, он любит притворяться невинным ягненком, а сам упрям, как мул. Вы бы с ним пожили! Сами бы почувствовали, какой он милый! Нарочно притворяется кротким, а сам ни в чем не уступит. А про меня все только и говорят, что я старая ворчунья, но если бы я не лезла из кожи вон и не раскачивала его, мы бы совсем заплесневели, подошли бы от тоски! Никуда его не вытащишь... Да вот вчера, только из-за того, что машина не в порядке, — а он сам виноват, надо было раньше поехать в ремонтную мастерскую и показать аккумулятор механику, — Поль не захотел пойти в кино, надо было ехать на трамвае. Все-таки мы поехали, и кондуктор попался такой нахал, а Поль даже не заступился!

Понимаете, стою я на площадке, жду, пока меня пропустят в вагон, а эта скотина кондуктор начинает орать на меня: «Ну, скорее, поторапливайтесь!» Да на меня никто в жизни так не орал! Я просто остолбенела, обернулась к нему и говорю, — я решила, что он ошибся! «Вы это мне?» — говорю самым вежливым тоном, а он опять как закричит: «Да, вам! Вы весь вагон задерживаете!» Тут я посмотрела на него, вижу — грязная свинья, хам, которого добрым словом не проймешь; тогда я остановилась и говорю ему прямо в глаза: «Я извиняюсь, но вы ошибаетесь, говорю, я никому не мешаю, задерживают те, кто впереди, а кроме того, разрешите вам сказать, молодой человек, что вы низкий, грязный, нахальный, вонючий щенок, — так и сказала! — и не джентльмен! Я про вас непременно напишу вашему начальству, посмотрим, допустят ли там, чтобы каждый пьяный скот, только оттого, что он надел драную форму, смел оскорблять настоящую леди, и вообще попрошу вас оставить вашу грязную ругань при себе!» Говорю, а сама жду, что Поль будет вести себя как настоящий мужчина и заступится за меня, а он стоит, будто его это не касается, и делает вид, что ничего не слышит. Ну, тут я ему все выложила: «Как, говорю...»

— Да брось, Зилл! — простонал Поль, — все знают, что я тряпка, а ты нежный бутончик, ну и хватит!

— Хватит? — Лицо Зиллы перекошилось, как у Медузы, голос колот, словно ржавый клинок. Она захлебывалась в приступе злости, в сознании своей правоты. Она чувствовала себя рыцарем-крестоносцем и, как всякий крестоносец, наслаждалась возможностью творить зло во имя добродетели. — Хватит? Если бы люди только знали, что я тебе все спускаю...

— Да не ори ты на меня!

— Хорош бы ты был, если б я на тебя не орала! Валялся бы по целым дням в постели или играл до полуночи на своей дурацкой скрипке! Ты от рождения лентяй, бездельник, ты от рождения трус, Поль Рислинг...

— Ах, Зилла, перестань! Ты сама ни одному своему слову не веришь! — запротестовала миссис Бэббит.

— Нет, не перестану, и каждое мое слово — правда!

— Ну, Зилла, как можно! — Миссис Бэббит всполошилась, как заботливая мамаша. Она была ровесницей Зиллы, но казалась старше — правда, только с первого взгляда. Она была такая спокойная, расплывшаяся, перезрелая, а глядя на сорокапятилетнюю Зиллу, крашеную, затянутую в корсет, сразу думалось, что она, наверно, старше, чем кажется. — Как можно так разговаривать с бедным Полем!

— Да, он бедный, это верно! Мы были бы оба бедняки, мы бы давно по миру пошли, если б я его не теребила!

— Ну, как можно, Зилла! А мы-то с Джорджем только недавно говорили, как много Поль работал весь год и как хорошо бы отпустить наших мальчиков вдвоем! Я сама уговариваю Джорджа поехать вперед, без нас, в Мэн и отдохнуть там как следует до нашего приезда, и я считаю, что Полю тоже нужно было бы уехать вместе с ним, это было бы просто чудесно!

Поль даже привскочил при таком разоблачении его тайных планов бегства. Он потер руки. Пальцы его дрожали.

— Еще бы! — взвизгнула Зилла. — Ты счастливица! Ты можешь отпустить Джорджа и не следить за ним! Джорджи у тебя старый, толстый. На других женщин и не смотрит! Смелости не хватает!

— Как это не хватает, черт возьми? — Бэббит с жаром встал было на защиту своего драгоценного права — быть безнравственным, но тут

его перебил Поль — и вид Поля не сулил ничего хорошего. Он вскочил с места и вкрадчивым голосом спросил Зиллу:

— Ты, кажется, намекаешь, что у меня много романов?

— Да!

— Что ж, дорогая моя, раз ты сама об этом заговорила... Да, За эти десять лет не было такого времени, чтобы я не находил утешения с какой-нибудь милой ласковой женщиной, и до тех пор, пока ты не перестанешь осыпать меня своими любезностями, я, вероятно, буду тебе изменять. Да это и не трудно. Ты слишком глупа!

Зилла хотела что-то сказать и вдруг закричала, заплакала навзрыд. Нельзя было разобрать ни слова в этом потоке слез и непристойной ругани.

И тут благодушный Джордж Ф.Бэббит внезапно преобразился. Если Поль стал злым, а Зилла превратилась в яростную фурию, если все благопристойные чувства, какие полагалось испытывать в квартире Рислингов, вдруг обернулись самой неприкрытой ненавистью, то больше всего это сказалось на Бэббите. Он был страшен. Он вскочил с места. Он казался огромным. Рука его впилась в плечо Зиллы. Весь лок добропорядочного дельца мигом слетел с него, в голосе зазвучала жестокость:

— Я этого не потерплю, слышишь! Прекрати эти глупости! Двадцать пять лет я тебя знаю, Зилл, и ни разу ты не упустила случая выместить на Поле свои неудачи! Нет, ты не злая, ты хуже, ты — дура. Благороднее Поля нет человека на божьем свете, слышишь? Всем порядочным людям надоело на тебя смотреть! Пользуешься тем, что ты женщина, и оскорбляешь его самым гнусным образом! А кто ты есть, чтобы такой человек, как Поль, спрашивал у тебя разрешения уехать со мной? Вообразила себя не то королевой Викторией, не то самой Клеопатрой. Дура ты, дура, неужели ты не видишь, как все над тобой смеются, как все издеваются?

Зилла безудержно рыдала:

— Никогда... никогда за всю мою жизнь... никто не говорил...

— Да, в глаза не говорили, а за глаза только так и говорят. Только так! Все говорят, что ты сварливая старуха! Да, старуха, клянусь богом!

Низость этого выпада совсем доконала ее. Глаза у нее сразу потухли, она тихо заплакала. Но Бэббит был неумолим. Он чувствовал,

что он всемогущий хозяин положения, что Поль и миссис Бэббит смотрят на него со страхом, что только он один может справиться с Зиллой.

Дрожащим, жалким голосом Зилла прошептала:

— Это неправда!

— Нет, правда!

— Да, я скверная женщина! Простите меня! Я покончу с собой! Я на все пойду! Я... ну, чего, чего ты от меня хочешь?

Она унижалась до последней степени. И ей это доставляло удовольствие. Для любителя скандалов нет ничего приятнее, чем довести себя до полного, мелодраматического, эгоистического самоуничижения.

— Хочу, чтобы ты отпустила Поля со мной в Мэн! — потребовал Бэббит.

— Как же я могу помешать ему? Ты сам сказал, что я идиотка, что никто на меня не обращает внимания!

— Можешь, можешь! Главное, ты должна прекратить намеки, будто стоит ему ступить за порог, как он сию минуту начинает бегать за какой-нибудь юбкой. Сама наводишь его на дурные мысли. Надо быть умней.

— Хорошо, Джордж, я тебе обещаю, честное слово. Я знаю, что поступала плохо. О, простите меня, простите!

Она наслаждалась собой.

И Бэббит тоже наслаждался. Он осуждал с высоты своего величия, и он же отпускал грехи. Торжественно покинув дом Поля вместе с женой, он стал важно поучать ее:

— Конечно, нехорошо было так запугивать Зиллу, но иначе с ней ничего не сделаешь. Да, она у меня попищала, ей-богу!

— Да, — сказала его жена спокойно. — Ты был очень противный. Ты так петушился! Видно было, что тебе доставляет удовольствие воображать себя прекрасным, благородным человеком.

— Ну, знаешь ли! Это уж слишком! Конечно, чего от тебя ждать, я так и думал, что ты пойдешь против меня! Так и думал, что ты будешь заступаться за нее — женское дело!

— Правильно! Бедная Зилла, она так несчастна. Оттого и вымещает все на Поле. Ей совершенно нечего делать в их квартирке. Целыми днями сидит и думает. А какая она была веселая,

хорошенькая! Конечно, ей обидно, что все это кончилось. А ты с ней так нехорошо, так некрасиво разговаривал — хуже нельзя! Мне стыдно за тебя и за Поля, он тоже хорош, нашел чем хвастать — своими гадкими романами!

Бэббит рассердился и замолчал, и пока они шли пешком домой, он все четыре квартала дулся с видом оскорбленной добродетели. У подъезда он с высокомерной вежливостью открыл перед ней дверь, а сам остался и зашагал по двору.

И вдруг его словно кольнуло в сердце: а что, если она права, хоть отчасти права? Должно быть, от усталости он стал таким необычно чувствительным: с ним редко бывало, чтобы он сомневался в своем непоколебимом превосходстве. Он почувствовал всю прелесть летней ночи, запах влажной травы.

«Ну и пускай! — подумал он. — Я своего добился. Вырвемся на свободу! Ради Поля я на все готов!»

Рыбачью снасть они покупали у братьев Иджемс, в лучшем спортивном магазине, с помощью самого Виллиса Иджемса, их товарища по клубу Толкачей. Бэббит точно с цепи сорвался. Он напевал, приплясывал. Полю он все время бормотал на ухо: «Славно, а? Интересно все это покупать! Молодец Виллис Иджемс, сам нас обслуживает! Слушай-ка, если б вон те типы — видишь, они покупают снасти для Северных озер — если б они узнали, что мы едем прямо в Мэн, они бы в обморок упали, верно?.. Ну-ка, брат Иджемс, я хочу сказать — Виллис! Дерите с нас побольше! Нас легко уговорить! Ну-ка, ну-ка, покажите! Весь ваш магазин скуплю!»

Он восхищался спиннингами, роскошными резиновыми сапогами, палатками с целлулоидовыми окошечками, складными стульями, термосами. В простоте душевной ему хотелось купить все. И тот самый Поль, которому он всегда покровительствовал, теперь удерживал его от этого пьяного азарта.

Но даже Поль просветлел, когда Виллис Иджемс, дипломат и поэт в торговле, заговорил о наживках.

— Вы, друзья, конечно, знаете, что спор идет о том, что лучше — сушеная наживка или свежая. Я лично за сухую наживку. Куда увлекательней!

— Ясно. Это гораздо увлекательней! — Бэббит весь так и пылал, хотя он понятия не имел ни о свежей, ни о сухой наживке.

— Если хотите послушаться моего совета, Джорджи, наберите побольше мотыля, червей и муравьиных яиц. Да-с, муравьиные яйца — вот это наживка!

— Еще бы! Всем наживкам наживка! — радовался Бэббит.

— Да, милый мой! — еще раз подтвердил Виллис Иджемс. — Это, брат, такая наживка, что лучше не същешь!

— Да, вряд ли старушке форели долго придется гулять, когда я закину такую наживочку! — объявил Бэббит и сделал толстой ручкой жест, как будто подсекал рыбу.

— Да, и лосось тоже не уйдет! — сказал Иджемс, который никогда лосося и в глаза не видел.

— Лососи! Форели! Эй, Поль, ты только представь себе, как дядя Джордж, засучив штаны, подсекает эту такую рыбешку часов в семь утра! Ух ты!

И вот они, как ни странно, едут в нью-йоркском экспрессе прямо в Мэн, и, как ни странно, без своих семейств. Наконец они на свободе, в мире настоящих мужчин — в курительном салоне пульмановского вагона.

За окном вагона — тьма, золотистые точки далеких неведомых огней. В качке вагона, в решительном грохоте колес Бэббит все время ощущал одно — он едет, едет, едет! Наклонившись к Полю, он ласково проворчал:

— А неплохо попутешествовать, верно?

В небольшом помещении с выкрашенными желтой охрой металлическими стенками сидели главным, образом такие мужчины, которых Бэббит определял как «самых славных парней на свете, настоящих компанейских ребят». На длинном диване расположилось четверо: толстяк с хитрой круглой физиономией, остролицый человек в зеленой фетровой шляпе, очень молодой человек с мундштуком из поддельного янтаря и сам Бэббит. Напротив, в кожаных креслах, сидели Поль и худощавый, в старомодном сюртуке, хитроватый с виду мужчина с глубокими складками у рта. Все они читали газеты, коммерческие журналы или специальные каталоги магазинов посуды и

обуви, выжидая, когда завяжется приятная беседа. Начал ее очень молодой человек, который, видимо, впервые ехал в пульмановском вагоне.

— Слушайте, ну и погулял я в Зените, лучше не надо! — похвастался он. — Если знаешь, куда сунуться, так можно повеселиться не хуже, чем в Нью-Йорке!

— Да, вы небось там все вверх дном перевернули! Я сразу подумал, что вы — прожженный гуляка, стоило только на вас посмотреть! — осклабился толстяк.

Все с удовольствием отложили газеты.

— Да будет вам! Я, может, в Арборе такое видел, чего вам и не привелось! — жалобно сказал юнец.

— Не сомневаюсь! Наверно, выпили там все молоко, как заправский пьяница!

Разговор с молодым человеком послужил предлогом для всеобщего знакомства, и, забыв о юнце, все заговорили на более существенные темы. Только Поль, углубившись в газету, где печаталась повесть с продолжением, не присоединился к ним, и все, кроме Бэббита, решили, что он сноб, оригинал и вообще скучный человек.

Кто о чем говорил — определить трудно, да это и неважно, потому что мысли у них у всех были одинаковые и выражали они их с одинаковой самоуверенной и нагловатой безапелляционностью. И если окончательный приговор выносил не сам Бэббит, то он, сияя улыбкой, слушал, как высказывает свое суждение другой верховный жрец.

— Кстати сказать, — заявил первый, — в Зените все-таки торгуют спиртным. Как везде, впрочем. Не знаю, что вы, господа, думаете о сухом законе, но мое мнение, что он хорош для бедняков, у которых нет силы воли, а для таких людей, как мы с вами, это — просто нарушение свободы личности!

— Правильно! Конгресс не имеет права нарушать свободу личности! — подтвердил другой.

Из вагона в курительную зашел какой-то человек, но так как все места были заняты, он выкурил сигарету стоя. Он был Чужак, он не принадлежал к старожилам-аристократам курительного салона. На него смотрели мрачно. После тщетной попытки держать себя непринужденно, для чего он стал осматривать в зеркало свой подбородок, он вынужден был молча уйти.

— Недавно я по делу объехал весь Юг. Неважная там обстановка, — заметил один из синклита.

— Неужели? Неважная, говорите?

— Нет, мне показалось, что дела там хуже, чем обычно.

— Хуже? Скажите пожалуйста!

— Да, я сказал бы, много хуже!

Весь синклит глубокомысленно наклонил головы и решил:

— М-да, значит, такое дело...

— Да и на Западе дела тоже не блестящи, далеко не блестящи.

— Верно, верно! И это здорово отражается на гостиницах. Правда, есть в этом и своя хорошая сторона: в тех гостиницах, где за паршивый номер брали пять, а то и шесть-семь долларов в день, теперь радехоньки сдать самую лучшую комнату за четыре, да еще с услугами!

— Тоже верно. М-да, слушайте, насчет этих самых гостиниц. Заехал я недавно в первый раз в отель «Сен-Фрэнсис» — это в Сан-Франциско, — шикарное место, клянусь богом!

— Правда ваша, друг. «Сен-Фрэнсис» — шикарное место. Первый класс!

— Верно, верно. Согласен с вами. Первокласная гостиница.

— Так-то оно так, а вот бывал кто из вас в «Риппльтоне», в Чикаго? Не люблю наговаривать — всегда предпочту хвалить, если только можно, но среди всех скверных трущоб, которые пытаются сойти за первоклассный отель, нет ни одной хуже «Риппльтона»! Когда-нибудь я до них доберусь, я им так и сказал, этим типам. Вы знаете, я такой человек — правда, вы меня не знаете, но поверьте, я привык к первоклассному обслуживанию и готов платить как следует. Приезжаю я недавно в Чикаго поздно ночью. «Риппльтон» этот у самого вокзала, раньше я там не останавливался, но говорю шоферу такси — я считаю, что надо брать такси, когда приезжаешь ночью; может, оно выходит дороже, но все равно окупается: утром надо вставать рано, ходить, распространять свой товар. В общем, говорю я шоферу: «Вези в „Риппльтон“!»

Приезжаем мы туда, я разлетаюсь к конторке, говорю портье: «Ну как, братец, есть у тебя хороший номер для кузена Билла, да чтоб с ванной!» Ка-ак он на меня взглянет! Можно было подумать, что я продал ему подержанный пиджак или предложил работать в йом-

кипур! Уставился на меня, как рыба, и тянет: «Не знаю, приятель, сейчас посмотрю!» — и ныряет в эту, как ее, регистратуру, что ли, где у них записаны все номера. Не знаю, может, он звонил по телефону в Кредитную Ассоциацию или в Американскую Лигу Безопасности, проверял, кто я такой, во всяком случае, он что-то долго возился, а может, просто вздремнул, но наконец выглянул, посмотрел на меня, будто моя физиономия ему глаза режет, и скрипучим таким голосом говорит: «Пожалуй, можно вам устроить номер с ванной». «А-а, говорю, весьма любезно с вашей стороны, простите, что беспокоил, но во сколько это мне влетит?» — спрашиваю. А он: «Семь долларов в сутки, приятель».

Конечно, время было позднее, да и гостиницу оплачивает моя фирма, — но, скажу по чести, если бы мне пришлось платить из своего кармана, так я лучше всю ночь прошлялся бы по улицам, но никогда в жизни не позволил, чтоб в такой дыре содрали с меня кровных семь долларов за день! Ладно, думаю, пускай! Разбудил тут портье посыльного — славный такой мальчуган, лет семидесяти девяти, не больше, — сражался, как видно, в битве при Геттисберге и не сообразил до сих пор, что она давно кончилась. Наверно, принял меня за одного из конфедератов — так он на меня воззрился! Повел меня этот Рипп ван Винкль куда-то, — потом я узнал, что они называют это «номер», а сначала мне показалось, будто он ошибся и засунул меня в ящик для пожертвований на Армию Спасения. Семь долларов рег каждый божий *diem*^[8]. Видали?

— Да, я тоже слышал, что в «Риппльтоне» дерут неизвестно за что. Нет, я в Чикаго всегда предпочитаю останавливаться в «Блекстоне» или в «Ла-Салле» — первоклассные отели!

— Скажите, друзья, а кто останавливался в отеле «Берчдейл», на Терр-От? Как там?

— О, «Берчдейл» — первоклассная гостиница.

(Двенадцатиминутное совещание на тему: «Сравнительные достоинства отелей в Саус-Бенде, Флинте, Дэйтоне, Талсе, Вичите, Форт-Ворсе, Виноне, При, Фарго и Мыс-Джой».)

— Говорите — цены! — буркнул человек в фетровой шляпе, играя зубом лося на тяжелой цепочке от часов. — Хотел бы я знать, откуда пошел слух, что одежда подешевела. Возьмите мой костюм, — тут он ущипнул себя за складку брюк. — Четыре года назад я за него отдал

сорок два с половиной, и он того стоил. Так вот, захожу я на днях в магазин в нашем городе, прошу показать мне костюм, и приказчик вынимает такие обноски, которые я, честное слово, на дворника не надел бы! Просто из любопытства спрашиваю: «А сколько берете за это барахло?» — «Что? — говорит. — Какое барахло? Самый лучший костюм, чистая шерсть». — «Знаю я эту шерсть, черт ее дери! Растет на кустиках, там, на доброй старой плантации!» — «Нет, говорит, это чистая шерсть, и мы за нее берем шестьдесят семь долларов девяносто центов». — «Берете? — говорю, — ну берите с кого хотите, а с меня вам не взять!» — и пошел домой. Да, да! А дома говорю жене: «Пока у тебя сил хватит латать папины брюки, мы никаких костюмов покупать не будем».

— Правильно, братец. А возьмите, скажем, воротнички...

— Э-э! Погодите! — запротестовал толстяк. — При чем тут воротнички? Я сам торгую воротничками. Знаете, какие накладные расходы на это производство? Двести семь процентов себестоимости.

Тут все согласились, что раз воротничками торгует их старинный друг — толстяк, значит, цена на воротнички именно такая, как надо; зато остальные предметы одежды катастрофически подорожали. Они уже восхищались друг другом, любили друг друга. Они глубоко вникли в суть коммерции и пришли к единодушному заключению, что цель производства — будь то производство плугов или кирпичей — в сбыте товара. Их романтическим героем был уже не рыцарь, не странствующий трубадур, не ковбой, не летчик, не храбрый юный прокурор, — их героем был Великий Коммерсант, который умел анализировать торговые проблемы, сидя у покрытого стеклом письменного стола, герой, чей благородный титул был «удачник» и кто посвятил себя и своих юных оруженосцев космической цели — продаже, не продаже чего-нибудь определенного кому-нибудь определенному, а Продаже с большой буквы.

Эти профессиональные разговоры заинтересовали даже Поля Рислинга.

Будучи любителем игры на скрипке и романтически несчастным мужем, он вместе с тем весьма ловко торговал толем. Он выслушал замечания толстяка об «использовании фирменных каталогов и бюллетеней для того, чтобы подстегнуть коммивояжеров», и сам подбросил блестящую идейку насчет наклеивания двухцентовых

марок на проспекты. Но тут же он совершил проступок против Священного Союза Порядочных Людей. Он заговорил, как высоколобый.

Поезд приближался к городу. У окраины он прошел мимо литейного завода, где вспыхивали оранжевые и алые блики, озаряя унылые трубы, одетые сталью стены и мрачные трансформаторы.

— Боже! Взгляните — какая красота! — воскликнул Поль.

— Метко сказано, братец, именно — красота! Сталелитейный завод Шеллинга — Хортонна, и говорят, старый Джон Шеллинг заграбастал чуть ли не три миллиона на вооружении во время войны! — с уважением сказал человек в фетровой шляпе.

— Да я не о том, — я хотел сказать, как красиво, когда свет падает пятнами на этот живописный двор, загроможденный железным ломом, и выхватывает куски из темноты, — объяснил Поль.

Они уставились на него в изумлении, а Бэббит заворковал:

— Поль, он, знаете, наметал глаз — замечает всякие там живописные местечки и красивые виды, ну, вообще все такое. Наверно, сделался бы писателем или еще чем-нибудь в том же роде, если б не стал торговать толем.

Поль сделал недовольное лицо. (Бэббит иногда сомневался, ценит ли Поль его дружескую поддержку.) Человек в фетровой шляпе проворчал:

— Лично я считаю, что на заводе у Шеллинга — Хортонна грязь несусветная. Уборка ни к черту. Но, конечно, вам никто не запретит называть этот хлам «живописным», — это дело вкуса!

Поль обиженно спрятался за газету, а разговор, как водится, перешел на поезд.

— В котором часу прибываем в Питтсбург? — спросил Бэббит.

— В Питтсбург? Кажется, часа в... нет, это по прошлогоднему расписанию... погодите-ка, можно посмотреть, у меня расписание под рукой.

— А мы не опаздываем?

— Да нет, кажется, прибудем вовремя.

— Но мы как будто на последнюю станцию прибыли с опозданием на семь минут.

— Да ну? Вы так думаете? О черт, а я-то решил, что мы ничуть не опаздываем.

— Нет, на семь минут опоздали.

— Правильно: ровно на семь минут.

Вошел проводник — негр в белой куртке с медными пуговицами.

— Эй, Джордж, на сколько мы опаздываем? — бросил ему толстяк.

— Право, не знаю, сэр! Кажется, идем без опозданий, — ответил проводник, складывая полотенца и ловко забрасывая их на вешалки над умывальниками. Весь синклит мрачно смотрел на него, и, когда он вышел, все угрюмо заворчали:

— Не знаю, что случилось с этими черномазыми в последнее время! Никогда вежливо не ответят!

— Правильно! Всякое уважение к нам потеряли. То ли дело негр в старину — славный малый, знал свое место, а эти молодые жеребцы не желают служить проводниками или собирать хлопок. Нет, брат, ему подавай другое — он лезет в адвокаты, в профессора, бог знает куда! Верьте мне, это вопрос серьезный! Надо бы нам всем сплотиться по-настоящему и указать черным, — да, кстати, и желтым, — их место. Нет, вы не думайте, что у меня есть расовые предрассудки. Я первый радуюсь, когда этакой черной образине повезет, — лишь бы он сидел, где ему положено, и не пытался присвоить себе законную власть и деловой авторитет белого человека.

— Это в точку! И еще нам надо вот что сделать, — заговорил человек в фетровой шляпе (кстати, его фамилия была Коплинский), — не пускать этих проклятых иностранцев в Америку. Слава богу, уже есть закон об ограничении иммиграции. Эти итальяшки и всякая немчура должны знать, что тут — страна белого человека и никому они тут не нужны. Может быть, когда мы всех иностранцев, которые уже тут живут, заставим ассимилироваться и приучим их к американскому образу жизни, сделаем из них настоящих людей, — может быть, тогда мы кой-кого и впустим.

— Верно! Факт! — согласились все и перешли к более простым темам. Мимоходом были затронуты и цены на автомобили, и качество шин, и нефтяные акции, и рыбная ловля, и виды на урожай пшеницы в Дакоте.

Но толстяка разбирало нетерпение — столько времени уходит зря! Это был старый коммивояжер, давно лишившийся всяких иллюзий. Он уже сказал о себе: «Я старый греховодник». И сейчас он наклонился вперед, подмигнул всем с хитрым видом и пробурчал: «Ну, хватит,

ребятки! Бросьте вы эти официальные разговоры! Как насчет анекдотовцев?»

Тут разговор стал совсем веселым и интимным.

Поль и юноша сразу ушли. Остальные развалились на диване, расстегнули жилетки, задрали ноги на стулья и, пододвинув поближе тяжелые медные плевательницы, спустили зеленую шторку на окне, чтобы отгородиться от неуютной, непривычной тьмы. После каждого взрыва хохота кто-нибудь кричал: «А это слышали?..» Бэббит тоже разоткровенничался по-мужски. Когда поезд остановился на большой станции, все четверо вышли на перрон, погуляли под задымленной крышей, похожей на облачное небо, прошлись под пешеходными мостами, между ящиками с битой птицей и мясом, в таинственной атмосфере незнакомого города. Они гуляли рядышком, как давние друзья, им было весело. Услышав протяжный крик «поезд отправляется!», схожий с кличем горцев на рассвете, они торопливо забрались в курилку, до двух часов ночи рассказывали рискованные анекдоты, и глаза у них слезились от хохота и табачного дыма. Расставаясь, они долго трясли друг другу руки и говорили: «Да, сэр, славно посидели! Жаль расставаться! Очень рад был с вами познакомиться!»

Бэббит долго не мог заснуть в тесной духоте пульмановского вагона и трясся от смеха при воспоминании о стишке, который прочел толстяк про легкомысленную даму. Он поднял занавеску и долго, опершись локтем на жиденькую подушку, смотрел, как мимо окон, словно восклицательные знаки, пробегают деревья и телеграфные столбы. Он был вполне счастлив.

11

В Нью-Йорке они пробыли четыре часа, до следующего поезда. Бэббиту больше всего хотелось посмотреть отель «Пенсильвания», выстроенный после того, как он в последний раз был тут. Задрал голову и не сводя с него глаз, он бормотал:

— Две тысячи двести комнат и две тысячи двести ванных! Да, такого еще на свете не было! Черт, у них оборот, наверно... погоди, предположим, номер стоит от четырех до восьми долларов в день, а то и все десять — значит, две тысячи двести на четыре, и, скажем, шесть раз по две двести — словом, с рестораном и всем остальным, выходит в летнее время от восьми до пятнадцати тысяч в день! Понимаешь, в день! Не думал я, что придется увидеть такую махину! Да это целый город! Конечно, у нас в Зените у каждого человека больше возможностей проявить деловую инициативу, чем тут, среди этих жуликов, но надо отдать справедливость и Нью-Йорку, да, брат, неплохой городок... в некоторых отношениях. Ну-с, Поль-Польчик, по моему, мы все стоящее уже видели. Как бы нам убить время? Хочешь в кино?

Но Полю захотелось посмотреть на океанские пароходы.

— Всегда мечтал поехать в Европу, и, клянусь честью, надо бы съездить, пока не сдох! — грустно сказал он.

С деревянной пристани на Норс-Ривер они долго смотрели на корму «Аквитании», на трубы и антенны, подымавшиеся выше складов, которые заслоняли пароход.

— Ей-богу, неплохо было бы съездить в Старый Свет, — бубнил Бэббит, — поглядеть на всякие там руины, на дом, где родился Шекспир. И, понимаешь, там можно выпить, когда захочешь! Просто зайти в бар, крикнуть на всю комнату: «Дайте-ка мне коктейль, и к черту полицию!» Да, неплохо, неплохо! А тебе что хотелось бы там посмотреть, Полибус?

Но Поль не отвечал. Бэббит взглянул на него. Поль стоял, сжав кулаки, опустив голову, и в каком-то суеверном страхе смотрел на пароход. У нагретых летним солнцем сходней пристани он казался худеньким мальчиком, высоким и тонким.

Бэббит настаивал:

— А ты куда бы подался по ту сторону океана, Поль?

Но Поль еще больше насупился, глядя на пароход, и, задыхаясь, прошептал:

— О господи!

Бэббит в испуге посмотрел на него, но тут он резко бросил:

— Пошли скорей! Уйдем отсюда! — и торопливо зашагал по пристани, даже не оборачиваясь назад.

«Странно! — подумал Бэббит. — Выходит, ему вовсе и не хотелось смотреть океанские пароходы. А я-то думал, что он ими интересуется!»

Хотя Бэббит восхищался силой паровоза, который тянул поезд через горы Мэна, хотя он и высказывал по этому поводу много дельных соображений, а потом с восторгом смотрел вниз, на сверкающие меж соснами рельсы, хотя он удивился: «Ого, вот так штука!» — увидев, что станция Катадамкук представляет собой просто старый товарный вагон, но по-настоящему он дал волю своим восторгам, когда они сидели на крошечной пристани у озера Санасквем и ждали, пока за ними придет гостиничный катер. К берегу озера прибило плот, между бревнами и берегом стояла прозрачная неглубокая вода, в которой сновали мальки. Проводник, в мягкой черной шляпе с приколотыми к ленте металлическими блеснами и в фланелевой рубашке пронзительно-синего цвета, сидел на бревне, молча стругая палочку. Пес, славный деревенский пес, лохматый, черный с пегими подпалинами, у которого только и дела было, что лентяйничать, задумчиво почесывался, ворчал, а то и просто дремал. Щедрое солнце освещало сверкающую воду, золотисто-зеленый кустарник, серебряные березы, пышные папоротники на берегу и горело за гладью озера на крутых отрогах высоких гор. Надо всем стояла благоговейная тишина.

Молча отдыхали они на краю пристани, свесив ноги над водой. Бесконечной нежностью наполнила душу Бэббита эта тишь, и он неслышно пробормотал:

— Так бы и сидеть тут всю жизнь, стругать палочку и сидеть. Никогда не слышать, как стучит машинка, как разорется по телефону

Стэн Грэф. Или как ссорятся Рона с Тедом. Просто сидеть. Эх, хорошо!

Он похлопал Поля по плечу:

— Ну, как тебе тут нравится, старый кисляй?

— Чудесно, Джорджи. Какое-то ощущение вечности.

И на этот раз Бэббит его понял.

Катер обогнул мысок. В конце озера, под горным склоном, стояло небольшое здание столовой при отеле, а вокруг полумесяцем расположились маленькие бревенчатые хижины, служившие спальнями. Бэббит с Полем сошли на берег под критическими взорами старожилов, пробывших здесь уже целую неделю. В хижине с огромным каменным очагом они поспешно проделали то, что Бэббит называл «влезть в настоящую охотничью одежду». Поль вышел в поношенном сером костюме и мягкой белой рубаше, Бэббит — в защитной курточке и широких защитных же шароварах. На нем все было новое, с иголки, очки без оправы сразу напоминали о городской конторе, и лицо у него было городское, розовое, без следов загара. В этой обстановке он резал глаз, как фальшивая нота режет слух. Но он похлопал себя по ляжкам с невыразимым удовлетворением и прогудел:

— Ай-яй, как будто в родной дом вернулся, а?

Они остановились на пристани перед отелем. Подмигнув Полю, Бэббит вытащил из кармана плитку жевательного табаку, — это вульгарное занятие было строго запрещено в доме Бэббитов. Он с наслаждением заложил кусок за щеку и, сияя улыбкой, покачал головой:

— М-ммм! До чего я соскучился по хорошей жвачке! Хочешь кусочек?

Они переглянулись с понимающей улыбкой. Поль взял кусок табаку, разжевал его. Оба стояли неподвижно, только челюсти работали. Торжественно сплевывали они по очереди в тихую воду. Потом с наслаждением потянулись, подняв руки и выгнув спины. Из-за гор донеслось пыхтенье дальнего поезда. Форель взметнулась в воздух и упала, пустив серебряные круги по воде. Оба друга глубоко вздохнули.

Целую неделю они прожили без своих семейств. Каждый вечер они собирались встать спозаранку и пойти удить до завтрака. Каждое утро они валялись в кроватях до звонка на завтрак, испытывая удовольствие оттого, что тут нет жен, которые решительно подняли бы их с постели. По утрам бывало холодно, и поэтому было особенно приятно одеваться перед пылающим очагом.

Поль был невероятным чистюлей, но Бэббит наслаждался здоровой, хорошей грязью, тем, что можно не бриться сколько душе угодно. Он дорожил каждым жирным пятном, каждой рыбьей чешуйкой на своих новых защитных штанах.

Все утро они лениво рыбачили или бродили по тропам, то сумрачным, то залитым прозрачным светом, среди сырых папоротников, мхов и лиловых колокольчиков. После обеда долго спали, а потом до полуночи играли с проводниками в покер. Для проводников покер был делом серьезным. Всякая болтовня прекращалась, они тасовали засаленные карты со свирепой ловкостью, угрожавшей «чужакам», а Джо Пэрадайз, король всех проводников, с презрительной иронией взирал на бездельников, если они осмеливались задерживать игру, даже чтобы почесаться.

В полночь, когда они с Полем, спотыкаясь в пахучей сырой траве о невидимые в темноте корни сосен, возвращались в свою хижину, Бэббит с удовольствием думал, что не надо объяснять жене, где он пропадал весь вечер.

Разговаривали они мало. Жадное торопливое желание поговорить, нападавшее на них в зенитском Спортивном клубе, теперь совсем прошло. А когда они о чем-нибудь говорили, то невольно впадали в простодушный и душевный тон, как в студенческие дни. Как-то раз они причалили в лодке к берегу Санасквем-Уотер, — небольшой реки, прячущейся в густых зарослях. Над зелеными джунглями палило солнце, но в тени стояла сонная прохлада, и вода подернулась мелкой золотистой рябью. Бэббит опустил руку в холодную струю и задумчиво сказал:

— Мы и не думали, что попадем в Мэн вдвоем.

— Да. Никогда у нас не получалось так, как мы хотели. Я, например, был уверен, что уеду в Германию, к дедушкиной родне, буду учиться играть на скрипке.

— Верно. А помнишь, как мне хотелось стать адвокатом и заняться политикой? Я до сих пор уверен, что сделал бы карьеру. Как будто я неплохой оратор — во всяком случае, могу на ходу все придумать, могу сказать речь о чем угодно, — а в политике только это и нужно! Нет, клянусь богом, Тед у меня пойдет по юридической части, если уж мне не удалось! Но, в общем, — жизнь сложилась неплохо. Майра оказалась хорошей женой. Да и Зилла не желает тебе плохого, Полибус!

— Да, пожалуй! Я уж тут придумываю всякие планы, чтоб ей жилось повеселее. Как-то чувствуешь, что теперь жизнь пойдет по-другому: отдохнули мы как следует, а когда вернемся, сможем все начать заново.

— Надеюсь, старина. — И робким голосом Бэббит добавил: — Нет, ей-богу, славно мы тут с тобой провели время, хорошо мне с тобой и побездельничать, и погулять, и в картишки перекинуться, старый ты конокрад!

— А мне как хорошо было, Джорджи! Это просто спасло мне жизнь!

Но тут, застеснявшись своих чувств, они крепко выругались, как бы в доказательство того, что они простецкие, грубые парни, и молча, в размягченном настроении, стали грести обратно к отелю, и Поль что-то тихо напевал, а Бэббит ему подсвистывал.

Хотя Поль был как будто больше переутомлен и Бэббит играл при нем роль заботливого старшего брата, но вскоре Поль стал веселым, ясноглазым, а Бэббит раздражался все больше и больше. С каждым днем он открывал в себе все новые и новые напластования усталости. Сначала он играл роль шута при Поле, искал, чем бы его позабавить, а к концу недели Поль стал его нянькой, и Бэббит принимал его заботы с той снисходительностью, которую всегда проявляют к терпеливым нянькам.

Накануне приезда их семей все женщины, жившие в гостинице, захлебывались: «Ах, как это приятно! Вы, наверно, так счастливы!» — и Бэббит с Полем из чувства приличия делали счастливые лица. Но спать они легли рано и в прескверном настроении.

В день приезда Майра сразу заявила:

— Мы хотим, чтобы вы, мальчики, развлекались, как будто нас тут нет!

В первый раз, когда Бэббит засиделся за игрой в покер с проводниками, она мирно и весело заметила: «Ого! Однако ты стал настоящим гулякой!» На второй вечер она сонно проворчала: «Господи помилуй, да неужели ты каждый божий день будешь где-то шататься?» На третий вечер он уже в покер не играл.

Теперь он чувствовал усталость каждой клеточкой своего тела. «Странно! Отпуск мне ничуть не пошел на пользу! — жаловался он. — Поль скачет, как жеребенок, а я стал еще нервнее, еще раздражительней, чем до приезда, честное слово!»

В Мэне он пробыл три недели. К концу второй недели он стал чувствовать себя спокойнее, больше интересовался окружающим. Он затеял экскурсию на гору Сэчем и хотел провести ночь на берегу озера Бокс-Кар. Несмотря на странную слабость, он повеселел, как будто кровь очистилась от какого-то ядовитого возбуждения и стала здоровой и свежей.

Бэббита даже перестала раздражать влюбленность Теда в официантку (его седьмая любовная драма за последний год), он ловил с ним рыбу, с гордостью обучая его забрасывать крючок в осененную соснами тишину озера.

К концу отпуска он уже вздыхал: «Только начал как следует отдыхать, черт возьми! Но, ей-богу, я уже чувствую себя гораздо лучше! И год, наверно, будет замечательный! Может быть, меня даже выберут председателем Всеобщей ассоциации посредников по реализации недвижимости вместо какого-нибудь старого, изъеденного молью ворчуна вроде Чена Мотта».

На обратном пути каждый раз, когда он выходил из купе в курительный салон, он чувствовал себя виноватым, что оставляет жену, и сердился, что она принимает это сознание вины как должное. Но тут же все заслоняла мысль: нет, год будет чудесный, великолепный, отличный год.

12

Возвращаясь из Мэна, Бэббит не сомневался, что стал другим человеком. Настроение у него было самое радужное. Тревожиться из-за дел не стоит. Надо иметь больше «интересов» в жизни — ходить в театры, заниматься общественной деятельностью, читать. И вдруг, докуривая особенно крепкую сигару, он решил, что надо бросить курить.

Он изобрел новый, безотказный способ. Он перестанет покупать табак, значит, надо будет одалживаться, и, конечно, он постесняется одалживаться слишком часто. В припадке добродетели он вышвырнул портсигар в окошко курительной. Вернувшись в купе, он без особого на то повода очень ласково заговорил с женой. Он восхищался собственной непорочностью и решил, что «это чрезвычайно просто: дело только в силе воли». Он начал читать в журнале научно-детективный роман с продолжением. Через десять миль ему захотелось курить. Он вобрал голову в плечи, как черепаха, ему стало не по себе, он пропустил две страницы романа и не заметил этого. А когда проехали еще пять миль, он вскочил и пошел искать проводника: «Послушайте, как вас...» Джордж, нет ли у вас... гм-ммм... — Проводник терпеливо ждал. — Нет ли у вас расписания?» — докончил Бэббит. На следующей остановке Бэббит вышел и купил сигару. И так как это должна была быть последняя сигара до приезда в Zenit, он докурил ее до самого конца.

Четыре дня спустя он снова вспомнил, что бросил курить, не его так захватили запущенные дела в конторе, что он тут же об этом забыл.

Потом он решил, что бейсбол — отличное времяпрепровождение. «Бессмысленно работать как вол, без передышки. Буду ходить на стадион три раза в неделю. А кроме всего, надо поддержать команду нашего города!»

Он ходил на состязания, поддерживал свою команду к вящей славе родного Zenita, вопя что есть мочи «молодчага!» — или «мазила!». Он в точности следовал ритуалу: носил на шее бумажный платок, потел,

ухмылялся во весь рот, пил лимонад прямо из горлышка. Он присутствовал на состязаниях три раза в течение одной недели. Потом он пошел на компромисс и только следил за таблицами, которые вывешивались редакцией «Адвокат-таймса». Он стоял перед доской в самой гуще потной толпы, и когда мальчик записывал на ней достижения Большого Билла Боствика, Бэббит говорил совершенно незнакомым людям: «Неплохо! Чистая работа!» — и торопился назад в контору.

Он честно верил, что любит бейсбол. Правда, за последние двадцать пять лет сам он ни разу в бейсбол не играл, разве что у себя во дворе, с Тедом, и притом очень осторожно и строго ограничив время — ровно десять минут! Но эта игра была в обычае у его клана и давала выход кровожадным и пристрастным чувствам, которые Бэббит именовал «патриотизмом» и «любовью к спорту».

Подходя к конторе, он все больше ускорял шаг, бормоча себе под нос: «Надо поторопиться!» Вокруг него весь город спешил только ради спешки. Люди в машинах обгоняли друг друга в потоке спешащего транспорта. Люди спешили догнать трамвай, хотя следующий шел ровно через минуту, и в спешке прыгали из вагона, кидаясь на тротуар, чтобы ворваться в здание и влететь в спешащий лифт. Люди в закусочных спешили проглотить еду, которую в спешке жарили повара. Люди в парикмахерских подгоняли: «Ну-ка, побрейте поскорее, я спешу!» В лихорадочной спешке люди старались избавиться от посетителей в конторах, где висели плакаты «Сегодня у меня занятой день» и «Бог создал весь мир в шесть дней, постарайся выложить все, что надо, в шесть минут!» Люди, заработавшие в позапрошлом году пять тысяч, а в прошлом — десять, напрягали все силы, все свои измученные нервы и иссушенные мозги, чтобы в этом году заработать двадцать тысяч, а люди, вышедшие из строя после заработанных двадцати тысяч, торопились попасть на поезд, чтобы второпях отдохнуть, как рекомендовали им торопливые врачи.

И среди этих людей Бэббит тоже торопился в свою контору, где делать было нечего, разве что следить, чтобы все его служащие поторапливались.

Каждую субботу после обеда он спешил в свой загородный клуб, спеша сыграть девять лунок в гольф, чтобы отдохнуть после недельной спешки.

В Зените для Преуспевающего Гражданина принадлежать к загородному клубу было так же необходимо, как носить белый воротничок. Бэббит был членом загородного клуба Гольф и Отдых, который помещался в красивом сером доме с широкой террасой на крутом, поросшем ромашкой обрыве над озером Кеннепоза. Существовал еще другой загородный клуб, Тонаванда, к которому принадлежали Чарльз Мак-Келви, Хорэйс Апдайк и другие богачи, завтракавшие не в Спортивном клубе, а в Юнионе. Бэббит что-то слишком часто объяснял: «Я бы ни за что в жизни не перешел в Тонаванду, даже если бы не жаль было выкинуть сто восемьдесят монет на вступительный взнос. У нас в Отдыхе народ замечательный, просто славные ребята, и самые хорошенькие женщины в городе, милые, остроумные, да и партию умеют сыграть не хуже мужчин, — а в этой Тонаванде одни зазнайки, расфуфыренные по нью-йоркской моде, чай пьют. Слишком много претензий! Нет, я в эту Тонаванду не ходок, даже если бы мне... словом, ни за что не пойду!»

Сыграв пять-шесть перегонов в гольф, он отдыхал, сердце, издерганное никотином, начинало биться ровнее, и в голосе появлялась медлительность и напевность, свойственная сотням поколений его крестьянских предков.

Не реже чем раз в неделю мистер и миссис Бэббит вместе с Тинкой ходили в кино. Они больше всего любили кинотеатр Шато, на три тысячи зрителей, где оркестр в пятьдесят человек играл попури из опер и «сюиты» под названием «День на ферме» или «Ночной пожар». В круглом мраморном зале красовались бархатные кресла с вышитыми гербами, на стенах висели подделки под средневековые гобелены, а на золоченых, увенчанных цветком лотоса колоннах сидели пестрые попугаи.

Каждый раз Бэббит выражал свое восхищение кинотеатром Шато, восклицая: «Все-таки здорово!» — или: «Нет, ото заведеньице никому не переплюнуть!» И, глядя на смутно серевшие в темноте головы тысяч зрителей, вдыхая запахи хорошей одежды, тонких духов и

жевательной резинки, он испытывал то же чувство, как в тот день, когда, увидев высокую гору, впервые осознал, какое огромное количество земли и камня предстало его глазам.

Бэббит любил кинокартины трех сортов: такие, где хорошенькие купальщицы показывали голые ножки, такие, где полисмены или ковбои усердно стреляли из револьверов, и такие, где смешные толстяки ели макароны. С глубочайшей сентиментальностью, от которой щипало в носу, он улыбался каждому кадру, где появлялись щенки, котята или пухлые младенцы, и плакал при виде смертных одров или старых матерей, которые терпеливо ждут в заложенных и перезаложенных домишках. Миссис Бэббит предпочитала картины, где молодые красавицы в изысканных туалетах ходят меж декораций, изображающих гостиные нью-йоркских миллионеров. Что же касается Тинки, то она любила или делала вид, что любит все, что навязывали ей родители.

И все эти виды отдыха — бейсбол, кино, гольф, бридж, катание на машине, долгие беседы с Полем в Спортивном клубе или к ресторанчике «Добрый Старый Английский Бифштекс» — были необходимы Бэббиту, потому что для него начинался год такой лихорадочной деятельности, какой он никогда раньше не знал.

13

По чистой случайности Бэббиту удалось выступить на собрании ВАПРН, как сокращенно именовали из поголовного пристрастия к таинственным и внушительным сокращениям эту организацию, которая была не чем иным, как Всеобщей Ассоциацией Посредников по Реализации Недвижимости, то есть объединением маклеров и агентов, занимающихся продажей недвижимого имущества. Ежегодное заседание должно было состояться в городе Монарке, главном сопернике Зенита во всем штате. Бэббит был избран официальным делегатом. Еще одним делегатом от Зенита поехал Сесиль Раунтри, которого Бэббит уважал за бесшабашно смелую спекуляцию вновь застроенными участками и ненавидел за положение в обществе, за то, что его приглашали на самые изысканные балы на Ройял-ридж. Раунтри был председателем комитета по разработке повестки дня.

Как-то при случае Бэббит сказал ему сердито:

— Надоело слушать, как все эти доктора, профессора и священники пришивают себе звание «людей свободной профессии»... Да профессия посредника по продаже недвижимости гораздо ответственнее и шире, чем у любого из них.

— Правильно! Слушайте, а почему бы вам не сделать об этом небольшой доклад на собрании? — предложил Раунтри.

— Что ж, если вам мое выступление поможет... Видите ли, моя точка зрения вот такая: во-первых, мы должны настоять, чтобы нас называли «посредники», а не просто «агенты» или «маклеры». Гораздо профессиональнее звучит. Во-вторых — что отличает профессию от простой торговли, коммерции, от любого ремесла? Какая разница? А вот такая: служение обществу, знания, понимаете, специальные знания, ну и вообще всякое такое, чего нет у человека, который только и думает о деньгах и ничуть, так сказать, не считается с общественной пользой, с наукой и так далее. А человек с профессией...

— Чудесно! Отличная мысль! Превосходно! Вы набросайте свою речь! — И Раунтри быстро и решительно удалился.

При всей своей привычке к литературным упражнениям в области рекламы и деловой переписки Бэббит впал в уныние, когда ему пришлось засесть за подготовку речи, рассчитанной не меньше чем на десять минут.

Он положил новенькую пятнадцатичентовую тетрадку на раскладной швейный столик жены, поставленный для такого важного дела посреди гостиной. Все в доме ходили на цыпочках: Верона и Тед предпочли удрать, а Тинке было строго сказано: «Если ты только пикнешь, если хоть посмеешь крикнуть: „Дайте воды“, я тебя... словом, лучше молчи!» Миссис Бэббит села шить ночную рубашку у рояля, почтительно поглядывая, как Бэббит пишет в тетрадке под ритмическое поскрипывание и потрескивание швейного столика.

Он встал, потный и злой, в горле у него першило от табака, а она с нескрываемым восхищением проговорила:

— Как ты только можешь — просто сесть и придумать все из головы!

— Современная деловая жизнь Приучает человека к Конструктивному мышлению!

Он написал семь страниц — первая из них выглядела так:

- (1) Профессия
- (2) Не просто ремесло
- (3) Спец. знания и прозорлив. (зачеркнуто)
- (3) Назыв. «посредник», а не маклер по прод. ндвжм
Дж.Ф.Б.Ппосредник

Остальные шесть страниц очень походили на первую.

Целую неделю он расхаживал с многозначительным видом. Каждое утро, одеваясь, он рассуждал вслух:

— Тебе когда-нибудь приходило в голову, Майра, что, прежде чем в городе начнется новая стройка, расцвет промышленности и всякая такая история, посредник по реализации недвижимости должен сначала продать участки? Вся цивилизация начинается именно с этого. А ты об этом думала?..

В Спортивном клубе он насильно отводил кого-нибудь в сторону и спрашивал:

— Послушайте, если б вам пришлось делать доклад на большом собрании, вы бы начали с анекдотов или, так сказать, разбросали бы

их по всему докладу?

Он попросил Говарда Литтлфилда подготовить ему «кое-какие статистические данные насчет продажи недвижимости, что-нибудь, знаете, этакое внушительное, впечатляющее», и Литтлфилд подготовил чрезвычайно внушительные и впечатляющие данные.

Но чаще всего Бэббит обращался к Чамондли Фринку. Каждый день он ловил Фринка в клубе и приставал к нему, не обращая внимания на его несчастное лицо:

— Слушайте, Чам, вы на этой писанине собаку съели, как бы вы здесь выразились, погодите, тут у меня рукопись... рукопись... да, где же, черт возьми, это место... ага, вот оно! Как бы вы сказали: «Мы бы не должны были думать», — или: «Мы не должны были бы думать?» А вот еще тут...

Но однажды вечером, когда жены не было дома и не на кого было производить впечатление, Бэббит, позабыв о Стиле, Композиции и прочих тайнах творчества, залпом написал все, что он думал о продаже недвижимости и о своей работе, и увидел, что доклад готов. Когда он прочел его жене, она просто растаяла:

— Милый, но это великолепно! Прекрасно написано, и все так интересно, такие глубокие мысли! Нет... это, это просто великолепно!..

На следующий день, при встрече с Чамом Фринком, он самодовольно прогудел:

— Ну, старина, кончил доклад вчера вечером! Сразу по вдохновению — вылилось, и все! А я-то думал, что вам, пишущей братии, трудно приходится! Оказалось — сущие пустяки! Да, жизнь у вас — одно удовольствие, деньги вам легко достаются! Погодите, брошу контору, возьмусь за писание — я вам всем покажу, как это делается! Мне и то думалось, что я умею писать лучше, сильнее и оригинальней, чем те, кого обычно печатают. А теперь я твердо в этом уверен.

Он велел перепечатать доклад в четырех экземплярах, черным шрифтом с великолепным красным заголовком, отдал переплести в светло-голубую папку и любезно преподнес один экземпляр старому Айре Рэньону, главному редактору «Адвокат-таймса», и тот сказал, — о, да, да, разумеется, он очень рад получить экземпляр и, конечно, прочтет доклад от доски до доски, как только у него будет время.

Миссис Бэббит не могла ехать в Монарк. На эти дни было назначено собрание женского клуба. Бэббит сказал, что он очень огорчен.

Кроме пяти официальных делегатов — Бэббита, Раунтри, У.-А.Роджерса, Эльвина Тейера и Эльберта Уинга, — поехало еще пятьдесят неофициальных, большей частью с женами.

Делегаты должны были собраться на вокзале Юнион к поезду на Монарк, отходившему ровно в полночь. У всех, кроме Сесилия Раунтри, который был настолько снобом, что вообще не носил никаких значков, были приколоты целлулоидные бляшки величиной в доллар, с надписью: «Пусть звенит Зенит!» Официальные делегаты блистали лиловыми с серебром перевязями. Сынишка Мартина Ламсена нес знамя с кистями и с надписью: «Зенит — в зените славы! Задор, Закалка, Знание! В 1935 — миллион жителей!» Делегаты подъезжали, конечно, не в такси, а на собственных машинах, которыми правил старший сын либо кузен Фред, и в зале ожидания возникла настоящая импровизированная демонстрация.

Зал ожидания был новый, огромный, с мраморными колоннами и фресками, изображавшими экспедицию патера Эмиля Фоти в долину реки Чалузы в 1740 году. Скамьи были из цельного красного дерева, газетный киоск — мраморный с медной обрешеткой. По гулкому простору зала делегаты прошли вереницей, во главе с Вилли Ламсенем, несшим знамя, мужчины — размахивая сигарами, женщины, гордясь своими новыми платьями и бусами, — и все пели на мотив «Забывать ли старую любовь...» официальный гимн Зенита, написанный Чамом Фринком:

Люблю я старый
Мой Зенит,
Пей за него до дна,
Пускай он
Будет знаменит,
Пусть в нем цветет весна!

Уоррен Уитби, биржевой маклер, мастак по части поздравительных и праздничных стишков, присочинил к гимну Фринка специальную

строфу, посвященную съезду посредников по продаже недвижимости:

Мы все дельцы.
Во все концы
Пускай звенит Зенит!
В том благодать,
Чтоб дом продать
Нам всюду путь открыт.

Бэббит впал в форменную истерику от патриотизма. Он вскочил на скамью, выкрикивая во весь голос:

- Каков Зенит?
- Херо-ооош!
- Какой лучший город в Америке?
- Зени-ниииит!!!

Равнодушно-удивленными глазами смотрели на все это бедняки, терпеливо ждавшие ночного поезда, — итальянки в больших платках, старики в рваных ботинках, выдавшие виды сезонники в выгоревших мятых пиджаках, которые когда-то были новыми и чистыми.

Бэббит вдруг подумал, что ему, как официальному делегату, надо вести себя более солидно. Вместе с Уингом и Роджерсом он пошел прогуляться по бетонированной платформе мимо пульмановских вагонов. Самоходные тележки с багажом, носильщики в красных фуражках, нагруженные чемоданами, создавали вокруг приятную суету. Дуговые фонари ярко горели над головой и мигали, словно заикаясь. Важно блестели лакированные стенки желтых спальных вагонов. Бэббит старался говорить размеренным, барственным голосом. Выпятив животик, он гудел:

— Мы должны непременно добиться, чтобы съезд заставил законодательные органы понять, что им так легко не сойдет с рук, если они начнут облагать налогами купчие на недвижимость.

Уинг одобрительно хмыкал, и Бэббита распирало от гордости.

В одном из пульмановских вагонов занавеска была поднята, и Бэббит заглянул в недоступный мир. В купе сидела Люсиль Мак-Келви, хорошенькая жена миллионера-подрядчика. «А вдруг, — с трепетом подумал Бэббит, — а вдруг она уезжает в Европу?» На диване рядом с ней лежал букет фиалок и орхидей и книга в желтой обложке, явно на иностранном языке. Он смотрел во все глаза, как она

взяла книгу, потом подняла скучающий взгляд на окно. Она, должно быть, сразу увидела его, и хотя они были знакомы, она и виду не подала. Ленивым движением она опустила занавеску, а он остался стоять, весь похолодев от сознания собственного ничтожества.

Но в поезде его гордость воскресла от встречи с делегатами из Спарты, Пайонира и других мелких городов того же штата. Все почтительно слушали, как великий вельможа из столичного города Зенита объяснял им сущность здоровой политики и значение Крепкой Деловой Администрации. С наслаждением они погрузились в профессиональный разговор — самый приятный и самый увлекательный разговор в мире.

— А как дела у Раунтри с постройкой этого громадного жилого здания? Что он сделал? Выпустил акции, что ли, или как-нибудь иначе финансировал свой проект? — спросил маклер из Спарты.

— Сейчас я вам все объясню, — ответил Бэббит. — Если бы мне поручили вести это дело...

— А я сделал так, — гудел Эльберт Уинг. — Снял на неделю витрину магазина, выставил огромную рекламу: «Игрушечный город для деток-малолеток», — и понаставил там кукольных домиков, всяких деревьев, а внизу повесил надпись: «Крошке нравится наш городок, а папе с мамой — наши чудные дома». И знаете — весь город об этом заговорил, и в первую же неделю мы продали несколько участков под застройку...

Колеса пели «тра-та-та-та, тра-та-та-та», поезд бежал через фабричный район. Домны изрыгали пламя, грохотали паровые молоты. Красные огни, зеленые огни, ослепительные вспышки белого пламени летели мимо окон, и Бэббит снова чувствовал себя значительным и энергичным.

Он позволил себе неслыханную роскошь: отдал в поезде выгладить костюм. Утром, за полчаса до того, как они прибыли в Монарк, проводник подошел к его дивану и прошептал:

— Освободилось отдельное купе, сэр. Я отнес ваш костюм туда.

Накинув рыжее осеннее пальто на пижаму, Бэббит проследовал мимо задернутых зеленых занавесок и впервые в жизни испытал величие отдельного купе. Проводник всем своим видом показывал, как

прекрасно он понимает, что Бэббит привык одеваться с помощью камердинера: он держал на весу брюки Бэббита, чтобы идеально отутюженные отвороты не смялись и не запачкались, налил воды в отдельный умывальник и ждал с полотенцем, пока Бэббит умывался.

Иметь отдельную умывальную было удивительно приятно. Насколько весело Бэббиту казалось вечером в общем вагоне, настолько неприятно там было утром, когда в умывальной толпились толстяки в шерстяных фуфайках, на всех крюках висели мятые рубашки, на кожаных стульях лежали потертые несессеры, и нельзя было продохнуть от запаха мыла и зубной пасты. Обычно Бэббит не очень стремился к уединению, но тут он наслаждался им, наслаждался услугами своего «камердинера» и дал ему на чай полтора доллара.

Втайне он надеялся, что все заметят, как он выходит из вагона в Монарке, в свежееутюженном костюме, сопровождаемый проводником, который с влюбленным видом несет его чемодан.

В отеле «Седжвик» его поместили в одной комнате с У.-А.Роджерсом из Зенита, хитрым, мужиковатым агентом по продаже пригородных участков. Они вместе отлично позавтракали вафлями с кофе, поданном не в чашечках, а в больших кружках. Бэббит разговорился, поведал Роджерсу, что такое искусство писать, дал посылному четвертак на газету и послал Тинке открытку: «Папка жалеет, что тебя с ним нет и ему не с кем веселиться».

Заседания съезда проходили в бальном зале отеля «Аллен». В небольшой комнате перед залом находился кабинет председателя комитета. Он был самым занятым человеком на съезде, он был до того занят, что совершенно ничего не мог делать. Сидя у столика маркетри в комнате, заваленной смятой бумагой, он целый день принимал местных агентов по рекламе, лоббистов, ораторов, которые хотели участвовать в прениях, и, выслушивая их торопливый шепот, неопределенно смотрел куда-то вдаль и быстро бормотал: «Да, да, превосходная мысль! Непременно займемся этим!» — и тут же забывал, о чем речь, закуривал сигару, тоже забывал о ней, между тем как телефон не умолкая звонил и вокруг толпились какие-то люди, твердя: «Послушайте, мистер председатель! Мистер председатель, выслушайте меня!» — хотя он уже от усталости ничего не слышал.

В комнате, где помещалась выставка, висели планы новых пригородов Спарты, фотографии нового муниципального здания в Галоп-де-Ваше и длинные колосья пшеницы с надписью «Природное золото из Шельби-Каунти, города-сада в Стране господ бога».

И хотя настоящие совещания проходили в номерах гостиницы, где перешептывались приезжие, или среди отдельных групп, уединявшихся в холле от толпы, украшенной значками, но все-таки было устроено и несколько официальных заседаний.

Первое открылось приветствием мэра города Монарка. Потом пастор первой христианской церкви Монарка, толстый человек с прядью волос, прилипшей к потному лбу, сообщил господу богу, что приехали люди, занимающиеся реализацией недвижимости.

Почтенный посредник из Миннемагенты, майор Карлтон Тюк, произнес речь, в которой разоблачались происки кооперативной торговли. Уильям А.Ларкин из города Эврики сообщил утешительный прогноз о «видах на развитие строительства», напомнив, что цены на оконное стекло упали.

Словом, съезд шел своим чередом.

Делегатов непрестанно и упорно развлекали. Монаркская Торговая палата дала банкет, а Ассоциация промышленников устроила прием, на котором каждой даме преподнесли хризантему, а каждому мужчине — кожаный бумажник с надписью: «Память о Монарке — Мире Мощных Моторов».

Миссис Кросби Ноултон, жена фабриканта автомобилей флитвинг, открыла для обозрения свой знаменитый итальянский парк и устроила там чай. Шестьсот представителей фирм по продаже недвижимости гуляли с женами по осенним дорожкам. Из них человек триста вели себя незаметно, другие триста энергично восклицали: «Здорово задумано!» — тайком срывали осенние астры, прятали их в карманы и старались протиснуться поближе к миссис Ноултон, чтобы пожать ее нежную ручку. Делегаты от Зенита (кроме Сесилия Раунтри), хотя их никто не просил, собрались вокруг пляшущей мраморной нимфы и спели: «А вот и мы...»

Все делегаты от Пайонира случайно оказались членами Благодетельного и Покровительственного ордена Лосей и принесли с собой огромный стяг с надписями: «Б.П.О.Л. — Благородные, Порядочные, Особенные Люди — Береги Пайонир, О Лиззи!» — и

Галоп-де-Ваш, лучший город штата, тоже не отставал. Председатель галоп-де-вашской делегации, высокий, краснолицый толстяк, проявил большую активность. Он снял пиджак, швырнул широкополую черную шляпу на траву, засучил рукава, влез на солнечные часы, сплюнул и заревел:

— Расскажем всему миру и доброй хозяйшке этого дома, что самый лучший городишко в нашем благословенном штате — Галоп-де-Ваш! Вы, ребята, можете сколько угодно болтать про ваш Зенит, а я вам шепну, что в старом Галопе больше домовладельцев, чем в любом другом городе штата. А когда у человека есть собственный дом, он тебе не полезет в забастовки, он будет делать детей, вместо того чтобы делать скандалы! Да здравствует Галоп-де-Ваш! Да здравствует родина домоседов! Он всех проглотит живьем! Кричи на весь мир — ур-а-а-а!

Наконец гости разъехались. По саду прошел последний трепет — и все успокоилось. Миссис Кросби Ноултон со вздохом взглянула на мраморную скамью, которую до перевозки сюда пять веков грело солнце Италии. На лице крылатого сфинкса, поддерживавшего скамью, кто-то нарисовал чернильным карандашом усы. Мягкие бумажные салфетки валялись на грядках гвоздики. На дорожке, словно обрывки нежной кожи, лежали лепестки последней осенней розы. В бассейне с золотыми рыбками плавали папиросные окурки, они набухали, расползались, оставляя за собой противные следы, а под мраморной скамьей лежали тщательно составленные черепки разбитой чайной чашки.

Возвращаясь к себе в отель, Бэббит подумал: «А вот Майре вся эта светская петрушка, наверно, понравилась бы». Его самого этот прием интересовал куда меньше, чем автомобильные прогулки, организованные Монархской торговой палатой. Он без устали осматривал водокачки, пригородные трамвайные станции, кожевенные заводы. Он жадно глотал статистические данные, которые ему сообщали, и потом с восторгом говорил своему соседу У.-А.Роджерсу: «Конечно, этому городу далеко до Зенита, — ни наших перспектив, ни наших природных богатств тут и в помине нет; но вы знаете, я-то, например, до сегодняшнего дня понятия не имел, что они в прошлом

году выпустили семьсот шестьдесят три миллиона кубов пиломатериалов! Что вы на это скажете?»

Он страшно нервничал перед своим докладом. Стоя на невысокой кафедре и глядя на собравшихся, он весь дрожал, перед глазами плыл красный туман. Но начал он уверенно и, окончив официальную часть, свободно заговорил с аудиторией, засунув руки в карманы, и его очкастая физиономия блестела, как тарелка, поставленная на ребро под лампой. Слышались крики: «Здорово сказано!» — а потом, в прениях, все поминали «выступление нашего друга и собрата, мистера Джорджа Ф.Бэббита». За пятнадцать минут он превратился из рядового делегата в лицо, почти столь же известное, как сам дипломат от коммерции — Сесиль Раунтри. После собрания делегаты со всего штата окликали его: «Привет, брат Бэббит!» Шестнадцать совершенно незнакомых людей называли его Джордж, а трое увели в угол, чтобы поделиться своими соображениями: «Рад, что у вас хватило храбрости вступить за нашу профессию, поддержать ее как следует. Я всегда считал, что...»

На следующее утро Бэббит с сугубой небрежностью попросил горничную в отеле дать ему все зенитские газеты. В «Прессе» ничего не было, но в «Адвокат-таймсе» — он даже ахнул! Они поместили его портрет и отчет на полколонки, под заголовком: «Сенсация на ежегодном съезде Ассоциации посредников по продаже недвижимости. Дж.Ф.Бэббит, известный зенитский посредник, — лучший оратор съезда».

Он благоговейно прошептал:

— Теперь, может быть, кое-кто на Цветущих Холмах опомнится и заметит старика Джорджи, уделит ему побольше внимания!

Последнее собрание подходило к концу. Делегации от имени своих городов требовали, чтобы следующий съезд непременно был устроен у них. Ораторы заявляли, что «Галоп-де-Ваш — столичный город, местонахождение Кримеровского колледжа, признанный центр культуры и самых лучших предприятий» или что «Гамбург, наш славный городок, живописнее всех. У нас каждый мужчина — широкая натура, каждая женщина — богоданная хозяйка, и все широко распахнут перед вами свои гостеприимные двери».

И вдруг, в самый разгар этих сердечных приглашений, золоченые двери бального зала распахнулись, и под визг труб появилось настоящее цирковое шествие. Это были зенитские маклеры, одетые ковбоями, наездниками, японскими жонглерами. Во главе шел Уоррен Уитби, в медвежьей шапке и красной с золотом куртке тамбурмажора. За ним, в костюме клоуна, колотя в барабан, шествовал бесконечно счастливый и шумный Бэббит.

Уоррен Уитби вскочил на подмости, стукнул булавой и объявил:

— Мальчишки-девочки, пора нам договориться! Коренной зенитец, конечно, любит соседей, но все-таки мы порешили перехватить следующий съезд, как мы перехватили у соседних городов производство сгущенного молока и картонной тары и...

Дж.Гарри Бармилл, председатель съезда, остановил его:

— Мы, конечно, весьма благодарны вам, мистер м-мм... но мы должны выслушать и других — пусть внесут свои предложения.

Громовой голос прогудел, как сирена:

— Эврика обещает бесплатные поездки по красивейшим местам.

Но по проходу уже бежал худой и лысый молодой человек и хлопал в ладоши:

— Я из Спарты! Наша Торговая палата телеграфировала мне, что она ассигнует восемь тысяч долларов на прием делегатов съезда!

С места вскочил человек, похожий на священника:

— Деньги решают все! Предлагаю принять приглашение Спарты!

И приглашение было принято.

Докладывала комиссия по подготовке резолюций. Было объявлено, что поскольку всемогущий господь в неизреченном своем милосердии призвал в текущем году в свою высокую обитель тридцать шесть маклеров, постольку данный съезд выражает сожаление, что господь бог это сделал, каковое решение секретарь должен незамедлительно занести в протокол и утешить осиротевшие семьи, послав им копии такового.

Вторая резолюция ассигновала председателю Ассоциации пятнадцать тысяч долларов на подготовку кампании за здоровую налоговую политику в законодательных учреждениях штата. В этой резолюции много говорилось об угрозе здоровым деловым

начинаниям, о том, что надо помешать неосведомленным и близоруким деятелям совать палки в колеса Прогресса.

Потом докладывала комиссия по выбору подкомиссий, и потрясенный Бэббит с благоговением услышал, что его назначили членом подкомиссии по обсуждению системы Торренса.

Он был в восторге:

— Говорил же я, что год будет удачный! Джорджи, старина, тебя ждут большие дела! Ты прирожденный оратор, ты компанейский парень, словом — держись!

В последний вечер никаких официальных приемов не было. Бэббит совсем уже собрался домой, но днем Джиред Сасбергер с женой из города Пайонира пригласили Бэббита и У.-А.Роджерса на чашку чаю в ресторан «Каталпа».

Бэббит был знаком с ритуалом чаепития: он с женой торжественно пил чай в гостях не реже двух раз в год, но все же для него это было редким событием, и он чувствовал себя вполне светским человеком. Он сидел за стеклянным столиком в художественной гостиной ресторана, расписанной зайчиками, со стишками на березовой коре и «художественно оформленными» официантками в голландских чепчиках; он ел невкусные сэндвичи с салатом и усиленно заигрывал с миссис Сасбергер, большеглазой и стройной, как манекенщица. С самим Сасбергером он познакомился уже два дня назад, и они звали друг друга «Джорджи» и «Сасси».

Сасбергер вдруг умоляющим голосом сказал:

— Слушайте, ребята, не уходите, сегодня наш последний вечер, а у меня в номере есть то самое, и лучшей коктейльщицы, чем моя Мириам, не найти во всех Штаты Унидос, как мы, итальянцы, их называем.

С широкими радушными жестами Бэббит и Роджерс приняли приглашение Сасбергеров и последовали за ними. Миссис Сасбергер взвизгнула: «Ах, какой ужас!» — увидев брошенную на кровати рубашечку из прозрачайшего кремового шелка. Она засунула ее в сумку, а Бэббит скалил зубы:

— Не обращайтесь на нас внимания, мы гадкие мальчишки, все знаем!

Сасбергер позвонил и велел принести льду, а посыльный, подав лед, тут же запросто, не ожидая приказаний, спросил:

— Вам бокалы для коктейля или для вина?

Мириам Сасбергер смешивала коктейль в одном из тех скучных белых графинов, какие бывают только в гостиницах. Когда они выпили по бокалу, она протянула лукавым голосом:

— Думаю, что вы, друзья, осилите и по второму, вам причитаются дивиденды! — чем сразу показала, что, будучи дамой, она все же знает в совершенстве всю сложную механику питья коктейлей.

Выйдя из номера, Бэббит намекнул Роджерсу:

— Послушай, У.-А., старый ты петух, сдается мне, что в этот чудный «абенд»^[9] мы бы с превеликим удовольствием не уезжали домой к нашим любящим женам, а остались бы тут да закатали вечеринку. Что ты на это скажешь?

— Джордж, твоими устами говорит сама мудрость и эта, как ее, благо-го-разумно-витость. Эл Уинг уже отправил жену в Питтсбург. Давай-ка позовем и его!

В половине седьмого они сидели в номере вместе с Эльбертом Уингом и еще двумя делегатами. Все скинули пиджаки, расстегнули жилетки, лица у них были красные, голоса громкие. Они приканчивали бутылку пронзительного самогонного виски и умоляли официанта:

— Послушай, сынок, достань-ка нам еще такого же формалинчику, а?

Они курили толстенные сигары, сбрасывая пепел и окурки на ковер.

Давясь от хохота, они рассказывали анекдоты. Словом, это были настоящие мужчины, в блаженном первобытном состоянии.

Бэббит тяжело вздохнул:

— Не знаю, жеребцы, как вы, но я лично люблю вырваться на волю, своротить парочку скал, вскарабкаться на полюс да йог махать северным сиянием!

Делегат от Спарты, серьезный, сосредоточенный юнец, несвязно забормотал:

— Честное слово, я примерный муж, но до чего надоедает каждый день возвращаться домой и никуда, кроме кино, не ходить. Я из-за этого даже записался в Национальную гвардию, честное слово! Лучше моей женки у нас в городе и не найдешь — да вот... А знаете, кем я

хотел быть? Знаете, о чем я мечтал? Стать знаменитым химиком, вот кем! Да папашка погнал меня на большую дорогу, продавать кухонную утварь, вот я на этом и застрял, на всю жизнь застрял, и выхода нет! Ну, к черту! Кто завел похоронный разговор? Не выпить ли нам еще? Выпьем, выьыы-ыпьем, это нам не вре-ее-дно!

— Верно! Хватит хныкать! — весело сказал У.-А.Роджерс. — А вы знаете, ребята, что я у нас на деревне — первый певец! Ну, подхватывай:

Старикану ханже говорит молодой:

«Ты не хочешь ли выпить со мной?»

Старый квакер в ответ: «Я не против, о нет!

Клюкнем, юный ханжа, по одной».

Обедали они в мавританском зале отеля «Седжвик». Где-то и как-то к ним пристали еще два приятеля: фабрикант мушиной липучки и зубной врач. Все пили виски прямо из чайных чашек, острили, совершенно не слушая друг друга, разве только когда У.-А.Роджерс дурачил официанта-итальянца.

— Послушай, Джузеппе, — говорил он с невинным видом, — подай-ка мне пару жареных слоновых ушей!

— Простите, сэр, этого у нас нет.

— Как? Нет слоновых ушей? Не может быть! — Роджерс повернулся к Бэббиту: — Слыхали? Педро говорит, что у них слоновые уши все вышли!

— Разрази меня гром! — сказал человек из Спарты, с трудом сдерживая смех.

— Что ж, Карло, в таком случае принеси мне телячью ногу и пару бушелей жареной картошки, да и горошку подкинь, — продолжал Роджерс. — Наверно, у вас там, в далекой знойной этой самой, все итальяшки добывают свежий горошек прямо из консервных банок, верно?

— Нет, сэр, в Италии растет прекрасный горошек.

— Да неужели? Джорджи, слыхал? В Италии свежий горошек растет прямо на грядках! Ей-богу, век живи — век учись, Антонио, если только выживешь и сил хватит! Ладно, Гарибальди, тащи-ка сюда

на палубу бифштекс с двумя стопками картошечки, чтобы хрустела, компрехене-ву^[10], Микелович Анджелони?

Потом Эльберт Уинг долго восторгался:

— Ей-богу, У.-А., загнали вы этого итальяшку в тупик! Ни черта он не понял!

Тут Бэббит нашел объявление в «Монархском вестнике» и прочел его вслух под смех и аплодисменты:

«Старый Колониальный Театр

ТРЯХНИ СТАРИНОЙ!

ПТИЧКИ ПЕВЧИЕ

Хор хорошеньких херувимов!

Купальщицы в комедии

Пит Менутти со своими

Чудо-крошками!

Подходи, Бенни, бери билет, лучших девушек не было и нет! Наш городишко таких не видал, все спешите в этот зал! Каждая ножка взмахнет немножко — и ты уж лег у этих ног! Вот какой ты получишь процент: сто одиннадцать веселья на каждый цент! Сестры Кальроза свежей, чем роза, даже за тень их не пожалеешь денег! Джону Зилберштейну не занимать перца, будете смеяться от всего сердца! Зрители даже вскакивают с мест: вот это чечетка — Джексон и Вест! Смотри, как играют и передом и задом в нашем оркестре Провен и Ладам. Итак, друзья, зевать нельзя! Слушай, что птичка чирикнула с крыши: все читайте наши афиши!»

— Сочно! — сказал Бэббит. — Видно, лакомый кусочек этот театр! Пошли все вместе, а?

Но они еще долго медлили и никак не решались уйти. Тут за столиками они сидели развалясь и твердо упираясь ногами в пол и поэтому чувствовали себя в безопасности, но все-таки их качало и было страшно пуститься в опасное плавание по скользкому паркету длинного зала, под взглядами других гостей и слишком внимательных официантов.

И когда они наконец решились встать, столики кидались им под ноги, и они пробовали прикрыть смущение тяжеловесными шутками в гардеробной. Когда гардеробщица выдавала им шляпы, они улыбались ей в надежде, что она, как беспристрастный и опытный судья, поймет,

что имеет дело с настоящими джентльменами. Они ворчали друг на друга: «Чья это дырявая крышка?», или: «Бери ту, что получше, Джорджи, а я прихвачу, какая останется», — и заплетающимся языком приглашали гардеробщицу: «Пойдем-ка с нами, крошка! Такой вечерок закатим, что закачаешься!» Каждый пытался дать ей на чай, перебивая остальных: «Нет! Погоди! Вот! Я уже достал!» И все вместе дали ей целых три доллара.

Они сидели в ложе театра, задрав ноги на барьер, с шиком куря роскошные сигары, и смотрели, как двадцать накрашенных, усталых и безнадежно респектабельных пожилых тетушек задирали ноги в примитивных па шантанного танца, а комедиант-еврей издевался над еврейским народом. В антракте они встретились с другими одинокими делегатами. Все вместе — человек двенадцать — они отправились в кабачок «Душистый бутон», где душистые бутоны были сделаны из пыльной бумаги и развешаны гирляндами в низком зале и где воняло, как в заброшенном хлеву, использованном не по назначению.

Здесь виски подавали уже открыто, прямо в стаканах. Два-три клерка, мечтавшие в день полочки сойти за миллионеров, танцевали в узком проходе между столиками с телефонистками и маникюршами. В фантастической пляске кружились профессиональные танцоры — молодой человек в отлично сшитом фраке и тоненькая, словно обезумевшая девушка в изумрудном шелку, с рыжими волосами, взметенными, как пламя костра. Бэббит попытался танцевать с ней. Он шаркал по полу не в такт бешеной музыке, настолько отяжелевший, что его трудно было вести, и его так качало, что он наверно упал бы, если б девушка не поддерживала его тонкой, но сильной и доброй рукой. Он ослеп и оглох от скверного контрабандного алкоголя, он не видел ни столиков, ни лиц. Его закружила эта девушка, эта теплая, гибкая молодость.

А когда девушка решительно отвела его ко всей компании, он вдруг, по какой-то совершенно неожиданной ассоциации, вспомнил, что его бабка по матери была шотландкой, и, откинув голову, закрыв глаза и восторженно раскрывая рот, медленно, густым басом запел «Лох Ломонд».

После этого его растроганное и умиленное настроение вдруг испортилось. Представитель Спарты заявил, что он «поет, как сапог», и десять минут Бэббит мужественно и громко бранил его заплетающимся языком. Все требовали виски, пока хозяин заведения не объявил, что пора закрывать. Но Бэббита жгла и терзала жажда более грубых удовольствий. И когда У.-А.Роджерс протянул: «А что, если нам отправиться к девочкам?» — он бурно выразил одобрение. Перед уходом трое из них уже тайно назначили свидание девушке в зеленом, танцевавшей с ними за плату, она ласково соглашалась: «Да, да, миленький!» — со всем, что ей предлагали, и тут же начисто забывала о них.

Когда они проезжали по окраинам Монарка, по улицам, где уютись коричневые деревянные домишки рабочих, безликие, как тюремные камеры, когда их машины неслись мимо товарных складов, казавшихся этой пьяной ночью огромными и жуткими, когда подъезжали к дому с красными фонарями, откуда слышалось дребезжание пианолы и жеманный визг толстых женщин, Бэббиту становилось все страшней. Он готов был выскочить из такси, но все его тело пылало медленным огнем, и он пробормотал: «Уходить поздно!» — понимая, что ему уходить не хочется.

Между прочим, тут произошел, как им показалось, очень смешной случай. Биржевик из Миннемагенты заявил:

— Монарк куда веселее вашего Зенита. Разве у вас, зенитских толстосумов, есть такие заведенница, как это?

Бэббит взбесился:

— Наглая ложь! В Зените все есть! Можете мне поверить, у нас всяких этих домов, и кабаков, и притонов больше, чем в любом городе штата!

Вдруг он понял, что над ним смеются, полез в драку, но потом нее забыл и окунулся в мутную неудовлетворенность нечистых переживаний, каких он не знал со студенческих времен...

Утром, возвращаясь в Зенит, он чувствовал, что его тяга к бунту была частично удовлетворена. Он погрузился в блаженное раскаяние. Все раздражало его. Он даже не улыбнулся, когда У.-А.Роджерс пожаловался:

— Ох, голова болит! Ну и божье наказание это утро! Слушай! Я знаю, в чем дело! Вчера кто-то нарочно подлил спирту в мое виски!

Семья Бэббита никогда не узнала о его приключениях, и никто в Зените, кроме Роджерса и Уинга, об этом не узнал. Он даже сам себе ни в чем не признавался. И если были какие-нибудь последствия — они так и остались в тайне.

14

Этой осенью некий мистер У.-Г.Гардинг из Мэриона, штат Огайо, был избран президентом Соединенных Штатов, но Зенит меньше интересовался общенациональной избирательной кампанией, чем местными выборами. Хотя Сенека Доун был адвокатом, окончившим университет, его кандидатуру в мэры города неожиданно выставили рабочие организации. Противодействуя этому, демократы и республиканцы объединились вокруг Люкаса Праута, фабриканта пружинных матрацев, слывшего весьма здравомыслящим человеком. Мистера Праута поддерживали банки, Торговая палата, все уважаемые газеты и мистер Джордж Ф.Бэббит.

Бэббит возглавлял избирательную комиссию района Цветущих Холмов, но там все обстояло благополучно, а он рвался в бой. После речи на съезде о нем пошла слава, как о хорошем ораторе, поэтому объединенная избирательная комиссия демократов и республиканцев послала его в Седьмой избирательный участок и в Южный Зенит — выступать на небольших собраниях перед рабочими, клерками и их женами, которые еще не знали, как использовать недавно обретенное право голосования. Бэббит и тут прославился, и его слава длилась несколько недель. Иногда на собрания, где он выступал, являлись репортеры, и потом в газетных заголовках сообщалось (хотя и не очень крупным шрифтом), что «Джордж Ф.Бэббит выступал под горячие аплодисменты» и что «выдающийся коммерсант изобличил пороки Доуна». Однажды в иллюстрированном приложении к «Адвокат-таймсу» появилась фотография Бэббита и еще, десятка других дельцов с подписью: «Ведущие финансовые и коммерческие деятели Зенита, которые поддерживают Праута».

Бэббит заслужил эту славу. Избирательную кампанию он проводил блестяще. Он в нее верил, он был убежден, что сам Линкольн — будь он жив — агитировал бы за мистера У.-Г.Гардинга (если только Линкольн не оказался бы в Зените, где он, наверное, выступал бы за Люкаса Праута). Разговаривал Бэббит с аудиторией без всяких дурацких околичностей: Праут — воплощение честности и трудолюбия, Сенека Доун — воплощение самой низкой лени, — и

ваше дело, кого из них выбрать. Широкоплечий, громкоголосый, сам Бэббит, безусловно, был Славным Малым и — редкое качество! — по-настоящему хорошо относился к людям. Даже к простым рабочим он относился довольно хорошо. Он хотел, чтобы им платили как следует, для того чтобы они могли много платить за квартиры — но, конечно, при условии, что не будут нарушены законные прибыли акционеров. Обуреваемый благородными порывами и радуясь открытию, что он — прирожденный оратор, Бэббит умел завоевать расположение аудитории и со всем пылом отдавался избирательной кампании, прославившись не только на Седьмом и Восьмом участке, но даже кое-где и на Шестнадцатом.

Набившись в машину, они подъехали к помещению Туриферейна — Бэббит, его жена, Верона, Тед и Рислинги — Поль с Зиллой. Спортивный зал помещался над гастрономическим магазином, на улице, где грохотали трамваи и пахло луком, бензином и жареной рыбой. Все видели Бэббита в новом свете, и даже он сам собой любовался.

— Не знаю, как ты можешь выступать на трех собраниях в один вечер. Вот бы мне твои силы! — сказал Поль, а Тед сообщил Вероне: «Наш старикан умеет брать этих молодчиков на пушку!»

Мужчины, в черных сатиновых рубашках, с только что вымытыми лицами, хотя и с остатками копоты под глазами, слонялись по широкой лестнице, ведущей в зал. Бэббит и его спутники вежливо пробрались между ними в чисто выбеленную комнату, в конце которой стояли подмостки с красным плюшевым «троном» и сосновым «алтарем», выкрашенным в водянисто-голубой цвет — в такой обстановке ежевечерне выступают Великие Магистры и верховные чины бесчисленных братств и лож. Зал был полон. Прокладывая себе дорогу в толпе, стоявшей у входа, Бэббит услышал милый сердцу шепот: «Это он!» Председатель с важным видом уже спешил ему навстречу по центральному проходу:

— Докладчик? Все готово, сэр. Простите... м-мм... ваша фамилия?
И Бэббит поплыл по волнам красноречия:

— Леди и джентльмены Шестнадцатого участка, к сожалению, сегодня здесь среди нас нет человека, который является самым

закаленным троянцем на политической арене — я говорю о нашем лидере, достопочтенном Люкасе Прауте, знаменосце нашего города и всего Зенитского округа. И так как его здесь нет, то я прошу разрешения, как ваш друг и сосед, как согражданин, гордящийся честью, выпавшей всем нам на долю — жить в нашем прекрасном городе Зените, рассказать вам искренне, честно и беспристрастно, как смотрит на перспективы этой важной избирательной кампании простой человек дела — человек, который вырос в бедности, знал физический труд и никогда, — даже теперь, обреченный судьбой сидеть за письменным столом, — никогда не забудет, что значит, черт возьми, вставать в пять тридцать и бежать на фабрику с котелком в мозолистой руке, чтобы поспеть ровно к семи, если только хозяин не обжуливал нас и не давал гудок на десять минут раньше (смех). Но, возвращаясь к основным и решающим вопросам этой избирательной кампании, скажу вам, что главная ошибка, на которую лицемерно толкает вас Сенека Доун...

Находились рабочие, которые издевались над Бэббитом — молодые циники, главным образом, из иностранцев: евреи, шведы, ирландцы, итальянцы. Но более пожилые, терпеливые, изнуренные и согнутые трудом плотники и механики, кричали Бэббиту «ура», а когда он доходил до анекдота про Линкольна, их глаза увлажнялись слезой.

Скромно и деловито он покидал зал под сладостные сердцу аплодисменты, чтобы поспеть на третье в этот вечер собрание.

— Садись-ка за руль, Тед! — просил он. — Что-то я устал от этого дела. Ну, как я говорил, Поль? Дошло до них?

— Еще бы! Отлично говорил! С огоньком!

Миссис Бэббит просто молилась на мужа:

— Ах, как чудесно ты говорил! Так ясно, так увлекательно, такие прекрасные мысли! Когда я слышу твои выступления, я понимаю, что мне трудно оценить, как глубоко ты мыслишь, какой у тебя блестящий ум, какой дар речи! Ну, просто... просто блестяще!

Одна Верона не давала ему покоя.

— Папа, скажи мне, — приставала она, — откуда ты знаешь, что национализация средств производства и тому подобное непременно окончится неудачей?

Миссис Бэббит с упреком перебивала дочь:

— Рона, неужели ты не понимаешь, неужели не чувствуешь, что нельзя требовать объяснения таких сложных вещей от отца в ту минуту, когда он устал после выступления! Я уверена, что, отдохнув, он с удовольствием все тебе объяснит. А теперь давайте помолчим, пусть папа подготовится к следующей речи. Только подумать! Сейчас уже все собираются в клубе Маккавеев и ждут — ждут нас!

Мистер Люкас Праут и Крепкие Дельцы победили мистера Сенеку Доуна и Классовую Политику, и Зенит был снова спасен. Бэббиту предложили раздать несколько небольших должностей бедным родственникам, но он предпочел получить от городских властей негласную информацию насчет того, где собираются прокладывать шоссейные дороги, о чем благодарные городские власти ему и сообщили. Кроме того, он был одним из тех девятнадцати ораторов, которые выступали в Торговой палате, праздновавшей победу справедливости.

Репутация Бэббита как первоклассного оратора настолько укрепилась, что на ежегодном обеде Ассоциации посредников по продаже недвижимости ему поручили произнести вступительную речь. В газете «Адвокат-таймс» эта речь была приведена почти полностью, что случалось не так уж часто:

«Вчера вечером состоялся один из самых оживленных банкетов, данный по случаю ежегодной встречи членов Ассоциации посредников по продаже недвижимости в венецианском зале ресторана О'Хирна. Наш любезный хозяин Джил О'Хирн превзошел себя, и собравшиеся наслаждались выбором таких блюд, каких не найти нигде к западу от Нью-Йорка, — да, пожалуй, и в самом Нью-Йорке, — запивая эти многочисленные блюда напитком, освежающим, но не опьяняющим, а именно сидром с фермы Чендлера Мотта, Президента Правления и бесподобно остроумного председателя этого собрания.

Мистер Мотт, страдавший в этот вечер легким воспалением гортани, предоставил слово для вступительной речи мистеру Дж.Ф.Бэббиту. Упомянув о бурном росте числа участков, назначенных к застройке по системе Торренса, мистер Бэббит сказал следующее:

«Обращаясь к вам с импровизированной речью (впрочем, тщательно переписанной и лежавшей в кармане жилета), я не могу не

вспомнить анекдот о двух ирландцах, Майке я Пате, которые ехали в поезде. Забыл сказать — они оба были матросы. Майк, да, кажется, Майк, занял нижнюю койку и вдруг слышит наверху страшный шум. Окликает он Пата, спрашивает — что случилось? А Пат ему отвечает: „Пропади я пропадом, никак заснуть не могу! Как восемь склянок пробило, стая я залезать в этот проклятый гамачок тут наверху — и никак не влезу, никак!“

И вот я, джентльмены, стоя тут перед вами, чувствую себя не лучше Пата, — всякое может случиться: вдруг поговорю я, поговорю, и почувствую себя таким ничтожным, что даже помещусь в багажную сетку, пропади я пропадом!

Джентльмены, мне кажется, что каждый год, когда мы тут собираемся — и друзья и враги, — каждый год, когда мы закуриваем трубку мира и ветер дружбы возносит дым к цветущим холмам Доброй Воли, мы должны, стоя плечом к плечу и глядя друг другу в глаза, как граждане лучшего города в мире, отдать себе отчет, что значим мы сами и что значит наш город.

Правда, мы должны признать, что в Соединенных Штатах, по последней переписи, мы стоим чуть ли не на двенадцатом месте при населении в 361000, или фактически в 362000 человек. Но, джентльмены, если к следующей переписи мы не выбьемся, по крайней мере, на десятое место, я первый попрошу сомневающихся снять с меня последнюю рубаху и скушать ее за здоровье Дж.Ф.Бэббита, эсквайра! Правда, возможно, что Нью-Йорк, Чикаго, Филадельфия всегда будут больше нашего города. Но оставим в стороне эти три города, которые, как известно, настолько разрослись, что ни один порядочный белый человек, который любит жену и ребятишек и свежий воздух на божьем просторе и любит пожать руку соседу у ворот, никогда в этой тесноте жить не захочет, — так вот, я вам прямо скажу, что не променяю первоклассную зенитскую новостройку на весь Бродвей или Стэйт-стрит — и каждому, у кого есть голова на плечах, понятно, что, кроме этих трех больших городов, наш Зенит — лучший на земле образец американского образа жизни и процветания.

Я не хочу сказать, что у нас нет недостатков. Нам еще многое надо сделать — скажем, заасфальтировать пригородные дороги, потому что, поверьте мне, именно тот, кто зарабатывает от трех до десяти тысяч в

год и имеет автомобиль, славную семейку и небольшой домик в пригороде, — именно этот человек и является двигателем прогресса!

Эти люди сейчас правят Америкой, они идеал человека, на которого должен равняться весь мир, если он хочет добиться, чтобы люди на нашей маленькой планете жили приличной, упорядоченной, христианской жизнью! Иногда призадуматься и так ясно представишь себе такого вот солидного американского гражданина, что на душе становится радостно.

Этот Идеальный Гражданин — я прежде всего представляю его живым и подвижным, как хороший охотничий пес. Он не тратит драгоценное время на бесплодные мечтания, на всякие великосветские приемы и балы, не вмешивается не в свое дело, а работает с огоньком в какой-нибудь торговле, или имеет профессию, или даже занимается искусством. Вечером закурит хорошую сигару, сядет за руль доброй своей машины, ругнет карбюратор и помчится домой. Скосит травку на лужайке или потренируется в гольф, а тут и обед готов. После обеда расскажет ребятишкам сказку, либо сведет их в кино, либо сыграет партию-другую в бридж, а то и почитает газету или хороший, увлекательный роман из жизни ковбоев, если уж его тянет на литературу. А то зайдет кто-нибудь из соседей, посидят, поболтают о друзьях, поделятся новостями. Такой человек ложится спать довольный, с чистой совестью, зная, что и он внес лепту в дело процветания родного города, да и на свой банковский счет.

И в политике, и в религии этот Здравомыслящий Гражданин умнее всех на свете, а уж что касается искусства, у него врожденный вкус, он всегда выбирает самое лучшее. Ни в одной стране в мире вы не найдете на стенах гостиных такого количества репродукций со старых мастеров и с известных картин, как в наших Соединенных Штатах. Ни в одной стране нет такого количества граммофонов с набором пластинок — и не только танцевальных, но и серьезных, оперных — например, оперы Верди, — где поют самые высокооплачиваемые певцы в мире.

В других странах искусством и литературой занимаются всякие опустившиеся личности, которые ютятся на чердаках и живут на одних макаронах и выпивке, а у нас, в Америке, преуспевающего писателя или художника не отличишь от всякого другого приличного дельца. И я, со своей стороны, только могу радоваться, что у человека, который

даже скучное деловое содержание может облечь в интересную, увлекательную форму, умеет протолкнуть свой литературный товар с напором, с нажимом, у такого человека есть все шансы заработать свои пятьдесят тысконок в год, и он может на равной ноге встречаться с самыми крупными дельцами, иметь большой дом и шикарную машину — ничуть не хуже, чем у любого индустриального магната! Но имейте в виду, что судьба писателя зависит исключительно от одобрения того Славного Малого, которого я вам только что описал, так что в развитии литературы надо отдать должное и ему, а не только самим писателям.

Наконец, — и это самое важное! — наш Стандартный Гражданин, даже если он холост, любит детишек, оберегает семейный очаг, этот краеугольный камень нашей цивилизации, который был, есть и останется тем, что больше всего отличает нас от развращенных народов Европы.

Сам я никогда в Европе не был, да, по правде сказать, не так уж меня и тянет в те края, когда я еще не видел всех великих городов и гор своей собственной родины, — но мне кажется, что и за границей есть много людей, близких нам по духу. Недавно я слышал, как один из самых рьяных «ротарианцев» хвалил деловую хватку и сметку стопроцентного американца на таком раскатистом диалекте, что сразу запахло доброй старой Шотландией и цветущим вереском Бобби Бернса. Но в то же самое время одно отличает нас от наших братьев, дельцов Старого Света: они охотно повторяют мнения всяких снобов, журналистов и политиков, а современный американский делец умеет постоять за себя и всякому скажет ясно и вразумительно, что он сам себе хозяин. Ему не надо нанимать какого-нибудь высоколобого ученого, когда приходится отбиваться от тех, кто занимается гнусной критикой нашего здорового и дельного образа жизни. Это в старину купцы двух слов связать не умели. А у современного коммерсанта и язык хорошо подвешен, и кулак крепкий.

И при всей своей скромности, я хочу встать во весь рост перед вами, как представитель деловых кругов, и сказать: «Вот они, наши люди! Вот образец Стандартного Американского Гражданина! Вот оно, новое поколение американцев: настоящие мужчины, с волосатой грудью, с ласковыми глазами и новейшими арифмометрами в конторах. Нет, мы не хвастаемся, но мы собой крепко гордимся, а если

мы вам не нравимся — берегитесь и лучше убирайтесь подальше, не то вас сметет циклон новой жизни...

Ну вот... Попытался я тут, как умел, нарисовать вам портрет Настоящего Парня, со сметкой и хваткой. И только потому, что в Зените таких очень много, наш город стал самым крепким и самым выдающимся из всех американских городов. Конечно, есть настоящие люди и в Нью-Йорке, но этот город одолевают иностранцы. И в Чикаго и в Сан-Франциско от иностранцев отбою нет. Разумеется, у нас есть свои жемчужины — Детройт и Кливленд с их знаменитыми заводами, Цинциннати с его машиностроением и мыловаренной промышленностью, Питсбург и Бирмингем, где варят сталь, Канзас-Сити, Миннеаполис и Омаха, чьи гостеприимные двери широко распахнуты среди океана плодородных полей, есть множество других городов во всем их великолепии, — да, по последней переписи, в Америке ровно шестьдесят восемь замечательных городов с населением более ста тысяч! И все эти города являются нашей опорой, нашей силой и нашей чистотой, нашим оружием против всяких иноземных выдумок и коммунизма, — тут и Атланта с Гарфортom, и Рочестер с Денвером, и Милуоки с Индианаполисом, и Лос-Анжелес со Скрантоном, и Портленд в штате Мэн, и Портленд в Орегоне. Настоящий хороший Боевой Малый из Балтиморы, Сиэтла и Дулута как близнец похож на Славного Делягу из Буффало или Экрона, Форт-Ворса или Оскалусы!

Но именно у нас, в Зените, на родине мужественных мужчин, женственных женщин и резвых ребят, вы найдете больше всего вот таких Настоящих Парней, — потому-то наш город и стоит особняком, потому-то Зенит и войдет в историю, как первенец в эре всеобщей цивилизации, которая наступит, когда навеки исчезнет старый медлительный образ жизни и заря всеобщих смелых упорных дерзаний воссияет над землей!

И я надеюсь, что придет время, когда люди перестанут восхищаться старыми, изъеденными молью, заплесневелыми европейскими городишками и отдадут должное великому гению Зенита, боевому духу, который заставляет нас решительно бороться за успех, за то, чем «Зенит знаменит» во всех тех широтах и долготах, где известно, что такое сгущенное молоко и картонные коробки! Верьте мне, слишком долго весь мир находился под влиянием тех стран, где

нет ничего, кроме чистильщиков сапог, пейзажей и спиртного, где на сто человек едва ли приходится одна ванная комната, где не отличают папки от подшивки! И давно пора кому-нибудь из нас, зенитцев, встать во весь рост и крикнуть вслух, кто мы такие!

Поймите, что Зенит и другие города — его сверстники — рожают новый тип цивилизации. Да, между Зенитом и его соседями много сходства, и я лично этому очень рад! Разумная стандартизация все растет, и стандартные магазины, конторы, улицы, отели, одежда и газеты показывают, как крепок и прочен наш образ жизни.

Я всегда с удовольствием вспоминаю стихи, которые Чам Фринк написал для газет о своих лекционных турне. Многие из вас их читали, но все же разрешите мне огласить эти стихи. Это — классические стихи, как стих Киплинга «Заповедь» или поэма Эллы Уилер Уилкоккс «Стоящий человек», и я не расstaюсь с этой газетной вырезкой:

«Когда я мчусь во весь опор, — поэт и коммивояжер, я не клянусь судьбу свою, жую резинку и пою. Я подарить любому рад сердечный смех и бодрый взгляд; как подобает рифмачу, напропалую я шучу. Развею со студентом грусть, с ротарианцем посмеюсь, мне жизнь приятна и легка, и знаю я наверняка, что не похож на дурака. Но старый хитрый сатана не знает отдыха и сна, покрутит он хвостом — и вот меня весь день хандра грызет. Я грустен, словно пес цепной, забытый дома в выходной. В своей машине модной мчась, я проклиная день и час, когда стал лектором, и мне противно шляться по стране. От самых дорогих сигар в моей башке стоит угар, я одного хочу — домой, вновь есть омлеты с ветчиной, в кругу, где вся моя родня и где всегда поймут меня.

А дом далек — плевать на грусть! — в отеле лучшем поселюсь, неважно где: будь то Мекон, Колумбу с или Вашингтон, Толедо или Джефферсон. И чувствую себя я в нем, как будто это отчий дом. Чтоб разогнать тоску свою, у входа молча постою, увижу площадь, а на ней перед кино толпу людей: все тот же ряд знакомых лиц, и те же шляпки у девиц, и носят все — ну что за черт! — материи знакомый сорт. К мужчинам подойду — и тут знакомый разговор ведут: бейсбол, политика, авто, — короче говоря, все то, что слышал я уже не раз, о чем болтают и у нас!

Войдя в отель, кругом взгляну и радостно скажу: «Ну-ну...» Знакомо все: стенд для газет, и запах крепких сигарет, и старые

сорта конфет, — и дом я вспомяну. Услышу поутру галдеж, — влетит, гурьбою молодежь на завтрак. Все спешат присесть и с аппетитом станут есть. И, встав, я зареву: «Друзья! Не уезжал из дома я!» Довольный, сяду в уголке и к человеку в котелке так обращусь: «Скажи-ка, Биль, как ходит твой автомобиль? Как чувствует себя жена? Что с акциями, старина?» Затем мы встанем и вдвоем неспешно к выходу пойдем, два джентльмена, от души болтающих, как малыши, друзья по клану, брату брат, веселой встрече каждый рад... Приятель, если дьявол вдруг захочет повторить свой трюк, и ты поедешь в дальний край, ты точно так же поступиай. Ведь где бы в Штатах ни был ты, во всем знакомые черты узнаешь и в краю чужом найдешь свой дом, родимый дом».

Да, все эти города — настоящие наши партнеры, участники великой игры, настоящей жизни. Но давайте внесем ясность в этот вопрос. Я настаиваю, что лучший партнер из всех, самый растущий и передовой — наш Зенит. Надеюсь, вы мне простите, если я в доказательство приведу некоторые статистические данные. Может быть, кое-кому из вас они давным-давно известны, но цифры, отражающие наше процветание, сколько бы раз их ни повторяли, никогда не устанешь слушать, как доброе слово Библии, если ты настоящий деляга. Всякий образованный человек знает, что Зенит производит больше сгущенного молока, сухих сливок, больше упаковочных коробок и электрических ламп, чем любой город в США, а то и во всем мире. Но мало кому известно, что мы стоим на втором месте по производству фасованного масла, на шестом — в великой индустрии моторов и автомашин и примерно на третьем — по производству сыра, кожаных ремней, толя, пищевых концентратов и спецодежды.

Но величие нашего города не только в небывалом его процветании, а также и в гражданском духе, в передовых идеалах и братской солидарности, которыми отмечен Зенит со времени его основания нашими предками. И наше право, вернее, нага долг по отношению к этому чудесному городу — широко распространять сведения о наших школах, сих прекрасными участками и лучшей в стране вентиляцией, о наших великолепных новых отелях и банках, с фресками и мраморными колоннами в вестибюлях, о Второй Национальной Башне, которая является вторым по величине муниципальным зданием

во всех городах Среднего Запада. И если я добавлю, что у нас несравненно больше мощеных улиц, ванных комнат, пылесосов и других признаков цивилизации, чем в других местах, что наши библиотеки и музеи отлично содержатся и размещены в хорошо оборудованных зданиях, что наша система паркового хозяйства стоит на должной высоте и наши прекрасные дороги украшены газонами, кустарниками и статуями, если я все это добавлю, то это будет лишь бледный пример того, какой великий и прекрасный, какой растущий город наш Зенит!

Но я нарочно оставил напоследок самое лучшее доказательство. И если я вам напомню, что по статистике у нас на каждые пять и семь восьмых человека приходится одна автомашина, я думаю, что этим я вам дам яркое, конкретное доказательство прогресса и общего умственного развития, которые стали синонимом самого имени — Зенит!

Но пути праведных не всегда усыпаны розами. Прежде чем закончить свою речь, я должен привлечь ваше внимание к проблеме, с которой мы столкнемся в этом году. Самой худшей угрозой разумному управлению страной являются не откровенные социалисты, но те трусы, которые работают скрытно, — длинноволосые субъекты, называющие себя «либералами» и «радикалами», «беспристрастными», «интеллигенцией» и бог знает какими еще кличками! Безответственные учителя и профессора представляют собой худшую часть этой шайки, и мне стыдно сказать, что многие из них преподают в университете нашего штата. Этот университет — моя альма-матер, и я горжусь, что я — его воспитанник, но там есть некоторые преподаватели, которые считают, что мы должны передать бразды правления нашего государства в руки бродяг и бездельников!

Этих учительшек надо истреблять, как змей, — их и всех подобных слюнтяев! Американский делец — человек великодушный, иногда даже слишком, но одного он требует от всех учителей, лекторов и журналистов: хотя бы мы им платили нашими честно заработанными деньгами, так пусть помогают нам внедрять деловую хватку, поддерживать тягу к рациональному накоплению! И раз уж зашла речь об этих болтунах, критиканах, циниках и пессимистах из университетской профессуры, так разрешите мне сказать, что в этом текущем году мы должны выполнить наш долг и добиваться

увольнения этих ничтожеств с таким же усердием, с каким мы будем стараться продать как можно больше участков и скопить как можно больше доброй монеты.

И только тогда наши сыновья, наши дочери увидят, что идеал мужественного, культурного американца не одинокий чудак, который только и знает, что сидеть и рассусоливать о своих правах и обидах, а богобоязненный, деловитый, преуспевающий, сильный Настоящий Парень, который принадлежит к какой-нибудь хорошей, крепкой, здоровой церкви, состоит членом клуба Толкачей, или Ротарианцев, или Кивани, или принадлежит к ордену Лосей, Оленей, Краснокожих, или Рыцарей Колумба, — словом, к одной из десятков организаций, которые объединяют веселых добряков, разбитных шутников, работающих до седьмого пота, всегда готовых помочь друг другу Первоклассных Добрых Малых, которые и трудятся вовсю, и веселятся вовсю, и сумеют ответить критикам хорошим пинком крепкого башмака, сумеют научить этих ворчунов и задавак уважать настоящего мужчину и работать на дядю Сэма из США!»

Бэббита ждала многообещающая карьера признанного оратора. Он даже сумел развлечь всех мужчин в курительной клубе пресвитерианской церкви, что на Чэтем-роуд, рассказывая анекдоты с еврейским, китайским и ирландским акцентом.

Но ни в чем так не выразилась вся его сущность Выдающегося Гражданина, как в лекции «Голые факты о недвижимом имуществе», которую он прочел группе молодежи, изучающей методы торговли при зенитском клубе Христианской Ассоциации Молодых Людей.

«Адвокат-таймс» изложил лекцию с такой полнотой, что Верджил Гэнч заявил Бэббиту:

— Становишься самым признанным краснобаем в городе, а? Нельзя взять газету в руки, чтобы не прочесть, какой ты замечательный оратор. Наверно, это здорово пойдет на пользу твоим делам — отбою не будет от клиентов. Молодец! Продолжай в том же духе!

— Будет тебе! — слабо защищался Бэббит, но в душе он был обрадован таким признанием Гэнча, который и сам считался незаурядным оратором. И Бэббит удивлялся, как он мог, перед летними

каникулами, сомневаться, что быть солидным гражданином — великое счастье.

15

Но и на пути к величию и славе он иногда встречал обидные препятствия.

Известность не помогла Бэббитам продвинуться в те круги общества, где им полагалось бы вращаться. Им не предложили вступить в загородный клуб Тонаванда, их не приглашали на балы в Юнион. Бэббит с досадой уверял, что ему самому в высокой степени наплевать на всю эту светскую шушеру, но жене было бы приятно оказаться «среди присутствующих». Он с волнением ждал, когда же состоится ежегодный обед его товарищей по университетскому выпуску, — вечер самой пылкой фамильярности с такими столпами общества, как Чарльз Мак-Келви — миллионер-подрядчик, Макс Крюгер — банкир, Эрвин Тэйт — фабрикант станков и Адалберт Добсон — модный архитектор. Внешне он был с ними в таких же приятельских отношениях, как и в университете, при встрече они до сих пор звали его «Джорджи», но встречались они как-то уж очень редко, а к себе домой, на Ройял-ридж, на обеды (где дворецкий разливал шампанское), — они его никогда не звали.

Всю неделю до парадного обеда их выпуска Бэббит только и думал об этих людях: «Мне теперь ничто не мешает сойтись с ними поближе!»

Подобно всем чисто американским сборищам, дающим повод для душевных излияний, обед бывших студентов выпуска 1896 года был организован как нельзя лучше. Устроительный комитет все время бил в одну точку, как хорошая рекламная контора. Каждую неделю рассылались напоминания:

«ШПИЛЬКА В БОК НОМЕР ТРИ

Слушай, приятель, ты не забудешь прийти на наш обед — самый веселый, вольный вечер, какой только знали выпускники доброго старого У. Выпускницы 1908 года собрались почти все — 60%! Так неужто мы, мальчики, окажемся хуже каких-то юбок? Собирайтесь, ребята, проявите настоящий, горячий энтузиазм, давайте устроим

отличный обед! Пусть у нас будут изысканные блюда, краткие, острые речи и обмен воспоминаниями о лучших днях нашей жизни».

Обед был устроен в зале клуба Юнион. Помещался этот клуб в мрачном здании, перестроенном из трех претенциозных старинных домов, и хотя вестибюль напоминал погреб для хранения картошки, Бэббит, которому было доступно все великолепие Спортивного клуба, вошел сюда с трепетом. Он кивнул швейцару — престарелому важному негру в синей ливрее с золотыми пуговицами, и торжественно проследовал в зал, делая вид, что он — полноправный член клуба.

На обед собралось шестьдесят человек. Они растеклись по холлу, образуя островки и течения, толпились в лифте и в уголках уютного зала. Они старательно проявляли бурный восторг и сердечность. Друг другу они казались совершенно такими же, как в студенческие времена — зелеными юнцами, которые нацепили на себя усы, лысины, животики и нарисовали морщины просто ради развлечения, на один вечер. «Да ты ни капли не изменился!» — изумлялись они. Тем, кого они не узнавали, они говорили: «Да, да, старина, как приятно опять с тобой встретиться. А что ты — наверно, все тем же занимаешься?»

Кто-то все время пытался затянуть университетский гимн или веселую песню, но его никто не поддерживал, и он наконец умолк окончательно. И хотя все твердо решили вести себя демократично, группы образовались сами собой — те, кто был в смокингах, и те, кто пришел в пиджаках. Бэббит, в изысканнейшем смокинге, переходил от одной группы к другой. Несмотря на то, что он, почти не скрывая этого, старался втереться в высшее общество, он первым делом все же отыскал Поля Рислинга. Поль сидел в одиночестве, как всегда, тщательно одетый и молчаливый.

Поль со вздохом сказал:

— Не умею я как-то заниматься всей этой чепухой: пожимать руки, кричать: «Кого я вижу!»

— Брось, Полибус, встряхнись, будь компанейским парнем! Таких славных ребят свет не видал! Слушай, почему ты такой мрачный? В чем дело?

— Да все то же. Поссорились с Зиллой.

— Пустое! Пойдем в компанию, забудем все неприятности!

Он не отпускал Поля от себя, но все же старался пробраться туда, где от Чарльза Мак-Келви, как от огромной печки, шла теплота на его поклонников.

Чарльз Мак-Келви был героем и любимцем выпуска девяносто шестого года. Он был не только капитаном футбольной команды и лучшим гранатометчиком, но участвовал в дискуссиях и даже преуспевал в академических занятиях. Он сделал карьеру, став во главе строительной компании, когда-то принадлежавшей Додсвортам — знаменитой семье первых поселенцев Зенита. Теперь он строил административные здания, небоскребы и вокзалы узловых станций. Широкоплечий и широкогрудый, он сохранил подвижность. Глаза у него были насмешливые, и говорил он вкрадчиво и гладко, так что политиканы терялись, а репортеры настораживались, и в его присутствии самые ученые профессора, самые талантливые художники чувствовали себя какими-то неполноценными, неотесанными и немного жалкими. Но он умел быть очень обходительным, очень обязательным и щедрым, когда ему приходилось обрабатывать чиновников или нанимать шпики для слежки за рабочими. Он держался настоящим феодалом: он был пэром новой, столь быстро выросшей американской аристократии, и выше него стояли только высокомерные «старинные» семьи. (Старинными семьями в Зените считались те, кто поселился в городе до 1840 года.) Мак-Келви забрал такую силу еще и потому, что был начисто лишен всякой совести и свободен как от пороков, так и от добродетелей старых пуританских времен.

В данную минуту Мак-Келви был сдержанно весел, окруженный «великими мира сего» — фабрикантами, банкирами, землевладельцами, адвокатами и врачами, которые держали шоферов и ездили в Европу. Бэббит втиснулся между ними. Он любил Мак-Келви не только потому, что его дружба могла помочь продвинуться, но и за его улыбку. И если в обществе Поля он казался себе могучим покровителем, то в обществе Мак-Келви чувствовал себя робким обожателем.

Он слышал, как Мак-Келви сказал Максиму Крюгеру, банкиру: «Да, сэр Джеральд Доук остановится у нас», — и демократическая любовь Бэббита к титулованным особам сразу расцвела пышным цветом.

— Знаешь. Макс, он один из крупнейших тузов английской металлургии. Сказочно богат... Ага, Джорджи, старина, здорово! Смотри, Макс, Джорджи Бэббит растолстел больше, чем я!

— Рассаживайтесь друзья! — крикнул председатель.

— Пойдем, пожалуй, Чарли? — небрежно спросил Бэббит у Мак-Келви.

— Пойдем! Привет, Поль! Как поживает наш скрипач? Ты где сидишь, Джордж? Давай-ка сядем рядом. Пойдем, Макс! Джорджи, я читал про твои выступления. Ты молодец!

После такого одобрения Бэббит окончательно был готов пойти за Чарли в огонь и воду. Весь обед он был невероятно занят: то добродушно покрикивал на Поля, то заговаривал с Мак-Келви: «Слышал, что ты собираешься строить какие-то плотины в Бруклине?» — то отмечал про себя, с какой завистью неудачники его выпуска, уныло сидящие в сторонке, смотрят, как он общается с аристократией, то просто наслаждался светским разговором Мак-Келви и Макса Крюгера. Они разговаривали о том, как Мона Додсворт для «бала в джунглях» украсила свой дом сотнями орхидей. С великолепной, но явно напускной небрежностью они упоминали о званом обеде в Вашингтоне, на котором Мак-Келви познакомился с сенатором, английским генерал-майором и балканской принцессой. Мак-Келви запросто называл принцессу «Дженни» и довел до всеобщего сведения, что танцевал с пей.

Бэббит был восхищен и потрясен, хотя не настолько, чтобы самому молчать. Пусть они не приглашают его к себе на обеды, но он тоже привык разговаривать с банкирами, членами конгресса и председательницами клубов, где выступают поэты. Он острит и даже ударился в воспоминания:

— А помнишь, Чарли, как мы с тобой на первом курсе наняли шлюпку и поехали в Ривердейл, где мадам Браун показывала своих девочек? Помнишь, как ты избил этого дурака полисмена, который пытался нас арестовать, и как мы потом украли вывеску «Здесь гладят брюки» и повесили ее на дверь профессора Моррисона? Веселые были деньки, ей-богу!

Мак-Келви согласился, что деньки и впрямь были веселые. Бэббит уже заговорил было о том, что «дело не в книжках, которые ты зубришь в колледже, а в друзьях, которых там приобретаешь», когда

сидевшие во главе стола затянули песню. Но Бэббит пристал к Мак-Келви:

— Жалко, право, жалко, что мы так мало встречаемся только потону, что наша... м-мм, как бы сказать... деловая жизнь проходит в разных областях. А так приятно было вспомнить старину, Вы с женой непременно должны прийти к нам пообедать.

— Ну что ж... — Ответ прозвучал неопределенно.

— Хотелось бы поговорить с тобой о застройке участков за твоим грентсвилским складом. Мог бы тебе кое-что посоветовать!

— Отлично! Непременно надо вместе пообедать, Джорджи! Ты только позови — мы придем. И вас с женой будем рады видеть у себя! — На этот раз Мак-Келви говорил гораздо определенной.

Но тут голос председателя — тот самый оглушительный голос, который в студенческие дни не раз подстегивал их, когда надо было орать на футбольных матчах всякие оскорбительные слова по адресу команд из Огайо, Мичигана или Индианы, — вдруг загремел на весь зал:

— А ну-ка, вы, кисляи! Давайте все вместе дружно! Затягивай нашу, студенческую!

И Бэббит чувствовал, что никогда жизнь не будет так прекрасна, как сейчас, когда он вместе с Полем Рислингом и вновь обретенным героем, Мак-Келви, вопит изо всех сил:

По-орра!

Эй, ура!

Не жалея топора!

Уррра-аа!

Бэббиты пригласили чету Мак-Келви к обеду в начале декабря, и чета Мак-Келви не только приняла приглашение, но и действительно в конце концов явилась, хотя этот обед откладывался из-за них раза два.

Бэббиты подробнейшим образом обсудили все детали — от марки шампанского до количества соленого миндаля, которое следует положить перед каждым гостем. Особенно трудно было решить, кого еще позвать. Бэббит до конца настаивал, чтобы дать и Полю Рислингу возможность побыть в обществе Мак-Келви.

— Наш Чарли — славный старик, ему куда приятнее посидеть с Полем и Верджем Гэнчем, чем с какими-нибудь высокоумными чучелами, — утверждал он, но миссис Бэббит обычно прерывала его рассуждения, не слушая их:

— Да... да, конечно... Знаешь, пожалуй, я возьму линхэйвенских устриц. — А потом перед самым обедом она пригласила доктора Д.-Т.Ангуса, специалиста по глазным болезням, и мрачного, но весьма уважаемого адвоката по фамилии Максвелл вместе с их ослепительно шикарными женами.

Ни Ангус, ни Максвелл не были членами ордена Лосей или Спортивного клуба, никто из них не звал Бэббита «братец» и не спрашивал его мнения о карбюраторах. Бэббит очень сердился на жену. Хорошо, что она хотя бы пригласила Литтлфилдов — единственные живые люди! Да и то Говард Литтлфилд иногда до того погружался в свою статистику, что Бэббит начинал мечтать о бодром крике Гэнча: «Ну, лимонная образина, что скажешь хорошенького?»

Сразу после второго завтрака миссис Бэббит начала накрывать стол к обеду — Мак-Келви были званы к половине восьмого, а Бэббиту было приказано вернуться домой к четверем. Но для него никакого дела не нашлось, и три раза миссис Бэббит сердито говорила: «Не мешай ты мне, бога ради!» Он стоял в дверях гаража, надув губы, и ему ужасно хотелось, чтобы Литтлфилд или Сэм Доппелбрау, словом, хоть кто-нибудь вышел поговорить с ним. Тут он увидел, что по двору как неприкаянный слоняется Тед.

— Что с тобой, старина? — спросил Бэббит.

— А-а, и ты тут, несчастный мученик! Да, мамаша нынче воинственно настроена! Я проговорился, что нам с Роной вовсе неохота участвовать в сегодняшней фиесте, так она мне чуть голову не откусила! Да еще говорит — прими ванну! Знаешь, сегодня мужчины семейства Бэббит зададут шику! Подумай, крошка Теодор — и тот в смокинге!

Выражение «мужчины семейства Бэббит» очень понравилось Бэббиту — здорово сказано! Он обнял сына за плечи. Эх, если бы у Поля Рислинга была дочка и Тед мог на ней жениться!

— Да, наша мама сегодня вьюном вьется! — сказал он, и оба засмеялись, вздохнули и послушно пошли одеваться.

Чета Мак-Келви опоздала всего на пятнадцать минут. Бэббит втайне надеялся, что Доппелбрау увидят, как лимузин Мак-Келви с шофером в форменной куртке ждет у его дома.

Обед был отлично приготовлен и необыкновенно обилен, миссис Бэббит даже поставила на стол серебряные подсвечники своей бабушки. Бэббит старался вовсю. Он вел себя отлично. Он не рассказал ни одного анекдота, хотя ему и очень этого хотелось. Он слушал других. Он заставил говорить Максвелла, громогласно объявив: «Расскажите-ка нам о вашей поездке в Йеллоустон». Он всем сумел польстить как следует. При первой возможности он заявил, что доктор Ангус — благодетель человечества, Максвелл и Литтлфилд — выдающиеся ученые, Чарльз Мак-Келви — пример для подрастающего поколения, а миссис Мак-Келви — украшение светского общества Зенита, Вашингтона, Нью-Йорка, Парижа и ряда других городов.

Но он никак не мог поднять настроение своих гостей. Обед прошел без всякого воодушевления. Бэббит не понимал, отчего всем так тягостно, отчего разговор идет вяло, с трудом.

Он устремил все свое внимание на Люсиль Мак-Келви, усердно стараясь не смотреть на ее напудренные красивые плечи и золотистую ленту, поддерживавшую шелковое платье.

— Вы, наверно, скоро опять поедете в Европу? — начал он.

— Да, очень хочется прокатиться в Рим на недельку-другую!

— Должно быть, вы там смотрите много картин и всяких древностей, слушаете музыку?

— Нет, я, главным образом, езжу вот из-за чего: на виа делла Скрофа есть малюсенькая трагтория, и там подают лучшие макароны в мире!

— А где это... О, да, да... Наверно, это очень приятно. Да, конечно!

Без десяти десять мистер Мак-Келви с глубоким прискорбием обнаружил, что у его жены болит голова. Он снисходительно бросил Бэббиту, когда тот помогал ему надевать пальто:

— Надо бы нам вместе позавтракать, поболтать о старине...

Когда все остальные гости, досидев до половины одиннадцатого, наконец ушли, Бэббит сообщил жене умоляющим голосом:

— Знаешь, Чарли сказал, что мы должны с ним позавтракать... сказал, что он скоро пригласит нас с тобой к обеду.

Она через силу выжала из себя несколько слов:

— О, вечер вышел очень милый, так приятно посидеть спокойно, гораздо приятнее, чем эти шумные сборища, когда все говорят разом и никто не может как следует отдохнуть и развлечься.

Но, лежа в своей кровати на веранде, он слышал, как она тихо, безнадежно плачет.

Целый месяц они следили за светской хроникой и ждали ответного приглашения.

После званого обеда у Бэббитов имя Мак-Келви всю неделю не сходило с первых страниц газет — у них гостил сэра Джеральд Доук. Зенит принял сэра Джеральда с распростертыми объятиями (он приехал в Америку закупать уголь). Газетчики интервьюировали его по поводу сухого закона, событий в Ирландии, безработицы, морской авиации, обменного курса валюты, спрашивали его мнение о том, что лучше — пить чай или виски, о психологии американских женщин, о будничной жизни английской знати. Сэр Джеральд как будто имел некоторое представление обо всех этих предметах. Чета Мак-Келви дала в его честь сингалезский обед, и мисс Эльнора Пэрл Байте, репортер светской хроники «Адвокат-таймса», заливалась по этому поводу соловьиной трелью. Бэббит читал вслух за завтраком:

«Никогда еще оригинальное восточное убранство, необыкновенно изысканный стол, знаменитые гости, очаровательная хозяйка дома и всеми уважаемый его хозяин не создавали столь исключительной атмосферы, как та, в какую мы попали на балу, данном мистером и миссис Мак-Келви в честь сэра Джеральда Доука. И мнится нам, счастливым, которые имели честь созерцать эту экзотически сказочную обстановку, что ни в Монте-Карло, ни при лучших посольствах в иностранных столицах не бывало таких очаровательных балов. Недаром Зенит приобретает все более широкую известность в светских кругах как один из самых рафинированных городов нашего штата.

Несмотря на то, что скромность мешает ему признать это, лорд Доук придает нашему аристократическому кварталу такое cachet^[11], какого не было со времени памятного посещения герцога Ситтингбурнского. Лорд Доук не только принадлежит к британской

знати, но также, он dit^[12], является одним из крупнейших деятелей британской металлургической промышленности. Родом он из Ноттингема, любимого убежища Робина Гуда, и хотя теперь там, по словам лорда Доука, вырос оживленный, вполне современный город, где 275 тысяч 573 жителя и значительное производство кружев, а также и другие отрасли промышленности, нам хочется думать, что в жилах нашего гостя течет мужественная, алая и вместе с тем благородная голубая кровь его предка, хозяина дремучих лесов, доброго и лукавого Робина Гуда.

Очаровательная миссис Мак-Келви никогда еще не была так прелестна, как в этот вечер, в платье из черных кружев, изящно отделанном серебряными кружевами и с букетом алых роз у безукоризненно тонкой талии».

Бэббит мужественно сказал:

— Надеюсь, они не станут приглашать нас знакомиться с этим самым лордом Доуком. Ей-богу, гораздо приятнее спокойно пообедать с Чарли и его хозяйшкой.

В зенитском Спортивном клубе это событие обсуждалось со всех сторон.

— Небось теперь нам придется звать Мак-Келви «Лорд Чааальз», — сказал Сидни Финкельштейн.

— Удивительная безграмотность! — изрек ученый муж, Говард Литтлфилд. — До чего некоторым людям трудно усвоить самые простые вещи. Называют этого человека «лорд Доук», когда следовало бы сказать «сэр Джеральд».

Бэббит был потрясен:

— Да неужели? Вот так штука! Значит, надо говорить «сэр Джеральд»? Так их называют, что ли? Ну, дорогой мой, спасибо, что вы мне это сказали!

Потом он сообщил своим агентам:

— Просто животики надорвешь, как подумаешь, что иные люди, только оттого что у них набиты карманы, принимают у себя знатных иностранцев, а как обращаться к ним, чтобы те себя чувствовали не хуже, чем дома, понятия не имеют, — кролик и тот, наверно, больше понимает!

В тот же вечер, по дороге домой, он обогнал лимузин Мак-Келви и увидел сэра Джеральда, большого, краснолицего, пучеглазого

англичанина, похожего на немца, которому обвислые рыжие усы придавали унылый и растерянный вид. Бэббит медленно вел машину, угнетенный мыслями о тщетности всех своих попыток. Он вдруг, непонятно почему, с ужасом почувствовал, что Мак-Келви над ним смеются.

Он выдал свою обиду в разговоре с женой.

— Занятым людям нечего тратить время на всяких Мак-Келви, — сердито сказал он. — Светская жизнь — такое же дело, как всякое другое: только тогда чего-нибудь добьешься, если посвятишь себя этому целиком. Но мне гораздо приятнее посидеть в гостях с тобой, с детьми, а не крутиться в этом идиотском водовороте.

Больше они о Мак-Келви не разговаривали.

Как на грех, в такое невеселое время приходилось думать об Овербруках.

Эд Овербрук, товарищ Бэббита по университету, оказался неудачником. У него была огромная семья и плохонькая страховая контора на окраине Зенита — в Дорчестере. Сам он был седой, изможденный, незаметный. Таких людей обычно забывают познакомиться с другими гостями, а спохватившись, знакомят особенно настойчиво. В университете Эд восхищался общительностью Бэббита, а потом всю жизнь восхищался его успехами в делах, его чудным домом, прекрасно сшитыми костюмами. Бэббиту это было приятно, хотя и налагало на него своего рода ответственность. На товарищеском обеде он увидел бедного Овербрука в потертом синем костюме, скромно сидевшего в уголке с тремя другими неудачниками. Бэббит подошел к нему, сердечно поздоровался:

— А, Эд, дружище! Слышал, что ты ведешь все страховые дела у себя в Дорчестере. Ты молодец!

Они вспомнили доброе старое время, когда Овербрук писал стихи. Но Овербрук смутил Бэббита, стыдливо забормотав:

— Слушай, Джорджи, обидно подумать, что наши пути разошлись. Хотелось бы, чтобы вы с миссис Бэббит пришли как-нибудь пообедать к нам.

— Отлично! — загудел Бэббит. — Непременно! Только скажи, когда. А мы с женой рады будем видеть вас у себя!

Бэббит совсем забыл об этом разговоре, но Эд Овербрук, к сожалению, не забыл. Несколько раз он звонил Бэббиту, приглашая его на обед.

— Придется пойти, иначе от него не отвяжешься! — ворчливо сказал Бэббит жене. — И ты только обрати внимание, до чего этот горемыка не разбирается в самых простых правилах хорошего тона. Звонит мне без конца по телефону, вместо того чтобы жена села и написала нам настоящее приглашение. В общем, мы влипли! Беда с этими однокашниками, нянчись теперь с ним!

Наконец он внял жалобным просьбам Овербрука и принял приглашение пообедать через две недели. Даже семейный обед, если он предстоит через две недели, не кажется таким страшным, но эти две недели пролетают с невероятной быстротой, и вдруг с ужасом видишь, что незаметно подкрался роковой час. Пришлось переменить день, потому что у Бэббитов обедали Мак-Келви, но в конце концов они нехотя отправились в Дорчестер к Овербрукам.

С самого начала все было ужасно. Овербруки обедали в шесть тридцать, тогда как Бэббиты не садились за стол раньше семи. Бэббит позволил себе опоздать на десять минут.

— Давай не засиживаться, — предложил он жене. — Постараемся удрать поскорее. Скажу, что мне завтра надо очень рано быть в конторе.

Квартира Овербруков производила угнетающее впечатление. Она помещалась на втором этаже деревянного двухквартирного дома. Везде стояли детские коляски, в коридоре висели старые шляпы, пахло капустой, на столе в гостиной лежала фамильная Библия. У Эда Овербрука и его жены был все тот же забитый, жалкий вид, и к обеду были приглашены еще какие-то две жуткие семьи, чьи фамилии Бэббит не расслышал, да и не желал слышать. Но он был растроган и сконфужен похвалами Овербрука:

— Мы гордимся, что наш дорогой Джордж сегодня с нами! Вы все, конечно, читали в газетах о его речах, обо всех его выступлениях, смотрите, какой он красавец! Но я-то всегда вспоминаю университетские годы: какой он был тогда компанейский парень, как замечательно плавал — лучше всех на нашем курсе!

Бэббит пытался быть душой общества, он из кожи лез, но не мог найти ничего интересного в робком Овербруке, его тупых гостях и

болезненно-глупой миссис Овербрук с ее большими очками, увядшей кожей и стянутыми в узел волосами. Он рассказал свой лучший ирландский анекдот, но анекдот провалился, как корка недопеченного пирога. Бэббит почувствовал, что его обволакивает какая-то муть, когда миссис Овербрук, выбиваясь из мрака вечной заботы о восьмерых ребятах, стряпни и уборки, вдруг попыталась завести светский разговор:

— Наверно, вы скоро опять поедете в Чикаго и Нью-Йорк, мистер Бэббит?

— Да, я частенько езжу в Чикаго!

— Должно быть, там очень интересно. Вы, вероятно, ходите во все театры?

— Нет, говоря по правде, миссис Овербрук, мне больше всего по душе хорошие сочные бифштексы в одном голландском ресторанчике на Лупе.

Больше им говорить было не о чем. Бэббит немного расстроился, но ничего не поделаешь: обед не удался. В десять часов, с трудом стряхивая сонливость, навеянную пустым разговором, он сказал:

— Боюсь, что нам пора идти, Эд. Завтра у меня с самого утра клиенты. — А когда Овербрук помогал ему надевать пальто, Бэббит сказал: — Приятно вспомнить старые времена! Надо нам с тобой вместе позавтракать не откладывая в долгий ящик!

На обратном пути миссис Бэббит тяжело вздохнула:

— Ужасная скука! Но как мистер Овербрук тобой восхищается!

— Да! Бедняга думает, что я сусальный ангелочек и самый красивый мужчина в Зените.

— Ну конечно, это преувеличение, но все ж... Кстати, Джорджи, неужто нам придется пригласить их обедать?

— О-ох! Надеюсь, что нет!

— Я тебя всерьез спрашиваю, Джордж! Неужели ты как-нибудь намекнул мистеру Овербруку, что мы их позовем?

— Да нет же! Господи! Конечно, нет! Я нарочно сказал, что мы с ним вдвоем где-нибудь позавтракаем.

— Ах, так... Боже мой! Мне очень не хочется их обижать! Но я просто не представляю себе, как можно еще раз выдержать такой вечер! И представь себе, вдруг к нам зайдет доктор Ангус с женой,

когда у нас будут эти Овербруки, еще, чего доброго, подумают, что они наши друзья!

Целую неделю Бэббиты беспокоились:

— Право, следовало бы пригласить этого несчастного Эда с женой!

Но, никогда не встречаясь с Овербруками, они совсем забыли о них, и через месяц-другой сказали друг другу:

— Так лучше: просто не подымать разговора! И по отношению к ним было бы жестокостью звать их к себе. Они чувствовали бы себя такими лишними, такими нищими в нашем доме!

Больше об Овербруках не вспоминали.

16

Когда Бэббит окончательно убедился, что Мак-Келви не принимают его в свой круг, он почувствовал себя в чем-то виноватым, попавшим в нелепое положение. Но он стал регулярнее посещать собрания ордена Лосей, выступил на завтраке в Торговой палате с красноречивым разоблачением всей гнусности забастовок и снова почувствовал себя Выдающимся Гражданином.

Эти клубы и общества давали ему подлинную духовную пищу.

Всякий порядочный человек в Зените должен был принадлежать хотя бы к одному — а то и к двум-трем из бесчисленных орденов и клубов, двигавших жизнь вперед: к клубу Ротарианцев, Кивани или Толкачей, к орденам Независимых Одиночек, Оленей, Лосей, Масонов, Краснокожих, Лесовиков, Сычей, Орлов, Маккавеев, Рыцарей Пифии, Рыцарей Колумба, — словом, к одной из многочисленных тайных организаций, где процветала сердечная доброжелательность, строгая мораль и полное уважение к конституции. В эти общества вступали по четырем причинам: во-первых, это было принято. Во-вторых, это было полезно для дела, так как собратья по ордену часто становились клиентами. В-третьих, американцы, которые не имеют возможности именоваться «Geheimrate»^[13] или «commendatori»^[14], получали в этих орденах такие благозвучные титулы, как «достопочтенный летописец Ордена» или «Великий Вождь», наряду со званиями профессора, полковника и судьи, которые они носили в обыденной жизни. И, наконец, принадлежность к ордену позволяла американскому мужу, связанному по рукам и ногам, отлучаться из дому хотя бы на один вечер в неделю. Орден был для него как площадь для итальянца, уличное кафе для француза. Там он мог играть на бильярде, вести мужской разговор и храбро сквернословить.

Именно по этим причинам Бэббит, как он сам говорил, «вступал, куда только можно».

За пурпуром и золотом победного стяга, завоеванного его общественной деятельностью, скрывались бесцветные будни конторской работы: арендные договоры, контракты, списки сдающихся домов и квартир. По вечерам его опьяняли выступления и всяческие

заседания лож и комитетов, но утром он еле шевелил языком. Изо дня в день раздражение накапливалось. Он открыто ссорился со своим разъездным агентом, Стэнли Грэфом, и даже как-то зарычал на мисс Мак-Гаун за то, что она перепутала письма, хотя обычно ее прелести побуждали его быть с ней игриво вежливым.

И только в компании Поля Рислинга он отдыхал. Хотя раз в неделю они оба становились прежними юнцами. По субботам играли в гольф, издеваясь друг над дружкой: «Что касается гольфа, то ты, как видно, хороший теннисист», — уезжали кататься на все воскресное утро, останавливались в деревенских харчевнях и, сидя на высоких табуретках, пили кофе из толстых чашек. Иногда Поль приходил по вечерам со своей скрипкой, и даже Зилла молча слушала, как этот одинокий человек, который безнадежно заблудился и теперь всю жизнь осужден бродить по глухим незнакомым дорогам, изливает свою душевную тоску в музыке.

Но больше всего Бэббит очистился и прославился своей деятельностью при воскресной школе.

Он принадлежал к пресвитерианской церкви на Чэтем-роуд — одной из самых больших и богатых, самых изукрашенных мореным дубом и бархатом церквей Зенита. Пастора звали достопочтенный Джон Дженнисон Дрю, Б.И., Д.Б., Д.П. (степень бакалавра искусств и доктора богословия он получил в Эльбертском университете, в Небраске, а степень доктора прав — в колледже Уотербери, в Оклахоме). Дрю был чрезвычайно красноречив, деловит и общителен. Он председательствовал на собраниях, посвященных разоблачению профсоюзов или улучшению обслуживания, и сообщал присутствующим, что рос в бедности и, будучи мальчишкой, торговал газетами. Для субботних вечерних выпусков «Адвоката» он писал передовицы «Религия настоящего мужчины» или «Доллары и здравый смысл в свете Христова учения», — и эти статьи печатались крупным шрифтом, в затейливой рамке. Он любил говорить, что «гордится своей репутацией дельца» и что он, конечно, «не позволит старому сатане взять монополию на деловую хватку и сметку». Он был худощав, грубоват с виду, носил золотые очки и длинные лохматые волосы неопределенно каштанового цвета, но когда его захватывало

собственное красноречие, его слова дышали незаурядной силой. Признавая, что он слишком учен и слишком поэтически одарен, чтобы пользоваться лексиконом евангелиста Майка Мондея, он все-таки однажды при случае подстегнул свою паству и побудил ее к более щедрым даяниям, объявив: «Братья, самый жалкий скупердяй и сквалыга тот, кто отказывает в лепте господу богу!»

Его церковь стала настоящим культурным центром. Там было все, кроме бара: детская комната, ужины по четвергам с короткой беседой на религиозные темы, гимнастический зал, раз в две недели — кино, библиотека технических справочников для молодых рабочих, — хотя, к сожалению, ни один молодой рабочий в эту церковь и не заглядывал, разве только когда надо было вымыть окна или починить отопление, — и, наконец, кружок кройки и шитья, где дамы шили штанишки бедным детям, в то время как миссис Дрю читала вслух солидные романы.

Хотя мистер Дрю исповедовал пресвитерианское учение, его церковь носила изысканно епископальный характер. По словам самого пастора, «она воплотила наиболее устойчивые черты тех благородных церковных памятников великой старой Англии, которые до сей поры стоят как символ бессмертной веры, веры в бога и в гражданский долг». Церковь эта была выстроена из веселого сероватого кирпича в ложноготическом стиле, и главный придел освещался электрическими лампами, скрытыми в роскошных алебастровых чашах.

В один из декабрьских дней, когда семейство Бэббитов посетило утреннюю службу, доктор Дженнисон Дрю превзошел в красноречии самого себя. Церковь была переполнена. Десять ловких молодых людей в элегантных костюмах, с белой розой в петлице, носили складные стулья из подвала. Обширную музыкальную программу вел Шелдон Смейс, руководитель воспитательной части ХАМЛ, и он же пел соло. Бэббиту все это не очень понравилось, потому что кто-то по недоразумению научил молодого мистера Смейса без конца улыбаться, улыбаться и улыбаться во время пения. Зато, будучи сам выдающимся оратором, Бэббит высоко оценил проповедь мистера Дрю. В ней была та интеллектуальная изысканность, которая и отличала всю паству церкви на Чэтем-роуд от убогой паствы на Смит-стрит.

— Дни изобильной жатвы — лучшие дни года! — вещал доктор Дрю. — Сколь ни туманно небо, сколь ни труден путь утомленному путнику, но бесплотный, бестелесный дух, паря над трудами и

чаяниями истекших двенадцати месяцев, пребывает во всем, и мнится мне, что златоустый хор тех, кто преуспел, заглушает стенания неудачников, и явных и тайных, — и уже отчетливо зримы за тучами отчаяния величественные вершины гор — вершины певучей песни, вершины радости, вершины силы!

— Да, приятно послушать проповедь культурную, вдумчивую! — отметил про себя Бэббит.

И он был в восторге, когда после окончания службы пастор, горячо пожимая ему руку у выхода из церкви, пропищал:

— О, брат Бэббит, уделите мне минутку! Хочу с вами посоветоваться!

— Охотно, доктор! Всегда готов!

— Зайдите ко мне в кабинет. Вам понравятся мои сигары.

Бэббиту очень понравились сигары. Понравился ему и кабинет, где обычные настенные изречения были заменены остроумным плакатом: «Господь принимает круглосуточно». За Бэббитом вошел Чам Фринк, за ним — Уильям В.Иторн.

Семидесятилетний мистер Иторн был президентом Первого Государственного банка в Зените. Он все еще носил небольшие изящные бакенбарды, которые для банкиров 1870 года были своего рода формой. И если Бэббит завидовал светскому окружению Мак-Келви, то перед Уильямом Вашингтоном Игорном он преклонялся. Мистер Иторн не принадлежал к светским кругам. Он был выше их. Правнук одного из той пятерки поселенцев, которые основали Зенит в 1792 году, мистер Иторн принадлежал к третьему поколению банкиров. Он мог в два счета проверить кредитоспособность, дать заем, поддержать или погубить делового человека. В его присутствии Бэббит дышал учащенной и чувствовал себя моложе.

Достопочтенный доктор Дрю влетел в кабинет и разразился речью:

— Я просил вас, джентльмены, зайти ко мне, чтобы сделать вам одно предложение. Воскресной школе нужна помощь. У нас — четвертая по величине школа в Зените, и нет никаких оснований плестись в хвосте и глотать чужую пыль. Нам надо выйти на первое место! У меня к вам просьба: образовать при воскресной школе комитет содействия и популяризации, проинспектировать занятия, посоветовать, как улучшить работу, а потом, может быть, и постараться, чтобы в печати больше освещали нашу деятельность,

чтобы читателям давали действительно интересные и полезные сведения вместо сообщений об убийствах и разводах.

— Превосходно! — сказал банкир.

И Бэббит с Фринком восторженно поддержали его.

Если бы задать Бэббиту вопрос — каковы его религиозные убеждения, — он, наверно, ответил бы, как подобает члену клуба Толкачей, выпренне и красноречиво: «Моя религия — служить человечеству, любить ближнего, как самого себя, и вносить свою лепту в построение лучшей жизни для всех». Если бы вы настаивали на более четком ответе, он заявил бы: «Я принадлежу к пресвитерианской церкви и, естественно, признаю все ее доктрины». Если бы, наконец, вы все же бестактно продолжали настаивать, он, несомненно, запротестовал бы: «Бесполезно спорить и пререкаться насчет религии — это ведет лишь к ссорам».

На самом деле вся его вера сводилась к тому, что есть какое-то Высшее Существо, которое пыталось создать нас совершенными, но, по всей вероятности, потерпело неудачу; что если ты Хороший человек, то попадешь в место, называемое раем (Бэббиту оно представлялось чем-то вроде номера в перwokлассном отеле с садом), но если ты — Плохой человек, то есть убиваешь, воруешь, нюхаешь кокаин, имеешь любовниц или, наконец, продаешь несуществующие земельные участки, то ты будешь наказан. Бэббит не совсем представлял себе, что такое, как он говорил, «этот самый ад». Он объяснял Теду:

— Конечно, я человек, так сказать, свободомыслящий, и не то чтоб я буквально верил в адский огонь и кипящую серу. Но само собой ясно, что не может человек предаваться всяким порокам и думать, будто ему все сойдет с рук безнаказанно — ты меня понимаешь?

Но сам он редко вдавался в эти теологические тонкости. Главной, практической стороной его религии было то, что посещение церкви придает человеку респектабельность и приносит пользу в делах и что церковь удерживает грешников от еще большего погрязания в грехах, а в проповедях пастора, какими бы скучными они ни казались на слух, таится какая-то колдовская власть, которая тоже «благодетельна для человека — связывает его с Высшей Силой».

Первое обследование, которое он провел, как член Комиссии содействия воскресной школе, сильно разочаровало Бэббита.

Ему понравился «Кружок по изучению Библии для занятых людей» — там слушатели были взрослые и руководил кружком старый врач, доктор Т.Аткинс Джордан, который вел беседу в легком остроумном тоне, напомиравшем манеру какого-нибудь тонкого и умного оратора, выступающего на банкетах. Но, зайдя в класс для подростков, Бэббит очень огорчился. Он слушал, как Шелдон Смийс, руководитель воспитательной части ХАМЛ и регент церковного хора — бледный, но энергичный юноша с каштановыми кудрями и неизменной улыбкой — беседовал с шестнадцатилетними юнцами. Смийс вкрадчиво уговаривал их:

— Так вот, мальчики, в следующий четверг, у меня дома, побеседуем с вами по душам. Посидим своей компанией и откровенно поговорим о всяких тайных сомнениях. Можете рассказать старику Шельди все самое сокровенное, как мои мальчики из ХАМЛ. И я вам так же откровенно расскажу о тех ужасных тайных пороках, которым ребята подвержены, если у них нет руководителя, старшего брата, расскажу обо всех опасностях и обо всех радостях половой жизни.

«Старик Шельди» совсем расплылся в маслянистой улыбке, мальчикам было нестерпимо стыдно, а Бэббит не знал куда глаза девать от смущения.

Менее противно, но еще более скучно было в младших классах, где серьезные старые девы читали лекции по философии и восточной культуре. Кружки по большей части собирались в заново отремонтированном помещении воскресной школы, но за недостатком места некоторые группы занимались в подвале, где проходили трубы водяного отопления, похожие на варикозные вены, и свет падал через высокие окошечки в сырой стене. Бэббиту казалось, что он снова попал в первую конгрегационалистскую церковь в Катобе, в воскресную школу своего детства. Опять он ощутил удушливую атмосферу учтивости, какая царит во всех приемных при церквях, узнал шкафчик с унылыми книжками для воскресного чтения: «Незаметная героиня Хетти» и «Иосиф, мальчик из Палестины», — снова перебирал стопку ярко раскрашенных открыток с текстами из Священного писания, — мальчики терпеть их не могли, но

выбрасывать боялись, — снова слушал ту же монотонную долбежку, как тридцать пять лет назад:

— Теперь ты, Эдгар, прочти следующий стих. Что значит: «Легче верблюду пройти в игольное ушко»? Чему это нас учит? Кларенс! Пожалуйста, сиди смирно! Если бы ты выучил урок, ты бы так не вертелся! Скажи, Эрл, чему же Христос учил своих апостолов? Прошу вас, мальчики, особенно запомните слова: «Господь всемогущ и всевидящ». Всегда помните это — Кларенс, слушай, пожалуйста! — и когда вы падаете духом, повторяйте: «Господь всемогущ и всевидящ», — и тогда — Алек, читай следующий стих, если бы ты был повнимательнее, ты бы не потерял эту строчку в книге!

«Бу-бу-бу-уу!» Словно огромный шмель жужжит в сонной одури...

Бэббит стряхивал с себя дремоту, благодарил преподавательницу «за разрешение послушать такой превосходный урок» и, пошатываясь, шел в следующую группу.

Он инспектировал воскресную школу две недели, но никаких советов достойному доктору Дрю придумать не мог.

Но как-то он натолкнулся на множество газет и журналов, посвященных воскресным школам. Это была целая отрасль печати — еженедельники, ежемесячники, очень деловые, очень специальные и прогрессивные, не хуже журналов по вопросам недвижимости или каталогов обувной промышленности. В лавке, где торговали религиозными книгами, Бэббит купил с полдюжины этих изданий и с восхищением читал их до полуночи.

Он нашел много дельных советов о том, «как составлять воззвания», «как вербовать новых членов» или «как выпускать проспекты для привлечения слушателей в воскресные школы». Особенно ему понравилось слово «проспекты» и пришелся по душе следующий раздел:

«Моральный двигатель общественной жизни заложен в воскресных школах — школах, где помогают и наставляют в духовных вопросах. Пренебречь ими в молодости — значит потерять в будущем духовную закалку и моральную силу... Именно эти факты, сопровождаемые прямым призывом, доходят до людей, которых нельзя ни шуткой, ни увещаниями привлечь к посещению воскресных школ».

— Как это верно, — соглашался Бэббит. — Взять хотя бы меня — под любым предлогом старался удрать из нашей воскресной школы в Катобе, но уверен, что никогда не достиг бы такого положения в обществе, если бы во мне не воспитали... ну... высокие моральные качества! А взять Библию. Интереснейшее чтение. Надо будет на днях кое-что перечитать.

О том, как научно организовать воскресную школу, Бэббит прочел в статье журнала «Вестминстерский вестник библейских школ для взрослых»:

«Второй вице-президент ведает укреплением товарищеских отношений в классе. Он выбирает группу помощников. Эти помощники принимают и рассказывают приходящих. Всякий вновь прибывший встречает дружеский прием. Никто не чувствует себя чужим. Один из членов группы стоит у входа и приглашает прохожих зайти».

Но больше всего Бэббиту понравились заметки некоего Уильяма Х.Риджуэя в «Сандей скул таймсе».

Если ваш класс в воскресной школе лишен рвения и пыла, то есть не проявляет никакого интереса, плохо посещает занятия, вял, как больной насморком, послушайте совета старого доктора Риджуэя; вот вам рецепт: пригласите всю компанию поужинать!

«Вестники воскресных школ» содержали не только сведения по всем вопросам, они давали практические советы. Ни один из видов искусства не оставался в пренебрежении. Например, в области музыки «Сандей скул таймс» рекомендовал «новый шедевр С.Гаральда Лоудена, широко известного своими религиозными сочинениями, под названием „Тоскую по тебе“. Стихи написаны Гарри Д.Керром, и трудно представить себе более изящные слова на неописуемо прекрасную музыку. Критики единогласно утверждают, что песня будет иметь потрясающий успех. Заменяв старые слова гимном „Я голос услышал Христов“, мы получим прелестнейший псалом».

Даже ручной труд не был обойден. Бэббит отметил остроумное предложение — как иллюстрировать воскресение господне:

«Модель для учеников легко изготовить своими средствами. Гроб Господень: взять квадратную коробку с крышкой, перевернуть дном вверх. Слегка выдвинуть крышку, образуя внизу паз. Вырезать

квадратное отверстие для двери и отдельно — картонный кружок, несколько больше двери. Покрывать кружок и всю гробницу толстым слоем смеси песка, муки и воды и дать высохнуть. Круг должен изображать тяжелый камень, который женщины нашли „отодвинутым“ в пасхальную ночь. Этот макет войдет в нашу серию „Наглядные поучения“.

Объявления в «Вестниках воскресных школ» были вполне деловые. Бэббит заинтересовался препаратом для людей, ведущих малоподвижную жизнь, которая «восстанавливает истощенную нервную ткань, питая мозг и пищеварительную систему». Его просветили и насчет того, что продажа Библий является весьма оживленной отраслью торговли, с обширной конкуренцией, и ему приятно было узнать из объявления «Компании гигиенической церковной утвари», что в продажу поступила превосходная утварь, в том числе и полированный поднос красного дерева для сбора денег. «Поднос совершенно поглощает шум, легче по весу и приятнее в обращении, чем любой другой поднос, а также более соответствует обстановке церкви, чем подносы из прочих материалов».

Так он перелистал всю кипу «Вестников воскресных школ».

«Вот это настоящий мужской подход к делу! — подумал он. — Здорово подано! Стыдно, что я так мало уделял времени этим вопросам. Раз играешь такую значительную роль у себя в городе, — просто позор не поддерживать религию, крепко, по-мужски, не организовать церковь на современный лад. Так сказать, христианство на широкую ногу. Но, конечно, подходить с благоговением...

Возможно, существуют люди, которые скажут, что эти организаторы церковных школ ведут себя недостойно, забывают о духовном и так далее... Им легко! Всегда найдутся подлецы, им бы только критиковать! Браниться, издеваться и разрушать куда легче, чем строить. Нет, я отдаю должное этим «Вестникам»! Они даже старого Джорджа Ф.Бэббита завербовали в свой лагерь! Вот вам и ответ на критику!

И чем ты мужественней, чем ты практичней, тем больше должен жить активной, истинно христианской жизнью. Я — за! Хватит этого попустительства, пьянства и...»

— Рона! Ты где это так поздно шатаешься, черт возьми! В такое время приходиться домой! Безобразие!

На Цветущих Холмах есть всего три или четыре старых дома, — а старым здесь считается дом, построенный до тысяча восемьсот восьмидесятого года. Самый большой из этих домов — резиденция Уильяма Вашингтона Иторна, президента Первого Государственного банка.

Вилла Иторн сохранилась как память об «аристократических кварталах» Зенита, какими они были с тысяча восемьсот шестидесятого по тысяча девятисотый год. Это — махина из красного кирпича с серыми каменными наличниками и крышей из разноцветного шифера — красного, зеленого и желто-бурого. По бокам торчат две худосочные башни: одна — крытая медью, другая — увенчанная чугунной резьбой. Крыльцо похоже на открытый мавзолей; его поддерживают приземистые серые пилястры, над которыми застывшим водопадом нависает кирпичный карниз. В одной стене дома прорезана высокая оконница в виде замочной скважины, забранная разноцветным стеклом.

Но весь этот дом отнюдь не вызывает усмешки. Он воплотил в себе тяжеловесное достоинство викторианских финансистов, которые владычествовали над поколением, жившим после первых поселенцев и до оборотистых дельцов-«коммерсантов»; эти финансисты создали суровую олигархию, захватив управление банками, заводами, земельной собственностью, железными дорогами, шахтами. Из десятка непохожих друг на друга Зенитов, которые все вместе и составляют настоящий, большой Зенит, самым мощным и долговечным и вместе с тем самым недоступным и незнакомым для его граждан является небольшой, тихий, суховатый, вежливый и жестокий Зенит Уильямов Иторнов. Все остальные Зениты в неведении работают на эту крохотную олигархию и в неизвестности умирают за нее.

Почти все замки этих своевольных викторианских тетрархов уже давно разрушились или выродились в дешевые гостиницы, но Вилла Иторн все еще стоит в своей высокомерной неприкосновенности, напоминая Лондон, Бэк-Бэй, Риттенхауз-сквер. Ежедневно моются ее

мраморные ступени, почтительно начищается медная дощечка на дверях, а накрахмаленные кружевные гардины всегда чопорны и чванливы, как сам Уильям Вашингтон Иторн.

Со сдержанным благоговением Бэббит и Чам Фринк пришли к Иторну на совещание по поводу воскресной школы, в неловком молчании они проследовали за горничной в форменном платье по катакомбам зал и гостиных в библиотеку. Библиотека Иторна была настолько же типичной библиотекой старого солидного банкира, как бакенбарды Иторна — типичными бакенбардами старого солидного банкира. В шкафах стояли главным образом собрания сочинений, как полагалось по традиции, — в синеватых, золотистых или светлых кожаных переплетах. Огонь в камине тоже горел, как полагалось по традиции, — спокойно, неярко и ровно, играя на полированных каминных щипцах. Бюро из старого темного дуба казалось верхом совершенства, у кресел был слегка высокомерный вид.

Хотя Иторн отечески ласковым тоном осведомился о здоровье миссис Бэббит, а также мисс Бэббит и «других деток», Бэббит не знал, как ему ответить. Неприлично было бы спросить: «Ну, как, старина, поплясываем?» — как, бывало, спрашивал он у Верджила Гэнча, Фринка или Говарда Литтлфилда — у людей, которые до сих пор казались ему преуспевающими и вполне светскими. Бэббит и Фринк учтиво молчали, а Иторн с такой же учтивостью, медленно цедя слова, произнес:

— Прежде чем начать совещание, джентльмены, — должно быть, вы озябли в дороге, — благодарствую за то, что посетили старика, — может быть, выпьете стаканчик грогу?

Бэббит так понаторел в разговорах, которые положено вести Доброму Малому, что чуть не опозорился навеки, но вовремя удержался, чтобы не крикнуть: «А мы и не станем кочевряжиться, лишь бы у вас в мусорной корзине не прятался инспектор по сухому закону!» Он проглотил эту фразу и только поклонился торопливо и покорно. Фринк отвесил такой же поклон.

Иторн позвонил горничной.

Никогда наш современный, живущий в роскоши Бэббит не видел, чтобы в частном доме звонили прислуге просто так, не за обедом. Сам он часто вызывал звонком коридорных в гостинице, но дома нельзя было задевать самолюбие Матильды: надо было выйти в холл и

крикнуть ей вниз. Да и никогда, со времени введения сухого закона, он не видел, чтобы человек так свободно предлагал выпить. Было даже странно отпить глоток крепкого грога и не заорать: «Ух ты! Самую середку прожгло!» И про себя, с восхищением юнца, встретившего настоящее величие, Бэббит удивлялся: «И этот старикан мог бы сделать со мной что угодно! Скажи он только моему банкиру — „закройте кредит“! И все! А сам от горшка два вершка! С виду-то какой тихий, смирный! Пожалуй, мы, Толкачи, слишком разоряемся насчет хватки и прочего...»

Но он сейчас же отогнал эти мысли и с благоговением выслушал все соображения Иторна насчет улучшения воскресных школ — соображения весьма четкие и никуда не годные.

Потом Бэббит почтительно изложил и свои собственные мысли:

— Мне кажется, что если проанализировать все нужды нашей школы и подойти, так сказать, с той же точки зрения, как если бы перед нами была коммерческая проблема, то, конечно, главное и основное, что нам нужно, — это дальнейший рост. Считаю, что все мы согласны в одном — не успокаиваться, пока не создадим самую что ни на есть большую воскресную школу во всем штате, чтобы наша пресвитерианская церковь на Чэтем-роуд никому не уступала. Теперь насчет того, как бы подстегнуть народ, чтобы лучше посещали: уже устраивались соревнования и выдавались премии тем ребятам, которые приводили больше всего новых учеников. Но тут-то и кроется ошибка: премировали всякой чепухой и мелочью, вроде сборников стихов или Библии с картинками, вместо каких-нибудь таких вещей, ради которых живому веселому мальчишке стоило бы стараться, — дать бы, скажем, наличными деньгами или купить ему спидометр для мотоцикла. Конечно, я сам понимаю, что очень хорошо и красиво сопровождать уроки всякими картинками и рисунками на доске, но когда встает вопрос о том, чтоб завлекать клиентов, я хочу сказать — новых учащихся, то тут надо дать ребятам что-нибудь стоящее, чтоб не зря работали.

Я хочу предложить два новых способа. Во-первых, надо разделить всю воскресную школу на четыре отряда по возрасту. Каждый получает в своем отряде воинское звание, смотря по тому, сколько новых членов он завербовал, а лентяи, которые всех подводят и никого не завербовывают, остаются рядовыми. Пастор и директор школы

считаются генералами. И все должны отдавать честь и прочее тому подобное, как в настоящей армии, чтобы ребята чувствовали, что получить чин — дело важное!

И второе мое предложение: конечно, при школе есть свой комитет по распространению информации, но, господи, неужели мы все не понимаем, что так, за здорово живешь, никто работать не будет. Надо смотреть на вещи практически, по-современному. Необходимо нанять настоящего платного агента по рекламе — какого-нибудь репортера, который нам сможет уделить хоть немного времени.

— Правильно, честное слово! — сказал Чам Фринк.

— Только подумайте, какие аппетитные статейки он мог бы стряпать, — соловьем заливался Бэббит. — Он мог бы писать не только о самых важных, самых выдающихся фактах, например, о том, как растет посещаемость, как увеличиваются сборы, — нет, можно было бы и пошутить и посплетничать: скажем, поиздеваться над каким-нибудь хвастуном, который не выполнил обещания и никого не завербовал, или рассказать, как девушки из группы «Святой троицы» веселились на вечеринке — ели сосиски и прочее. А попутно, если у него хватило бы времени, этот наш пресс-агент мог бы подзаняться и тематикой наших уроков, — этим он мог бы поддержать все воскресные школы в городе. Незачем нам жадничать, если только мы будем на первом месте по числу учеников. Скажем, он мог бы поместить в газете... Я, конечно, не обучался литературе, как вы, Фринк, я просто прикидываю, как можно было бы написать такую статейку. Скажем, к примеру: тема урока — история Иакова, и наш пресс-агент мог бы написать статейку с глубокой моралью, а заголовок сделать занятным, чтобы всем хотелось прочесть — ну, скажем, к примеру, так: «Яша обставил самого Старика! И девушку увел, и денежки прикарманил». Вы меня поняли? Всякий заинтересуется! Конечно, вы, мистер Иторн, человек консервативный, и, возможно, вам эти фокусы кажутся недостойными, но, честное слово, барыш от них будет большой, в этом не сомневаюсь.

Иторн сложил ручки на животике и замурлыкал, как старый кот:

— Разрешите мне, прежде всего, отметить, с каким удовольствием я выслушал анализ ситуации, сделанный вами, мистер Бэббит. Вы правильно сказали, что при моем положении естественны консервативные взгляды, и, разумеется, мне должно стараться

поддерживать свое достоинство. Но, думаю, вы сами замечаете, что в некоторых отношениях я придерживаюсь прогрессивных взглядов. Скажу, например, что в нашей банке мы, смею сказать, применяем те же современные методы рекламы, что и в любом другом банке нашего города. Да мне кажется, вы и сами скоро обнаружите, насколько мы, старые люди, ощущаем переоценку всех духовных ценностей. Да, да, это так. И приятно отметить, что, несмотря на мою личную приверженность к более суровому пресвитерианству прошлых лет, я все же...

В конце концов Бэббит понял, что Иторн не возражает.

Чам Фринк предложил в качестве пресс-агента — по совместительству — некоего Кеннета Эскотта, репортера «Адвокат-таймса».

Расстались они исполненные духа христианской взаимопомощи, с самыми возвышенными и дружескими чувствами.

Бэббит поехал не домой, а в центр города. Ему хотелось побыть одному и еще раз пережить восторг дружеского общения с самим Уильямом Вашингтоном Иторном.

Снежный вечер, звонкие мостовые, яркие уличные фонари.

Золотые отблески автомобильных фар на сугробах вдоль шоссе. Скромные огоньки домишек. Пламя, изрыгаемое дальней плавильней, стирает с неба колющие звезды. Освещенные окна кафе, где весело беседуют друзья после удачного рабочего дня.

Зеленый фонарь полицейского участка и ярко-зеленый отблеск его на снегу. Драматическое появление полицейской кареты: словно испуганное сердце, колотится гонг, фары опалют кристальный снег, за рулем, вместо шофера — важный полисмен в форме, второй полисмен с опасностью для жизни висит на подножке, в окне мелькает лицо преступника. Кто он — убийца, грабитель, фальшивомонетчик, попавший в засаду?

Огромная каменная церковь с высоким шпилем; мерцание в окнах, веселый гул спевки. Дрожащий ртутно-зеленый свет в ателье фотографа. И сразу — стремительные огни центра, машины на стоянках с рубиновыми стоп-сигналами, белые арки подъездов кинотеатров, похожие на заиндевшие пасти пещер; электрические

рекламы-змеи, пляшущие человечки, розовые абажуры, накаленная добела джазовая музыка в дешевых танцклассах над ресторанами, фонари китайских харчевен, расписанные цветущими вишнями и пагодами, на черных с золотом лакированных панелях. Скупой грязный свет скудных грязных лавчонок. Шикарные магазины с обильным и спокойным освещением, — свет играет в подвесках хрустальных люстр, на богатых мехах, на глади полированного дерева, на тяжелых плюшевых занавесях элегантных витрин. В высоком доме, среди темных окон — выхваченный светом квадрат: это окно конторы, где кто-то работает так поздно, неизвестно по какой, ко, по-видимому, важной причине. Кто он — будущий банкрот, настойчивый юнец или спекулянт, внезапно разбогатевший на нефти?

Бодрящий воздух, глубокий снег, заваливший глухие переулки. Бэббит представил себе, какие огромные сугробы намело за городом, в дубовых рощах, над скованной льдом извилистой речкой.

Сейчас он любил свой город восторженно и нежно. Куда девалась усталость, деловые заботы, бурное красноречие! Он снова чувствовал себя молодым и сильным. Впереди — высокая цель. Мало быть каким-нибудь Верджилом Гэнчем или Орвилем Джонсом. Нет, — люди они превосходные, милые, но нет в них тонкости, такта. Нет! Он станет таким, как Иторн: утонченно-суровым, сдержанно-властным — «таким, как надо»: железный кулак в бархатной перчатке. Никому не давать спуска. «Что-то я в последнее время распустил язык. Вульгаризмы. Шуточки. Надо прекратить. В университете я был первым по риторике. Помню, на одну тему... словом, неплохо говорил. Хватит этих дурацких остроумий и фамильярничаний. Да я... А почему мне не стать когда-нибудь банкиром? И Тед будет моим наследником!»

Счастливый, он приехал домой и разговаривал с миссис Бэббит точь-в-точь как Уильям Вашингтон Иторн, хотя она этого и не заметила.

Молодой Кеннет Эскотт, репортер «Адвокат-таймса», был приглашен на должность пресс-агента пресвитерианской воскресной школы на Чэтем-роуд. Он отдавал этому делу шесть часов в неделю. У него были друзья и в «Бюллетене» и в «Вестнике», но официально никто не знал, что он является пресс-агентом, рекламирующим

воскресную школу. Он всюду подсовывал многозначительные заметки о Библии и добрососедских отношениях, о школьных вечеринках, веселых и вместе с тем душеспасительных, о влиянии благочестивой жизни на финансовые успехи. В воскресной школе была принята военная система Бэббита. Это духовное обновление резко повысило посещаемость. Правда, школа не стала самой большой в Зените — Центральная методистская школа удерживала первое место такими способами, которые доктор Дрю заклеил как «нечестные, недостойные, неамериканские, неблагородные и нехристианские»; — но школа на Чэтем-роуд вышла с четвертого на второе место, и на небесах возликовали (по крайней мере, в той части небес, которая ведала приходом доктора Дрю), а Бэббита окружили похвалами и доброй славой.

Он получил звание полковника генерального штаба школы. Он пыжился от удовольствия, когда его на улице приветствовали незнакомые мальчуганы, уши у него горели от восторга при слове «полковник», и если он посещал воскресную школу не только ради этих почестей, то, во всяком случае, заранее предвкушал их по дороге туда.

Особенно он привечал Кеннета Эскотта — молодого журналиста. Он брал его завтракать в Спортивный клуб и даже пригласил к себе пообедать.

Подобно многим самоуверенным юнцам, которые с самодовольным видом рыщут по городу и на высокомерном жаргоне высказывают цинические взгляды на жизнь, Кеннет Эскотт был по натуре застенчив и жил одиноко. За обедом на его остром личике заморыша расплылась счастливая улыбка, и он со всей искренностью выпалил:

— Честное благородное, мистер Бэббит, до чего приятно покушать по-домашнему!

Эскотт и Верона понравились друг другу. Весь вечер они вели «идейный разговор». Оба оказались радикалами. Правда, радикалами вполне благоразумными. Они согласились, что все коммунисты — преступники, что *vers libre*^[15] — чепуха и что хотя необходимо всеобщее разоружение, но, конечно, Соединенным Штатам и Великобритании ради поработанных малых наций надо содержать флот, равный по тоннажу флотам всех остальных держав. Однако их революционность зашла так далеко, что они предсказывали, к

великому возмущению Бэббита, что когда-нибудь появится третья партия, которая задаст жару и республиканцам и демократам.

На прощание Эскотт три раза потряс руку Бэббита.

Бэббит вскользь упомянул, как он любит Иторна.

Через неделю в трех газетах был помещен отчет о блистательной деятельности Бэббита в области распространения религии, и во всех отчетах тактично упоминалось, что Уильям Вашингтон Иторн сотрудничает с ним в этой области.

Эти статьи неизмеримо подняли престиж Бэббита в глазах его собратьев по ордену Лосей, Спортивному клубу и клубу Толкачей. Друзья всегда поздравляли его с успехами на ораторском поприще, но в их похвалах звучало сомнение: хотя в своих речах Бэббит главным образом превозносил родной город, все же в этом было что-то чересчур интеллигентное, даже упадочное, как в писании стихов. Но теперь Орвиль Джонс орал на весь Спортивный клуб: «Вон идет новый директор банка!» Гровер Баттербау, крупный торговец санитарным оборудованием, посмеивался: «И как это вы еще не брезгуете простыми людьми, раз вы с самим Иторном ходите под ручку!» А Эмиль Венгерт, ювелир, наконец раскачался и начал с Бэббитом переговоры о покупке дома в Дорчестере.

Когда кампания в пользу воскресной школы наконец закончилась, Бэббит предложил Кеннету Эскотту:

— А как насчет того, чтобы поддержать в печати самого доктора Дрю?

Эскотт ухмыльнулся:

— Он и сам не дурак поддержать себя, мистер Бэббит! Недели не проходит, чтоб он не позвонил в редакцию и не попросил прислать к нему репортера: он, мол, даст блестящий материал по своей будущей проповеди насчет вреда коротких юбок или того, как было написано Пятикнижие. Вы о нем не беспокойтесь. В нашем городе только один человек умеет лучше него устраивать себе саморекламу — это Дора Гибсон Такер, та, которая ведает Обществом защиты детей и Лигой американизации, да и то она только тем берет верх над Дрю, что у нее есть хоть какие-то мозги в голове.

— Слушайте, Кеннет, не следовало бы вам так говорить о докторе Дрю. Духовный пастырь должен соблюдать свои интересы. Как это там сказано в Библии — помните, насчет служения богу или еще как-то...

— Ну, ладно, так и быть, помещу что-нибудь, раз вам этого хочется, мистер Бэббит, но придется переждать, пока уедет главный редактор, а заведующего городским отделом я уж как-нибудь обработаю.

В результате этого разговора в воскресном выпуске «Адвокат-таймса», под портретом доктора Дрю, где он был изображен с наисерьезнейшим лицом, горящими глазами, гранитной челюстью и небрежно откинутыми кудрями, появилась подпись — недолговечный памятник, обеспечивающий односуточное бессмертие:

«Достопочтенный д-р Джон Дженнисон Дрю, Б.-И., пастор красивой пресвитерианской церкви на прелестных Цветущие Холмах, словно волшебством привлекает заблудшие души. Он побил местный рекорд по обращению грешников. За время его пастырства в среднем ежегодно около ста человек, устав от грехов, решили начать новую жизнь и обрели тихую пристань и покой.

В Чэтемской пресвитерианской церкви все делается с огоньком. Вспомогательные организации при церкви поставлены по-деловому, на широкую ногу. Особенно доктор Дрю любит хорошее хоровое пение. Каждый день там звучат веселые, радостные гимны, а во время церковной службы специальный хор привлекает любителей музыки и профессионалов со всех концов города.

И на открытых трибунах, и на церковной кафедре доктор Дрю — настоящий художник слова, и в течение года он получает буквально десятки просьб выступить перед различными аудиториями как в нашем городе, так и за его пределами».

Бэббит дал понять доктору Дрю, что статейку подсказал он. Доктор Дрю назвал его «брат мой» и долго тряс ему руку.

На собрании комитета содействия воскресной школе Бэббит намекнул, что был бы счастлив видеть у себя Иторна, а тот пробормотал в ответ: «Весьма благодарен — стар стал — никуда не выхожу...» Но не мог же Иторн отказать своему духовному пастырю. И Бэббит шутливым тоном сказал Дрю:

— Послушайте-ка, доктор, теперь, когда мы всю эту штуку провернули, не пора ли нашему пастырю сварганить обедик для нас троих?

— Идет! Заметано! Очень рад! — воскликнул Дрю мужественным грубоватым голосом. (Кто-то убедил его, что он разговаривает, как покойный президент Теодор Рузвельт.)

— М-мм... И еще вот что, доктор, непременно постарайтесь, чтобы пришел мистер Иторн. Вредно ему безвыходно сидеть дома.

Иторн явился на обед.

Обед прошел в дружеской атмосфере. Бэббит благожелательно распространялся о том, какое воспитательное и стабилизирующее влияние банкиры оказывают на общество. Они, как он выразился, являются пастырями коммерческой паствы. Иторн впервые отвлекся от воскресных школ и расспросил Бэббита о его делах. Бэббит отвечал скромно, с сыновней почтительностью.

Через несколько месяцев Бэббиту представился случай принять участие в одной важнейшей сделке с Транспортной компанией, и ему не хотелось обращаться за деньгами в свой банк. Сделка была не совсем гласной, и если бы о пей узнали обыватели, они могли бы истолковать это неправильно. Бэббит пошел к своему другу мистеру Иторну, был встречен весьма приветливо и получил заем частным образом. Обоим эти новые взаимоотношения принесли удовольствие и пользу.

После этого Бэббит стал регулярно посещать церковь, кроме весенних воскресных дней, явно предназначенных для автомобильных прогулок. Он так и говорил Теду:

— Запомни, мой мальчик, нет крепче оплота для здорового консерватизма, чем пресвитерианская церковь, и нет лучшего места, чем церковь твоего прихода, для знакомства с людьми, которые могут помочь тебе занять достойное место в обществе.

Хотя Бэббит видел своих детей дважды в день, хотя он до мелочен вникал во все их денежные расходы, он, в сущности, замечал детей не больше, чем пуговики на манжетах пиджака.

На Верону он обратил внимание, когда за ней стал ухаживать Кеннет Эскотт.

Верона работала секретаршей у мистера Грюнсберга, директора кожевенной торговли Грюнсберг и Ко. Работала она добросовестно, с тщательностью человека, который выполняет мелочи, не вникая в суть дела, но вместе с тем она была из тех девушек, которые, кажется, вот-вот выкинут что-нибудь отчаянное — бросят работу или мужа, хотя она была на это совершенно неспособна. Бэббит возлагал такие надежды на робкую страсть Эскотта, что у него появился игриво-отеческий тон. Возвращаясь из клуба, он лукаво заглядывал в гостиную и мурлыкал: «А наш Кенни приходил сегодня?» Он не придавал значения протестам Вероны: «О, мы с Кеном просто хорошие друзья, и разговоры у нас чисто идейные. Не нужна мне вся эта сентиментальная чушь, она только испортит нашу дружбу».

Главным образом Бэббита беспокоил Тед.

Он перешел в последний класс ист-сайдской средней школы, с переэкзаменовками по латыни и по английской литературе, но зато с блестящими успехами по ручному труду, баскетболу и организации танцевальных вечеров. В домашних делах он принимал участие, только когда его просили исправить какие-нибудь неполадки в машине. Он постоянно повторял недовольному отцу, что не желает идти ни в колледж, ни на юридический факультет, и Бэббита эта «неприкаянность» беспокоила не меньше, чем взаимоотношения Теда с соседской дочкой Юнис Литтлфилд.

Несмотря на то, что Юнис была дочерью Говарда Литтлфилда, этого чугунолитейного штамповщика фактов, унылейшего проповедника частной собственности, девочка была веселая, как мотылек в солнечный день. Впорхнув в дом, она прыгала на колени к Бэббиту, когда он читал, мяла его газету, заливалась смехом, когда он уверял ее, что смятая газета для него ненавистней нарушенного

контракта. Юнис недавно исполнилось семнадцать лет. Она мечтала стать киноактрисой. Она не только смотрела все «боевики», но и запоем читала киножурналы, эти своеобразные выразители Века Деляг — еженедельники и ежемесячники с роскошными фотографиями молодых особ, которые еще недавно были маникюршами — и довольно скверными, — да и теперь не могли бы даже участвовать в пасхальном представлении Центральной методистской церкви, если бы каждая их поза не была разучена с режиссером. Журналы эти с необычайной серьезностью печатали «интервью» с приторно красивыми, даже подозрительно красивыми молодыми людьми, и в этих «интервью», разукрашенных фотографиями бриджей для верховой езды и калифорнийских бунгало, молодые люди высказывали свои взгляды на скульптуру и международные отношения; там же излагалось содержание фильмов о невинных проститутках и добрых грабителях и приводились указания, как чистильщику сапог стать за один день знаменитым сценаристом.

Юнис серьезно изучала эти журналы. Она могла точно сказать — и часто говорила, — что именно в декабре 1905 года знаменитый Мэк Харкер, киноковбой и кинозлодей, начал свою сценическую карьеру, выступив в обзрении «Ах ты, гадкая девчонка!». Отец Юнис сказал Бэббиту, что у нее в комнате висит двадцать одна фотография киноактеров. Но портрет самого очаровательного киногероя с автографом она носила на своей девической груди.

Бэббит никак не мог привыкнуть к этому преклонению перед новыми кумирами и, кроме того, подозревал, что Юнис курит сигареты. Бэббит чуял их назойливый липучий запах, слышал хихиканье Юнис, сидевшей с Тедом наверху. Но он ни о чем не спрашивал. Этот милый ребенок совсем сбивал его с толку. Худенькое прелестное личико казалось еще тоньше от мальчишеской стрижки, из-под коротких платьев виднелись подвернутые чулки, а когда она летела за Тедом по лестнице и над прильнувшим к ноге шелком мелькали круглые коленки, Бэббиту становилось не по себе от грустной мысли, что Юнис, наверно, считает его стариком. Иногда, в глубоком сне, когда навстречу ему летела юная волшебница, она принимала облик Юнис Литтлфилд.

Тед был помешан на машинах, как Юнис — на кино.

Несмотря на тысячи оскорбительных отказов, он продолжал настойчиво добиваться собственной машины. И как ни ленив он был, когда дело касалось раннего вставания или просодии Вергилия, в технике он был неутомим. Вместе с тремя другими мальчиками он купил ревматическое шасси от старого фордика, сконструировал невероятный гоночный корпус из жести и фанеры, носился на этой опасной игрушке по всему городу и продал ее с прибылью. Бэббит подарил ему мотоцикл, и по субботам, захватив семь сэндвичей и бутылку кока-колы, он усаживал Юнис на шаткое седло и с грохотом гонял по окрестностям.

Казалось, у них с Юнис были простые товарищеские отношения, и они ссорились, как все здоровые ребята, грубо и без всякого стеснения, но иногда, после танцев, разгоряченные душной близостью, они вдруг притихали, переглядываясь украдкой, и Бэббита это очень беспокоило.

Бэббит был обыкновенным родителем — порой нежным, порой грозным, очень пристрастным, очень невежественным и, в общем, довольно заботливым. Как большинство отцов, он, словно в игре, выжидал, пока жертва не наделает серьезных ошибок, а потом донимал ее добродетельными поучениями. В свое оправдание он только ворчал: «А как быть, если мать так балует Теда? Должен же кто-нибудь ему вдолбить, что к чему, и конечно, я у них — козел отпущения. Изо всех сил стараюсь вырастить из него настоящего, порядочного, сознательного человека, и меня же все ругают ворчуном!»

И все же, при вечной и неизменной человеческой способности добиваться самыми глупыми и нелепыми способами сравнительно терпимых результатов, Бэббит любил сына, радовался его обществу и был бы готов пожертвовать для него всем на свете — если бы только верил, что ему за это будут благодарны.

Тед затеял вечеринку для своих школьных друзей.

Бэббиту тоже хотелось и помочь и повеселиться. Припоминая, чем развлекались в его годы школьники Катобы, он предлагал самые приятные игры: «Море волнуется», шарады с надеванием на голову кастрюлек вместо шлемов или игру в слова, когда каждый выбирает себе «качество или свойство». Он совсем вошел в раж и вдруг заметил,

что его не слушают и не перебивают только из вежливости. А план вечеринки наметили заранее, по трафарету, как любой вечер в клубе Юнион. Сначала — танцы в гостиной, потом — изысканный ужин в столовой, а в холле — два карточных столика для тех, кого Тед назвал «несчастливые тупицы, которых больше чем полвечера не заставишь танцевать».

За каждым завтраком только и разговоров было, что о предстоящей вечеринке. Никто не слушал предсказаний Бэббита насчет погоды в феврале, никто не обращал внимания на выразительное покашливание, которым сопровождались комментарии по поводу газетных заголовков. Он сердился:

— Может быть, разрешите прервать ваши частные разговоры — вы слышали, что я сказал?

— Ах, пожалуйста, не ребячься! Мы с Тедом имеем такое же право разговаривать, как и ты! — вспыхивала миссис Бэббит.

В день вечеринки Бэббиту разрешили смотреть на танцы, когда не нужно было помогать Матильде разносить мороженое от Веккии и печенье. Он был серьезно обеспокоен. Восемь лет назад, когда устраивали вечеринку для школьных друзей Вероны, все ее гости казались ему одинаковыми младенцами. А эти школьники были взрослыми людьми, и к тому же весьма высокомерными. Мальчишки снисходили до Бэббита, все они были во фраках и надменно угощали друг друга сигаретами из серебряных портсигаров. Бэббит слышал, как в Спортивном клубе говорили о том, «что делается» на школьных вечеринках, о девушках, тайком снимающих корсеты в гардеробной, обо всяких «тисканиях» и «вольностях» — словом, о росте так называемой «распущенности». И в этот вечер он всему поверил. Эти дети казались ему удивительно наглыми и хладнокровными. На девочках были платья из дымчатого шифона, кораллового бархата или золотистой парчи, в пышных стриженных локонах — блестящие украшения. После настойчивых и тайных расследований он убедился, что никаких «корсетов» наверху они не прятали, но было ясно, что эти легкие тела ничем не скованы. У всех девочек — тончайшие шелковые чулки, дорогие туфли на неестественно высоких каблуках, покрашенные губы и подведенные брови. Они танцевали щека к щеке с мальчишками, и на душе у Бэббита было нехорошо от подозрений и бессознательной зависти.

Хуже всех вела себя Юнис Литтлфилд, и больше всех бесился Тед. Юнис летала, как чертенок. Она мелькала то тут, то там, поводя стройными плечиками и быстро, как прядильщик челноком, перебирая ловкими ножками, она хохотала без умолку и даже заставила Бэббита танцевать с ней.

Тогда же он обнаружил, чем они дополнительно развлекаются.

Мальчики и девочки то и дело куда-то исчезали, и он вспомнил, что ходят слухи, будто они тайком пьют виски из карманных фляжек. Он на цыпочках вышел из дому и в каждой из десяти машин, стоявших на улице, увидел огоньки сигарет, из каждой доносился возбужденный смех. Ему хотелось накрыть их, но было неловко стоять на снегу, выглядывая из-за темного угла, — и он не решился. Он старался быть тактичным. Вернувшись в дом, он заискивающе сказал мальчикам:

— Слушайте, если вам хочется выпить, там есть неплохое имбирное пиво!

— О-оо, благодарствуйте! — снисходительно цедили они.

Он отыскал жену в буфетной, и тут его прорвало:

— Я готов вышвырнуть этих щенков из дому! Разговаривают со мной, как будто я дворецкий! Я бы их...

— Да, ты прав, — вздохнула миссис Бэббит. — Но все говорят, — по крайней мере, все матери мне говорили, — что если ты начнешь ругать ребят за то, что они прячутся в машины и там выпивают, они больше к нам не придут, а разве приятно, если Теда перестанут принимать в компанию?

Он объявил, что будет в восторге, если Теда перестанут принимать в такую компанию, и тут же побежал подлизываться к гостям, чтобы Теда не перестали принимать в их компанию.

Но он решил — если обнаружится, что мальчики пьют, он... словом, он «так с ними поговорит, что они рты разинут»! И, стараясь быть как можно любезней с широкоплечими молодыми нахалами, он всерьез принюхивался — чем от них пахнет. Дважды он почувствовал запах запретного виски, но в конце концов это было всего лишь дважды...

Тут послышались тяжелые шаги доктора Говарда Литтлфилда.

Он зашел, чтобы покровительственно, по-отцовски, посмотреть на молодежь. Тед танцевал с Юнис, точно слившись в одно тело. Литтлфилд ахнул. Он подозвал Юнис. Он что-то сказал ей шепотом,

она возразила, но Литтлфилд тут же объяснил Бэббиту, что у матери Юнис болит голова и девочке немедленно надо идти домой.

Юнис убежала вся в слезах. Бэббит сердито посмотрел ей вслед:

— Ах ты, дьяволенок! Так подвести Теда! А Литтлфилд, старое трепло, считает себя выше всех, вообразил, что Тед на нее дурно влияет!

Но позже он учуял, что и от Теда пахнет виски.

После того как вежливо проводили гостей, разразился страшнейший скандал, настоящая семейная сцена, бурная и безудержная, как потоп. Бэббит гремел, миссис Бэббит плакала. Тед возражал неубедительно, но вызывающе, а Верона так растерялась, что не знала — на чью сторону стать.

Несколько месяцев подряд между Бэббитами и Литтлфилдами чувствовался холодок, и каждая семья защищала своего ягненка от соседского волчонка. Бэббит и Литтлфилд по-прежнему обменивались внушительными суждениями о машинах и сенате, но ни одним словом не упоминали о детях. Каждый раз, как Юнис появлялась в доме, она доверчиво и весело сообщала, что ей запрещено сюда ходить, и Бэббит безуспешно пытался разговаривать с ней отечески наставительным тоном.

— Елки-палки! — жалобно говорил Тед, сидя с Юнис среди мозаичной роскоши кафе «Ройял» и поглощая огромное количество горячего шоколада, нуги и засахаренных орехов. — Ума не приложу, почему отец нагоняет такую скучищу! По целым вечерам сидит дома, сонный, а стоит мне или Роне попросить его: «Давай пойдем куда-нибудь!» — он даже и слушать не хочет! Только зевает и говорит: «Мне и тут неплохо!» Понятия не имеет, что значит веселиться! Может быть, он умеет думать не хуже нас с тобой, но по нему этого не видно, честное слово! Он только и знает, что свою контору и дурацкий гольф по субботам, и больше ничего — ему бы только сидеть дома по вечерам, никуда не ходить, ничего не делать, — думает, что мы все сумасшедшие, а сам сидит, сидит — о господи!

Если распущенность Теда пугала Бэббита, то Верона давала ему слишком мало поводов для беспокойства. Она была чересчур

добродетельна. Жила она в ограниченном, аккуратном мирке своих мыслей. Вечно они с Кеннетом Эскоттом вертелись под ногами. Когда они сидели дома, их осторожный, хотя и прогрессивный флирт заключался в просматривании длинных статистических таблиц, а если они уходили, то непременно на лекции каких-нибудь писателей, индусских философов или шведских лейтенантов.

— Господи! — жаловался Бэббит жене, когда они возвращались пешком после партии бриджа у Фогарти. — Ума не приложу, почему Рона и ее кавалер нагоняют такую скучищу! Сидят дома по целым вечерам, когда он не на работе, и понятия не имеют, что есть на свете веселье. Только и знают, что говорить, спорить — о боже! Им бы только сидеть и сидеть, из вечера в вечер, никуда не ходить, ничего не делать; думают, что я — сумасшедший, оттого что мне иногда хочется пойти в гости, сыграть в картишки, а они все сидят, сидят — о господи!..

Но в эти дни бедного пловца, который старался выплыть из семейного водоворота, захлестнули новые волны.

Тесть и теща Бэббита — мистер и миссис Генри Т.Томпсон — сдали свой старый дом в районе Бельвю и переехали в отель «Хэттон» — роскошный пансион, полный вдов, красной плюшевой мебели и звона льда в графинах. Они там очень скучали, и вся семья Бэббитов должна была регулярно через воскресенье обедать у них, есть жареных цыплят с увядшим салатом и крахмалистое мороженое, а потом, сидя в зале, вежливо и чопорно слушать, как молодая скрипачка играет немецкие мелодии, попавшие сюда через бродвейские театры.

А тут еще родная мать Бэббита приехала из Катобы на целых три недели.

Она была женщина добрая, но до святости наивная. Она поздравила эмансипированную Верону с тем, что она «такая домоседка, такая смиренная, без всяких этих идей, которыми у современных девушек забита голова». А когда Тед заливал масло в картер, из чистой любви к технике и грязи, она радовалась, что он «такой умелый и так помогает папе по дому, вместо того чтобы гулять с девчонками и разыгрывать светского шалопая».

Бэббит любил мать, иногда ему с ней бывало даже приятно, но его изводило ее «христианское терпение» и бросало в дрожь от рассказов о мифическом герое, именуемом «твой папа».

— Ты все, наверно, позабыл, Джорджи, ты был тогда совсем крошкой — как сейчас помню, какой ты был хорошенький в тот день: весь кудрявый, волосики золотистые, кружевной воротничок, ты всегда был очень чистенький мальчик, правда, немножко хилый, болезненный, и ты так любил красивые вещи, особенно тебе нравились красные помпончики на твоих башмачках, — да, так вот, твой папа ехал с нами в церковь, и вдруг его останавливает какой-то человек и говорит ему: «Майор!» — очень многие соседи звали твоего папу «майор», хотя во время войны он был рядовым, но все знали, что просто его капитан из зависти не давал ему ходу, он должен бы был иметь большой чин, у него был врожденный талант командира, а это так редко случается, — значит, этот человек выходит на дорогу, подымает руку, останавливает нашу бричку и говорит: «Майор, — говорит, — многие из здешних жителей решили поддержать кандидатуру полковника Скеннела в конгресс, и мы хотим, чтобы вы к нам присоединились. У вас в магазине бывает столько народу, вы нам очень можете помочь!»

И тут твой папа только посмотрел на него и сказал: «Ни в коем случае! Мне его политические убеждения не нравятся», — говорит. А этот человек — его называли капитан Смит, один бог знает, на каком основании, потому что он ни малейшего права не имел зваться «капитаном» или как-нибудь еще! — и этот «капитан» Смит заявляет: «Вам плохо придется, если вы не поддержите своих друзей, майор!» Но ты знаешь, что за человек был твой папа, и этот Смит тоже знал, он знал, что твой папа — настоящий мужчина и, кроме того, понимает всю политику насквозь, и этому Смиту надо бы сообразить, что на такого человека повлиять невозможно, но он все говорил, и угрожал, и пытался уговорить твоего папу, и тогда твой папа вдруг сказал: «Капитан Смит, — сказал он, — в наших краях я известен всем как человек, который сам отлично понимает, что ему делать, так что попрошу вас в мои дела не вмешиваться!» — и тут же поехал прочь, а этот Смит остался торчать посреди дороги, как сучок на бревне!

Но особенно Бэббит расстраивался, когда мать рассказывала его детям, каким он был в детстве. По ее словам, он «обожал постный

сахар», носил «чудный розовый бантик в локончиках» и вместо «Джорджи» называл себя «Зези». Бэббит слышал, вернее, тайком подслушал, как Тед строго выговаривал Тинке:

— Скорее, детка! Завяжи себе локончики розовым бантиком и беги завтракать, не то «Зези» тебе голову откусит!

Потом из Катобы приехал на два дня сводный брат Бэббита Мартин с женой и младшим ребенком. Мартин разводил коров и содержал плохонькую лавку. Он гордился тем, что он свободный и независимый американец, настоящий янки доброй старой породы, гордился тем, что он честен, откровенен, некрасив и грубоват. Любимая его фраза была: «Сколько ты за это заплатил?» Он считал, что книжки Вероны, серебряный карандаш Бэббита, цветы на столе — все это городские штучки, зряшные траты, и прямо так и говорил. Бэббит не ссорился с ним только ради его долговязой супруги и младенца, с которым Бэббит играл, тыча в него пальцем и приговаривая: «Ах ты, бродяга, вот ты кто, да, сэр, бродяга, видали бродягу? Да, сэр, да, вот он кто, бродяга; да, да, да, просто бродяжка, старый бродяга, вот он кто — старый бродяга!»

А между тем Верона и Кеннет Эскотт без конца изучали эпистемиологию, Тед, впавши в немилость, бунтовал, и даже одиннадцатилетняя Тинка требовала, чтобы ее пускали в кино три раза в неделю, «как всех девочек».

Бэббит рвал и метал:

— Надоело мне все! Три поколения содержу! Все сидят на моей шее! Матери посылай, старого Томпсона слушай, ворчание Майры слушай, Мартину слова поперек не скажи, да еще обзывают старым ворчуном за то, что хочу помочь детям! Все от меня зависят, и все меня же ругают, нет того, чтобы хоть кто-нибудь поблагодарил! Ни помощи, ни поддержки, ни благодарности! Господи, сколько же мне еще тянуть эту лямку?

Он был рад, когда в феврале вдруг заболел. Он был в восторге, видя, как они все перепугались, что он, их оплот, вдруг пошатнулся.

Заболел он от несвежих устриц. Два дня он лежал томный, капризный, придирчивый. Ему все было позволено, и даже когда он рычал: «Оставьте меня в покое!» — ему и это сходило с рук. Лежа на закрытой веранде, он смотрел, как зимнее солнце скользит по туго натянутым шторам, превращая их грубый сероватый цвет в нежно-

розовый. Тень от шнура лежала черной полосой на колышущейся парусине. Ему нравилось следить, как она колышется, и он вздохнул, когда погасли последние лучи заката. Он думал о жизни, и ему было немного грустно. Оттого что тут не было никаких Верджилов Гэнчей, перед которыми приходилось делать решительно-оптимистическое лицо, он сам себе признался, что жизнь у него идет как заводная. В конторе как заводной, продаешь скверные дома, в церкви как заводной, слушаешь сухие, скучные проповеди, оторванные от настоящей жизни, от улицы, и вся его религия — жесткая, сухая, нечеловечески респектабельная, словно шелковый цилиндр. Как заводной, играешь в гольф, ходишь в гости обедать, садишься за бридж, разговариваешь. Кроме Поля Рислинга, со всеми даже дружишь, как заводной, — одинаково хлопаешь всех по плечу, одинаково шутишь, никогда не решаешься испытать дружбу молчанием.

Он беспокойно ворочался в постели.

Он видел, как идут годы, как проходят в пустом притворстве ясные зимние дни и теплые летние вечера, когда надо бы лежать на лесной лужайке. Он думал о телефонных звонках, о том, как приходится уговаривать ненавистных ему клиентов или ходить по делам, ожидать в грязных приемных со шляпой на коленях и зевать в кулак, разглядывая засиженные мухами календари и вежливо разговаривая с клерками.

«Как не хочется идти в контору! — тоскливо думал он. — Мне бы сейчас... Мне бы... сам не знаю, чего мне нужно!»

Но на следующий день он уже был на работе, деловитый, хотя и в очень плохом настроении.

19

Зенитская Компания городского транспорта собиралась выстроить вагоноремонтные мастерские в предместье Дорчестер, но когда дело дошло до покупки земли, выяснилось, что право продажи закреплено за фирмой «Бэббит — Томпсон». Агент по закупке участков, вице-президент и даже сам президент Транспортной компании, возражали против цен, назначенных фирмой Бэббита. Они говорили о своем долге перед акционерами, грозили обратиться в суд, хотя в суд они так и не обратились, и сочли за благо сговориться с Бэббитом. Копии всех их писем хранятся в архивах Компании, где их может проверить любая общественная комиссия.

После этой сделки Бэббит положил на свой текущий счет три тысячи долларов, агент Транспортной компании по закупке участков приобрел машину за пять тысяч, вице-президент Компании выстроил виллу в Девонском лесу, а президент был назначен послом в одно из иностранных государств.

Бэббиту стоило большого труда закрепить за собой право на продажу и откупить участок одного владельца так, чтобы об этом не знал его сосед. Пришлось пустить слухи о постройке гаражей и магазинов, делать вид, что больше он участков на комиссию не берет, или со скучающим видом, как при игре в покер, выжидать, когда не удавалось заполучить нужный участок, что грозило сорвать все планы. Ко всему прочему его изводили ссоры с тайными сообщниками. Те хотели, чтобы Бэббит и Томпсон участвовали в сделке только как маклеры. Бэббит с этим почти соглашался: «Существует деловая этика — посредник должен только представлять своих клиентов и ни в коем случае в покупке сам не участвовать», — объяснял он Томпсону.

— Пес с ней, с этикой! Думаешь, я буду смотреть, как эти ханжи и хапуги загибают деньги, и сидеть сложа ручки? — рычал старый Генри.

— Не нравятся мне эти махинации. Один другого хочет перехитрить.

— Не один другого, а двое — третьего! Мы публику перехитрили. Ну, ладно, отвели душу, поговорили об этике, теперь надо решить, где

бы нам взять ссуду, чтобы и самим втихомолку закупить кое-какие участки. В наш банк за этим не сунешься. Может выплыть наружу.

— Пожалуй, повидаяю старика Иторна. Он — могила.

— Вот это дело!

Иторн с удовольствием, как он сказал, «поддержал достойного человека» и дал ссуду Бэббиту, не занося ее в банковские гроссбухи. Таким образом, часть комиссионных Бэббит и Томпсон получили за участки, которыми они владели сами, хотя и под чужим именем.

И в ходе этой блестящей сделки, которая поддерживала коммерцию и повышала доверие публики к процветающей фирме по продаже недвижимого имущества, Бэббит с ужасом обнаружил, что один из его служащих — нечестный человек.

Нечестным оказался Стэнли Грэф, разъездной агент.

Бэббита уже давно беспокоил этот Грэф. Он то и дело нарушал слово, данное съемщикам квартир. Часто, сдавая дом, он обещал, что будет сделан ремонт, не имея на то согласия домохозяина. Появилось подозрение, что он поддельывает инвентарные списки меблированных домов так, что съемщик, выезжая из дома, должен платить за предметы, которых никогда и в помине не было, и эти деньги Граф кладет себе в карман. Бэббит никак не мог доказать справедливость этих подозрений, и хотя он почти решил уволить Грэфа, но все руки не доходили.

И вдруг как-то в кабинет Бэббита ворвался красный от волнения человек и, задыхаясь, крикнул:

— Слушайте! Если вы не уволите этого типа, я такой скандал устрою, что небу станет жарко!

— Да что такое... Не волнуйтесь, дружище! Что случилось?

— Что? Фу-уу! Да я... да я...

— Сядьте, успокойтесь! Вас по всему зданию слышно!

— Я снял дом через этого вашего Грэфа. Вчера я пошел, подписал контракт, все как следует, ему только оставалось дать контракт владельцу на подпись и выслать мне по почте. Он и выслал. А сегодня утром Спускаюсь я к завтраку, а прислуга говорит — приходил какой-то человек, сразу после почтальона, и попросил отдать конверт — послал, говорит, сюда по ошибке, большой такой, длинный конверт и в углу — марка фирмы: «Бэббит — Томпсон». Конверт, конечно, пришел, она и отдала его. Описала она мне этого малого, я сразу понял

— ваш Грэф! Звоню ему, а он, дурак, прямо так и сознался! Говорит, что получил подпись хозяина дома, выслал контракт, а тут ему сделали более выгодное предложение, и он забрал у меня контракт. Что вы на это скажете?

— Ваша фамилия?

— Уильям Варни — У.-К.Варни.

— Помню, помню. Дом Гаррисона. — Бэббит нажал звонок. Когда мисс Мак-Гаун вошла, он спросил:

— Грэф здесь?

— Нет, сэр.

— Пожалуйста, посмотрите у него в столе — есть ли там контракт на имя мистера Варни, дом Гаррисона? — И, обращаясь к Варни, добавил: — Не знаю, как у вас просить прощения. Само собой понятно, я уволю Грэфа, как только он появится. И, конечно, ваш контракт действителен. Но мне хотелось бы сделать для вас еще кое-что. Я попрошу владельца дома не платить нам комиссионные, а взять их в счет вашей квартирной платы. Нет! Нет! Я настаиваю! Откровенно говоря, меня эта история просто потрясла! Я сам человек практический, деловой. Бывало, конечно, что я тоже в свое время мог, при случае, пофантазировать, если надо было прошибить какого-нибудь тупоголового клиента. Но я впервые слышу, что кто-то из моих служащих поступил нечестно! У нас в конторе этого не бывало, даже марки и то редко пропадали! Честное слово, мне будет неприятно извлечь из этого хоть какую-то выгоду! Значит, вы разрешите комиссионные вручить вам? Отлично!

Он прошелся по февральским улицам, где грузовики подымали фонтаны грязи, а небо мрачно висело над мрачными кирпичными зданиями. В контору он вернулся в ужасном настроении. Ему ли, столь уважавшему закон, пристало скрывать государственные преступления — перехват почты? Но не мог же он допустить, чтобы Грэфа посадили в тюрьму и жена его пострадала. И что хуже всего — теперь ему надо уволить Грэфа, а в своих деловых отношениях он больше всего боялся именно этой процедуры. Он так хорошо относился к людям, так хотел, чтобы и к нему относились хорошо, что не мог вынести, когда приходилось кого-то обижать.

Мисс Мак-Гаун возбужденно влетела в кабинет, предчувствуя скандал:

— Пришел!

— Мистер Грэф пришел? Попросите его ко мне!

Бэббит тяжело развалился в кресле, стараясь казаться как можно спокойнее и придать своему взгляду равнодушное выражение.

Грэф вошел — франтоватый человек лет тридцати пяти, в очках, с фатовскими усиками.

— Звали? — спросил Грэф.

— Да. Садитесь!

Но Грэф не сел и сердито заговорил:

— Наверно, этот старый псих, Варни, приходил жаловаться. Я вам все объясню. Скупердяй он, каких свет не видал, над каждым центом трясется, он мне фактически наврал, что может платить такую сумму, и я только потом все узнал, уже когда подписали контракт. А тут нашелся другой, предложил взять дом на более выгодных условиях, я и решил, что мой долг по отношению к фирме развязаться с Варни, и я так беспокоился, что пролез к ним в дом и забрал контракт. Честное слово, мистер Бэббит, никакого жульничества тут не было, хотелось, чтобы фирма получила комиссионные...

— Погодите, Стэн! Может быть, все это и правда, но мне на вас не в первый раз жалуются. Может быть, вы ничего плохого и не замыслили, и я думаю, что этот урок заставит вас одуматься, и из вас еще выйдет отличный агент по недвижимости. Но я не представляю, как я могу оставить вас у себя.

Грэф прислонился к картотеке, засунул руки в карманы и расхохотался.

— Значит, увольняете! Эх вы, с вашими Идеалами и Прозорливостью! Интересно получается! Только не думайте, что вам удастся и дальше разыгрывать святошу! Конечно, бывало, что и сплутуешь — не так чтобы очень, — но разве тут у вас в конторе без этого можно?

— Да как вы смеете, молодой человек!

— Тише, тише! Воли себе не давайте и орать не надо, не то там, в конторе, вас услышат! Они небось и так подслушивают! Да, Бэббит, друг мой драгоценный, во-первых, вы сами — старый плут, а во-вторых, скряга, каких мало. Платили бы вы мне приличное жалованье,

я бы не стал воровать у слепого последний грош, чтобы жена не голодала. Мы всего-то пять месяцев как женаты, и жена у меня — дай бог каждому, а вы нас держите впроголодь, старый вор, будьте вы прокляты, все только деньги копите для вашего безмозглого сынка и дуры дочки! Нет, молчите! Выслушайте все, не то такой крик подыму, что вся контора услышит, ей-богу! Да, вы сами плут! Черт, если бы рассказать прокурору все, что я знаю про последнее мошенничество с Транспортной компанией, мы бы с вами оба сели в тюрьму, вместе со всеми святыми и безгрешными законами из этой самой Компании!

— Слушайте, Стэн, мы, кажется, переходим на личности. Ничего в этой сделке такого... ничего в ней нечестного не было. Никакого прогресса мы не добьемся, если делами не будут воровать крупные дельцы, а их надо как-то вознаградить за это...

— О черт, да не разыгрывайте вы передо мною святую невинность! Выгнали меня! Ладно. Мне это на пользу. Но если вы на меня насплетничаете другим фирмам, я развоню все, что знаю — и про вас, и про Генри Т., и про все ваши грязные подхалимские махинации! Про все, что вы, деловые заправилы, вытворяете в пользу более крупных и более умных жуликов, и вас обоих выгонят из города! А я... да, Бэббит, вы правы, я жульничал, но теперь я пойду по честному пути и первым делом поступлю в контору, где хозяин не болтает об Идеалах. Тем хуже для вас, дорогой мой, и катитесь вы со своей конторой... сами знаете куда!

Бэббит долго не мог успокоиться: то он вспыхивал: «Я его засажу в тюрьму!» — то в тоске думал: «Неужели... нет, не может быть, я делал только то, что двигает Прогресс и Процветание!»

На следующий же день он нанял на место Грэфа Фрица Вейлингера, агента своих злейших соперников, «Восточной компании по застройке и аренде участков», и тем самым одновременно насолил своему конкуренту и приобрел отличного работника. Фриц был кудряв, молод, жизнерадостен, отлично играл в теннис. Клиенты охотно имели с ним дело. Бэббит относился к нему, как к родному сыпу, и находил в нем настоящее утешение.

На окраине Чикаго продавался с аукциона заброшенный ипподром — отличное место для постройки завода, и Джек Оффат попросил

Бэббита обделать для него это дельце. Бэббит так переволновался во время сделок с Транспортной компанией и так огорчился из-за Стэнли Грэфа, что ему трудно было сосредоточиться, сидя в конторе. Он заявил своему семейству:

— Слушайте, друзья! Угадайте, кто поскачет в Чикаго на денек-другой — точнее, на конец недели, чтобы не пропускать школу, — угадайте, кто поедет со знаменитым представителем деловых кругов Джорджем Ф.Бэббитом? Сам мистер Теодор Рузвельт Бэббит!

— Уррра! — закричал Тед. — Ну, держись, Чикаго-городок! Зададут там жару господу Бэббиты!

Вдали от привычной домашней обстановки они держались как равные, как мужчина с мужчиной. Молодость Теда проявлялась только в его желании непременно казаться старше, а единственное, в чем Бэббит проявил себя более зрелым и опытным человеком, были тонкости торговли недвижимостью и политические взгляды. Когда все остальные мудрецы ушли из курительного отделения пульмановского вагона и отец с сыном остались вдвоем, Бэббит, не переходя на тот игривый и, в общем, оскорбительный тон, каким обычно разговаривают с детьми, продолжал разговор гудящим внушительным голосом, каким говорил с чужими, и Тед пытался подделывать под него свой звонкий тенорок:

— А здорово ты, папа, обрезал этого болвана, когда он расхамился насчет Лиги наций!

— Беда, что они сами не понимают, о чем речь, а туда же, берутся судить... Фактов не признают... Скажи, какого мы мнения о Кене Эскотте?

— Я тебе вот что скажу, папа: по-моему, Кен — славный парень, ничего в нем плохого нет, вот только курит как паровоз. Но канительщик он, не дай бог! Честное слово, если его не подтолкнуть, он никогда в жизни не раскачается, не сделает предложения Роне. Да и она такая же. Канительщица.

— Верно, верно. Оба они тянут канитель. Нет у них нашей с тобой хватки.

— Правильно. Канительщики они оба. Клянусь честью, отец, не понимаю, откуда в нашей семье взялась такая мямля, как Рона. Ты сам наверняка был не таким уж праведником, ручаюсь!

— Да, мямлей я никогда не был!

— Я думаю! Наверно, знал, что к чему.

— Конечно, когда доводилось ухаживать за барышнями, я им не все время рассказывал про забастовки в вязальных цехах.

Оба захохотали, оба закурили сигары.

— Так что же нам с ними делать? — спросил Бэббит.

— Сам не знаю, черт подери! Клянусь, мне иногда хочется отвести Кена в сторонку, тряхнуть его как следует и сказать: «Слушай, друг сердечный, женишься ты на моей сестрице или просто заговоришь ее до смерти? Тебе скоро тридцать стукнет, а ты до сих пор зарабатываешь не то двадцать, не то двадцать пять монет в неделю. Когда ты наконец возьмешься за ум и добьешься прибавки? Если Джордж Ф. или я можем тебе чем-нибудь помочь, так и скажи, только не канителься ты, бога ради!»

— Что ж, может быть, и неплохо бы тебе или мне с ним поговорить, только боюсь, не поймет он нас. Он из этих, из высоколобых. Не умеет смотреть в корень, выкладывает карты на стол и говорить напрямик, как мы с тобой.

— Верно, верно, все они такие, эти высоколобые.

— Правильно, и он такой, как все.

— Факт!

Оба вздохнули и замолчали, счастливые и довольные.

Вошел проводник. Он как-то заходил в контору Бэббита насчет аренды дома.

— Здравствуйте, мистер Бэббит! Едете с нами до самого Чикаго? Ваш паренек?

— Да, это мой сын, Тед.

— Скажите на милость! А я-то был уверен, что вы еще совсем молодой, сорока нет, и вдруг — такой сынище!

— Что ты, братец, как это — сорока нет. Да мне уже все сорок пять стукнуло!

— Неужели? Никогда бы не подумал!

— Да, сударь мой, сразу видно, что ты — старик, когда с тобой такой вот молодец!

— Верно! — Проводник обратился к Теду: — Вы, наверно, уже в университете?

Тед, гордо:

— Нет, поступлю не раньше осени. Пока что выбираю — какой колледж лучше!

Проводник пошел дальше, заботливо оглядывая пассажиров и позвякивая огромной цепочкой для часов, болтавшейся на его синей тужурке, а Бэббит и Тед всерьез заговорили о колледжах.

В Чикаго они приехали поздно вечером и утром долго лежали в постели, радуясь: «А хорошо, что не надо вставать и торопиться к завтраку!» Остановились они в скромном отеле «Иден», потому что дельцы из Зенита всегда останавливались в «Идене», но зато обедали в золотом и хрустальном зале ресторана «Версаль», при отеле «Принц-регент». Бэббит заказал устрицы с Блю-Пойнта под винным соусом, гигантский бифштекс с гигантской порцией жареного картофеля, две чашки кофе, яблочный торт с мороженым для обоих и порцию сладкого пирога специально для Теда.

— Вот это харч! Да, братец, поели! — восхищенно сказал Тед.

— Еще бы! Ты только держись за меня, старичина, не прогадаешь!

Они пошли в музыкальную комедию и подталкивали друг друга локтем при особо рискованных шутках насчет жен и сухого закона. Рука об руку они гуляли по фойе в антрактах, и Тед, радуясь, что исчезло стеснение, которое так отчуждает отцов и сыновей, сказал, посмеиваясь?

— Папа, слышал анекдот про трех модисточек и судью?

Но на другой день Тед уехал в Зенит, и Бэббита охватило одиночество. Так как ему приходилось налаживать сотрудничество между Джеком Оффатом и некими посредниками в Милуоки, которые тоже были заинтересованы в покупке ипподрома, он все время ждал телефонных звонков.

Он подолгу сидел на краю кровати, держа на коленях переносный аппарат, и устало повторял: «Мистер Сеген пришел? А он не просил мне что-нибудь передать? Хорошо, я жду». В ожидании он рассматривал пятно на стенке, в двадцатый раз с тоской замечая, что оно похоже на башмак. Потом закуривал сигарету и, не смея отойти от телефона, сидел без пепельницы, размышлял, куда девать горящий окурок, и боясь, как бы что-нибудь не загорелось, пытался зашвырнуть его на кафельный пол ванной. Наконец зазвонил телефон. «Ничего? Хорошо, я позвоню еще раз».

Однажды днем он забрел на заснеженные улицы, о которых никогда раньше и не слышал, на улицы, застроенные небольшими зданиями, двухквартирными домами и заброшенными особнячками. И вдруг он понял, что ему нечего делать, что ему ничего и не хочется делать. Одиночество давило его и вечером, когда он обедал один в отеле «Принц-регент». Потом он сидел в холле, на плюшевом кресле с вытканым гербом принцев Саксен-Кобургских, закуривая сигару и глазами отыскивая кого-нибудь, кто развеселил бы его, помог уйти от унылых мыслей. В соседнем кресле (уже с литовским гербом) сидел какой-то смутно знакомый человек, толстый, краснолицый, с глазами навывкате и жидкими желтыми усами. С виду он был человек добрый, смиренный и такой же одинокий, как Бэббит. На нем был твидовый костюм и отвратительный оранжевый галстук.

И вдруг Бэббита точно динамитом подбросило. Меланхолический незнакомец — сам сэр Джеральд Доук!

Бэббит невольно вскочил с места, забормотал:

— Здравствуйте, сэр Джеральд! Помните, мы встречались в Зените, нас познакомил Чарли Мак-Келви? Бэббит моя фамилия, — недвижимое имущество.

— Оу! Как поживаете? — И сэр Джеральд вяло пожал ему руку.

Бэббит стоял смущенный, не зная, как бы ему ретироваться, и бормотал:

— Вы, должно быть, отлично попутешествовали после нашего Зенита.

— М-да. Британская Колумбия, Калифорния, везде, — сказал тот вяло, глядя на Бэббита тусклыми глазами.

— Как деловая жизнь в Британской Колумбии? Впрочем, вы, вероятно, этим не интересовались. Больше по части спорта, природы и все такое?

— Природы? О, природа великолепная! Но дела... Знаете, мистер Бэббит, там почти такая же безработица, как у нас. — Сэр Джеральд несколько оживился.

— Вот как? Значит, дела там неважные?

— Да, дела там много хуже, чем я предполагал.

— Скверно, а?

— Да-а, можно сказать, скверно.

— Жаль, черт побери. Ну-с... вы, вероятно, кого-нибудь ждете, собираетесь пойти на какое-нибудь пиршество?

— Пиршество? Ах, да, пиршество... Нет, по правде сказать, я сидел и думал — какого черта я сегодня буду делать весь вечер? Ни души знакомых в Тшикаго. Скажите, вы случайно не знаете — есть в этом городе хороший театр?

— Хороший театр? О да, у них тут великолепная опера! Я уверен, вам понравится!

— Как? Как вы сказали? О, я был в опере, в Лондоне. В Ковент-Гардене как будто! Ужас! Нет, я спрашиваю, нет ли здесь хороших кинотеатров — кино!

Бэббит сразу сел, пододвинул свое кресло к сэру Джеральду.

— Кино? — крикнул он. — Слушайте, сэр Джеральд, я-то думал, что вас ждет целый выводок дам, чтобы потащить вас на какое-нибудь суарэ... [\[16\]](#)

— Упаси бог!

— ...но если вас никто не ждет, давайте-ка вместе сходим в киношку! В «Грентеме» идет фильм — пальчики оближешь! Билл Харт в роли бандита!

— Превосходно! Погодите, я возьму пальто!

Раздувшись от собственного величия, слегка побаиваясь, как бы благородный отпрыск ноттингемских лордов не бросил его на ближайшем перекрестке, Бэббит торжественно привел сэра Джеральда Доука в кинодворец и в молчаливом блаженстве уселся рядом с ним, стараясь не слишком проявлять свой восторг по поводу картины, чтобы знатный рыцарь, чего доброго, не начал презирать его за восхищение шестизарядными револьверами и наездниками. Но под конец сэр Джеральд пробормотал:

— Отличный фильм, честное слово! Очень мило, что вы взяли меня с собой. Давно так не веселился. Все эти хозяйки там, где я гостил, ни разу меня не пустили в кино!

— Да что вы мне заливаете! — Бэббит уже говорил своим прежним, естественным и добродушным тоном: куда девалась вся утонченность произношения, весь английский выговор, которому он старался подражать! — Ей-богу, я до чертиков рад, что вам нравится, сэр Джеральд!

Они пробрались мимо коленок толстых дам к выходу и долго махали руками в гардеробной, помогая друг другу надеть пальто. Бэббит нерешительно спросил:

— А не закусить ли нам немножко! Я знаю местечко, где подают великолепное рагу, может, удастся раздобыть рюмку-другую, — конечно, если вы это дело потребляете!

— Еще бы! Но не лучше ли нам подняться ко мне в номер? У меня есть виски — очень недурная марка!

— Ну, зачем же я буду вас грабить! Спасибо большое, но вам, вероятно, пора спать?

Но сэра Джеральда словно подменили. Он умоляюще пробасил:

— Слушайте, как вам не совестно! Я так давно не проводил вечер по-хорошему! Вечно эти танцы! Даже не поговоришь о делах, о всяком таком. Будьте другом, пойдите ко мне! Согласны?

— Я-то?! Еще бы! Я только подумал... но, честное благородное, надо же человеку посидеть спокойно, поговорить о делах после того, как он столько ходил на всякие эти балы, маскарады, банкеты, на все эти светские приемы! Я это по себе чувствую у нас, в Зените. Нет, я буду рад зайти к вам!

— О, как это мило с вашей стороны!

Всю дорогу они сияли.

— Слушайте, старина, вы мне не можете объяснить: неужто во всех американских городах такая лихорадочная жизнь? Везде эти роскошные вечера и прочее...

— Да ну, бросьте шутить! Вы-то, с вашими придворными балами, с приемами...

— Да что вы, старина! Мы с хозяйкой... я хотел сказать, с леди Доук, обычно играем партию в безик и ложимся спать в десять часов. Клянусь честью, я бы долго не выдержал эту вашу светскую суету! А эти разговоры! Ваши американские дамы столько знают — про культуру и всякое такое. Эта миссис Мак-Келви — ваша приятельница...

— А, да, наша Люсиль! Славная девочка!

— ...так она меня спрашивает, какая галерея во Флоренции — или, кажется, она сказала «в Фиренце»? — мне понравилась больше всего. А я никогда в жизни не был в Италии! И еще — «примитивы». Люблю

ли я «примитивы»? Вы-то знаете, что эта за чертовщина такая — «примитивы»?

— Я? Понятия не имею! Зато я знаю, что такое кредит и дебет!

— Верно! И я тоже, клянусь честью! Но примитивы!

— Го-го!.. Примитивы!

И они захохотали, совсем как на завтраке в клубе Толкачей.

Сэр Джеральд занимал точно такой же номер, как и Джордж Ф.Бэббит, только его английские чемоданы были добротнее и тяжелее. И точно так же, как делал это мистер Бэббит, он вытащил огромную бутылку виски и, гордясь своим гостеприимством, радушно проворчал:

— Скажите, когда хватит, старина!

После третьего стакана сэр Джеральд провозгласил:

— Но почему вы, янки, вообразили, что эта писательская братия, вроде Бертрана Шоу и этого, как его, Уэллса, представляет наш народ? Настоящая деловая Англия, то есть мы все — мы все, — мы считаем их просто перебежчиками. Конечно, и у вас, и у нас есть эта смешная старая аристократия — знаете, старинные семьи, с их поместьями, охотой и всякой такой штукой, и у нас есть профсоюзные лидеры, но и у нас, и у вас есть крепкий костяк — деловые люди, которые всем заправляют!

— Верно сказано! За здоровье настоящих людей!

— Согласен! За наше здоровье!

После четвертого стакана сэр Джеральд робко спросил:

— Как ваше мнение о закладных по Северной Дакоте? — но только после пятого Бэббит стал называть его «Джерри» и сэр Джеральд без всяких обиняков спросил: «Не возражаете, если я сниму башмаки?» — и с наслаждением вытянул свои титулованные ноги, свои бедные, усталые, натертые и распухшие ноги, на кровати.

После шестого стакана Бэббит, пошатываясь, встал:

— Ну, мне пора и восвояси. Джерри, вы — настоящий друг! И какого дьявола мы с вами не познакомились поближе в Зените! Слушайте-ка! А вы не можете вернуться, погостить у меня хоть немного?

— Мне так жаль, но нельзя! Завтра надо ехать в Нью-Йорк. Ужасно досадно, старина! Ни разу за все пребывание у вас в Штатах я так приятно не проводил вечер. И разговор настоящий. Не то что вся эта светская чепуха. Да я бы отказался от этого дурацкого титула, если б

знал, что придется болтать с женщинами про поло и примитивы. Хотя получить титул в Ноттингеме — хорошая штука. Мэр наш из себя выходит, ну а моей хозяйке, конечно, приятно! Но меня уж никто теперь не зовет «Джерри»... — он чуть не прослезился, — а тут в Штатах никто до сегодняшнего вечера мне не был таким другом, как вы! До свидания, старина, до свидания! Благодарю вас за все! За все!

— Бросьте, Джерри! И не забывайте: когда бы вы ни приехали в Зенит — двери у нас нараспашку!

— А вы, старина, не забывайте, если попадете в Ноттингем, мы с женой будем от всего сердца рады вам. Непременно расскажу всем приятелям в Ноттингеме о ваших мыслях насчет Прозорливости и Настоящего Человека на следующем же завтраке в Ротарианском клубе.

Утром Бэббит долго лежал в постели, представляя себе, как его спросят в зенитском Спортивном клубе: «Ну, как провел время в Чикаго?» — и он ответит; «Неплохо, много бывал с сэром Джеральдом Доуком», — или воображал, что он встретит Люсиль Мак-Келви и начнет выговаривать ей: «Вообще-то вы ничего, миссис Мак, только не напускайте на себя эту интеллигентскую блажь. Мне Джеральд Доук так и говорил в Чикаго, да, Джерри — мой старый приятель, мы с женой собираемся в будущем году съездить в Англию, погостить в замке у Джерри, — значит, он мне говорил: „Джорджи, старина, нравится мне Люсиль, это верно, но мы с вами, Джорджи, должны отучить ее выкидывать всякие такие штучки!“

Но в тот же вечер случилось одно происшествие, которое отравило всю его радость.

У табачного киоска отеля «Принц-регент» Бэббит познакомился с комиссионером по продаже роялей, и они вместе пошли обедать. Бэббит был в превосходнейшем, благодушнейшем настроении. Он наслаждался роскошью ресторана: хрустальными канделябрами, парчовыми занавесями, портретами французских королей на золоченых дубовых панелях. Он наслаждался видом обедающих: столько хорошеньких женщин, столько славных, солидных мужчин, «широко» тратящих деньги.

И вдруг он обомлел. Он взгляделся, отвернулся, потом снова стая вглядываться. За три столика от него с женщиной весьма сомнительного вида, кокетливой и вместе с тем потрепанной, сидел Поль Рислинг — а все считали, что Поль уехал в Экрон продавать толь. Женщина гладила его руку, строила ему глазки и хихикала. Бэббит почувствовал, что попал в запутанную и нехорошую историю. Поль говорил горячо и торопливо, с видом человека, который жалуется на свои невзгоды. Он не сводил глаз с увядшего лица женщины. Один раз он сжал ей руку, а потом, не обращая внимания на посетителей ресторана, вытянул губы, трубочкой, как будто собрался ее поцеловать. Бэббиту так хотелось заговорить с Полем, что он чувствовал, как все его мышцы напрягаются, даже плечи дрожат, но он в отчаянии подумал, что тут нужен дипломатический подход, и, лишь увидев, что Поль платит по счету, бросил своему соседу: «Ого, там мой приятель — простите, я на минутку, — только поздороваюсь с ним!»

Он тронул Поля за плечо и крикнул:

— Когда же это ты явился?

Поль сердито взглянул на Бэббита, и лицо его потемнело.

— А, здорово, Джордж, я думал, ты уже уехал в Зенит. — Со своей спутницей он его не познакомил. Бэббит покосился на нее — довольно хорошенькая, пухлая и кокетливая особа лет сорока двух — сорока трех, в ужасающей шляпке с цветами. Она была густо и неумело нарумянена.

— Где остановился, Полибус?

Женщина отвернулась, зевнула и стала разглядывать свои ногти. Очевидно, она привыкла, что ее не знакомят с друзьями.

— Отель «Кэмбл», Южная сторона, — проворчал Поль.

— Один? — В вопросе слышался намек.

— Да! К сожалению! — Поль резко обернулся к своей даме и с нежностью, от которой Бэббиту стало тошно, проговорил: — Мэй! Разрешите вас познакомить! Миссис Арнольд, это мой старый... м-мм... знакомый, Джордж Бэббит.

— Очень рад! — буркнул Бэббит, когда она заворковала:

— Ах, я так счастлива познакомиться с приятелем мистера Рислинга!

Бэббит не отставал:

— Будешь у себя попозже вечером, Польш? Я заеду к тебе, надо повидаться.

— Нет, лучше... давай лучше позавтракаем вместе!

— Хорошо, но сегодня вечером я к тебе зайду, Польш! Приду в гостиницу и подожду тебя!

20

Он долго сидел и курил с продавцом роялей, ему не хотелось расставаться с теплым уютom дружеской болтовни и наконец подумать о Поле. Но чем приветливей он был с виду, тем беспокойней у него становилось на душе, тем острее он ощущал внутреннюю пустоту. Он был уверен, что Поль приехал в Чикаго без ведома Зиллы и занимается довольно опасными и не слишком нравственными делами. И когда его собеседник, зевнув, сказал, что ему надо заполнить какие-то бланки, Бэббит попрощался и вышел из отеля, внешне спокойный и беззаботный. Но в такси он сердито бросил водителю: «Отель „Кэмбл“. Ему было неудобно на скользком сиденье, в прохладной полутьме, пахнувшей пылью, духами и турецкими сигаретами. В волнении он не заметил ни заснеженного берега озера, ни темных перекрестков и ярко освещенных улиц незнакомой части города, к югу от Лупа.

В холле отеля все было бездушное, резкое, новое, и ночной портье — в особенности.

— Ну? — спросил он Бэббита.

— Мистер Поль Рислинг остановился у вас?

— Угу.

— Он у себя?

— Нет.

— Тогда дайте мне, пожалуйста, его ключ, я подожду.

— Нельзя, приятель. Ждите здесь, если угодно.

До сих пор Бэббит говорил вежливо, как все «порядочные люди» разговаривают с портье в отеле. Но тут он заговорил отрывисто, с угрозой в голосе:

— Мне, может быть, придется долго ждать. Я зять Рислинга. Я подожду у него в номере. Похож я на вора?

Говорил он негромко, но в голосе звучало раздражение. С явной торопливостью портье подал ключ, оправдываясь:

— Да разве я говорю, что вы похожи на вора? У нас правило такое. Но если вам угодно...

По дороге к лифту Бэббит недоумевал — зачем он сюда пришел? Почему бы Полю не пообедать с респектабельной замужней дамой? Зачем он наврал, будто он зять Поля? Какое ребячество! Надо быть сдержанней, не наговорить бы Полю высокопарных глупостей. Он уселся в кресло, стараясь казаться важным и спокойным. И вдруг подумал — самоубийство! Вот чего он боялся, сам того не подозревая. Именно такой человек, как Польша, способен покончить с собой! Наверно, он совсем не в себе, иначе он не выкладывал бы душу перед такой вульгарной особой!

Все эта Зияла (у-у, черт бы ее побрал, с каким удовольствием он задушил бы эту сварливую ведьму!) — довела-таки Поля до точки!

Самоубийство! Там, на озере, подо льдом, у самого берега. Бросился в воду, в смертельный холод.

А вдруг... с перерезанным горлом... лежит тут, в ванной.

Бэббит ворвался в ванную. Пусто. Он растерянно улыбнулся.

Расстегнув душивший его воротничок, он посмотрел на часы, открыл окно, оглядел улицу, опять посмотрел на часы, попытался прочесть вечернюю газету, лежавшую на покрытом стеклом бюро, и снова посмотрел на часы. С тех пор как он взглянул на часы первый раз, прошло ровно три минуты.

Так он прождал три часа.

Он сидел неподвижно, словно закоченев, когда повернулась ручка двери. Польша вошел сияющий, довольный.

— Здорово, — сказал Польша. — Давно ждешь?

— Да, порядочно.

— Ну?

— Что «ну»? Зашел узнать, как у тебя прошла поездка в Экрон.

— Отлично. А не все ли тебе равно?

— Польша, что с тобой? Чего ты сердишься?

— Зачем ты лезешь в мои дела?

— Слушай, Польша, как ты со мной разговариваешь? Ни во что я не лезу. Я так обрадовался, когда увидел твою старую физию, что просто захотелось с тобой поболтать.

— А я не позволю, чтобы за мной следили, указывали мне... Этого мне и дома хватает!

— Да кто, к черту, тебе указывает...

— Мне неприятно было, что ты так смотрел на Мэй Арнольд, неприятно, что ты задавался перед ней.

— Ну, если так — хорошо! Ввязываться так уж ввязываться! Не знаю, кто она, твоя Мэй Арнольд, но в одном я могу голову прозакладывать: разговор у вас шел не о толевых крышах и не об игре на скрипке, вот что! И если ты не хочешь считаться с собственными интересами, так считайся хоть со своим положением в обществе. Разве можно сидеть у всех на виду и глазеть на женщину, как влюбленный щенок! Ну, я понимаю, человек может согрешить, но я не хочу видеть, как ты, мой лучший друг, катишься по наклонной плоскости, удираешь от жены, пусть даже такой сварливой, как твоя Зилла, и бегаешь за бабами...

— Ох, ты-то примерный муженек!

— Да, честное слово, примерный! Ни на одну женщину не взглянул, кроме Майры, с самого дня свадьбы — да, можно сказать, ни на одну! — и никогда не взгляну. Уверяю тебя, распутство к добру не приведет. Игра не стоит свеч. Неужто ты сам не видишь, старик, что Зилла от этого становится еще сварливей?

Поль был и духом не крепче, чем телом. Он сбросил заиндедевскую шубу на пол, бессильно опустился на плетеный стул:

— Ханжа ты, Джорджи, и в нравственности разбираешься хуже Тинки, но, в общем, ты хороший человек. Пойми только одно — я больше не могу! Не могу выносить Зиллу, ее грызю. Она решила, что я — суций дьявол, и... нет, это просто инквизиция. Пытка. А ей это доставляет удовольствие. Для нее это игра — ей интересно, до чего она может меня довести. А мне остается одно — искать утешения на стороне или сделать что-нибудь похуже. Конечно, миссис Арнольд не так уж молода, но она чудесная женщина, понимает человека, и сама пережила немало.

— Еще бы! Наверно, она из тех куриц, которые уверяют, что «муж меня не понимает»!

— Не знаю. Возможно. Ее муж убит на войне.

Бэббит тяжело поднялся с кресла, подошел к Полю, похлопал его по плечу, виновато бормоча что-то себе под нос.

— Честное слово, Джордж, она хорошая женщина, и жизнь у нее была жуткая. Мы так друг друга поддерживаем. Уверяем, что лучше нас двоих никого на свете нет. Может быть, мы и сами в это не верим,

но до чего хорошо, когда есть человек, с которым чувствуешь себя просто, легко, никаких ссор, объяснений.

— И больше между вами ничего нет?

— Нет, есть! Ну, чего же ты? Ругай меня!

— Да за что тебя ругать... Не скажу, чтоб мне это очень нравилось, но...

И вдруг в порыве великодушия, чувствуя, как его переполняют добрые чувства, он выпалил:

— Не мое это дело, черт побери! Я для тебя на все пойду, помогу тебе, если только чем-нибудь можно помочь!

— Можно. Мне сюда из Экрона переслали письма Зиллы, и, по моему, она начинает подозревать, что я не зря так задержался. Она вполне способна напустить на меня сыщика, а потом явиться в Чикаго, ворваться со скандалом в ресторан, наброситься на меня при всех.

— Я сам поговорю с Зиллой. Такого ей наплету, когда приеду в Zenit...

— Не знаю, пожалуй, не стоит! Ты чудесный мальчик, но боюсь, что дипломат ты неважный! — И, увидя, что Бэббит сначала обиделся, а потом рассердился, Поль торопливо продолжал: — Я хочу сказать — с женщинами! Понимаешь, с женщинами! Конечно, в деловом отношении такого, как ты, поискать; но я говорю именно про женщин. Зилла может быть и груба и резка, но она совсем не дура. Она из тебя вмиг все вытянет!

— Ну, ладно, — как хочешь... — Бэббиту было жалко, что ему не доверяют роль тайного агента. Поль старался его утешить:

— Конечно, ты можешь ей сказать, что был в Экроне и видел меня там.

— Вот это здорово! Честное слово, здорово! Да мне же непременно надо побывать в Экроне, осмотреть участок, где кондитерская! Непременно надо! Вот незадача — человеку так хочется поскорее добраться домой! Скажи, какая незадача! Ей-богу, правда! Вот уж незадача, черт подери!

— Ладно, ладно! Только ради всех святых, не преувеличивай, ничего не приукрашай! Мужчины всегда врут слишком сложно, слишком искусно, и женщины сразу начинают что-то подозревать. Оно и выходит... впрочем, давай выпьем, Джорджи. У меня есть джин и вермут остался.

И тот самый Поль, который обычно отказывался от второго коктейля, сейчас выпил и второй и третий. У него покраснели веки, заплетался язык. Он неловко шутил, говорил сальности.

И, сидя в такси, Бэббит с удивлением почувствовал, как у него на глаза навертываются слезы.

Он не открыл Полю свои планы, но действительно остановился в Экроне от поезда до поезда только ради того, чтобы послать Зилле открытку: «Заехал сюда по делу, встретил Поля». Вернувшись в Зенит, он зашел к ней. И если, появляясь на людях, Зилла слишком красилась, слишком мазалась, слишком решительно затягивалась в корсет, то домашние горести она переносила в грязном синем халате, рваных чулках и посекавшихся розовых шелковых туфлях. Она очень исхудала. Бэббиту показалось, что у нее стало вдвое меньше волос, чем раньше, да и остатки эти весьма жидковаты. Она валялась в качалке, среди пустых коробок из-под конфет и бульварных журнальчиков, и в голосе ее звучала то насмешка, то горечь. Но Бэббит был оживлен, как никогда:

— Привет, привет, Зил, старушка, отдыхаешь, пока муженька дома нет? Неплохо, неплохо! Ручаюсь, что Майра ни разу не встала раньше десяти, пока я был в Чикаго. Скажи, можно мне взять ваш термос — специально зашел одолжить у вас термос. Хотим покататься на санках, — надо взять с собой кофейку. А ты получила мою открытку из Экрона, где я писал, что видел Поля?

— Да. А что он там делал?

— То есть как это — что он там делал? — Бэббит расстегнул пальто, присел на ручку кресла.

— Будто ты не знаешь, о чем я! — Она с раздражением хлопнула ладонью по страницам журнала. — Приставал, наверно, к какой-нибудь кельнерше, или маникюрше, или еще к кому-нибудь.

— А, черт, вечно ты намекаешь, будто Полю только и дела, что волочиться за юбками! Во-первых, это не так, а если б и было так, то ты сама виновата: зачем вечно грызть его, вечно ему вдалбливать бог знает что. Не хотел я затевать этот разговор, по раз уж Поль в Экроне...

— А он действительно в Экроне? Я знаю, что у него в Чикаго есть какая-то ужасная особа, которой он пишет...

— Да я ж тебе говорю, что видел его в Экроне! Ты мне не веришь, что ли? Хочешь сказать, что я вру?

— Нет, нет... Но я так беспокоюсь!

— Ага, вот оно! Это-то меня и бесит! Ты так любишь Поля, а сама мучаешь его, ругаешь, как будто ты его ненавидишь! Никак не могу понять, почему это чем больше любят человека, тем больше его мучают.

— Любишь же ты Теда и Рону, а сам их вечно грызешь.

— Что? Ну, это совсем другое дело. А кроме того, я их вовсе не грызу. Наши отношения не назовешь грызней. Но ты только взгляни на Поля: лучше, добрее, умнее его на всем божьем свете не найдешь. И тебе должно быть стыдно так его поносить. Ты с ним разговариваешь хуже всякой прачки! Не понимаю, как можно опускаться до такой степени, Зияла!

Она угрюмо уставилась на свои стиснутые пальцы.

— Сама не знаю. Иногда выхожу из себя, прямо до безобразия, а потом жалею. Ах, Джорджи, ты не знаешь, до чего Поль меня доводит! Честное слово, я так старалась все эти годы обращаться с ним по-хорошему, и только из-за того, что раньше я была злая — то есть так только казалось, на самом деле я не злая, но иногда на меня находило и я говорила все, что придет в голову, — он и решил, будто я во всем виновата. Не может же быть, что всегда и во всем виновата я одна. А теперь, стоит мне только хоть немного разволноваться, он сразу умолкает, и это так страшно, — он просто молчит и даже не смотрит на меня, будто я не существую. Разве это по-человечески? И нарочно доводит меня до того, что я уже себя не помню и говорю ему бог знает что, чего и сама не думаю. А он молчит... Вы, мужчины, строите из себя праведников! А сами хуже всех! Хуже вас на свете нет!

Они препирались не меньше получаса, и наконец, размазывая слезы, Зилла пообещала не давать себе воли.

Поль вернулся через четыре дня, и Бэббиты вместе с Рислингами торжественно пошли в кино, а потом ели рагу в китайском ресторане. Когда они шли в ресторан мимо лавок готового платья и парикмахерских и женщины, уйдя вперед, оживленно бранили прислугу, Бэббит шепнул Полю:

— Зил как будто стала гораздо спокойней!

— Да, пожалуй. Она всего раза два сорвалась. Но теперь поздно. Просто я... впрочем, сейчас не хочется об этом говорить, но я просто боюсь ее. Во мне ничего не осталось. Когда-нибудь я от нее вырвусь. Непременно.

21

Международная организация Толкачей стала во всем мире символом оптимизма, крепкой шутки и делового процветания. В тридцати странах у этой организации есть свои отделения, но из тысячи таких клубов — девятьсот двадцать находится в Соединенных Штатах.

И самый ревностный из них — зенитский клуб Толкачей.

Второй в марте завтрак зенитских Толкачей был особенно важен, так как на нем ежегодно избирали президиум. Все очень волновались. Завтрак устраивался в банкетном зале ресторана О'Хирна. Каждый из четырехсот Толкачей при входе снимал с доски огромный целлулоидный значок, где значилась его фамилия, прозвище и профессия. За то, что собрата Толкача называли по имени, а не по прозвищу, полагался штраф в десять центов, и когда Бэббит бодро сдавал шляпу на вешалку, вокруг все звенело от веселых возгласов: «Здорово, Чэт!» — или: «Как жизнь, Коротышка?» — или: «Доброго здоровья, Мак!»

За столики садились компаниями по восемь человек, причем места разыгрывались по жребию. С Бэббитом сидели Альберт Бооз — владелец магазина готового платья, Гектор Сиболт — представитель фирмы сгущенного молока «Милый Крошка», Эмиль Венгерт — ювелир, профессор Памфри — директор коммерческого училища «Верный путь», доктор Уолтер Горбут, фотограф Рой Тигартен и гравер Бен Верки. Одним из достоинств клуба Толкачей было то, что туда принимали не больше двух представителей одинаковых профессий, так что члены его одновременно знакомились с Идеалами других отраслей коммерции, а также проникались метафизическим чувством единства всех профессий — от санитарии до писания портретов, от медицины до изготовления жевательной резинки.

За столом Бэббита было особенно весело: профессор Памфры недавно отпраздновал день своего рождения, и все его дразнили.

— Вытянем из Пэма, сколько ему лет, — предложил Эмиль Венгерт.

— Нет, лучше вытянем его палкой по спине! — сострил Бен Берки.

А Бэббит вызвал аплодисменты, сказав; «Чего там из него тянуть! Он сам только и знает, что тянуть из бутылки! Говорят, он в своем колледже открыл класс домашней варки пива!»

Перед каждым лежала книжечка со списком членов клуба. И хотя клуб должен был служить местом встречи добрых друзей, никто не забывал, что тут же можно и обдѣлывать свои дела. Около каждой фамилии было указано, кто чем занимается. В книжечке немало места уделялось рекламе, а на одной из страниц было помещено напоминание; «Никто тебя не заставляет вести дела только с собратьями по клубу, но ты, друг, помни: зачем упускать добрую монету из нашей счастливой семейки?» А сегодня перед каждым лежал подарок: небольшая карточка, отпечатанная изысканным, красно-черным шрифтом:

«ПРОГРЕСС И СЕРВИС

Настоящий сервис прежде всего означает тончайшее проникновение в самые широкие и глубокие интересы клиента, умение использовать и учесть как воздействие постоянных факторов, так и реакцию на новшества. Я считаю, что высшая форма сервиса, наравне с самыми прогрессивными понятиями этики, включает и то понятие, которое неизменно остается самым существенным, самым лояльным нашим принципом, принципом нашего клуба Толкачей, а именно — принципом гражданской совести и порядочности во всех ее аспектах.

Дед Петерсен.

Рекламная контора Дедбери Петерсена.

Реклама-победа только у Деда!»

Все члены клуба читали глубокомысленные откровения мистера Петерсена и делали вид, что отлично их понимают.

Все началось с обычных «трюков». Собрание вел председатель клуба, Верджил Гэнч, вышедший в отставку; его жесткие волосы торчали кверху, голос гремел, как медный гонг. Некоторые из членов клуба привели гостей и сейчас представляли их присутствующим.

— Этот высокий рыжий дезинформатор является редактором спортивного отдела «Бюллетеня», — сообщил Виллис Иджемс, а Г.-Г.Хэйзен, владелец аптеки, с пафосом изрек:

— Друзья, вспомните, как вы совершали далекую прогулку на своей машине и вдруг останавливались в каком-нибудь романтическом уголке, чтобы полюбоваться живописным видом, и говорили супруге: «Вот поистине романтическое местечко!» — и у вас от восторга мурашки по спине пробегали! Так вот, мой сегодняшний гость родом именно из такого романтического уголка — из Хариерс-Ферри, штат Виргиния, с прекрасного Юга, где жива память о добром старом генерале Роберте Ли и о храбром Джоне Брауне, чья душа, как и душа всякого порядочного Толкача, стремится все вперед и вперед!

Но самыми почетными гостями в этот день были ведущий актер из труппы «Райские птички», гастролировавшей на этой неделе в театре Додсворт, и сам мэр города Зенита, его честь мистер Люкас Праут.

Верджил Гэнч гремел на весь зал:

— Сегодня нам удалось вырвать знаменитого служителя муз из очаровательного окружения красавиц его труппы — должен вам признаться, что я вперся прямо в его артистическую уборную и тут же доложил ему, как мы, Толкачи, ценим высокохудожественное зрелище, которым мы ему обязаны, — кстати, не забывайте, что директор Додсвортского театра тоже наш брат Толкач и будет рад нашему содействию, — словом, сегодня, когда нам, кроме того, удалось оторвать от исполнения многочисленных обязанностей его честь, нашего мэра, хозяина города, мы можем гордиться такими почетными гостями, и я сейчас попрошу мистера Праута сказать несколько слов о задачах и целях...

Потом Толкачи решали открытым голосованием, кто самый красивый и кто самый безобразный из гостей, и каждому из них был вручен букет гвоздики, пожертвованный, как отметил председатель Гэнч, братом Толкачом Х.-Г.Игером, владельцем цветочного магазина на Дженнифер-авеню.

Каждую неделю, по очереди, четверем Толкачам предоставлялась привилегия благодетельствовать четырех других членов клуба, на которых падал жребий; делалось это как ради удовольствия, так и ради рекламы. Громким хохотом было встречено объявление, что на этой неделе одним из жертвователей будет Барнабас Джой — владелец похоронного бюро. Послышался шепот:

— Я бы с удовольствием указал ему подходящих клиентов, пусть только похоронит их бесплатно по первому разряду!

Среди всех этих развлечений Толкачи отдавали должное завтраку, состоявшему из куриных котлет с горошком и жареным картофелем и кофе с яблочным пирогом и американским сыром. Гэнч выпускал одного оратора за другим. Он предоставил слово гостю, секретарю Ротарианского клуба — организации, конкурирующей с клубом Толкачей. Этот человек выделялся среди обыкновенных смертных тем, что у него на машине был пятый номер.

Секретарь ротарианцев со смехом признался, что во всем штате номер его машины вызвал сенсацию, добавив, что «хотя это и большая честь, но полисмены слишком хорошо запоминают номер, и часто хочется иметь просто какой-нибудь номер В-569876 или вроде того. Но пусть только кто-нибудь из вас, чертовых Толкачей, попытается перехватить у живого ротарианца этот пятый номер в будущем году — от вас ключья полетят! А сейчас разрешите закруглиться и поднять тост за все три клуба — Толкачей, Ротарианцев и Кивани!

Бэббит со вздохом сказал профессору Памфри:

— А все-таки приятно иметь на машине один из первых номеров! Всякий подумает: «Наверно, важная шишка!» Интересно, как ему это удалось? Ручаюсь, что он поил и кормил главного инспектора до отвала!

Потом выступил Чам Фринк:

— Может быть, некоторым из вас покажется, что не место тут затрагивать всякие высокоумные и чисто художественные темы, но я пойду напролом и попрошу вас, друзья, одобрить план насчет приглашения в наш Зенит симфонического оркестра. Все вы ошибаетесь, думая, что раз вы сами не любите классическую музыку и всякую прочую ерунду, значит, она здесь у нас не нужна. Должен признаться, что я сам хоть и являюсь профессиональным литератором, но гроша ломаного не дам за всю эту музыку длинноволосых. Я с большим удовольствием слушаю хороший джаз, чем какую-нибудь бетховенскую штуку, в которой мелодии не больше, чем в кошачьем концерте, — ее даже под страхом смертной казни никто не сумеет насвистать! Но суть совсем не в этом. Культура стала для любого города таким же необходимым украшением и рекламой, как асфальтовые мостовые и банковские дивиденды. Только культура, в виде театров, картинных галерей и так далее, ежегодно привлекает в Нью-Йорк тысячи туристов, а у нас, откровенно говоря, несмотря на

все наши блестящие достижения, не хватает культуры Чикаго, культуры Нью-Йорка или Бостона — во всяком случае, у нас нет репутации культурного центра. И кому, как не нам, настоящим дельцам, пробивным ребятам, взять культуру в свои руки, капитализировать культуру!

Конечно, картины, книги — все это хорошо для тех, у кого есть время в этом копаться, но ни книги, ни картины не вынесешь на дорогу, не крикнешь: «Вот какая у нас культурна, в нашем славном городке Зените!» А симфонический оркестр сам за себя скажет! Смотрите, что за репутация у Миннеаполиса или Цинциннати! Надо и нам завести оркестр с первоклассными музыкантами, с отличным дирижером, — а чтобы этот пирог у нас подрумянился как следует, мы должны нанять самого дорогого дирижера, какой есть на рынке, лишь бы он не был немчурой, — и такой оркестр заиграет, не хуже, чем в Нью-Йорке и Вашингтоне: он будет выступать в лучшем театре, перед самыми культурными и состоятельными людьми, и для города это реклама, лучше которой не сыщешь. Всякий, у кого не хватает дальновидности, чтобы поддержать это начинание, тем самым пропускает случай довести до сведения какого-нибудь нью-йоркского миллионера, что есть на свете наш славный город Зенит, а если этот миллионер услышит о нас, он, чего доброго, откроет здесь филиал своей фабрики!

Я мог бы также отметить тот факт, что для наших дочерей, которые увлекаются серьезной музыкой и, может быть, захотят преподавать ее, будет большим благом, если в городе появится такой первоклассный оркестр. Но не станем отвлекаться от практической стороны вопроса: призываю вас, друзья и братья, поднять голос за Культуру с большой буквы и за симфонический оркестр мирового значения!

Все заплодировали.

Потом, среди всеобщего волнения, председатель Гэнч провозгласил:

— Джентльмены, переходим к перевыборам президиума.

На каждый из шести официальных постов комитет выдвинул трех кандидатов. Вторым кандидатом в вице-председатели был выдвинут Бэббит.

Он очень удивился. Он был смущен. Сердце у него колотилось. Еще больше он заволновался, когда подсчитали голоса и Верджил Гэнч

объявил:

— Рад сообщить, что теперь молоток в отсутствие председателя будет передаваться в руки Джорджи Бэббита. Не знаю другого человека, который был бы более стойким защитником здравого смысла и нашей промышленности, чем добрый старый Джордж. Давайте же крикнем ему «ура» — погромче, все разом!

После собрания вокруг Бэббита столпилась добрая сотня товарищей по клубу, все хлопали его до спине, поздравляли. Никогда он не испытывал большей радости. Он вернулся в контору в каком-то чаду. В комнату он ввалился с широкой улыбкой и сразу сообщил мисс Мак-Гаун:

— Можете поздравить вашего патрона! Выбрали вице-председателем клуба!

Но его разочаровал ее ответ.

— Вот как! — сказала она и добавила: — Да, миссис Бэббит все время добивалась вас по телефону!

Зато новый агент Фриц Вейлингер сказал:

— Ей-богу, шеф, это чудно! Замечательно, честное слово! Рад за вас — слов нет! Поздравляю!

Бэббит позвонил домой и сразу заворковал в трубку:

— Ты мне звонила, Майра! Ну, на этот раз твой Джорджи молодцом! Ты с ним теперь поосторожней! Знаешь, с кем ты разговариваешь? С вице-председателем клуба Толкачей.

— О, Джорджи...

— Неплохо, а? Виллис Иджемс — наш председатель, и в его отсутствие твой маленький Джорджи берет молоточек в руки, и все пляшут под его дудку, он и ораторов представляет, будь то хоть сам губернатор...

— Джордж! Послушай!

— ...теперь у него будут друзья посolidнее, вроде дока Диллинга и...

— Джордж! Поль Рислинг...

— Да, да, я сейчас же позвоню Полю, сообщу и ему!

— Джорджи! Да выслушай же! Поль в тюрьме. Он стрелял в жену, стрелял в Зиллу сегодня днем. Наверно, ей не выжить!

22

По дороге в городскую тюрьму он вел машину осторожно и сворачивал на перекрестках с той необычайной осмотрительностью, с какой старушки пересаживают цветы. Это отвлекало его от мыслей о подлости судьбы.

Надзиратель сказал:

— Нет, сейчас заключенного видеть нельзя — свидания в половине четвертого.

Было только три. Полчаса Бэббит просидел, рассматривая календарь и стенные часы на выбеленной стене. Стул попался твердый, скверный, скрипучий. Мимо проходили люди, и Бэббиту казалось, что все на него смотрят. С воинственным презрением, которое постепенно перешло в унижительный страх, думал он о неумолимой машине, что сейчас перемалывает Поля — его Поля...

Ровно в три тридцать он передал Полю, что ждет...

Надзиратель вскоре вернулся:

— Рислинг сказал, что не желает вас видеть!

— Да вы спятили! Вы, наверно, перепутали фамилию — скажите, что пришел Джордж, Джордж Бэббит.

— А я не говорил, что ли? Говорил! И он ответил, что не хочет вас видеть.

— Все равно, проведите меня к нему!

— Не могу! Если вы не его адвокат и он вас видеть не хочет, ничего не получится!

— А, черт! Слушайте, где начальник тюрьмы?

— Занят. Ну, уйдете вы или...

Но Бэббит так на него надвинулся, что надзиратель поспешно изменил тон и заискивающе предложил:

— Приходите завтра, попробуйте еще раз. Наверно, он, бедняга, сейчас не в себе.

Теперь Бэббит несся по улицам без всякой осторожности, прямо к Сити-Холлу, проскальзывая между грузовиками и не обращая

внимания на ругань шоферов. Он резко затормозил и помчался по мраморной лестнице прямо к кабинету distinguished Люкаса Праута. Он подкупил секретаря долларовой бумажкой и через миг стоял перед мэром.

— Вы меня помните, мистер Праут? Бэббит — вице-председатель клуба Толкачей, поддерживал вас во время избирательной кампании. Скажите, вы слышали о несчастье с Рислингом? Прошу вас, дайте распоряжение начальнику или кто там у вас главный в городской тюрьме, пусть меня пропустят к Полю... Отлично! Спасибо!

Через пятнадцать минут он уже тяжело шагал по тюремному коридору к клетке, где на койке, сторбившись, как старый нищий, сидел Поль, скрестив ноги и покусывая стиснутый кулак.

Пустыми глазами Поль смотрел, как надзиратель отпер камеру, впустил Бэббита и ушел. Потом медленно сказал:

— Что ж! Читай мне мораль!

Бэббит плюхнулся на койку рядом с ним.

— Не собираюсь я читать тебе мораль! Я и знать не хочу, как это случилось. Мне важно одно — помочь тебе, чем только могу. А Зилле так и надо, я даже рад.

Поль запротестовал:

— Нет, пожалуйста, не нападай на Зиллу! Я уже думала может быть, и ей нелегко жилось. Когда я в нее выстрелил... по правде сказать, я и не собирался, но она до того меня довела, что я голову потерял, схватил старый револьвер — помнишь, из которого мы с тобой когда-то кроликов били? — и пальнул в нее. Я и сам не знаю, как это случилось... А потом, когда я пытался остановить кровь... Страшно было смотреть, что делалось с ее плечом, а кожа у нее такая нежная... Может быть, она не умрет. Хоть бы рубцов на плече не осталось. А когда я искал в ванной вату, чтобы остановить кровь, я наткнулся на пушистого желтого утенка — он у нас когда-то висел на елке, и вспомнил, какие мы с ней тогда были счастливые... А, черт, мне даже не верится, что я здесь сижу. — И, чувствуя, как рука Бэббита крепче сжала его плечо, Поль вздохнул: — Я рад, что ты пришел. Но я думал, может быть, ты станешь читать мне нотации, а когда убьешь человека и попадешь сюда и переживешь все это... там, около нашего дома, собралась огромная толпа, все смотрели, как полисмены тащат меня... Нет, давай больше об этом не говорить.

Но сам он продолжал говорить монотонным, испуганным, полубезумным шепотом. Чтобы отвлечь его, Бэббит сказал:

— Слушай, у тебя на щеке синяк!

— Да. Меня полисмен ударил. Полисмены, как видно, любят воспитывать преступников. Огромный такой детина. Не позволили мне помочь перенести Зиллу в карету.

— Поль! Перестань! Выслушай меня! Она не умрет, а когда все уладится, мы с тобой опять уедем в Мэн. Может быть, и твою Мэй Арнольд возьмем с собой. Съезжу в Чикаго, приглашу ее. Славная она женщина, честное слово! А потом я постараюсь тебя устроить где-нибудь далеко, на Западе, может быть, в Сиэтле, — говорят, чудесный город.

Поль криво улыбнулся. Но Бэббит говорил без удержу. Он не знал — слушает ли его Поль, но он говорил без конца, пока не пришел адвокат Поля — П.-Д.Максвелл, суетливый и неприветливый человек, который кивнул Бэббиту и тут же сказал:

— Нам бы с Рислингом не мешало на минутку остаться наедине...

Крепко пожав руку Полю, Бэббит пошел в контору и дождался, пока туда мелкими шажками не выбежал Максвелл.

— Слушайте, старина, — умоляюще сказал Бэббит адвокату, — чем бы я мог помочь?

— Ничем. Абсолютно ничем. По крайней мере, сейчас, — ответил Максвелл. — Простите. Спешу. И не ходите к нему. Я попросил доктора впрыснуть ему морфий. Может быть, он уснет.

Бэббиту казалось, что возвращаться в контору как-то непорядочно. Как будто с похорон... Он поехал в городскую больницу — справиться насчет Зиллы. Ему сказали, что она, очевидно, будет жить. Пуля из огромного револьвера — сорок четвертый калибр, военного образца, — раздробила ей плечо и прошла вверх навывлет.

Он отправился домой и застал жену в восторженно-испуганном состоянии, в какое нас всегда приводят трагедии друзей.

— Конечно, Поля винить нельзя, но все это потому и вышло, что он бегал за женщинами, вместо того чтобы нести свой крест, как подобает христианину.

У Бэббита не было сил ответить так, как ему хотелось. Он только сказал, что полагалось, насчет того, как христиане несут свои кресты, и ушел мыть машину. Упорно, терпеливо он скреб масляные пятна на

крыше, счищал грязь, присохшую к колесам. Потом долго мыл руки, тер их пемзой, радуясь, что его пухлым пальцам больно.

— Руки как у женщины — даже противно! Ох!..

За обедом, когда жена снова начала неизбежный разговор, он закричал:

— Я запрещаю говорить о Поле! Ни слова, понятно тебе? Я сам скажу все, что нужно, слышишь! По крайней мере, хоть в одном доме, среди всех городских сплетен и пересудов, не будет разговоров, что мы, мол, не такие грешники. И выкинь, пожалуйста, эти грязные газеты из дому!

Однако он сам после обеда внимательно прочел все газеты.

Часов около девяти он поехал к адвокату Максвеллу. Его приняли довольно неприветливо.

— В чем дело? — спросил Максвелл.

— Хочу предложить свои услуги на суде. У меня явилась одна мысль. Почему бы мне не дать под присягой показания, что я был там и она первая схватила револьвер, а Поль пытался его вырвать, и револьвер случайно выстрелил.

— Хотите дать ложные показания?

— Что? М-да, наверно, это ложные показания. Скажите — а это помогло бы?

— Да вы понимаете, что такое ложные показания!

— Бросьте вы эти глупости! Простите, Максвелл, я не хотел вас обидеть. Знаю одно: каких только ложных показаний не дают, чтобы захватить какой-нибудь несчастный участок, вы это сами знаете, а тут, когда надо спасти Поля от тюрьмы... да я готов до хрипоты давать любые показания, ложные они или нет.

— Нельзя. Тут не только этика не позволяет, я просто боюсь, что это бесполезно. Прокурор разоблачит вас немедленно. Всем известно, что в комнате, кроме Рислинга и его жены, никого не было.

— Тогда вот что. Разрешите мне выступить свидетелем, я дам присягу — и это уже будет чистейшая правда, — что она его буквально довела до сумасшествия.

— Нет. Простите, но Рислинг категорически отказывается от каких бы то ни было показаний, порочащих его жену. Он настаивает на своей виновности.

— Ну, хорошо, пусть тогда я дам хоть какие-нибудь показания — все, что вы найдете нужным. Позвольте же мне хоть чем-нибудь помочь...

— Простите меня, Бэббит, но самое лучшее, что вы можете сделать — мне очень неприятно говорить это, — но больше всего вы нам поможете, если не станете вмешиваться!

Бэббит неловко вертел в руках шляпу, с видом несостоятельного должника, и эти слова так явно обидели его, что Максвелл смягчился:

— Не хочется вас обижать, но мы оба стараемся помочь Рислингу, и больше тут ни с чем считаться не приходится. Беда ваша, Бэббит, в том, что вы из тех, кто не умеет держать язык за зубами. Слишком любите слушать свой собственный голос. Может быть, я и вызвал бы вас свидетелем, но я знаю, что, стоит вам выйти на свидетельское место, вы так разболтаетесь, что все испортите. Простите, мне нужно просмотреть кое-какие бумаги... Извините меня, пожалуйста!

Все следующее утро он набирался мужества для встречи с пустомелями из Спортивного клуба. Начнется трепотня по адресу Поля, будут, обливаясь, говорить гадости. Но за столом «дебоширов» о Поле даже не упомянули. Все старательно обсуждали предстоящий бейсбольный сезон. Бэббит любил их за это, как никогда.

Он вообразил, очевидно, по книжкам, что суд над Полем будет сложным и долгим, с ожесточенными спорами, толпой настороженных зрителей и неожиданными сокрушительными свидетельскими показаниями. На самом деле весь суд продолжался минут пятнадцать и выслушивались, главным образом, показания врачей, которые разъяснили, что Зилла совсем поправится и что Поль находился в состоянии аффекта. На следующий день Поль был приговорен к трехгодичному заключению в Центральной тюрьме штата, куда его увезли в чрезвычайно будничной обстановке, без всяких наручников, — он просто устало плелся рядом с жизнерадостным помощником шерифа, и, попрощавшись с ним на вокзале, Бэббит вернулся в свою контору, чувствуя, что мир без Поля лишился всякого смысла.

23

Он был очень занят с марта по июнь. Он Старался не думать, не расстраиваться. И жена и соседи вели себя благородно. Каждый вечер он играл в бридж или ходил в кино. И дни проходили безличные, молчаливые.

В июне миссис Бэббит с Тинкой уехали на Восток, к родственникам, и Бэббит мог делать что угодно, — только он сам не знал, что именно.

Весь день после их отъезда он думал о том, как свободно стало дома, — можно, если захочется, бесноваться, ругаться на чем свет стоит и не разыгрывать примерного мужа. Он подумал: «Могу устроить настоящий кутеж сегодня вечером, вернуться хоть в два часа ночи, без всяких объяснений. Ура!» — и тут же позвонил Верджилиу Гэнчу и Эдди Свенсону. Но оба в этот вечер были заняты, и вдруг ему показалось до одури скучным столько возиться ради разгульной жизни.

За обедом он был молчалив, непривычно ласков о Тедом и Вероной, не возражал, хотя и не соглашался, когда Верона сообщила ему свое мнение о мнении Кеннета Эскотта насчет мнения доктора Джона Дженнисона Дрю о мнениях эволюционистов. Тед в эти летние каникулы работал в гараже и рассказывал о своих победах за день: как он нашел трещину в подшипнике, что сказал Старому Ворчуну, как объяснил мастеру будущее беспроводного телефона.

После обеда Тед и Верона ушли на вечеринку. Прислуга тоже ушла. Редко Бэббит оказывался дома в таком одиночестве. Он не знал, куда деваться. Ему хотелось развлечься как-то по-другому, а не читать вечные комиксы в газете. Он поднялся в комнату к Вероне, сел на ее голубое с белым девственное ложе и стал просматривать книги, хмыкая и что-то бормоча себе под нос солидным, respectable голосом. Конрад — «Спасение», томик со странным названием «Лики Земли», стихи поэта Вэйчела Линдзи (весьма странные стихи, подумал Бэббит), очерки Г.-Л. Менкена — очень неподходящая литература, издевка над церковью, над всем, что свято. Книги ему не понравились. Он чувствовал в них дух бунтарства против приличий и всяческой

респектабельности. Все эти авторы — и, наверно, авторы знаменитые, подумал он, — не очень-то стараются рассказать интересную историю, которая помогла бы человеку отвлечься от неприятностей. Он вздохнул. Тут он увидел книгу «Три фальшивые монеты» Джозефа Хергесгеймера. Ага, кажется, что-то подходящее! Наверно, приключенческая история, как будто про фальшивомонетчиков, про то, как сыщики крадутся ночью в старинный дом. Он взял книгу под мышку, спустился вниз по лестнице и, торжественно усевшись под торшером, начал читать:

«Сумерки синеватой пылью упали в неглубокие складки поросших лесом холмов. Стоял ранний октябрь, но легким морозом уже прихватило золотые листья клена, на испанских дубах появились винно-красные заплата, ивняк ярко пылал в темнеющем кустарнике. Стая диких гусей чертила спокойный узор в низком небе над холмами, уплывая в тихий пепельный вечер. Хауат Пенни, стоя на едва заметной просеке, решил, что их медленный мерный путь лежит слишком далеко, вне выстрела... Но ему и не хотелось охотиться на гусей. День увядал, и с ним испарялась острота ощущений; обычное безразличие все сильнее овладевало Хауатом».

Опять то же самое: недовольство простой добротной действительностью. Бэббит отложил книгу, вслушался в тишину. Все двери в доме были открыты. Из кухни доносилось еле слышное капанье тающего в холодильнике льда — неотвязный, настойчивый звук. Бэббит подошел к окну. Стоял пасмурный летний вечер, в сквозь металлические сетки уличные фонари походили на бледные огненные кресты. Весь мир стал неестественным. Пока Бэббит раздумывал, Верона и Тед вернулись и легли спать. В спящем доме сгустилась тишина. Он надел шляпу — свой респектабельный котелок, закурил сигару и стал прохаживаться перед домом — внушительная, достойная, ничем не примечательная фигура, — и гудел себе под нос: «Серебро в золотистых прядях». Мелькнула мысль: «Не позвонить ли Полю?» И сразу все вспомнилось. Он представил себе Поля в одежде каторжника и, мучаясь этой мыслью, сам не верил в нее. Все казалось нереальным в этот околдованный туманом вечер.

Если бы Майра была здесь, она намекнула бы: «Кажется, сейчас уже очень поздно, Джорджи?» Он бродил одинокий, не зная, что

делать с нежеланной свободой. Туман скрыл его дом. Мир застыл в первозданном хаосе, неподвижный, бесстрастный.

В тумане показался человек, он шел такими быстрыми шагами, что под неверным светом уличного фонаря казалось, будто он в ярости мечется по улице. При каждом шаге он взмахивал палкой и с треском бил по тротуару. Пенсне на широкой фатовской ленте прыгало у него на животе. Ошеломленный Бэббит узнал в нем Чама Фринка.

Фринк застыл на месте, уставился на Бэббита и торжественно изрек:

— Еще один дурак. Джордж Бэббит. Живет ждач... сдачей домов. Знаешь, кто я? Я — предатель поэзии. Пьян? Р-рразболтался? Плевать! Знаешь, кем я мог быть? Джином Фильдом или Джеймсом Уиткомом Райли. А может, и Стивенсоном. Да, мог. Есть фантазия. Воображение. Вот. Вы послушайте. Сейчас сочинил:

Луг переливчато летом поет:

Шмели, шалопаи и честный народ.

Что, слышали? Вдохно-ве... вдохновение. Сам сочинил. И сам не знаю, что это значит. Хороший стих. Для детской песенки. А что я пишу? Дрянь! Бодрые стишки! Все дрянь! А мог бы писать иначе — да поздно!..

Фринк ринулся вперед с устрашающей быстротой; казалось, он вот-вот упадет, но все-таки он держался на ногах. Бэббит был бы удивлен ничуть не меньше, если б перед ним из тумана появился призрак, держа голову под мышкой. Однако он с полным равнодушием выслушал Фринка, пробормотал: «Обалдел, бедняга!» — и тут же забыл о нем.

Он медленно побрел домой, решительно подошел к холодильнику и стал опустошать его. Когда миссис Бэббит была дома, это считалось одним из самых страшных хозяйственных преступлений. Стоя около закрытых стиральных баков, он съел ножку цыпленка, полтарелки малинового желе и ворча проглотил холодную и скользкую вареную картошку. Он напряженно думал. Ему пришло в голову, что, может быть, вся его деятельная жизнь, к которой он привык, идет впустую; что и рай, каким его изображает достопочтенный доктор Джон Дженнисон Дрю, и нереален, и достаточно скучен; что делать деньги — сомнительное удовольствие, что вряд ли стоит растить детей только

для того, чтобы они потом сами растили детей, а те, в свою очередь, растили своих детей. К чему все это? Что ему, в сущности, нужно?

Он вернулся в гостиную и лег на кушетку, заложив руки за голову.

Что ему нужно? Богатство? Положение в обществе? Путешествия? Прислуга? Да, но не это главное...

— Не знаю, не знаю... — вздохнул он.

Но одно он знал твердо: ему нужен Поль Рислинг, а вместе с этим он неохотно признался, что ему нужна и юная волшебница — во плоти. Да, если бы у него была любимая женщина, он убежал бы к ней, склонил бы голову к ней на колени...

Он подумал о своей стенографистке, мисс Мак-Гаун. Подумал о самой хорошенькой маникюрше в парикмахерской отеля «Торнлей». И, засыпая на кушетке, он почувствовал, что нашел в жизни нечто стоящее и теперь с трепетным восторгом пойдет на разрыв со всем, что добропорядочно и общепринято.

На следующее утро он позабыл, что собрался стать бунтарем, но в конторе его все раздражало, и в одиннадцать часов, когда пошли бесконечные посетители и непрерывные телефонные звонки, он сделал то, чего давно хотел, но не смел: удрал из конторы, ничего не сказав этим рабовладельцам — своим служащим, — и отправился в кино. Он радовался, что имеет право побыть в одиночестве. Он вышел из кино с жестокой решимостью — делать все, что захочется!

Но когда он пришел завтракать, весь стол «дебоширов» встретил его громким хохотом.

— Ага! Вот он, наш миллионер! — сказал Сидни Финкельштейн.

— Да, я видел, как он ехал в своем локомотиве! — подхватил профессор Памфри.

— Эх, хорошо быть таким ловкачом, как Джорджи! — протянул Верджил Гэнч. — Наверно, прикарманил весь Дорчестер. Я бы побоялся оставить хоть самый крохотный участочек без надзора, — Джордж непременно его подцепит!

Бэббит понял, что «им про него что-то известно». Да, они, видно, решили его разыграть. В другое время он пришел бы в восторг от такой чести — стать центром внимания, но тут его это вдруг задело. Он фыркнул:

— Верно. Скоро всех вас возьму к себе рассыльными.

Но ему хотелось, чтобы эти шутки поскорее кончились.

— Может, он ходил на свидание, — хохотали они.

— Нет, он ждал своего старого приятеля, сэра Джерусалема Доука! — перебил другой.

Бэббит не вытерпел:

— Да говорите же наконец, в чем дело, лоботрясы! С чего вас так разобрало?

— Уррра!! Джордж обиделся! — захихикал Сидни Финкельштейн, и все стали скалить зубы. Наконец Гэнч выложил всю правду: он видел, как Бэббит выходил из кино среди бела дня!

Шуткам не было конца. Сотни шуток, сотни смешков по поводу того, что он в рабочие часы ушел в кино. Бэббита не так раздражал Гэнч, как Сидни Финкельштейн, вертлявый, худой и рыжий, комментировавший каждую шутку. Раздражал его и большой кусок льда, плававший в стакане, — как только он хотел выпить воды, лед ему мешал, обжигал нос. В бешенстве он подумал, что Сидни похож на этот кусок льда. Но он вышел победителем: он выдержал все шутки, пока собеседникам не надоело и они не стали обсуждать более насущные вопросы.

«Что это со мной сегодня? — подумал Бэббит. — Настроение из рук вон. Но зачем они столько болтают? Однако надо быть поосторожней, держать язык за зубами».

Когда все закурили сигары, Бэббит заторопился: «Мне пора!» — и удрал под их крики: «Конечно, раз тебе непременно надо флиртовать с кассиршей кино...»

Он слышал, как они гогочут за его спиной. Ему было неловко. И, торжественнейшим образом подтверждая заявление гардеробщика, что погода нынче теплая, он понимал, что больше всего ему хочется поребячески поведать свои горести юной волшебнице и найти в ней утешение.

Он задержал мисс Мак-Гаун после диктовки писем. Он поискал тему для разговора, который согрел бы их отношения, превратил бы ее служебное безразличие в дружбу.

— Куда вы думаете поехать в отпуск? — проворковал он.

— Должно быть, к знакомым на ферму. Контракт Сиддонса вам сегодня перепечатать?

— Нет, это не к спеху... Наверно, вы отлично проводите время, когда удираете от нас, чудаков?

Она встала, собрала карандаши:

— По-моему, тут чудаков нет, перепишу, пожалуй, когда кончу письма.

И ушла. Бэббит решительно отрекся перед самим собой от мысли, что он пытался найти подход к мисс Мак-Гаун.

— Глупости! Я отлично знал, что тут ничего не выйдет! — проворчал он.

Эдди Свенсон, агент автомобильной фирмы, живший напротив Бэббита, устраивал воскресный ужин. Его жена Луэтта, молоденькая Луэтта, которая обожала джаз, яркие платья и развлечения, разошлась вовсю. «У нас будет так весело!» — кричала она каждому гостю. Бэббиту всегда неприятно было думать, что многим мужчинам она кажется весьма соблазнительной, но тут он признался себе, что она неотразимо соблазнительна и для него. Миссис Бэббит никогда не одобряла Луэтту, и Бэббит радовался, что в этот вечер жены здесь нет.

Он настойчиво пытался помочь Луэтте на кухне, вынимал из духовки куриные котлеты, доставал сандвичи и салат из холодильника. Мимоходом он пожал ей руку, но она, к сожалению, этого не заметила. «А вы настоящая маленькая хозяйюшка, Джорджи! Бегите в столовую, поставьте поднос на буфет».

Бэббиту хотелось, чтобы Эдди Свенсон угостил их коктейлями, чтобы и Луэтта выпила. Ему хотелось... да, ему хотелось напустить на себя этакую богемность, как пишут в книжках. Вечеринки в студиях. Красивые женщины, независимые, без предрассудков. Не обязательно распутные. Нет, ни в коем случае! Но хотя бы не такие скучные, как на Цветущих Холмах. И как он их терпел столько лет...

Но Эдди не угостил их коктейлями. Правда, за ужином было весело, и Орвиль Джонс не раз острил: «Как только Луэтта захочет сесть ко мне на колени, мигом отложу этот вкусный сандвич!» Но в общем все держались чинно, как полагается в воскресный вечер. Бэббит незаметно захватил место на диване рядом с Луэттой. И, болтая

об автомобилях, слушая с застывшей улыбкой, как Луэтта рассказывает содержание фильма, который она видела в прошлую среду, и надеясь, что она когда-нибудь кончит расписывать сюжет, красоту героя и роскошь обстановки, Бэббит незаметно изучал Луэтту. Тонкая талия, перехваченная суровым шелковым поясом, густые брови, страстные глаза, тонкий пробор над широким лбом — в ней воплотилась для него вся молодость, вся прелесть, от которой становилось грустно. Он подумал, какой незаменимой спутницей она была бы в далеком путешествии на машине, в горах, на привале в сосновом лесу, над глубоким ущельем. Его трогала ее хрупкость, он сердился, что Эдди вечно с ней ссорится. Луэтта сразу стала для него юной волшебницей его снов. Он вдруг с удивлением открыл, что они оба всегда чувствовали романтическое влечение друг к другу.

— Наверно, вы ведете ужасную жизнь, когда жены нет! — сказала она.

— Еще бы! Я — скверный мальчишка, и тем горжусь. Вы как-нибудь вечером подсыпьте своему Эдди снотворного в кофе и перебегите улицу: уж я вам покажу, как сбивать коктейли! — захохотал Бэббит.

— А может быть, и прибегу! Ничего нельзя сказать заранее!

— Отлично, как только надумаете, вывесьте в окне чердака полотенце, и я помчусь за джином!

Все смеялись этим шалостям. Эдди Свенсон с довольным видом сказал, что заставит врача ежедневно делать анализы своего кофе. Остальные увлеклись разговором о наиболее сенсационных убийствах, случившихся в последнее время, но Бэббит вовлек Луэтту в интимную беседу.

— Никогда в жизни не видел такого прелестного платья!

— Вам действительно нравится?

— Нравится? Да я заставлю Кеннета Эскотта написать в газетах, что лучше всех в Америке одевается миссис Луэтта Свенсон!

— Зачем вы меня дразните! — Но она вся сияла. — Давайте потанцуем. Нет, Джорджи, вы непременно должны со мной потанцевать!

Он запротестовал:

— О, вы знаете, как я плохо танцую! — но сам уже неуклюже подымался с места.

— Я вас научу. Я кого хотите могу научить!

Глаза ее увлажнились, голос возбужденно звенел. Он был убежден, что покори́л Луэтту. Крепко обняв ее, чувствуя ее нежную теплоту, он важно пошел кругами в тяжелом уанстепе. Всего раз или два он натолкнулся на других танцующих. «Ей-богу, не так уж плохо у меня выходит, смотрите, веду вас как настоящий танцор!» — ликовал он, а она деловито отвечала: «Да, да, — я вам говорю — я кого хотите могу научить, только не делайте таких больших шагов!»

На миг он потерял уверенность, даже испугался и напряженно попробовал двигаться в такт музыке. Но его снова захватило очарование Луэтты. «Она должна меня полюбить, я ее заставлю!» — мысленно клялся он. Он даже попытался поцеловать локон над ушком. Она машинально отвела головку и так же машинально шепнула: «Не надо!»

На миг она стала ему неприятна, но тут же в нем вспыхнула прежняя страсть. Танцуя с миссис Орвиль Джонс, он следил, как Луэтта летает по всей комнате в объятиях мужа. «Берегись! Не валяй дурака!» — предостерег он сам себя, подпрыгивая и сгибая толстые коленки в паре с миссис Джонс и бормоча этой достойной даме: «Фу, как жарко!» Неизвестно почему он подумал, что Поль сейчас в таком мрачном месте, где никто не танцует. «Я совсем спятил сегодня, надо бы уйти домой», — подумал он с беспокойством, но, оставив миссис Джонс, поторопился к прелестной Луэтте и потребовал:

— Следующий — со мной!

— О, мне так жарко! Я пропущу этот танец.

— Тогда... — Он осмелел. — Тогда выйдем на веранду, посидим, отдохнем в прохладе.

— Пожалуй...

В ласковой темноте, под грохот и смех, доносившийся из комнат, он решительно взял ее руку. В ответ она сжала его пальцы и сразу же отпустила.

— Луэтта! Вы лучше всех на свете!

— Вы тоже хороший!

— Правда? Вы должны меня полюбить! Я так одинок!

— Ну, ничего, это пройдет, когда ваша жена вернется!

— Нет, я всегда так одинок!

Она подняла руку к подбородку, и он не решался до нее дотронуться. Он вздохнул:

— Знаете, когда мне очень скверно и я... — Он чуть было не рассказал о Поле, о его трагедии, но даже ради любовных ухищрений нельзя было касаться таких священных чувств. — И когда я устаю от работы, от всего на свете, я люблю смотреть в окно, через улицу, и думать о вас. Знаете, однажды я видел вас во сне!

— Хороший был сон?

— Очаровательный!

— А говорят, сны никогда не сбываются! Ну, мне надо идти! — Она встала.

— Не уходите, прошу вас! Луэтта!

— Нет, нельзя! Надо занимать гостей!

— А, пусть они сами себя занимают!

— Ну, как же можно! — Она беззаботно потрепала его по плечу и ускользнула.

Минуты две он испытывал стыд и ребячливое желание удрать домой, но потом сказал себе: «Да я и не старался! Знал заранее, что ничего у меня не выйдет!» — и тут же побрел в зал и пригласил на танец миссис Орвиль Джонс, стараясь с подчеркнутой добродетельностью не смотреть на Луэтту.

24

Свидание с Полем в тюрьме казалось таким же нереальным, как та ночь, в тумане и путанице нерешенных вопросов. Ничего не видя, Бэббит прошел по тюремным коридорам, где воняло карболкой, в помещение, уставленное светло-желтыми деревянными скамьями, с дырочками в виде розеток, совсем как скамейки в сапожных лавках, где Бэббит бывал в детстве. Тюремщик ввел Поля — грязно-серая одежда, бледное, застывшее лицо. Он робко повиновался приказам тюремщика, покорно подал ему для осмотра табак и журналы, которые принес Бэббит. Он ни о чем не рассказывал, только проговорил: «Ничего, привыкаю!» — и еще: «Работаю в портняжной мастерской. Пальцы болят».

Бэббит понял, что в этом мертвом доме и Поль омертвел. В поезде, по дороге домой, он подумал, что и в нем самом что-то умерло: умерла честная, непоколебимая вера в то, что мир хорош, умер страх перед общественным мнением, гордость своими успехами. Он был рад, что жена уехала. Он признался в этом себе, не оправдываясь. Ему было все равно.

На ее визитной карточке стояло: «Миссис Дэниэл Джудик». Бэббит слышал о ней: вдова крупного торговца бумагой. Вероятно, ей было лет сорок с лишним, но в тот день она показалась Бэббиту много моложе. Пришла она узнать насчет квартиры, и, отстранив неопытную секретаршу, он сам занялся ею. Его тревожило и привлекало ее изящество, стройная фигура, черное полотняное платье в белую крапинку — такое легкое, элегантное. Широкая черная шляпа затеняла ее лицо. У нее были блестящие глаза, нежный округлый подбородок, гладкие розовые щеки. Бэббит гадал, накрашена она или нет, но в женских уловках он разбирался хуже любого мужчины.

Она села, вертя в руках лиловый зонтик. Голос у нее был мягкий, но без всякого кокетства.

— Не знаю, сможете ли вы мне помочь.

— С наслаждением!

— Я везде искала, по... Знаете, мне нужна небольшая квартира, одна — или, может быть, две спальни, гостиная, кухонька и ванная, но главное, хочется найти что-нибудь приятное, не в этих унылых старых домах, но и не в самых новых, там обычно такие ужасные, крикливые канделябры. И платить слишком дорого я тоже не в состоянии. Меня зовут Танис Джудик.

— Кажется, у меня есть одна подходящая квартирка. Хотите проехаться, посмотреть?

— Хорошо, у меня есть часа два свободных.

В новом доме на Кэвендиш-стрит у Бэббита была квартира, которую он придерживал для Сидни Финкельштейна, но при мысли, что можно проехаться с этой приятнейшей дамой, он изменил своему другу Финкельштейну и галантно сказал:

— Посмотрим, чем я могу быть вам полезен!

Он вытер для нее сиденье в машине и дважды рисковал жизнью, хвастая своими шоферскими талантами.

— А вы отлично правите! — сказала она.

Ему нравился ее голос. «Такой музыкальный, — подумал он, — чувствуется культура, не то что у Луэтты Свенсон, — сплошной визг и хохот».

Он гордо сказал:

— Знаете, многие боятся и ведут машину так медленно, что только всем мешают. Самый надежный, водитель тот, кто умеет владеть машиной и вместе с тем, когда надо, не боится скорости. Вы со мной согласны?

— Ода!

— Ручаюсь, что вы правите как бог!

— О нет, по правде говоря — не очень хорошо... Конечно, у нас была своя машина, — я хочу сказать, при покойном муже, и я иногда делала вид, будто правлю, но я не верю, что женщина может научиться водить машину не хуже мужчины!

— Как сказать, некоторые женщины отлично правят!

— Да, конечно, те, кто подражает мужчинам, играет в гольф и вообще портит себе цвет лица, не бережет руки...

— Это верно. Я сам никогда не любил мужеподобных женщин.

— Нет, я хочу сказать — я их, конечно, очень уважаю, по сравнению с ними чувствуешь себя такой беспомощной, ненужной.

— О, какая чепуха! Ручаюсь, что вы играете на рояле как бог!

— О нет, по правде сказать, — не очень хорошо...

— А я уверен, что играете!

Он взглянул на ее гладкие руки, на кольца с бриллиантом и рубином. Она перехватила его взгляд, мягким кошачьим движением сплела тонкие белые пальцы, что окончательно привело его в восхищение, — и грустно протянула:

— О, я люблю играть, вернее, люблю побренчать на рояле, но я никогда не училась по-настоящему. Мистер Джудик всегда говорил, что из меня вышла бы прекрасная пианистка, если я бы только училась, но, по-моему, он мне просто льстил!

— А по-моему — нет! Я уверен, что у вас есть темперамент.

— О-оо... А вы любите музыку, мистер Бэббит?

— Еще бы! Только, пожалуй, я не очень люблю всякую эту классику!

— Что вы! Я обожаю Шопена!

— Неужели? Ну конечно, я тоже хожу на всякие серьезные концерты, но больше всего я люблю хороший джаз, знаете, когда они разойдутся и контрабасист как завертит свою бандуру, как заколотит по ней смычком!

— Ах да! Я тоже люблю танцевальную музыку. Люблю танцевать, а вы, мистер Бэббит?

— Еще бы! Но, по правде говоря, танцую я не очень хорошо.

— О, я уверена, что вы научитесь. Хотите, я поучу вас? Я кого хотите могу научить.

— И вы согласитесь дать мне когда-нибудь урок?

— Ну конечно!

— Берегитесь, не то поймаю вас на слове! Вот погодите, приду к вам на новую квартиру и заставлю меня учить!

— Ну что ж... — Она не обиделась, но и не проявила особой радости. Он мысленно предостерег себя: «Опомнись, балда! Не сваляй опять дурака!» — и снисходительно стал объяснять своей спутнице:

— Конечно, мне хотелось бы танцевать, как танцует молодежь, но я вам скажу вот что: я считаю, что каждый человек должен принимать полное, я бы сказал, творческое участие в созидании жизни, изменять мир, да и чего-то достигнуть для себя лично. Вы со мной согласны?

— О, безусловно!

— Потому-то мне и приходится жертвовать многим, чем я с удовольствием занялся бы, хотя должен сказать, что в гольф я играю ничуть не хуже других.

— О, я так и думала!.. Вы женаты?

— М-мм... да... и мм-ммм... у меня много общественных обязанностей. Я вице-председатель клуба Толкачей и ведаю одной из комиссий Всеобщего объединения посредников по реализации недвижимости, а это влечет за собой большую работу и ответственность — хотя фактически дело это весьма неблагодарное!

— О, я знаю! Общественные деятели никогда не получают должного признания!

Они посмотрели друг на друга с величайшим уважением, а на Кэвендиш-стрит он рыцарски помог ей выйти, широким жестом обвел дом, словно преподнося ей подарок, и внушительно приказал лифтеру поторопиться с ключами. В лифте они стояли совсем близко друг к другу, и он был взволнован, но сдержан.

Квартира оказалась прелестной, с белыми дверными и оконными наличниками и серо-голубыми стенами. Миссис Джудик в полном восхищении согласилась взять ее, и, когда они возвращались к лифту, она тронула Бэббита за рукав и проворковала:

— Ах, я так счастлива, что обратилась к вам! Так приятно встретить человека с настоящим Пониманием. О, вы не представляете себе, какие квартиры мне показывали *некоторые* люди!

Он инстинктивно, но отчетливо ощутил, что мог бы обнять ее за талию, но воздержался, с преувеличенной вежливостью посадил ее в машину и отвез домой. Возвращаясь в контору, он всю дорогу ругательски ругал себя:

— Слава богу, очухался... А, черт, и почему я не попытался... Чудо, а не женщина! Очарование! Настоящая фея! Чудные глаза, губы — просто прелесть, и эта тонкая талия — никогда не расплывется, как у других женщин!.. Нет, нет, нет! Она — настоящая культурная леди! И умница какая, удивительно, я таких никогда не видел. Все понимает — и общественные вопросы, и все... Эх, черт бы меня подрал, ну почему было не попытаться... О, Танис!!!

Он был расстроен, он недоумевал, но ему стало ясно, что его влечет молодость, именно молодость как таковая. И особенно смущала его одна девушка — хотя с ней он не сказал ни слова. Она работала маникюршей за крайним столиком справа в парикмахерской «Помпея». Девушка была маленькая, черненькая, быстрая и веселая. Ей было лет девятнадцать, от силы двадцать. Она всегда носила прозрачные розовые блузки, сквозь которые просвечивали ее плечи и черные ленточки рубашки.

В обычный день он отправился стричься в парикмахерскую «Помпея». Как всегда, он чувствовал себя предателем по отношению к соседней с ним парикмахерской в Ривс-Билдинг. Но впервые он тут же отбросил всякие угрызения совести: «К черту, не стану ходить туда, раз мне неохота! Кто они мне, эти парикмахеры? Буду стричься, черт возьми, там, где мне, черт подери, захочется! И не желаю больше об этом думать! Хватит покровительствовать кому попало против собственного желания! Ничего это не дает! Кончено!»

Парикмахерская «Помпея» помещалась в нижнем этаже отеля «Торнлей», самого большого и самого вызывающе модного отеля в Зените. Покатые мраморные ступени с изогнутыми медными перилами вели из холла отеля вниз в парикмахерскую. Она была отделана черными, белыми и красными плитками, с потрясающим вызолоченным потолком и фонтаном, куда дебелая нимфа без конца лила воду из малинового рога изобилия. Сорок парикмахеров и девять маникюрш работали без передышки, а у дверей шестеро цветных швейцаров встречали посетителей, почтительно отбирали у них шляпы и воротнички и провожали в зал ожидания, где на ковре, расстилавшемся, как тропический остров, среди белизны пола, стоял десяток кожаных кресел и стол, заваленный журналами.

Швейцар, встретивший Бэббита, услужливый седовласый негр, оказал ему честь, высоко ценившуюся в городе Зените: он приветствовал его по имени. Но Бэббит сразу огорчился: его хорошенькая маникюрша была занята. Она делала ногти какому-то расфуфыренному франту, пересмеиваясь с ним. Бэббит возненавидел этого человека. Он подумал — не переждать ли, но немыслимо было остановить мощную машину парикмахерской, и Бэббит был тут же посажен в кресло.

Вокруг него все дышало роскошью, утонченностью, богатством. Один из посвященных подвергался облучению ультрафиолетовыми лучами, другому мыли голову шампунем. Подмастерья подкатывали чудодейственные электромашины для вибрационного массажа. Парикмахеры хватали горячие салфетки из какой-то никелированной гаубицы и, приложив их на секунду к щеке клиента, небрежно отшвыривали прочь. Напротив кресел на широкой мраморной полке стояли сотни лосьонов — янтарных, рубиновых, изумрудных. Бэббиту льстило, что ему лично прислуживают два раба — парикмахер и чистильщик ботинок. Он был бы совершенно счастлив, если бы при нем была еще и маникюрша. Парикмахер подстригал ему волосы и спрашивал его мнение о скачках в Гавр-де-Грасе, о бейсбольном сезоне и мэре Прауте. Мальчик-негр мурлыкал: «Прощайте, летние встречи!» — и в такт песенке полировал башмаки вытертой до блеска бархаткой, натягивая ее с такой силой, что она щелкала, как струна банджо. Парикмахер отлично знал, как угождать клиентам, Бэббит чувствовал себя богатым и знатным от одних только почтительных вопросов: «Какой лосьон вы предпочитаете, сэр? Есть ли у вас сегодня время, сэр, для массажа лица? У вас кожа на голове суховата, разрешите, я вам сделаю также массаж головы».

Больше всего Бэббит любил мыть голову. Парикмахер взбил у него на волосах пышную, как крем, пену и потом, когда Бэббит, укутанный полотенцами, нагнулся над чашкой, облил его горячей водой, щекотавшей кожу, и под конец окатил ледяной струей. От неожиданного ощущения ледяного холода у Бэббита заколотилось сердце, дыхание перехватило, по спине пробежал электрический ток. Такие ощущения вносили разнообразие в жизнь. Бэббит поднял голову и величественно обвел взглядом парикмахерскую. Мастер с особым старанием вытер его мокрые волосы и обернул голову полотенцем в виде тюрбана, так что Бэббит сразу стал похож на пухлого калифа, сидящего на превосходно сконструированном передвижном троне. Тонем доброго малого, который, однако, потрясен величием калифа, парикмахер спросил:

— Разрешите протереть лосьоном «Эльдорадо», сор? Чрезвычайно полезно для кожи. Кажется, в прошлый раз я протираю вам волосы именно этим составом?

Хотя этого и не было, но Бэббит согласился:

— Что ж, давайте!

И тут у него екнуло сердце: его маникюрша освободилась. «Пожалуй, надо сделать маникюр!» — прогудел он и с волнением смотрел, как она подходила, черненькая, улыбающаяся, такая маленькая и нежная. Маникюр придется кончать за ее столиком, можно будет поговорить так, чтобы парикмахер не подслушивал. Он ждал, довольный, стараясь не смотреть на нее, пока она подпиливала ему ногти, а мастер брил его и потом натирал его горящие щеки теми диковинными смесями, которые парикмахеры начали изобретать еще с незапамятных времен. Когда парикмахер кончил свое дело и Бэббит пересел за столик девушки, он с восхищением осмотрел мраморную доску с вделанной в нее чашкой для воды и крохотными серебряными кранами и остался очень доволен, что ему доступна такая роскошь. Когда она вынула из чашки его мокрую руку, кожа на ладони стала настолько чувствительной от теплой мыльной воды, что он особенно остро почувствовал прикосновение крепких девичьих пальчиков. Его умиляли ее розовые блестящие ноготки. Вся рука показалась ему прелестней, даже изящней, чем тонкие пальцы миссис Джудик. С каким-то мучительным восторгом переносил он боль от острого ножичка, которым девушка отодвигала кожицу на ногтях. Он старался не смотреть на линию очень юной груди, на тонкие плечи, особенно выделявшиеся под прозрачным розовым шифоном. Вся она казалась ему очаровательной безделушкой, и, когда он заговорил, стараясь произвести на нее впечатление, голос его прозвучал робко, как у провинциального парня на первой вечеринке:

— Что, жарко сегодня работать, а?

— Да, страшно жарко. Вы в последний раз, видно, сами стригли себе ногти?

— М-да, кажется, сам.

— Надо всегда делать маникюр.

— Да, пожалуй, надо... Я...

— Нет ничего приятнее хорошо отделанных ногтей. Я считаю, что по ногтям сразу можно узнать настоящего джентльмена. Вчера тут у нас был один агент по автомашинам, так он говорит, что сразу можно оценить человека по его машине, а я ему прямо сказала: «Глупости, умному человеку стоит только глянуть на ногти, он сразу скажет, джентльмен перед ним или деревенщина».

— Да, пожалуй, это верно. А особенно... я хочу сказать, у такой хорошенькой девчушки всякому захочется почистить когти.

— Что ж, может, я еще молодая, но я стреляный воробей, порядочного человека отличу с первого взгляда — я всех насквозь вижу! Никогда бы не стала так откровенно говорить с человеком, если бы не видела, что он — славный малый.

Она улыбнулась. Ее глаза казались Бэббиту ласковыми, как апрельская капель. Он внушительно и серьезно сказал себе: есть, конечно, грубияны, которые могут подумать, что если девушка служит маникюршей и мало чему училась, так она уже бог знает кто, но он. Бэббит, демократ, он в людях разбирается! Он старался уверить себя, что она славная девушка, хорошая девушка — хорошая, но, слава богу, не ханжа. Он спросил с глубочайшим сочувствием:

— Наверно, вам попадаютя страшные нахалы?

— Ох, да еще какие! Слушайте, ей-богу, есть такие франты, которые считают, — раз девушка работает в парикмахерской, значит, им все с рук сойдет. И чего они только не наговорят, кошмар! Но можете мне поверить, я-то знаю, чем отвадить этих котов! Как гляну на пего, как спрошу: «Вы что ж, не знаете, с кем разговариваете?» — и он тут же смывается, исчезает, как сон любви молодой. Не хотите ли баночку пасты для ногтей? Придает блеск, безвредна в употреблении, сохраняется очень долго!

— Конечно, отчего не попробовать. Скажите... скажите, я тут бываю с самого открытия и до сих пор... — С деланным удивлением:
— До сих пор не знаю, как вас зовут!

— Правда? Вот потеха! А я тоже не знаю, как вас звать!

— Нет, кроме шуток! Как ваше прелестное имя?

— О, не такое уж оно прелестное! Что-то в нем есть жидовское. Но мы-то не жидаы. Папаша моего папы был каким-то знатным типом в Польше, а здесь ко мне как-то заходил один джентльмен, он что-то вроде графа...

— Вроде графина, наверно!

— Кто рассказывает — вы или я? Какой умный! Так вот этот клиент сказал, что он знал папиных родичей там, в Польше, и у них был роскошный большой дом. Прямо на берегу озера. — С сомнением:
— Может, вы мне не верите?

— Нет. То есть да, конечно, конечно, верю! Что ж тут такого? Я вам вот что скажу, крошка, и не думайте, будто я вас разыгрываю, но, честное слово, каждый раз, как я вас видел, я говорил себе: «В этой девочке течет голубая кровь!»

— Ей-богу, не врете?

— Конечно, не вру! Ну, говорите же — мы ведь с вами друзья, — как ваше прелестное имечко?

— Ида Путяк. Не особенно красиво, верно? Я всегда говорю матери: «Мама, почему вы не назвали меня Долорес или еще как-нибудь пошикарней?»

— А по-моему, расчудесное имя — Ида!

— А я угадала, как вас зовут!

— А может, и не угадали! Конечно, нет! Не такой уж я известный человек...

— Ведь вы — мистер Зондгейм, коммивояжер фирмы «Дивная посуда» — угадала?

— Ну нет! Я — мистер Бэббит, посредник по недвижимому имуществу!

— О, простите, пожалуйста! Да, конечно! И вы живете в Зените?

— Да-с! — коротко отрезал он, как человек, оскорбленный в лучших своих чувствах.

— Ах, да, да! Я читала ваши объявления. Очень красивые!

— М-мм... Н-да... А может быть, вы читали и о моих выступлениях?

— Ну конечно, конечно! Правда, читать мне особенно некогда, но... наверно, вы меня считаете за дурочку!

— Нет, вы — душечка!

— Что вы! Знаете, в нашей работе есть одна хорошая сторона. Встречаешься с ужасно интересными людьми, с настоящими джентльменами, и от разговоров становишься такой развитой, потом прямо с первого взгляда определяешь человека!

— Послушайте, Ида, прошу вас, не считайте меня нахалом... — Ему стало жарко при мысли, как унижительно получить от этой девочки отказ, и как опасно, если она согласится. Он отведет ее пообедать, но что, если его друзья увидят их, осудят... Но он уже не мог удержаться: — Не сочтите меня нахалом, но как было бы чудно, если б мы с вами как-нибудь вечером вместе пообедали...

— Право, не знаю, можно ли... Один джентльмен меня тоже всегда приглашает. Ко как раз сегодня я свободна.

А почему, собственно говоря, уверял он себя, почему бы и не пообедать с бедной девушкой, для которой истинное благо — общаться с таким зрелым и образованным человеком, как он. Но чтобы не попасться на глаза тем, кто этого не поймет, он решил свезти ее в ресторан Биддлмейера, на окраине города. В такой тихий жаркий вечер приятно прокатиться, может быть, он пожмет ей ручку — нет, он даже этого не станет делать! Правда, девушка, как видно, покладистая, стоит только взглянуть на ее голые плечики, но пусть его повесят, если он начнет приставать к ней только потому, что она этого ждет.

Но в этот день его машина вдруг испортилась: что-то случилось с зажиганием. А ему до зарезу нужна была машина к вечеру! Со злостью он проверил свечи, долго осматривал распределительный щит. Однако даже от самых свирепых его взглядов упрямая машина не тронулась с места, и ее пришлось со стыдом волочить в гараж. Бэббит снова ожил при мысли о такси. В такси было что-то шикарное и вместе с тем заманчиво грешное.

Но когда они встретились на углу, в двух кварталах от отеля «Торнлей», девушка сказала:

— Ах, такси?.. А я думала, у вас своя машина!

— Ну конечно! Конечно, у меня своя машина. Но сегодня она в ремонте.

— Ага... — протянула она таким тоном, будто не в первый раз слышала эти сказки.

Всю дорогу до ресторана Биддлмейера он пытался завести дружеский разговор, но все попытки как об стену разбивались об ее болтовню. С бесконечным возмущением она рассказывала во всех подробностях, как она осадил этого наглеца, старшего мастера, и как она с ним расправится, если он еще раз осмелится сказать, что она «лучше умеет трепать языком, чем чистить людям копыта».

В ресторане Биддлмейера нельзя было достать ничего спиртного. Метрдотель не желал понять, кто такой Джордж Ф.Бэббит. Они сидели, обливаясь потом, перед огромным блюдом жаркого и разговаривали о бейсболе. Когда он попытался взять Иду за руку, она

весело и дружелюбно сказала: «Осторожней! Этот официант подсматривает!» Но когда они вышли, их встретила лукавая летняя ночь, недвижимый воздух и молодой месяц, плывущий над неузнаваемо преобразенными кленами.

— Поедем куда-нибудь, где можно выпить и потанцевать, — настаивал он.

— С удовольствием, только не сегодня! Обещала маме вернуться пораньше!

— Глупости! Кто же в такую чудную ночь сидит дома!

— Мне и самой хочется, но мама меня заругает!

Его пробирали дрожь. В ней воплотилась для него вся молодость, вся прелесть... Он обнял ее за талию. Она бесстрашно прижалась к его плечу, и он торжествовал. Но она тут же сбежала по ступенькам ресторана, щебеча:

— Поедем, Джорджи, прокатимся, может быть, станет не так жарко.

То была настоящая ночь для влюбленных. У обочин, по всему шоссе до самого Зенита, под ласковым невысоким месяцем, стояли машины, и в каждой смутно виднелись мечтательные пары. Бэббит жадно протянул руки к Иде и, когда она погладила их, замер от благодарности. Никаких подходов, никакой борьбы, — он поцеловал ее, и она ответила непринужденно и просто за неподвижной спиной шофера.

У нее упала шляпка. Ида высвободилась из объятий Бэббита, чтобы поднять ее.

— Не надо, брось! — умолял он.

— Что? Бросить шляпу? Дудки!

Он ждал, пока она приколет шляпку, потом его рука снова прокралась к ней. Она отстранилась и сказала наставительно-материнским голосом:

— Не шали, мой дружок! Не огорчай мамочку. Сядь как следует, будь умницей, смотри, какая хорошая ночь! Если будешь пай-мальчиком, я тебя, может быть, поцелую на прощание! А теперь дай-ка мне сигаретку!

Он заботливо зажег сигарету, спросил, удобно ли ей сидеть. Потом отодвинулся от нее как можно дальше. Он весь похолодел от такой неудачи. Никто не мог точнее, яснее и неоспоримее, чем сам Бэббит,

сознавать, какой он дурак. Он подумал, что с точки зрения почтенного доктора Джона Дженнисона Дрю он нехороший человек, а с точки зрения мисс Иды Путяк — старый зануда, которого приходится терпеть ради того, чтобы хорошо пообедать.

— Миленький, да ты, никак, вздумал дуться?

Голосок у нее был нахальный. Больше всего ему хотелось выпороть ее. Он мрачно подумал: «Еще смеет так со мной разговаривать, оборвыш несчастный! Эмигрантское отродье! Нет, надо поскорей от нее отвязаться, вернуться домой, а там можно поносить себя за глупость сколько душе угодно!»

Он фыркнул вслух:

— Я? Дуться? Глупышка, чего мне на тебя дуться? Но вот что я тебе скажу, Ида, послушай дядю Джорджа внимательно. Я хочу сказать, что нехорошо все время ссориться со старшим мастером. У меня огромный опыт в обращении с подчиненными, и я тебе скажу — нельзя восстанавливать против себя старших.

Около убогого деревянного домишка, где она жила, он торопливо и вежливо распрощался с ней, но, отъезжая, мысленно взмолился: «О господи боже мой!..»

25

Он проснулся, блаженно потягиваясь и слушая, как чирикают воробьи, и тут же вспомнил, что все плохо, что он решил было сойти с пути истинного, но это занятие ничуть его не прельщает. А зачем, подумал он, надо бунтовать? И против чего? Почему не взяться за ум, не прекратить эту идиотскую беготню, жить спокойно для своей семьи, для дела, для друзей по клубу? Что для него этот бунт? Одни терзания и стыд — стыд оттого, что всякая нищенка, вроде Иды Путяк, обращается с ним, как с нашкодившим мальчишкой! И все же... Вечно он возвращался к этому «и все же»! Несмотря на терзания, он уже не мог примириться с миром, в котором усомнился, с миром, который казался ему нелепым.

И только в одном он поклялся себе: «Кончена эта беготня за юбками!»

Правда, к середине дня он уже и в этом не совсем был уверен. Если ни в мисс Мак-Гаун, ни в Луэтте Свенсон, ни в Иде Путяк он не нашел той единственной — прекрасной и нежной, это еще не значит, что ее нет на свете. Его преследовало старое наваждение, что где-то существует вполне реальная «она», которая поймет его, оценит и осчастливит.

Миссис Бэббит вернулась в августе.

Раньше, когда она уезжала, он скучал без ее успокоительного голоса и устраивал праздник по случаю ее приезда. А теперь, хотя он и не решался огорчить ее даже отдаленным намеком в письмах, он жалел, что она возвращается, прежде чем он пришел в себя, и его смущало, что надо ехать встречать ее на вокзал, делая веселое лицо.

Не спеша он приехал на вокзал и начал пристально изучать объявления разных курортов, лишь бы не разговаривать со знакомыми и не выдать свое беспокойство. Но он был человек привычный. Когда поезд с грохотом подкатил к перрону, он был уже там, заглядывая во все окна и, увидев жену среди пассажиров, двигавшихся к выходу, замахал шляпой. Подойдя к ней, он поцеловал ее и воскликнул:

— Ну, здравствуй, здравствуй! А ты чудесно выглядишь, ей-богу, чудесно!

Тут же стояла Тинка. Вот это настоящее — эта смешная курносая девчонка с веселыми глазами, она любит его, она в него верит, — и он обнял Тинку, подхватил на руки и так стиснул, что она запищала. В эту минуту он стал опять таким, как прежде, — уравновешенным, спокойным.

Тинка уселась рядом с ним в машину, держась одной рукой за руль и делая вид, что помогает править, а он громко кричал жене:

— Честное слово, девочка будет водить машину лучше нас всех! Держит руль, как заправский шофер!

И все время он боялся той минуты, когда останется с женой наедине и она терпеливо будет ждать проявлений страсти.

В семье было молчаливо принято решение, что отпуск он должен провести один, съездить на недельку-другую в Катобу, но его мучили воспоминания о том, как год назад он был с Полем в Мэне. Он представлял себе, как он возвращается туда и там обретает мир в воспоминаниях о Поле, в жизни простой и мужественной. Словно молнией пронзила его мысль, что теперь он и вправду может поехать один. И все-таки как ему поехать? Как оставить контору, — да и Майре покажется странным, чего это он вдруг поехал туда один. Конечно, он давно решил делать все, что ему вздумается, — какого черта, в самом деле... Но как это вдруг уехать в Мэн!

После долгих раздумий он все же уехал.

Так как невозможно было объяснить жене, что он едет в лесную глушь искать призрака Поля, он пустил в ход ложь, подготовленную еще в прошлом году и до сих пор практически не использованную. Он сказал, что ему надо повидать по делу одного человека в Нью-Йорке. Но даже самому себе он не сумел бы объяснить, почему он взял из банка на несколько сот долларов больше, чем могло понадобиться, и почему так нежно поцеловал на прощание Тинку, приговаривая: «Господь с тобой, крошка!» Он махал ей из окна поезда, пока она не стала казаться маленьким алым пятнышком рядом с большим коричневым пятном, в которое превратилась миссис Бэббит, стоявшая

в конце длинного бетонного перрона с широкими решетчатыми воротами. С грустью он смотрел на убегающие предместья Зенита.

Всю дорогу на север ему мерещились мэнские проводники: простые, сильные и смелые, веселые за игрой в покер, в хижинах под бревенчатым потолком, опытные охотники на лесных дорогах и переправах через стремнины. Особенно вспоминался ему Джо Пэрадайз — полуянки-полуиндеец. Если б только можно было купить дальнюю делянку в лесу и вместе с таким человеком, как Джо, заняться тяжелой физической работой, жить на приволье, носить фланелевые рубашки и никогда не возвращаться к скучным приличиям и условностям!

А не то стать траппером, каких показывают в канадских фильмах, врубаться в чащу, ночевать в Скалистых горах, превратиться в молчаливого, сурового пещерного человека! Почему бы и нет? Он *может* так жить! У семьи хватит денег, а потом Верона выйдет замуж, Тед станет самостоятельным. Старый Генри Т. о них позаботится. Честное слово! Почему бы и не жить так? *Жить по-настоящему!*..

Ему очень хотелось этого, он признался себе, что ему только этого и хочется, и вдруг сам почти поверил, что непременно так и сделает. И когда здравый смысл ворчал: «Чепуха! Порядочные люди не убегают от семьи, от компаньонов, это не полагается — и все!» — Бэббит с мольбой ответил себе: «Неужто это труднее, чем Полю пойти в тюрьму, — о господи, какая бы это была жизнь! Мокасины — шестистволка — пограничный городок — азартная игра — ночевки под звездами — стать настоящим мужчиной с настоящими людьми, вроде Джо Пэрадайза — о черт!»

И снова он очутился в Мэне, снова стоял на той же пристани у лесной гостиницы, снова храбро сплевывал в подернутую тонкой рябью воду, и над ним шумели сосны, сияли вершины гор, и форель выскакивала из воды и падала, оставляя расходящиеся круги. Он поспешил в хижину проводников, как в родной дом, к родным людям, по которым давно стосковался. Они так ему обрадуются! Вскочат, крикнут: «Ого! Мистер Бэббит приехал! Он не из этих городских франтов! Настоящий парень!»

В дощатой, тесно заставленной хижине, у засаленного стола, играли засаленными картами проводники: их было человек шесть, все немолодые, в старых штанах и просторных старых шляпах. Они

мельком взглянули на Бэббита, кивнули ему. Джо Пэрадайз, загорелый старик с огромными усами, проворчал: «Здорово! Приехали?»

Наступило молчание, прерываемое только стуком фишек.

Бэббит сиротливо стоял около них. Понаблюдав их сосредоточенную игру, он робко спросил:

— Можно и мне, Джо?

— Чего ж. Садитесь. Сколько вам фишек? Вы, что ли, в прошлом году приезжали сюда с женой? — пробурчал Джо.

Вот как было встречено возвращение Бэббита в родной дом!

Целых полчаса он играл молча. Голова у него трещала от дыма трубок и дешевых сигар, и ему надоели флешки и пары, надоело, что никто не обращает на него внимания. Он заговорил с Джо:

— Заняты?

— Нет.

— Хотите ко мне в проводники?

— Ну что ж. Я до следующей недели свободен.

Особой радости по поводу предложенной ему дружбы Джо не проявил. Бэббит уплатил свой проигрыш и вышел из хижины в какой-то ребяческой обиде. Джо высунул голову из клубов дыма, как тюлень из прибрежной пены, проворчал: «Завтра зайду!» — и снова углубился в созерцание своих трех тузов.

Ни в безмолвии охотничьего домика, пахнущего свежеструганной сосной, ни на озере, ни в красоте закатных облаков, выплывших из-за фиолетовой дымки гор, Бэббит не мог ощутить рядом с собой Поля, почувствовать его успокоительное присутствие. Он был так одинок, что после ужина разговорился у камина в холле гостиницы с древней старушкой, очень восторженной и очень болтливой. Он рассказывал ей о будущих успехах Теда в университете и о том, как умно разговаривает Тинка, пока от этих воспоминаний его не охватила тоска по дому, откуда он уехал навсегда.

Сквозь тьму, сквозь северную сосновую тишь он пробрался к озеру и нашел лодку. Весел не было, но он взял доску и, неловко примостившись на середине скамьи, не греб, а скорее тыкал в воду этой доской, пока не выбрался на простор озера. Освещенные окна гостиницы и охотничьих хижин стали желтыми точками, роем светлячков у подножья горы Сэчем. Сама гора казалась еще выше, еще невозмутимее в усеянной звездами темноте, озеро блестело, словно

выложенное черным мрамором, и конца ему не было видно. Бэббит чувствовал себя ничтожным, безгласным, слегка запуганным, но это сознание собственного ничтожества заставило его забыть, что он — мистер Джордж Ф.Бэббит, важный гражданин города Зенита. На душе стало грустно и легко. Теперь ему казалось, что Поль с ним, он представлял себе, как его друг, свободный от тюрьмы, от Зиллы и от деловой спешки, играет на скрипке, сидя на корме. «Так и буду жить! — клялся Бэббит. — Ни за что не вернусь! Поля нет, а больше я не хочу никого видеть, надоели! Дурак я, что обиделся на Джо за то, что он не вскочил, не бросился мне на шею. Он человек лесной, себе на уме, не станет он гоготать и трещать без умолку, как городские люди. Надо уйти с ним в горы, на лесные тропы! Вот где настоящая жизнь!»

Джо явился в охотничью хижину к Бэббиту в девять часов утра. Бэббит встретил его, как пещерный житель — пещерного жителя.

— Ну как, Джо, хочется уйти в леса, подальше от этих дурацких сопляков-дачников, от всяких баб и прочен ерунды?

— Как угодно, мистер Бэббит.

— Что, если мы отправимся на озеро Бокс-Кар — говорят, там хижина пустует — и поживем в ней?

— Да как хотите, мистер Бэббит, до озера Скаутвит будет поближе, а рыбалка там тоже хороша.

— Нет, хочется в настоящую глушь.

— Как угодно.

— Навьючим на спину тюки, пойдём лесом, побродим как следует!

— А не проще ли водой, через озеро Чог? До самого места на моторке — там есть плоскодонка с новым мотором.

— Нет уж, слуга покорный! Нарушать тишину грохотом мотора? Ни за что на свете! Захватите пару носков и рюкзак да скажите в отеле, какой харч нам дать с собой. Я вас не задержу.

— Туристы как-то больше любят на моторке. Больно далеко идти.

— Слушайте, Джо, неужто вы не любите ходить?

— Не то что не люблю, могу и пойти. Только я так далеко уж лет шестнадцать не ходил. Туристы больше на лодке ездят. Но раз вам

угодно, — что ж, могу и пойти. — Джо ушел в очень плохом настроении.

Бэббит позабыл эту жестокую обиду еще до того, как Джо вернулся за ним. Он представлял себе, как Джо разойдется и начнет рассказывать занятнейшие истории. Но Джо не разошелся даже в лесу. Он упорно тащился сзади Бэббита, и как Бэббиту ни резал плечи рюкзак, как ни пыхтел он на подъемах, он все время слышал, что его проводник пыхтит ничуть не меньше. Но дорога оказалась приятной: тропа, усыпанная коричневой хвоей, с торчащими везде корневищами, вилась между лиственниц, папоротников, неожиданных березовых рощиц. К Бэббиту вернулась прежняя вера, он радовался, что пот льет с него градом. Остановившись передохнуть, он с довольным смешком сказал:

— Для таких старикашек мы неплохо справляемся, верно?

— Угу! — согласился Джо.

— А как тут красиво! Смотрите, вон, за деревьями, видно озеро. Клянусь честью, Джо, вы сами не цените, какой вы счастливый, что живете в лесу, а не в городе, где трамваи грохочут, машинки трещат и от людей житья нет! Вот если б я знал лес, как вы! Скажите, как называется этот алый цветочек?

Джо сердито посмотрел на цветок, потирая натруженную спину.

— А кто его знает! Одни так зовут, другие — иначе. А я называю его «красный цветок» — и все.

К счастью, Бэббит совершенно потерял способность мыслить, когда ходьба превратилась в слепое спотыканье. Его одолевала усталость. Казалось, его толстые ножки идут сами по себе, помимо воли, и он машинально вытирал пот, застилавший глаза. От усталости он даже не обрадовался, когда, прошагав целую милю под палящим солнцем по гати через болото, где над низким кустарником жужжали тучи мух, они наконец добрались до прохладного берега озера Бокс-Кар. Когда Бэббит снял со спины рюкзак, он зашатался, теряя равновесие, и чуть не упал. Улегшись под широкогрудым кленом около охотничьей хижины, он блаженно почувствовал, как сон разливается по усталому телу.

Проснулся он в сумерках, когда Джо ловко стряпал к ужину яичницу с ветчиной и оладьи, и в нем снова воскресло восхищение

этим сыном лесов. Он сел на пень, чувствуя себя настоящим мужчиной.

— Скажите, Джо, а что бы вы сделали, если бы у вас была куча денег? Что было бы лучше — остаться проводником или взять делянку в самой глухомани и жить вольной птицей?

Впервые Джо несколько оживился. Он пожевал табачную жвачку и проворчал:

— Я сам часто об этом думаю. Были бы у меня деньги, поехал бы в Тинкерс-Фоллз и открыл там хороший обувной магазин!

После ужина Джо предложил сыграть в покер, но Бэббит решительно отказался, и Джо с удовольствием лег спать в восемь часов. Бэббит сидел на пне, глядя на темное озеро и отгоняя комаров. Кроме храпящего проводника, на десять миль — ни живой души. Никогда в жизни он не чувствовал себя таким сильным. И его мысли снова перенеслись в Зенит.

Снова он забеспокоился — не переплачивает ли мисс Мак-Гаун за копирку. Его снова обижали и радовали упорные насмешки за столом «дебоширов». Он подумал — а что сейчас делает Зилла Рислинг? Подумал и о том, будет ли Тед, после «взрослой» летней работы в гараже, заниматься как следует в университете? Он думал и о своей жене. «Если бы — если бы только она не была всегда так довольна, так удовлетворена этой налаженной жизнью... Нет! Не хочу! Не вернусь ни за что! Через три года мне будет пятьдесят. Через тринадцать лет — шестьдесят. Хочу пожить в свое удовольствие, пока не поздно! Плевать мне на все! Я так хочу!»

Он подумал об Иде Путяк, о Луэтте Свенсон, об этой симпатичной вдовушке — как ее фамилия? да, Танис Джудик, — для которой он нашел квартиру. Мысленно он вел с ними разговор. Потом спохватился:

— Что это, никак не могу забыть о людях!

И тут он понял, что бежать глупо, потому что от самого себя все равно не убежишь.

С этой минуты он уже стремился в Зенит. Со стороны его отъезд ничем не походил на бегство, но это было настоящее бегство: через четыре дня он уже сидел в зенитском поезде. Он знал, что едет обратно не потому, что ему хочется, а потому, что ничего другого не остается. Снова и снова он проверял свое последнее открытие: да, он не мог

убежать из Зенита, убежать от своей семьи, своей работы, потому что в мозгу у него засели и семья, и работа, и каждая улица, каждая забота, каждая удача Зенита.

— И все-таки я... я что-нибудь сделаю! — клялся он, и ему хотелось, чтобы эта клятва звучала мужественно и смело.

26

Он шел по вагонам, отыскивая знакомые лица, но встретил только одного знакомого, да и то это был всего лишь Сенека Доун, адвокат, который имел счастье окончить университет вместе с Бэббитом, потом стал юрисконсультом какой-то корпорации, а впоследствии совсем свихнулся, выставил свою кандидатуру по списку фермеров и рабочих и якшался с отъявленными социалистами. И хотя Бэббит объявил себя бунтарем, ему, естественно, не хотелось, чтобы его увидели вместе с таким фанатиком. Но во всех пульмановских вагонах не было ни одной знакомой души, и он нерешительно остановился. Сенека Доун, худощавый и лысоватый, очень походил на Чама Фринка, но на лице у него не было постоянной ухмылки, как у Чама. Он читал книгу с заглавием «Путь всякой плоти». Бэббиту эта книга показалась религиозной, и он подумал, что, может быть, Доуна обратили на путь истинный и он стал порядочным человеком и патриотом.

— Привет, Доун! — окликнул он адвоката.

Доун поднял глаза. Голос у него был удивительно добрый.

— А, Бэббит, здравствуй! — сказал он.

— Далеко ездил?

— Да, был в Вашингтоне.

— Ого, в Вашингтоне! Как там наше правительство?

— Ну, как сказать... да ты присаживайся!

— Спасибо. Пожалуй, сяду. Да, да! Много воды утекло с тех пор, как мы с тобой в последний раз говорили, Доун. А я... я даже огорчился, что ты не пришел на наш товарищеский обед.

— А-а, спасибо!

— Ну, как твои профсоюзы? Опять выставишь свою кандидатуру в мэры?

Доуну, видно, не сиделось на месте. Он перелистал свою книгу. Потом сказал: «Возможно!» — и при этом улыбнулся, как будто разговор шел о пустяках.

Бэббиту понравилась его улыбка, захотелось поддержать разговор.

— А я видел замечательное ревю в Нью-Йорке, называется «С добрым утром, милашка!». Они выступают в отеле «Минтон».

— Да, там много хорошеньких. Как-то танцевал в этом отеле.

— Ты разве любишь танцевать?

— Разумеется. И танцевать люблю, и хорошеньких женщин, и хорошую еду люблю больше всего на свете. Как все мужчины.

— Фу-ты, пропасть, Доун, а я-то думал, что ваша братия хочет отнять у нас всю хорошую еду и все удовольствия.

— О нет! Ничего подобного. Просто мне хотелось бы, чтобы, скажем, профсоюз работников швейной промышленности устраивал митинги, скажем, в отеле «Ритц», да еще с танцами после собрания. Разве это неразумно?

— М-да, конечно, идея неплохая. Вообще... Жаль, что мы с тобой так мало встречались в последние годы. Да, скажи, ты, надеюсь, на меня не в обиде, что я помешал тебе пройти в мэры, агитировал за Праута. Видишь ли, я — член республиканской партии и, так сказать, считал...

— А почему бы тебе и не выступить против меня? Наверно, ты — искренний республиканец. Вспоминаю — в университете ты был настоящим вольнодумцем и вообще добрым малым. Помню, как ты мне говорил, что станешь адвокатом и будешь бесплатно защищать всех бедняков и бороться с богачами. И помню, как я говорил, что сам стану богачом, накуплю картин, построю виллу в Ньюпорте. Но ты всех нас умел вдохновить!

— Да, да... Мне всегда хотелось быть свободомыслящим.

Бэббит был необычайно смущен, и горд, и растерян; он старался снова стать похожим на того юношу, каким он был двадцать пять лет назад, и, сияя улыбкой, торопливо уверял своего старого друга Сенеку Доуна:

— Беда в том, что большинство наших сверстников, даже самые деятельные, даже те, кто считает себя передовыми... беда их в том, что нет в них терпимости, широты, свободомыслия. Я-то всегда считал, что надо и противника выслушать, дать ему высказать свои взгляды.

— Прекрасно сказано.

— Я себе так представляю: небольшая оппозиция для всех для нас — хорошая штука, и человек, особенно если он делец и занимается полезным делом, должен смотреть на вещи широко.

— Да...

— Я всегда говорю — у человека должна быть Прозорливость, Идеал. Наверно, многие мои товарищи по профессии считают, что я — фантазер, ну и пусть думают что хотят, а я буду жить по-своему, как и ты... Честное слово, приятно посидеть с человеком, поговорить и, так сказать, поделиться своими идеалами.

— Но нас, фантазеров, очень часто бьют. Тебя это не смущает?

— Ничуть! Никто мне не смеет указывать, что думать и чего не думать!

— Знаешь, ты как раз тот человек, который может мне помочь. Если бы ты поговорил кой с кем из деловых кругов, убедил бы людей быть снисходительнее к этому несчастному Бичеру Ингрэму...

— Ингрэм? Слушай, да это же тот сумасшедший проповедник, которого выкинули из конгрегационалистской церкви, тот, что проповедует свободную любовь и раскол?

Доун объяснил, что и в самом деле таково общее мнение о Бичере Ингрэме, но он-то считает, что Бичер Ингрэм проповедует братство всех людей, а ярким заступником этого является и сам Бэббит. Не может ли Бэббит защитить от своих знакомых Ингрэма и его несчастную церквушку?

— Непременно! Поставлю на место любого, кто посмеет издеваться над Ингрэмом! — с чувством обещал Бэббит своему дорогому другу Доуну.

Доун оживился, стал вспоминать прошлое. Он рассказал о студенческой жизни в Германии, о том, как он участвовал в делегации, требовавшей единого налога в Вашингтоне, о международных рабочих конгрессах. Он упомянул о своих друзьях — среди них был лорд Уайком, полковник Веджвуд, профессор Пикколи. Бэббит всегда думал, что Доун якшается исключительно с членами ИРМ, но тут он серьезно кивал головой, словно тоже знал десятки лордов Уайкомов, и сам дважды ввернул имя сэра Джеральда Доука. Он чувствовал себя смельчаком, идеалистом и космополитом.

И вдруг, в свете своего нового духовного величия, он почувствовал жалость к Зилле Рислинг и понял ее так, как не понимал никого из этих примитивных людишек — членов клуба Толкачей.

Часа через два после того, как Бэббит прибыл в Zenit и сообщил жене, как жарко было в Нью-Йорке, он поехал навестить Зиллу. Он был полон добрых намерений и всепрощения. Он освободит Поля, сделает для Зиллы очень много хорошего, хотя и неясно, что именно, он будет великодушен, как его друг, Сенека Доун.

Зиллу он не видел с тех пор, как Поль в нее стрелял, и она все еще представлялась ему пышной, краснощекой, подвижной, хоть и слегка увядшей. Подъезжая к ее пансиону в унылом узком переулке за оптовыми складами, он испуганно затормозил машину. В окне верхнего этажа он увидел женщину, облокотившуюся на подоконник и похожую на Зиллу, но она была бледная, очень немолодая и напоминала пожелтевший сверток старой мятой бумаги. Зилла, наверно, уже бежала бы ему навстречу с громкими восклицаниями, а эта женщина была до ужаса неподвижна.

Он прождал полчаса, пока она спустилась в гостиную. Пятьдесят раз он открывал и закрывал альбом фотографий международной ярмарки 1893 года в Чикаго, пятьдесят раз смотрел на снимок почетного президиума.

Он вздрогнул, когда Зилла вошла в комнату. На ней было черное поношенное платье, которое она попыталась оживить поясом из красной ленты. Лента была рваная, аккуратно заштопанная в нескольких местах. Бэббит все это заметил, потому что не хотел смотреть на ее плечи. Одно плечо было ниже другого: одна рука скрючилась, словно парализованная, а под высоким воротником из дешевых кружев кривилась тонкая бескровная шея, которая когда-то была гладкой и полной.

— Что скажешь? — спросила она.

— Здравствуй, здравствуй, Зилла дорогая! Честное слово, как я рад тебя видеть!

— Он может сноситься со мной через адвоката.

— Это еще что за глупости! Да разве я пришел от него? Пришел как твой старый друг.

— Долго же ты собирался...

— Сама знаешь, как оно бывает. Думал, может быть, ты не захочешь видеть его товарища сразу, после всего... Да ты сядь, детка. Давай поговорим серьезно. Все мы наделали много такого, чего не следовало, но, может быть, еще удастся как-то все исправить. Честное

слово, Зияла, я бы дорого дал, чтобы вы оба опять были счастливы. Знаешь, о чем я сегодня думал? Имей в виду, Поль ничего не знает, он даже не знает, что я к тебе приехал. Вот что я подумал: Зилла — славная, добрая женщина, она поймет, что Поль, — ну, как бы сказать, — уже получил хороший урок. Вот было бы чудесно, если бы ты попросила губернатора помиловать его! Поверь, он его помилует, если об этом попросишь именно ты. Нет! погоди! Только подумай, сколько радости тебе самой доставит такое великодушие.

— Да, я хочу быть великодушной! — Она сидела прямо, говорила ледяным голосом. — Именно поэтому я хочу, чтобы он остался сидеть в тюрьме, пусть это будет примером всем грешникам и злодеям. Я стала религиозной, Джордж, после того, как этот человек заставил меня пережить такой ужас. Да, я часто злилась, да, я любила светские удовольствия, танцы, театры. Но когда я попала в больницу, проповедник общины святой троицы приходил навещать меня, и он мне точно доказал, по Священному писанию, что близится день Страшного суда и вся паства необновленных церковью пойдет прямо в ад, оттого что они служат богу не сердцем, а языком и попустительствуют всему мирскому, плотскому, дьявольскому.

Минут пятнадцать она говорила как одержимая, без остановки, уговаривая его бежать гнева господня, и лицо ее покраснелось, а помертвевший голос снова зазвучал решительно и визгливо, как у прежней Зиллы. В последних ее словах слышалась неприкрытая злоба:

— Сам бог велел, чтобы Поль сейчас томился в тюрьме, пришибленный, униженный таким наказанием, пусть он хоть этим спасет свою душу, пусть это будет примером другим подлецам, которые гоняются за женщинами, за плотскими радостями.

Бэббита передергивало, он еле сидел. Как в церкви он боялся пошевелиться во время проповеди, так и тут он притворялся внимательным и слушал, хотя ее визгливые обличения кружили над ним, словно злые стервятники.

Он решил быть спокойным, по-братски мягким.

— Да, я все понимаю, Зилла. Но, честное слово, самое главное в религии — милосердие, не так ли? Ты меня выслушай: по-моему, в жизни нужнее всего широта взглядов, терпимость, если мы чего-нибудь хотим добиться. Я всегда считал, что надо быть свободомыслящим, терпимым...

— Ты? Ты терпимый человек? — Она опять заговорила как прежняя Зилла. — Слушай, Джордж Бэббит, да в тебе терпимости и широты меньше, чем в бритве!

— Ах, так! А я тебе... я тебе вот что скажу: уж во всяком случае, я такой же терпимый, как ты — верующая, ничуть не меньше! Ты — и верующая!

— Да, я верующая! Наш пастор говорит, что я и его веру укрепляю и поддерживаю.

— Еще бы! Деньгами Поля! А я тебе покажу, насколько я терпим: пошлю чек на десять долларов этому Бичеру Ингрэму! Зря люди болтают, будто он, бедняга, проповедует раскол и свободную любовь, даже хотят выгнать его из города.

— И они правы! Надо его вышвырнуть из города! Да ведь он где проповедует? В театре, в сатанинском вертепе! Ты не знаешь, что значит обрести бога, обрести мир, узреть тенета, которыми тебя опутывает дьявол! Да, я счастлива, что господь неисповедимыми путями заставил Поля ранить меня и вывести из греха, а Поль заслужил кару, так ему и надо за его жестокость; даст бог, он и умрет в тюрьме!

Бэббит вскочил, схватил шляпу, буркнул:

— Ну, если ты это называешь миром, так предупреди, ради бога, когда ты начнешь войну!

Сильна власть города, неуклонно влечет он путника к себе. Больше, чем горы, больше, чем море, размывающее берега, город всегда остается самим собой, непоколебимый, безжалостный, скрывая за мнимыми изменениями свою извечную сущность. И хотя Бэббит, бросив свою семью, бежал в глушь к Джо Пэрадайзу, хотя он стал вольнодумцем и в самый канун своего возвращения в Зенит был убежден, что ни он, ни город уже никогда не будут такими, как прежде, — не прошло и десяти дней после его приезда, как ему уже не верилось, что он вообще уезжал. А его знакомым и вовсе было невдомек, что перед ними совершенно новый Джордж Ф.Бэббит, — разве только он с большим раздражением относился к вечным подшучиваниям в Спортивном клубе и однажды на замечание Верджила Гэнча, что Сенеку Доуна надо повесить, даже пробормотал:

— Глупости, совсем он не такой плохой!

Дома он что-то мычал, когда жена своими разговорами мешала ему читать газету, приходил в восторг от нового красного берета Тинки и заявлял: «Этот сборный гараж никакого вида не имеет. Надо строить настоящий, деревянный».

Верона и Кеннет Эскотт как будто наконец обручились по-настоящему. Эскотт провел в газете кампанию за «здоровую еду», против скупщиков-оптовиков. В результате он получил отличное место в одной скупочной фирме, зарабатывал столько, что мог подумать о женитьбе, и поносил безответственных репортеров, которые осмеливаются критиковать скупщиков, ничего не понимая в таких делах.

Этой осенью, в сентябре, Тед поступил в университет, на факультет искусства и литературы. Университет находился в Могалисе, всего в пятнадцати милях от Зенита, и Тед часто приезжал домой на конец недели. Бэббит очень беспокоился за него. Тед «вошел» во все, кроме занятий. Он пытался «пролезть» в футбольную команду полузащитником, с нетерпением ждал баскетбольного сезона, его выбрали в комитет по устройству бала первокурсников и, как уроженца Зенита (аристократа среди провинциалов), его старались «привлечь» две корпорации. Но на вопросы Бэббита о занятиях Тед ничего толком не отвечал и только отмахивался: «Да знаешь, все эти профессора — сплошная мертвечина, читают всякую чушь про литературу, про экономику...»

В одну из Суббот Тед спросил:

— Слушай, папа, почему бы мне не перевестись из университета в инженерное училище, на механический факультет? Ты сам вечно кричишь, что я не занимаюсь, а там я бы здорово стал заниматься, честное слово!

— Нет, инженерное училище по сравнению с университетом не марка! — рассердился Бэббит.

— То есть как это? Инженеры в любую команду могут попасть!

Начались пространные объяснения, что «даже в долларах и центах можно выразить, насколько ценен университетский диплом для юридической карьеры», — и красочные описания адвокатской профессии. Под конец Бэббит уже произвел Теда в сенаторы Соединенных Штатов.

Среди великих адвокатов, перечисленных Бэббитом, был также и Сенека Доун.

— Вот так штука! — удивился Тед. — По-моему, ты всегда говорил, что этот Доун — настоящий псих!

— Не смей так говорить о большом человеке! Доун всегда был мне другом, я даже помогал ему в колледже, я его наставил на путь истинный, я его, можно сказать, вдохновил! И только потому, что он сочувствует рабочему движению, некоторые тупицы, не обладающие широким кругозором и терпимостью, считают его чудаком. Но разреши тебе сказать, что вряд ли кто-нибудь из них загребает такие гонорары, как он, и потом он дружит с самыми влиятельными, самыми консервативными людьми в мире, например с лордом Уайкомом, с этим — м-ммм... с этим выдающимся английским аристократом, которого все знают. Что же ты предпочитаешь — торчать среди грязных механиков и рабочих или подружиться с настоящими людьми, вроде этого лорда Уайкома, бывать у них в доме, в гостях?

— Да как сказать... — вздохнул Тед.

В следующее воскресенье он примчался радостный, веселый.

— Скажи, папа, а можно мне перейти в Горный институт, бросить эти академические занятия? Ты говоришь — марка. Конечно, может, инженерное училище — не марка, но горняки! Да ты знаешь, что они получили семь мест из одиннадцати на выборах в Ну-Тау-Тау!

Забастовка, расколовшая Zenit на два враждебных лагеря — белый и красный, — началась в конце сентября: сначала забастовали телефонистки и монтеры, протестуя против снижения заработной платы. Вновь организованный профсоюз работников молочной промышленности тоже забастовал, отчасти из солидарности, отчасти добиваясь сорокачетырехчасовой рабочей недели. К ним присоединился союз водителей грузовых машин. Деловая жизнь застыла, весь город волновали слухи о возможной забастовке вагоновожатых, печатников, о всеобщей забастовке. Граждане выходили из себя, пытались дозвониться по телефону через забастовавших телефонисток, и беспомощно топтались у аппаратов. Каждый грузовик, выезжавший с заводов на железнодорожную станцию, охранялся полисменом, который, стараясь принять равнодушный вид, сидел рядом с шофером-скэбом. Пятьдесят грузовиков, принадлежавших зенитскому сталелитейно-машиностроительному тресту, были атакованы забастовщиками, они бросались к машинам, стаскивали водителей, ломали карбюраторы и аккумуляторы под радостные крики телефонисток, стоявших на тротуарах, под визг мальчишек, швырявших камнями в скэбов.

Вызвали Национальную гвардию. Полковник Никсон, который в частной жизни был мистером Калемом Никсоном, секретарем Пуллморской компании грузовых машин, облачившись в длинный защитный френч, разгуливал в толпе с автоматом сорок четвертого калибра. Даже приятель Бэббита, Кларенс Драм — торговец обувью, веселый кругленький человечек, рассказывавший анекдоты в Спортивном клубе и удивительно напоминавший мопса времен королевы Виктории, — превратился в свирепого капитана и, семеня ногами, перетянув толстый животик поясом и сердито поджимая пухлые губы, пискливым голосом кричал толпам зевак на перекрестках:

— Расходись! Не потерплю сборищ!

Все газеты города, кроме одной, были против забастовщиков. Когда толпа стала ломать газетные киоски, около них выставили охрану из

гражданской милиции — какого-нибудь молодого, растерянного штатского в очках — бухгалтера или приказчика, который пытался напустить на себя грозный вид, в то время как мальчишки вопили: «Бей оловянных солдатиков», а шоферы-забастовщики ласково спрашивали: «Скажи, Джо, когда я воевал во Франции, ты где был — отсиживался в тыловом лагере или делал шведскую гимнастику в ХАМЛе? Ты поосторожней со штыком, не то уколешься!»

Не было человека в Зените, который не говорил бы о стачке, не было никого, кто не стал бы на ту или другую сторону. Либо ты был храбрым другом рабочих, либо бесстрашным защитником Права Собственности — и те и другие были настроены чрезвычайно воинственно и готовы отречься от лучшего друга, не выражавшего ненависти к врагу.

Подожгли склад сгущенного молока. Противники обвиняли в этом друг друга, и в городе поднялась паника.

И такое время Бэббит выбрал, чтобы во всеуслышание заявить о своем свободомыслии.

Он принадлежал к умеренному, крепкому, здравомыслящему крылу и сначала соглашался, что подлых агитаторов надо расстреливать. Он очень огорчился, когда его друг Сенека Доун выступил защитником арестованных стачечников, и уже собрался было пойти к Доуну и разъяснить ему, кто такие эти агитаторы, но, прочтя листовку, где сообщалось, что даже до снижения зарплаты телефонистки голодали, он растерялся.

— Все это вранье, цифры подтасованы! — сказал он, но в голосе его прозвучало сомнение.

На следующей неделе в пресвитерианской церкви на Чэтем-роуд была объявлена проповедь доктора Джона Дженнисона Дрю на тему «Как спаситель прекратил бы стачки». В последнее время Бэббит пренебрегал посещением церкви, но на этот раз пошел туда, надеясь, что у доктора Дрю действительно имеются сведения о том, как небесные силы относятся к забастовкам. Рядом с Бэббитом, на широкой, удобной, новой, обитой бархатом скамье, сидел Чам Фринк.

Фринк шептал Бэббиту:

— Надеюсь, что док отчитает этих чертовых забастовщиков по первое число! Вообще-то я считаю, что пастору нечего вмешиваться в политику — пускай занимается своей религией и спасает души, а не

разводит дискуссии, — но в такие времена, по моему глубокому убеждению, он должен выступать, должен изничтожать этих мерзавцев в пух и прах!

— Н-да-а! — протянул Бэббит.

Достопочтенный доктор Дрю встряхивал непокорными вихрами в поэтическом и социологическом раже и взывал трубным гласом:

— Неожиданные индустриальные беспорядки, которые в последние дни — признаемся в этом откровенно и смело — петлей захлестнули деловую жизнь нашего прекрасного города, вызвали поток пустых разговоров о том, что можно предотвратить беспорядки научным путем — подчеркиваю: научным! Разрешите же вам сказать, что нет в мире более ненаучного понятия, чем наука! Возьмите нападки на незыблемые догмы христианской церкви, столь распространенные среди «ученых» прошлого века. О да, это были мощные умы, и к тому же — горластые критиканы! Они стремились разрушить церковь, стремились доказать, что сотворение мира и все высшие достижения морального совершенства и цивилизации — только слепой случай. Однако церковь до сего дня осталась нашим нерушимым оплотом, и единственный ответ духовного пастыря этим длинноволосым хулителям его бесхитростной веры — это улыбка сожаления!

А сейчас те же псевдоученые стремятся заменить естественные условия свободной конкуренции какими-то путанными системами, и хотя они и придумывают всякие высокопарные названия, по существу это сплошной деспотизм и насилие. Разумеется, я не возражаю против арбитража и вообще против мероприятий, направленных к прекращению забастовок, не критикую те превосходные союзы, где рабочие объединяются с хозяевами. Но я решительно возражаю против систем, где свободное распределение независимой рабочей силы заменяется заранее сфабрикованной шкалой заработной платы, минимальными окладами и всякими государственными комиссиями, рабочими союзами и прочей чепухой.

Люди не хотят понять, что отношения между рабочими и предпринимателями зависят вовсе не от экономики. В основном и самом существенном они зависят от братской любви, от практического применения христианской веры! Представьте себе завод, где вместо рабочих комитетов, вносящих отчуждение, есть хозяин, который

проходит среди своих рабочих с улыбкой, и они отвечают ему такой же улыбкой, как младший брат старшему. Да, вот кем они должны быть — братьями, любящими братьями во Христе, и тогда стачки будут так же немислимы, как ненависть среди членов дружной семьи.

В этом месте Бэббит проворчал:

— Чушь!

— Что? — переспросил Чам Фринк.

— Плетет, сам не знает что. Темная вода. Сплошной набор слов.

— Может быть, но...

Фринк посмотрел на Бэббита с подозрением и, пока шла служба, все время смотрел на него с подозрением, так что Бэббиту под конец стало очень не по себе.

Демонстрация забастовщиков должна была состояться во вторник утром, но, по утверждению газет, полковник Никсон ее запретил. Когда Бэббит в десять утра ехал в западную часть города из своей конторы, он видел толпу плохо одетых людей, направлявшихся в грязный, густо заселенный квартал за площадью Суда. Он ненавидел их за то, что они бедные, за то, что из-за них он испытывал страх. «Бездельники проклятые! Была бы у них настоящая хватка, не остались бы чернорабочими!» — ворчал он. Он опасался бунта. Подъехав к сборному пункту демонстрации — треугольному скверу с вытоптанной и выжженной травой, который назывался Мур-парк, — он остановил машину.

И скверик, и прилегающие к нему улицы кишели забастовщиками, молодыми людьми в синих полотняных рубашках и стариками в кепках. Среди толпы, перемешивая ее, как варево в котле, двигались представители Национальной гвардии. Бэббит слышал, как они монотонно твердили: «Проходи — проходи — не задерживайся! Живей!» Бэббита восхищало их спокойное добродушие. Толпа орала: «Оловянные солдатики! Грязные псы — прислужники капитализма!» — но гвардейцы только ухмылялись: «Ладно, ладно, проходи-ка, Билли!»

Бэббит был в восторге от Национальной гвардии, ненавидел мерзавцев, мешавших спокойному процветанию промышленности, восторгался жгучим презрением, с которым полковник Никсон

смотрел на толпу, и когда толстый торговец обувью — а теперь капитан — Кларенс Драм, запыхавшийся и злой, просеменил мимо, Бэббит почтительно сказал ему: «Молодцом, капитан! Не пропускайте их!» Он наблюдал, как бастующие вышли из сквера. У многих были плакаты: «Никому не остановить нашу мирную демонстрацию!» Гвардейцы вырывали плакаты из рук, но бастующие догоняли своих вожakov и шли дальше редкой цепочкой, неприметно просачиваясь между сверкающими штыками. Бэббит с разочарованием понял, что никаких столкновений и вообще ничего интересного не будет, и вдруг ахнул.

Среди демонстрантов, рядом с плечистым молодым рабочим, шагал Сенека Доун, улыбающийся, довольный. Впереди него шел профессор Брокбенк, декан исторического факультета университета, старик с седой бородой, потомок одной из лучших массачусетских фамилий.

— Что это? — изумился Бэббит. — Такой почтенный человек — и с забастовщиками! И наш добрый старый Сенни Доун туда же! Дураки, нашли с кем спутаться! Салонные социалисты! Однако храбрый они народ! И главное — без всякой выгоды для себя, ни цента с этого не получают! Впрочем... с виду все эти забастовщики как будто не такие уж бандиты! Обыкновенные люди, как мы все!

Гвардейцы оттесняли демонстрацию в боковые переулки.

— Они имеют такое же право ходить по улице, как любой из нас! Это их улица, так же как и Кларенса Драма или Американского легиона! — ворчал Бэббит. — Конечно, они... они элемент отрицательный, и все же... э, черт!

Во время завтрака в Спортивном клубе Бэббит упорно молчал, слушая, как другие раздраженно говорили: «Черт знает, чем это кончится!» — или утешались, «разыгрывая» друг друга, как всегда.

Мимо прошествовал капитан Кларенс Драм во всем великолепии военной формы.

— Как дела, капитан? — спросил Верджил Гэнч.

— Разогнали! Оттеснили их на боковые улицы, рассредоточили, ну конечно, у них весь пыл угас, они и разошлись по домам.

— Чистая работа! И никакого насилия!

— Какая к черту «чистая»! — гаркнул мистер Драм. — Если бы моя воля, я бы им показал, так бы с ними расправился, что больше

сунуться бы не посмели! Незачем смотреть им в рот, нянчиться с ними! Все эти забастовщики, как один, бомбисты, проклятые социалисты, убийцы! Один с ними разговор — дубинкой по башке! Так и надо — избить их всех в кровь!

И тут Бэббит вдруг услышал свой голос:

— Что за чушь, Кларенс, с виду они такие же люди, как мы с вами! И никаких бомб я у них не заметил.

Драм рассердился:

— Ах, не заметили? Что ж, может быть, вы хотите возглавить забастовку? Расскажите полковнику Никсону, что забастовщики — невинные агнцы! Вот обрадуется! — И Драм прошагал мимо, а все соседи по столу уставились на Бэббита.

— Что за выдумки? Хотите, чтобы мы целовались и обнимались с этими подлецами, что ли? — спросил Орвиль Джонс.

— Неужели вы защищаете лодырей, которые хотят вырвать кусок хлеба у наших детей? — возмущенно крикнул профессор Памфри.

Только Верджил Гэнч угрожающе промолчал. Он сделал суровое лицо, будто маску надел: челюсть у него окаменела, жесткая щетина волос грозно встопорщилась, — его молчание было свирепее раскатов грома. И когда другие стали уверять Бэббита, что они его, очевидно, не поняли, по лицу Гэнча было видно, что он-то понял его отлично. Словно судья в тоге слушал он, как Бэббит, заикаясь, лепетал:

— Да нет, конечно, они хулиганы... Но я просто подумал... По моему, нехорошо говорить, что их надо дубинками по башке. Кэйб Никсон так не думает. Он человек политичный. Потому его и назначили полковником. А Кларенс Драм ему просто завидует.

— Возможно, — сказал профессор Памфри. — Но вы обидели Кларенса, Джордж. Все утро он там торчал, весь пропотел, пропылился, не удивительно, что он готов выбить зубы этим сукиным детям!

Гэнч ничего не сказал, он только наблюдал за Бэббитом, и Бэббит чувствовал, что за ним наблюдают.

Выходя из клуба, Бэббит услышал, как Чам Фринк возмущенно говорил Гэнчу:

— Не знаю, что это с ним. В прошлое воскресенье док Дрю прочел потрясающую проповедь насчет справедливости в деловых взаимоотношениях, и Бэббиту она тоже не понравилась. Я подозреваю...

Бэббит почувствовал смутный страх.

Он увидел толпу, которая слушала оратора, взобравшегося на кухонную табуретку. Он остановил машину. Судя по газетным фотографиям, это и был небезызвестный проповедник-вольнодумец Бичер Ингрэм, о котором ему говорил Сенека Доун. Ингрэм был высокий худой человек, с взметенной гривой волос, обветренным лицом и беспокойным взглядом. Он уговаривал собравшихся:

— ...и если эти несчастные телефонистки могут держаться, хотя они едят раз в день, сами на себя стирают и, несмотря на голод, еще улыбаются, так неужто вы, крепкие, здоровые мужчины, не можете...

Но тут Бэббит заметил, что на тротуаре, не спуская с него глаз, стоит Верджил Гэнч. Бэббиту стало как-то не по себе, и, тронув машину, он поехал дальше, ощущая на себе враждебный взгляд Гэнча.

— Есть же люди, — жаловался Бэббит жене, — которые считают, что, если рабочие бастуют, значит, они все сплошь негодяи. Конечно, тут идет борьба между крепким деловым миром и подрывными элементами, и, если они бросают нам вызов, мы их должны сломить, но, честное слово, не понимаю, почему нельзя бороться благородно, как порядочные люди, зачем называть их «сукины дети» и орать, что всех их надо перестрелять!

— Да что ты, Джордж! — спокойно сказала она, — мне казалось, будто ты сам всегда утверждал, что всех забастовщиков надо упрятать в тюрьму.

— Я! Ничего подобного! То есть я хочу сказать — некоторых из них безусловно надо. Безответственных вожаков. Но я хочу сказать, что человек должен быть терпимым, свободомыслящим.

— Как же это, миленький! Ты же сам говорил, что хуже так называемых «свободомыслящих» никого на свете нет.

— Чушь! Женщины никогда не разбираются в словах. Важен смысл, понимаешь? И вообще нельзя быть такими самоуверенными.

Возьми этих забастовщиков. Честное слово, не такие уж они скверные люди. Просто им ума не хватает. Они понятия не имеют ни о товаре, ни о прибыли, как понимаем это мы, деловые люди, но в остальном они такие же, как все, и насчет зарплаты жадничают ничуть не больше, чем мы — насчет прибылей.

— Джордж! Если б тебя услышали, — я-то тебя знаю, знаю, каким ты был сумасшедшим, необузданным мальчишкой, да ты и не думаешь того, что говоришь, — но если бы люди, которые тебя не знают, слышали, чего ты тут наговорил, они бы сказали, что ты настоящий социалист!

— Да какое мне дело, что про меня подумают! И, пожалуйста, запомни, — прошу тебя раз и навсегда понять: никогда я не был сумасшедшим мальчишкой, и если я говорю, значит, я так и думаю, я своих убеждений не меняю и вообще... Скажи честно, неужели меня станут называть чересчур свободомыслящим только за то, что я считаю забастовщиков порядочными людьми?

— Ну конечно! Но ты не волнуйся, милый: я-то знаю, — ты этого не думаешь. Пора ложиться. Не замерзнешь ночью под одним одеялом?

Он долго размышлял, лежа на веранде: «Не понимает она меня. Я и сам себя не понимаю. Почему я не могу относиться ко всему спокойно, как бывало?»

Хорошо бы пойти в гости к Сенни Доуну, поговорить с ним по душам. Нет, нельзя — вдруг Вердж Гэнч увидит, как я вхожу в этот дом!

Познакомиться бы с какой-нибудь женщиной, настоящей умницей и милой, которая поняла бы меня, выслушала и... А вдруг Майра права? Вдруг люди действительно подумали, что я спятил, — и только из-за моей терпимости, свободомыслия... Как этот Вердж на меня смотрел...»

28

Мисс Мак-Гаун зашла к нему в кабинет в три часа дня и сказала:

— Послушайте, мистер Бэббит, там звонит какая-то миссис Джудик, хочет поговорить насчет ремонта, а в конторе никого нет. Может быть, вы поговорите с ней?

— Ну что ж.

Голос у Танис Джудик был звонкий, приятный. В черной телефонной трубке, казалось, отразился ее портрет в миниатюре: блестящие глаза, тонкий нос, мягкий подбородок.

— Говорит миссис Джудик. Вы меня помните? Мы с вами ездили сюда, на Кэвендиш-стрит, вы помогли найти мне эту прелестную квартирку.

— Еще бы! Конечно, помню! Чем могу служить?

— О, это, в сущности, мелочь... Не стоило бы вас беспокоить, но от нашего управляющего ничего нельзя добиться. Вы знаете, моя квартира на верхнем этаже, и от осенних дождей крыша начинает протекать, и я была бы бесконечно благодарна, если бы вы могли...

— Непременно! Я сам приеду, взгляну, в чем дело! — С волнением в голосе: — Когда вас можно застать?

— О, я по утрам всегда дома.

— А сегодня днем, через час или два?

— О да! Может быть, ждать вас к чаю? Надо мне как-то отблагодарить вас за ваши заботы!

— Отлично! Как только освобожусь — заеду!

Он сидел и думал: «Да, вот это женщина! Сколько в ней тонкости, такта, породы! „Отблагодарить за ваши заботы — может быть, ждать вас к чаю?“ Эта сумела бы оценить человека! Возможно, я дурак, но, в сущности, неплохой мальчик, надо только узнать меня поближе! Да и не такой уж я дурак, как кажется!»

Большая стачка окончилась, бастующие были побеждены. Отступничество Бэббита никаких видимых последствий не вызвало, разве только Верджил Гэнч стал с ним суше и холодней. Рассеялся страх, что его будут порицать, осталось только робкое одиночество. И сейчас он был так возбужден, что, желая доказать обратное, целых

пятнадцать минут провозился в конторе, смотрел какие-то планы, растолковывал мисс Мак-Гаун, что эта самая миссис Скотт хочет взять за свой дом подороже, что она уже повысила цену, повысила с семи тысяч до восьми с половиной, — и пусть мисс Мак-Гаун ни в коем случае не забудет занести на карточку: дом миссис Скотт, цена повышена. И, доказав таким образом, что он человек нечувствительный и интересуется исключительно делами, он выплыл из конторы. Он особенно долго возился с машиной, пробовал, не спустила ли шина, протер спидометр, подтянул гайки, закреплявшие ветровое стекло.

Радостный, он ехал к району Бельвю, и образ миссис Джудик сиял ему, как далекий свет на горизонте. Уже опали клены, устлав листьями канавку вдоль шоссе. День был соткан из бледного золота и блеклой зелени, спокойный, медлительный. Бэббит ощущал и задумчивое спокойствие этого дня, и непривычную пустоту Бельвю — пустовали целые кварталы деревянных домиков, гаражи, лавчонки, заросшие участки. «Не мешало бы подстегнуть тут строительство, такие люди, как миссис Джудик, могли бы создать тут нужный тон!» — думал Бэббит, проезжая по длинным, неприветливым, пустынным улицам. Поднялся ветер, бодрящий, свежий, и Бэббит приехал к Танис Джудик в отличном настроении.

Она встретила его взволнованно, на ней было черное шифоновое платье — скромный круглый вырез открывал красивую шею. Танис показалась ему бесконечно утонченной. Он смотрел на кретон и цветные литографии на стенах и ворковал:

— Да, чудесно отделали квартирку! Только умная женщина умеет создавать такой уют!

— Вам действительно нравится? Как я рада! Но вы совсем забыли меня, нехорошо! Помните, вы обещали прийти, поучиться танцевать?

Бэббит неуверенно пробормотал:

— Но я думал, что вы предлагали это не всерьез!

— Возможно! И все-таки вы могли бы хоть попытаться!

— Что ж, вот я и явился брать урок и, раз на то пошло, останусь обедать!

Оба засмеялись, словно показывая этим, что он, конечно, шутит.

— Давайте-ка я сперва погляжу, где тут течет крыша.

Вместе с ним она забралась на плоскую крышу большого дома, в особый мир дощатых переходов, веревок для сушки белья, водяного бака в башенке. Он трогал носком башмака всякие трубы и пытался произвести впечатление знатока по части оцинкованных водостоков, водопроводных труб, которые желательно пропускать сквозь оловянные муфты и прокладки и закреплять медной проволокой, а также по части водосборных чанов, которые предпочтительно делать из дерева, а не из железа.

— Как много надо знать в вашем деле! — восхищалась она.

Он пообещал, что крыша будет исправлена в течение двух дней.

— Не возражаете, если я позвоню из вашей квартиры? — спросил он.

— Господи, конечно, нет!

Он достоял минуту у круглой амбразуры, глядя на незатейливые дачки со слишком большими верандами и новые жилые дома, не очень большие, но зато смело разукрашенные разноцветным кирпичом и терракотовыми финтифлюшками. За домами высился холм с карьером, похожим на глубокую рану, — там добывали желтую глину. За каждым жилым домом, за каждой дачей виднелся небольшой гараж. Это был мир обыкновенных славных людей, непритязательных, работающих, доверчивых.

Осенний свет смягчал явную новизну квартала, воздух казался озером, пронизанным солнцем.

— Да, денек чудесный. Замечательный у вас отсюда вид — до самого Таннер-хилла, — сказал Бэббит.

— Да, очень красиво, все открыто!

— Мало кто ценит хороший вид!

— Только не вздумайте из-за этого повышать квартирную плату! О, какая я гадкая! Я просто пошутила! Нет, серьезно, так мало людей ценят... понимают красивый вид. Я хочу сказать — нет в них ощущения поэзии, красоты.

— Вот именно — нет! — восторженно шепнул он, восхищаясь ее стройной фигурой, ее задумчивой, слегка рассеянной манерой любоваться далекими холмами, подняв подбородок, с легкой улыбкой. — Что ж, надо позвонить кровельщикам, пусть завтра же с утра принимаются за работу.

Он назвал номер, поговорил нарочито внушительным, по-мужски грубоватым голосом, потом с нерешительным видом вздохнул:

— Ну, мне, пожалуй, пора...

— О нет! Вы обещали выпить чаю!

— Что ж, я не прочь.

Какая роскошь — сидеть в глубоком кресле, обитом зеленым репсом, вытянув ноги и разглядывая лакированный китайский столик с телефоном и цветную фотографию Маунт-Вернона, которая ему всегда так нравилась, пока в крохотной кухоньке — совсем рядом — миссис Джудик напевает «Моя красавица креолка». С нестерпимо сладостным чувством, с глубоким удовлетворением, переходившим в грустную неудовлетворенность, он видел магнолии в лунном свете, слышал, как под звуки банджо воркуют на плантации темнокожие певцы. Ему хотелось найти предлог помочь ей, быть к ней поближе и вместе с тем не хотелось нарушать это тихое блаженство. Он лениво остался сидеть в кресле.

Когда она с хлопотливым видом принесла чай, он улыбнулся:

— Как у вас приятно!

Впервые он не притворялся, был спокойно и ровно приветлив, и ответ ее прозвучал приветливо и спокойно:

— А мне так приятно, что вы пришли. Вы были так добры, помогли мне найти этот милый дом.

Они согласились, что скоро настанут холода. Согласились, что картины в доме говорят о культуре. Они соглашались во всем. Они даже осмелели. Они намекали, что у этих современных молодых девушек, ну, честное слово, юбки чересчур коротки! Они гордились тем, что их не шокирует такая откровенность. Танис даже решилась сказать:

— Знаю, вы меня поймете... я считаю... мне трудно выразить это как следует, но я думаю, что девушки, которые своей манерой одеваться дают понять, будто они безнравственны, на самом деле дальше этого не идут. Они только выдают себя, видно, в них нет чуткости по-настоящему женственных женщин.

И, вспоминая Иду Путяк, маленькую маникюршу, которая так нехорошо с ним обошлась, Бэббит восторженно поддакивал; а вспомнив, как нехорошо обошелся с ним весь мир, он стал рассказывать Танис о Поле Рислинге, о Сенекке Доуне, о забастовке.

— Понимаете, как это вышло? Конечно, мне не меньше других хотелось, чтобы этому сброду заткнули глотку, но надо же, черт возьми, стараться понять и их точку зрения! Всякий человек ради самого себя должен быть широким, терпимым, как вы считаете?

— Да, да, конечно!

Она сидела на твердом диванчике, сжав руки и наклонившись к нему, вбирая его слова. И, упоенный тем, что его признали и оценили, он продолжал разглагольствовать:

— И тогда я решительно заявил всем в клубе: «Слушайте, я...»

— Ах, вы — член клуба Юнион? По-моему, это самый...

— Нет, я член Спортивного. Я вам так скажу: конечно, меня все время зовут в Юнион, но я всегда говорю: «Шалишь, брат!» Меня не расходы пугают, но я не выношу этих старых чудаков.

— О да, я вас понимаю. Но скажите, что же вы им говорили?

— Да вам, наверно, неинтересно слушать? Должно быть, я вам до смерти надоел своими жалобами. Не к лицу такому старому дураку, — разболтался, как мальчишка!

— О, вы еще совсем молодой! Я уверена... я уверена, что вам никак не больше сорока пяти.

— Да, то есть немногим больше. Но, честное слово, иногда чувствуешь, что стареешь. Такая ответственность, столько дел...

— О, как я вас понимаю! — Ее голос ласкал его, обволакивал, как теплый шелк. — А я чувствую себя такой одинокой, такой бесконечно одинокой, мистер Бэббит!

— Да, видно, нам обоим бывает невесело! Зато мы с вами чертовски симпатичные люди!

— Да, по-моему, мы гораздо симпатичней всех, кого я знаю! — Оба рассмеялись. — Но вы мне доскажите, что вы им сказали там, в клубе!

— Дело было так: понимаете, Сенека Доун — мой приятель — пусть говорят, что хотят, пусть его ругают почем зря, но никто из наших не знает, что Сенни — закадычный друг государственных деятелей с мировым именем, — возьмите, например, лорда Уайкома, знаете, знаменитый английский аристократ. Мой друг, сэръ Джеральд Доук, говорил мне, что лорд Уайком — один из самых выдающихся английских деятелей — да, кажется, это Доук говорил или еще кто-то.

— О! Вы знакомы с сэром Джеральдом? С тем, который гостил тут у Мак-Келви?

— Знаком? Да мы так дружны, что зовем друг друга Джордж и Джерри, мы с ним в Чикаго до того наклюкались...

— Вам, наверно, было весело! Но... — И она погрозила ему пальцем: — Я вам не разрешаю «наклюкиваться»! Придется мне взять вас в руки!

— Буду счастлив! Так вот, я-то знаю, какая важная шишка наш Сенни Доун за пределами Зенита, но, как водится, нет пророка в своем отечестве, а Сенни, старая калоша, до того скромнен, что ни единому человеку не расскажет, с какими знаменитостями он якшается вне дома. Значит, так: во время забастовки подходит к нашему столу Кларенс Драм, важный такой, в своем капитанском мундирчике, словом, разодет в пух и прах, и кто-то ему говорит: «Приканчиваешь стачку, Кларенс?»

Тут он надулся, как индюк, и ну — орать, так что в читальне было слышно: «Да, я их скрутил! Вправил их жожакам мозги, они все и разошлись по домам!» — «Что ж, говорю, хорошо, что без насилия!» — «Ага! — говорит. — Хорошо, что я за ними смотрел в оба! А то было бы черт знает что! У них у всех карманы полны бомб. Настоящие анархисты!» — «Глупости, Кларенс, говорю, я сам, своими глазами их видел. Бомб у них, говорю, не больше, чем у зайцев в лесу. Конечно, говорю, они делают глупости, но вообще-то они такие же люди, как мы с вами!»

И тут Верджил Гэнч или еще кто-то, — нет, это сам Чам Фринк, — знаете, знаменитый поэт, большой мой приятель, — он мне вдруг и говорит: «Слушайте, говорит, неужели вы защищаете этих забастовщиков?» Я просто взбесился от того, что человек может такое подумать, клянусь вам, мне даже отвечать ему не хотелось — не стоит обращать на него внимания — и все...

— О, это так умно! — вставила миссис Джудик.

— ...но в конце концов я все же ему объяснил: «Если бы вы поработали с мое в комитетах Торговой палаты, говорю, тогда вы еще имели бы право так разговаривать! Но все же, говорю, я считаю, что к своему противнику надо относиться по-джентльменски! Да-с, мои милые». Это их совсем пришибло! Фринк — я его зову просто Чам, — так тот даже не знал, что сказать! Но при всем том некоторые из них наверняка решили, что я слишком терпим. А как по-вашему?

— О, вы так умно себя вели! И так смело! Люблю, когда мужчина имеет смелость постоять за свои убеждения!

— Но вы не считаете, что это была глупая выходка? Надо сказать, многие из этих людей до того осторожны и ограничены, что у них может возникнуть предубеждение против человека, который прямо высказывает свое мнение!

— Ну и пусть! В конце концов они непременно станут уважать человека, который заставляет их думать, а при ваших ораторских талантах...

— Вы-то откуда знаете о моих ораторских талантах?

— О нет! Я вам не выдам того, что знаю! Но, серьезно, вы сами не подозреваете, какой вы знаменитый человек!

— Что вы! Правда, этой осенью я мало выступал. Расстроило меня это дело Поля Рислинга. Но вообще-то, знаете, вы первый человек, который по-настоящему меня понял, Танис... ох, простите! Ну не нахальство ли с моей стороны — называть вас просто Танис!

— О, прошу вас! Можно, я буду звать вас Джордж? Подумайте, как приятно, когда два человека обладают... как вам сказать, — одинаковым пониманием и могут отбросить все эти глупые предрассудки, понять друг друга, сблизиться сразу, как корабли, которые встречаются ночью!

— Конечно! Конечно же!

Он не мог усидеть в кресле, стал ходить по комнате, сел рядом с ней на диванчик. Но когда он неловко протянул руку к ее хрупким, выхоленным пальцам, она весело сказала:

— Дайте-ка мне сигаретку. Вы не будете считать бедную Танис очень гадкой, если она закурит?

— Что вы! Мне это нравится!

Он часто с неодобрением смотрел, как молоденькие девчонки курят в зенитских ресторанах, но из его знакомых курила только жена Сэма Доппелбрау, его легкомысленная соседка. Он церемонно зажег спичку для Танис, посмотрел, куда бы ее бросить, и незаметно сунул в карман.

— Я уверена, что вам хочется закурить сигару, бедняжка! — проворковала она.

— А вам не помешает?

— О нет! Я обожаю запах хороших сигар, это так приятно и так... так приятно и так по-мужски. В спальне есть пепельница, принесите,

если вам не трудно!

Он был смущен ее спальней: широкая кровать, покрытая фиолетовым шелком, лиловые в золотую полосу гардины, старинный шкафчик в китайском вкусе и невероятное количество туфель на украшенных бантами колодках, со светлыми чулками при каждой паре. Он принес пепельницу просто и, как он сам чувствовал, с оттенком веселой непринужденности. «Конечно, дуб, вроде Верджила Гэнча, наверно, пытался бы сосчитать насчет того, что она впустила его в спальню, но я отношусь к этому спокойно!» Впрочем, спокойствие длилось недолго. Жажда товарищества была удовлетворена, и его мучило желание коснуться ее руки. Но каждый раз, когда он оборачивался к Танис, ему мешала ее сигарета. Словно щит вставала она между ними. Он ждал, пока Танис докурит, но только он успел обрадоваться, что она быстро потушила окурок, как она тут же торопливо сказала:

— А вы дадите мне еще одну сигаретку? — И снова он безнадежно смотрел, как их разделяет бледная завеса дыма и грациозно изогнутая рука Танис. Теперь его не только мучило любопытство — позволит ли она задержать ее руку (разумеется, как изъявление чистой дружбы, не больше!), но ему страстно хотелось этого.

Внешне это напряженное беспокойство ничем не проявлялось. Они весело говорили о машинах, о поездках в Калифорнию, о Чаме Фринке. Между прочим, он деликатно намекнул:

— Терпеть не могу типов... то есть терпеть не могу людей, которые напрашиваются к обеду, но у меня предчувствие, что сегодня я буду обедать у очаровательной миссис Танис Джудик. Впрочем, у вас, наверно, уже назначено штук семь свиданий?

— Как сказать, я просто собиралась в кино. Надо выйти подышать свежим воздухом.

Она не предлагала ему остаться, но и ничем его не обескураживала. Он размышлял: «Надо попробовать! Она, конечно, разрешит мне остаться, — что-то между нами начинается... нет, нельзя связываться, нельзя, надо бежать». Но тут же решил: «Нет, теперь уже поздно!»

И вдруг, в семь часов, он отнял у нее сигарету и крепко сжал ее руку.

— Танис! Перестаньте дразнить меня! Мы с вами... Вы понимаете, мы оба — люди одинокие, и нам так хорошо вместе. По крайней мере, мне! Никогда мне не было так хорошо. Разрешите мне остаться. Я сбегаю в магазин, куплю чего-нибудь — холодного цыпленка или индейку, — и мы чудесно с вами пообедаем, а потом, если вы захотите меня прогнать, я уйду безропотно, как барашек.

— Ну что ж, это будет мило! — сказала она.

И руки не отняла. Весь дрожа, он сжал ее пальцы и бросился надевать пальто. В гастрономическом магазине он закупил огромное количество еды, выбирая главным образом то, что подороже. Из аптеки напротив он позвонил жене: «Должен подписать контракт с одним человеком, он уезжает в полночь. Ты не жди, ложись спать. Поцелуй за меня Тинку». В предвкушении чего-то необычайного он вернулся в маленькую квартиру.

— Ах, гадкий, гадкий, сколько он закупил еды! — приветствовала его Танис, и голос у нее был веселый, улыбка ласковая.

Он помогал ей в маленькой белой кухоньке — мыл салат, откупорил бутылку с оливковым маслом. Она велела ему накрыть на стол, и когда он бежал в столовую, а потом искал в буфете ножи и вилки, он чувствовал себя совершенно как дома.

— Одного не могу решить, — объявил он, — что вам надеть к обеду. То ли самый нарядный вечерний туалет, то ли распустить волосы и надеть короткое платьице, как маленькой девочке.

— О, я буду обедать так как есть, в этом старом шифоновом платьишке, и если бедная Танис вам в таком виде не нравится, можете идти обедать в клуб.

— Не нравится? — Он погладил ее плечо: — Дитя, вы — самая умная, самая хорошенькая, самая милая женщина на свете! Ну-с, леди Уайком, разрешите герцогу Зенитскому предложить вам руку и патриархальственно проследовать к монументальной трапезе!

— Ах, какой вы остроумный, как мило вы шутите!

Когда они окончили импровизированный обед, он выглянул в окно и заявил:

— Очень сыро и холодно. Нечего вам ходить в кино.

— Пожалуй...

— Хорошо, если б у нас был камин! Хорошо, если бы лил дождь, а мы с вами сидели бы в старом-престаром домике и за окнами скрипели

бы деревья, а в очаге горели огромные поленья. Знаете что? Давайте пододвинем диванчик к радиатору, вытянем ноги и вообразим, будто это камин!

— Ах, как трогательно! Большой вы ребенок!

Они пододвинули кушетку к радиатору, уперлись в него ногами — его тяжелые черные башмаки угнездились рядом с ее лакированными туфлями. В полутьме они говорили о себе, о том, как она одинока, о том, как он запутался, и как чудесно, что они нашли друг друга. И когда они умолкли, вокруг стало тише, чем в сельской глуши. Ни один звук не доносился с улицы, кроме шороха колес и отдаленного гула товарных поездов. Они были одни, в тепле, в уюте, вдали от шумного, докучливого мира.

Он был в таком восторге, что все страхи, все сомнения улетучились. И когда он на рассвете возвратился домой, восторг перешел в блаженную умиротворенность, полную воспоминаний.

29

Уверенность в дружбе Танис Джудик укрепила в Бэббите чувство собственного достоинства. В Спортивном клубе он решался на многое. И хотя Верджил Гэнч упорно молчал, остальным завсегдатаям стола «дебоширов» пришлось признать, что Бэббит по неизвестной причине «немножко спятил». Они громогласно спорили с ним, а он петушился, радуясь такому своеобразному подвижничеству. Он даже осмелился хвалить Сенеку Доуна! Профессор Памфри при этом заявил, что шутка зашла слишком далеко, но Бэббит упорствовал:

— Нет! Это факт! Я вам верно говорю: он один из выдающихся умов нашей страны! Сам лорд Уайком подтверждал, что...

— Да кто такой в конце концов этот лорд Уйаком? Вы долбите про него вот уже шестую неделю! — возмутился Орвиль Джонс.

— Джордж выписал его по каталогу от Сирс-Робека. Этих английских высокопоставленных ломак можно заказывать по почте, два доллара штука! — ввернул Сидни Финкельштейн.

— Перестаньте кривляться! Лорд Уайком — один из величайших умов в политической жизни Англии. Повторяю: сам я, конечно, человек консервативный, но ценю таких людей, как Сенни Доун, за то, что...

Но тут его резко прервал Верджил Гэнч:

— Не уверен, что ты так уж консервативен. А я могу отлично обойтись и без вмешательства красных сволочей, вроде твоего Доуна!

Голос у Гэнча был такой злой, челюсти так крепко сжались, что Бэббит растерялся, но тут же овладел собой и говорил до тех пор, пока всех не охватила скука, потом раздражение и, наконец, сомнение, как Гэнча.

Он думал о Танис беспрестанно. С волнением он вспоминал каждую черточку ее лица. Его руки тосковали по ней. «Наконец-то я ее нашел! Столько лет она мне снилась, и теперь я нашел ее!» Они встречались по утрам в кино и попозже, днем, а в те вечера, когда предполагалось, что он на собрании ордена Лосей, он заезжал к ней на

квартиру. Он знал все ее финансовые дела, давал ей советы, а она жаловалась на свою женскую беспомощность, хвалила его за властный характер, хотя потом оказывалось, что она разбирается во всяких акциях и бумагах куда лучше него. У них уже накопились общие воспоминания, они подтрунивали над прошлым. Как-то они поссорились, и он сердился, что она так же «командует» им, как его жена, и еще больше ноет, когда он невнимателен. Но все окончилось благополучно.

Лучше всего была одна прогулка в звонкий декабрьский день по засыпанному снегом полям вниз, к замерзшей реке Чалузе. На Танис была причудливая каракулевая шапочка и короткая бобровая шубка, она скользила по льду с громкими криками, а он, запыхавшись, бежал за ней, расплываясь в улыбке. Майра Бэббит никогда не скользила по льду.

Он боялся, что их увидят вместе. В Зените немислимо позавтракать с женой соседа без того, чтобы к вечеру об этом не узнали все ваши знакомые. Но Танис была на редкость сдержанна. С какой бы нежностью она ни бросалась к нему, когда они оставались наедине, она всегда держалась на людях строго и отчужденно, и он надеялся, что ее примут за обыкновенную клиентку. Орвиль Джонс однажды увидел, как они выходят из кино, и Бэббит пробормотал: «Разрешите вас познакомить с миссис Джудик. Эта дама знает, в какую контору ей обращаться, Орви». И мистер Джонс, хотя и относился критически к современным нравам и к новомодным стиральным машинам, как будто был удовлетворен.

Больше всего Бэббит боялся — и не от особой любви к жене, а в силу привычки соблюдать приличия, — больше всего он боялся, как бы Майра не узнала о его увлечении. Он был уверен, что ей ничего определенного не известно о Танис, но знал наверняка, что в чем-то таком жена его подозревает. Много лет ей докучали любые проявления нежности, кроме поцелуя при прощании, однако теперь ее обижало, когда ослабевали вспышки супружеского внимания, а тут он и вовсе перестал ею интересоваться и даже испытывал к ней что-то вроде отвращения. Он не мог изменять Танис. Его раздражала расплывшаяся фигура жены, валики жира, выпирающие из платья, потрепанная нижняя юбка, которую она собиралась и все забывала выбросить. Но он понимал, что она, зная его насквозь, замечала это отвращение. Он

старательно, тяжеловесно, игриво пытался его замаскировать. И не мог.

Рождество провели сравнительно сносно. Пришел Кеннет Эскотт — признанный жених Вероны. Миссис Бэббит пролила слезу и назвала Кеннета своим новым сыном. Бэббит беспокоился за Теда, который перестал жаловаться на университет и стал подозрительно уступчив. Бэббит не знал, что задумал мальчик, а спросить стеснялся. Сам Бэббит тайком ускользнул после обеда, чтобы отвезти Танис подарок — серебряный портсигар. Когда он вернулся, миссис Бэббит что-то уж слишком невинным тоном спросила:

— Что, подышал свежим воздухом?

— Да, прокатился немножко, — пробормотал он.

После Нового года жена сказала:

— Я получила письмо от сестры, Джордж. Она не совсем здорова. Может быть, мне поехать, побыть с ней две-три недели?

Обычно миссис Бэббит никогда не уезжала из дому зимой, кроме как в самых экстренных случаях, к тому же этим летом она отсутствовала несколько недель. Да и Бэббит был не из тех мужей, которые спокойно переносят разлуку с женой. Он любил, чтобы жена сидела дома, заботилась о его одежде, знала, как надо поджарить ему бифштекс, и ему было спокойнее, когда она кудахтала тут рядом. Но в этот раз он даже не мог выдать из себя обычной фразы: «Неужто она без тебя не обойдется?» И, стараясь изобразить на лице сожаление, чувствуя, что жена пристально следит за ним, он в душе был полон лучезарных мечтаний о Танис.

— Так как же по-твоему — ехать мне или нет? — резко спросила она.

— Решай сама, душенька, я не знаю.

Она со вздохом отвернулась, а его сразу прошиб пот.

Все четыре дня, до самого ее отъезда, она была до странности тиха, а он неуклюже ласков. Ее поезд уходил в полдень. Едва последний вагон исчез за товарным депо, Бэббиту уже не терпелось побежать к Танис.

— Нет, черта с два, не пойду! — поклялся он. — Неделю к ней не покажусь!

Но уже в четыре он был у нее.

Он, человек, который когда-то сам был хозяином своей жизни, — или так ему, по крайней мере, казалось, — теперь, вот уже две недели, кружился в водовороте страсти, очень скверного виски и сложнейших отношений с новыми знакомыми, с теми «закадычными» новыми друзьями, которые всегда требуют гораздо больше внимания, чем старые приятели. Каждое утро он мрачно вспоминал, каким идиотом был вчера вечером. Голову ломило, губы и язык горели от бесчисленных сигарет, и, сам себе не веря, он считал, сколько было выпито стаканов виски, и стонал: «Нет, надо бросить!» Он уже больше не говорил: «Довольно, брошу!» — зная, что вся утренняя решимость испарится к вечеру. Остановиться он уже не мог.

Он познакомился с друзьями Танис; его встретили со всем пылом полуночников, которые пьют, танцуют и болтают, боясь замолчать хоть на минутку; его приняли в ту среду, которую Танис называла «наша компания». Познакомился он с ними впервые в день, когда было особенно много работы и он надеялся отдохнуть с Танис, медленно впивая ее восторженное обожание.

Но уже из прихожей он услышал веселые крики и визг граммофона. Когда Танис открыла дверь, он увидел, что в папиросном дыму кружатся какие-то фантастические фигуры. Столы и стулья были сдвинуты к стенке.

— О, как чудно! — запищала Танис. — Это Керри Норк придумала! Она решила, что пора собратсья, обзвонила всю компанию по телефону, и вот они здесь!.. Джордж, это Керри!

Керри соединяла в себе самые неприятные черты старой девы и домашней хозяйки. Ей давно стукнуло сорок, у нее были сомнительные белокурые волосы и, при совершенно плоской груди, мощные бедра. Бэббита она встретила кокетливым хихиканьем:

— Привет новому члену нашей компании! Танис говорит, что вы мужчина хоть куда!

Очевидно, все ждали, что он будет танцевать, по-мальчишески заигрывать с Керри, и он, по непростительной глупости поддавшись этому, старался как мог. Он таскал Керри по комнате, налетая на другие пары, на радиаторы, на стулья с искусно замаскированными ножками. Танцуя, он разглядывал всю «компанию»: худенькую молодую женщину с умным, заносчивым и насмешливым лицом, еще какую-то особу, которую он потом никак не мог вспомнить, трех

слишком хорошо одетых и слегка женственных юнцов — не то официантов из кафе-мороженого, не то людей, рожденных именно для этой профессии. Был там и человек одних лет с Бэббитом, неподвижный, самодовольный, явно обиженный присутствием Бэббита.

Когда он, выполнив свой долг, кончил танцевать, Танис отвела его в сторону и попросила:

— Милый, не можете ли вы сделать мне одолжение? У меня нет ни капли спиртного, а наша компания хочет повеселиться. Вы не могли бы съездить к Хили Хэнсону и достать чего-нибудь?

— Пожалуйста! — сказал он, стараясь не выказывать досады.

— Знаете что? Пусть Минни Зоннтаг поедет с вами. — Танис кивнула на худую насмешливую женщину.

Мисс Зоннтаг приветствовала его довольно язвительно.

— Здравствуйте, мистер Бэббит! Танис мне сказала, что вы очень выдающаяся личность, и я польщена, что мне разрешено ехать с вами. Конечно, я не привыкла общаться со светскими людьми вроде вас, так что я даже не знаю, как мне держаться в столь высоком обществе!

В таком духе мисс Зоннтаг разговаривала всю дорогу до Хили Хэнсона. Ему хотелось на все ее колкости ответить: «Идите вы к черту!» — но он никак не мог решиться на столь разумную реплику. Его раздражало само существование «компании». Уже раньше он слышал от Танис про «душечку Керри» и про то, что «Минни Зоннтаг — такая умница, вы ее будете обожать!» — но он как-то не верил в их реальность. Ему представлялось, что Танис живет в какой-то розовой пустоте и всегда ждет его, свободная от условностей Цветущих Холмов.

Вернувшись в квартирку Танис, он еще должен был вынести покровительственное одобрение юнцов из кафе-мороженого. Они проявляли какое-то слюнявое дружелюбие, под стать сухой враждебности мисс Зоннтаг. Они называли его «старина Джорджи», они кричали: «Давай, давай, молодчага! Топай крепче!» — эти мальчишки в спортивных пиджачках, прыщавые щенки не старше Теда, но уже отекавшие, как актеры кабаре, умеющие танцевать без передышки, заводят граммофон, курить без конца и покровительственно поощрять Танис. Бэббит пытался стать таким, как они. Он кричал: «Молодчина, Пит!» — но голос у него срывался.

Эти миляги-танцоры были явно по душе Танис, она вся так и вскидывалась от их неумелых ухаживаний и, как бы случайно, чмокала их после каждого танца. В эти минуты Бэббит ее ненавидел. Она казалась ему очень немолодой. Он вглядывался в морщинки на мягкой шее, в складки кожи под подбородком. Все, что в молодости было упругим, уже увяло, опадало. В перерывах между танцами она сидела в огромном кресле, вызываясь помахивая сигаретой, приглашая своих желторотых обожателей посидеть с ней. («Воображает, что она королева какая-нибудь!» — мысленно ворчал Бэббит.) Певучим голоском она спрашивала мисс Зоннтаг: «Правда, у меня прелестная студия?» («Тоже еще — студия! Обыкновенная квартирка для старых дев с болонками! Господи, хоть бы скорее домой! Как бы мне удрать отсюда».)

Но у него зарябило в глазах после того, как он вкусил неочищенного, но чрезвычайно крепкого виски от Хили Хэнсона. Он сразу слился с «компанией». Он радовался, что Керри Норк и Пит — наименее глупый из вертлявых юнцов — хорошо к нему относятся, и ему казалось необычайно важным завоевать расположение неприветливого пожилого человека, который оказался железнодорожным служащим по имени Фултон Бемис.

Все разговоры «компании» состояли из визга, двусмысленностей, намеков на людей, которых Бэббит не знал. Очевидно, друзья Танис были о себе чрезвычайно высокого мнения. Они — «компания», были умны, красивы, забавны. Они и богема, и столичные штучки, им доступна вся роскошь жизни Зенита: танцульки, кино, загородные рестораны. С бесцеремонным презрением ко всем, кого они считали «домоседами» или «скупердяями», они наперебой трещали:

— Ах, Пит, разве я тебе не рассказывала, что этот болван кассир мне заявил, когда я немножко опоздала? Не-под-ра-жа-емо глупо!

— Ой, как Т.-Д. надрызгался! Слушай, он просто весь закаменел! А что Глэдис ему сказала?

— Подумайте, какая наглость — Боб Бикерстафф непременно хотел залучить нас к себе домой! Видали такую наглость? Нет, скажите, разве это не наглость?

— А вы видели, как Дотти танцевала? Честное благородное — дальше некуда!

Бэббит во всеуслышание соглашался с недавно ненавистной ему мисс Минни Зоннтаг, что каждый, кто может хоть один вечер прожить без танцев и джаза, — рыба, деревяшка и жалкое существо; а когда миссис Керри Норк лепетала: «Вы любите сидеть на полу? Ах, это так богемно!» — он в ответ орал: «Еще бы!» Теперь вся «компания» казалась ему необыкновенно милой. Когда он упоминал о своих друзьях — сэре Джеральде Доуке, лорде Уайкоме, Уильяме Вашингтоне Иторне и Чаме Фринке, он радовался снисходительному интересу «компаний». Он так проникся их легкомысленным духом, что даже не очень расстроился, когда Танис склонилась на плечо к самому юному из молокососов, да и ему самому приятно было пожимать пухлую руку Керри Норк, выпустил он ее только потому, что Танис явно разозлилась.

В два часа ночи он вернулся домой уже полноправным членом «компаний» и всю следующую неделю был связан по рукам и ногам чрезвычайно сложными условностями, чрезвычайно утомительными требованиями их веселой и свободной жизни. Ему приходилось бывать на всех их вечеринках, его вмешивали во все телефонные разговоры, — они без конца звонили друг другу, чтобы объяснить, что она вовсе не говорила то, что она якобы говорила, когда говорила то-то и то-то, и почему это Пит ходит и всем говорит, что она это говорила?

Ни в одной семье никогда так настойчиво не расспрашивают, где кто был, как расспрашивали друг дружку члены «компаний». Все они непременно знали, где кто находился в данную минуту, или возмущенно требовали подробнейшего отчета за всю неделю. Бэббит ловил себя на том, что объясняет Керри или Фултону Бемису, из-за чего он не смог приехать на вечеринку раньше десяти вечера, да еще надо было извиняться за то, что пришлось обедать с деловыми знакомыми.

Члены «компаний» должны были непременно обмениваться телефонными звонками не реже, чем раз в неделю. «Почему вы мне не позвонили?» — с упреком спрашивали Бэббита не только Танис и Керри, но и новые «закадычные» друзья: Дженни, и Капитолина, и Тутс.

И если был такой момент, когда Танис показалась ему увядшей и сентиментальной, то впечатление это совсем исчезло на вечере у Керри Норк. У миссис Норк был огромный дом и маленький муж. К

ней на вечер пришла вся «компания»: когда собирались все полностью, их было человек тридцать пять. Теперь Бэббит, известный под именем «старина Джорджи», стал одним из старожилов «компании», так как в ней каждый месяц состав обновлялся наполовину, и тот, кто помнил доисторические времена, то есть две недели назад, еще до того, как миссис Эбсолом, специалист по лечебному питанию, уехала в Индианаполис, а Мак «разобиделся» на Минни, тот мог считаться одним из заслуженных главарей «компании», имел право снисходить к новым Питам, Глэдисам и Минни.

В гостях у Керри Танис не приходилось хозяйничать. Она держалась самоуверенно, с достоинством, изящная и красивая, в черном шифоновом платье, которое он так любил. В этом огромном безобразном доме было много укромных уголков, где Бэббит мог посидеть с ней спокойно. Он раскаивался в тогдашней неприязни, таял у ее ног и, счастливый, отвез ее домой. На следующий день он купил ярко-желтый галстук, чтобы ради нее казаться моложе. Он с грустью сознавал, что красивым он стать не может, видел, что он тяжеловат, склонен к полноте, но он танцевал, наряжался, много говорил, стараясь сделаться таким же молодым, как она... вернее, как она казалась.

Как все новообращенные — будь то в религии, в любви или в садоводстве — словно по волшебству обнаруживают, что хотя им до сих пор казалось, будто эти увлечения и вовсе не существуют на свете, но на самом деле весь мир только ими и полон, — так и Бэббит, обращенный на путь разгула, везде находил для этого приятные возможности.

Совершенно по-новому представлялся ему теперь его гуляка сосед, Сэм Доппелбрау. Доппелбрау были люди респектабельные, люди работающие, люди состоятельные, но идеалом счастья для них был вечный кабак. Главное место в их жизни занимали загородные пирушки в угаре алкоголя, никотина, бензина и поцелуев. Он и его знакомые отлично работали всю неделю и всю неделю ждали субботы, когда они, по их выражению, «затевают вечеринку», и затеянная вечеринка становилась все шумнее и шумнее до самого воскресного утра и обычно кончалась бешеной гонкой на машинах неизвестно куда.

Однажды вечером, когда Танис ушла в театр, Бэббит попал в веселую компанию к Доппелбрау и там клялся в дружбе людям, о которых он много лет подряд конфиденциально говорил миссис Бэббит, что это просто шайка бездельников, с которыми он не стал бы якшаться даже на необитаемом острове! В этот вечер он уныло приплелся домой и стал возиться во дворе, счищая с дорожки ледяные комья, следы чьих-то ног, застывшие после снегопада и похожие на ископаемые. К нему подошел, шмыгая носом, Говард Литтлфилд.

— Все еще вдовеете, Джордж?

— Угу. Опять вечер холодный.

— Что пишет жена?

— Ничего, здорова, а вот сестра у нее до сих пор хворает.

— Вы бы зашли к нам сегодня пообедать, Джордж.

— М-мм... нет, спасибо! Мне надо уходить.

Вдруг он почувствовал, что ему ненавистен Литтлфилд с его «интересными статистическими данными» по совершенно неинтересным вопросам. Он скреб дорожку, ворча себе под нос.

Тут появился Сэм Доппелбрау.

— Добрый вечер, Бэббит. Трудитесь?

— Ага. Надо размяться.

— Любите, когда такой морозец?

— Да, ничего.

— Все вдовеете?

— М-да...

— Слушайте, Бэббит, пока вашей супруги нет... Я знаю, вы насчет выпивки не очень, но мы с женой были бы страшно рады, если б вы завернули к нам вечерком. Может, выдержите разок хороший коктейль?

— Выдержу? Нет, молодой человек, видно, вы не знаете, что дядя Джордж такие коктейли умеет сбивать, каких во всей Америке не сыщешь!

— Уррраа! Вот это другой разговор! Слушайте: у нас сегодня кое-кто собирается, Луэтта Свенсон и еще всякий веселый народ, откупорим бутылку довоенного джина, потанцуем. Почему бы и вам не забежать, не встряхнуться для разнообразия?

— Ну что ж... а в котором часу?

Он пришел к Сэму Доппелбрау ровно в девять. В этом доме он был в третий раз. Но к десяти он уже звал мистера Доппелбрау «Сэм, старая калоша!».

В одиннадцать все поехали в ресторан «Старая ферма». Бэббит сидел в машине Доппелбрау рядом с Луэттой Свенсон. Когда-то он робко пытался за ней ухаживать. Теперь он не пытался, а просто ухаживал изо всех сил, и Луэтта, склонив ему головку на плечо, жаловалась, какой тяжелый человек Эдди, и смотрела на Бэббита как на светского и опытного сердцееда.

Из-за «компаний» Танис, семьи Доппелбрау и других искателей забвения Бэббит в течение двух недель каждый вечер возвращался домой поздно, еле держась на ногах. Даже когда он был как в тумане и уже не мог идти, он все же сохранял способность хорошо вести машину: замедлять ход на перекрестках, разъезжаться с другими автомобилями. Покачиваясь, он входил в дом. Когда Верона и Кеннет Эскотт сидели в гостиной, он пробирался мимо них, торопливо здоровался, мучительно ощущая на себе взгляд их спокойных молодых глаз, и прятался наверху. В теплом доме он чувствовал, что он гораздо пьянее, чем ему казалось. Голова кружилась. Лечь он не решался. Он пытался выгнать хмель горячей ванной. На какой-то миг голова прояснялась, но, двигаясь по ванной комнате, он терял глазомер, сбрасывал полотенца, с грохотом ронял мыльницу и пугался, что выдаст себя перед детьми. Дрожа от холода, в халате, он пытался читать вечернюю газету. Он не пропускал ни слова, он как будто понимал смысл написанного, но через минуту не смог бы сказать, о чем только что читал. Стоило ему лечь, как у него мутилось в голове, и он поспешно садился, пытаясь овладеть собой. Наконец он успокаивался, хотя его слегка подташнивало, кружилась голова и жег невыносимый стыд. Скрывать свое «состояние» от собственных детей! Танцевать и орать в компании людей, которых презираешь! Болтать глупости, петь идиотские песни, пытаться целовать каких-то дур! Сам себе не веря, он вспоминал, как он крикливо фамильярничал с юнцами, которых он в два счета выгнал бы из своей конторы, как они покровительственно хлопали его по плечу и как самая ехидная, стареющая дама делала ему замечания за то, что он танцевал слишком пылко. И при этих воспоминаниях он рычал: «Ненавижу себя! Боже,

как я себя ненавижу!» И в бешенстве клялся: «Довольно! Конец! Хватит!»

На следующее утро он еще тверже уверился, что все кончено, и за завтраком по-отечески серьезно разговаривал с дочками. Но к полудню уверенность несколько ослабела. Он не отрицал, что вел себя глупо, — это он понимал почти так же отчетливо, как ночью, — но все-таки даже такая жизнь лучше, чем возвращаться к деланной задумчивости клубных приятелей. В четыре часа ему уже хотелось выпить. Теперь у него в столе обычно стояла бутылка виски, и, поборовшись с собой минуты две, он выпивал глоток. После трех-четырех глотков ему уже начинало казаться, что вся «компания» сплошь — милейшие и занятнейшие люди, друзья, а в шесть часов он уже снова был среди них... и все повторялось как по-писаному.

Голова по утрам стала болеть меньше. Сначала его спасение было в том, что он плохо переносил алкоголь, но и это спасительное свойство постепенно пошло прахом. Вскоре он уже мог пить до рассвета и вставать в восемь часов, не чувствуя особенной тяжести ни на душе, ни в желудке.

Но ни угрызения совести, ни желание избавиться от напряженных усилий — как бы не отстать от бурно веселящейся компании, — ничто не могло сравниться с чувством неполноценности, когда он действительно начинал «отставать». Для него быть самым «компанейским» из всей компании стало такой же целью, как зарабатывать много денег, хорошо играть в гольф, говорить речи, прорваться в круг Мак-Келви. Но все же он иногда «отставал».

Он обнаружил, что Пит и другие юнцы считают «компанию» слишком добродетельной и благопристойной и что Керри, которая всего лишь целовалась по уголкам, слишком верна супружескому долгу. Так же как Бэббит удирал с Цветущих Холмов в «компанию», так эти молодые франты удирали от приличного общества и «проводили время» с разбитными девицами, с которыми знакомились в универсальных магазинах и в гардеробных отелей. Однажды Бэббит попробовал съездить с ними. Его усадили в машину с бутылкой виски и с крикливой приземистой кассиршей от Парчера и Штейна. Он сидел рядом с ней и не знал, что делать. Очевидно, от него ждали, что он ее будет «развлекать», но когда она взвизгнула: «Эй, рукам воли не давать, не жмите меня!» — он растерялся и не знал, как быть дальше.

Потом все сидели в задней комнате какого-то кабака, у Бэббита трещала голова, он не понимал их нового жаргона, смотрел на них снисходительно, мечтал поскорее попасть домой и пил — слишком много пил.

Дня два спустя Фултон Бемис, тот самый пожилой, угрюмый член «компании», отвел Бэббита в сторону и сказал:

— Слушайте, это, конечно, дело не мое, и видит бог, что я сам свою порцию спиртного всегда вылакаю, но вам не мешает быть поосторожней. Характер у вас чересчур восторженный, такие всегда перехватывают. Разве вы не замечаете, что пьете без передышки, закуриваете одну сигарету о другую? Лучше бы вам малость передохнуть.

Со слезами на глазах Бэббит сказал, что добрый старый Фулт — король над всеми и что он непременно передохнет малость, но тут же закурил, выпил виски и дико поспорился с Танис, когда она увидела, как он заигрывает с Керри Норк.

На следующее утро он ненавидел себя за то, что упал столь низко: такое ничтожество, как Фултон Бемис, смеет ему указывать! Заметил он также, что, с тех пор как он стал ухаживать за всеми женщинами подряд, Танис перестала быть его единственной ясной звездой, и он усомнился, не была ли она для него всего-навсего Женщиной. И если уж Бемис делает ему замечания, то что же говорят другие? В этот день он подозрительно следил за всеми знакомыми в Спортивном клубе. Ему казалось, что им неловко. Значит, они говорили о нем за его спиной? Он рассердился. Он впал в воинственный тон. Он не только защищал Сенеку Доуна, он даже издевался над ХАМЛом. Верджил Гэнч отвечал довольно резко.

Но потом Бэббит перестал сердиться. Он перепугался. На очередной завтрак в клубе Толкачей он вообще не пошел, а скрылся в дешевом ресторанчике и, взяв бутерброд с ветчиной и яйцом, запивал его кофе из чашки, стоявшей на ручке кресла, и маялся от беспокойства.

Дня через четыре «компания» затеяла одну из самых веселых прогулок. Бэббит повез их всех на каток, устроенный на реке Чалузе. После оттепели все мостовые покрылись гладкой наледью. Ветер завывал в бесконечных широких улицах, меж деревянных домов, и весь район Бельвю казался окраинным городком. Даже надев цепи на

все колеса, Бэббит боялся за машину и, когда пришлось ехать по обледеневшему спуску, поехал медленно, на обоих тормозах. Из-за угла выскочила менее осторожная машина. Ее занесло, и она чуть не зацепила их задним крылом. Обрадовавшись избавлению от опасности, вся «компания» — Танис, Минни Зоннтаг, Пит, Фултон Бемис — заорала: «Ух ты!..» — и замахала руками перепуганному водителю второй машины. И тут Бэббит увидел профессора Памфри — он тяжело подымался в гору пешком и как сыч уставился на веселых кутил. Бэббит был уверен, что Памфри узнал его и видел, как Танис его расцеловала, щебеча: «Ах, вы так изумительно правите!»

На следующий день, за завтраком, он пустил пробный шар, сказав профессору Памфри:

— Ездил вчера с братом и его друзьями. Ну и дорога! Скользкая, как стекло! Кажется, вы в это время шли вверх по Бельвью-авеню?

— Нет, нет... Не шел... Я вас не видел! — виновато заторопился Памфри.

А еще дня через два Бэббит повез Танис завтракать в отель «Торнлей». Она, которая сначала так охотно ждала его у себя, стала часто намекать с печальной улыбкой, что он, видно, ее не уважает, если не хочет знакомить со своими друзьями, не желает нигде с ней показываться, кроме как в кино. Он подумал было пригласить ее в «дамский салон» при Спортивном клубе, но это было слишком опасно. Пришлось бы ее со всеми знакомить, да и вообще люди могли подумать бог знает что, а тогда... Он пошел на компромисс, выбрав отель «Торнлей».

Она была необычайно элегантна, вся в черном; маленькая черная шляпка, короткая каракулевая шубка, свободная и широкая, строгое, наглухо закрытое черное бархатное платье, хотя в том сезоне даже уличные костюмы походили на вечерние наряды. Может быть, она была даже чересчур элегантна. В ресторане, отделанном под дуб с позолотой, все оборачивались, когда Бэббит вел ее к столику. Ему было неловко, и он надеялся, что метрдотель устроит их в укромном уголке, за колоннами, но их усадили в самой середине зала. Танис, как будто не замечая восхищенных взглядов, расточала улыбки Бэббиту, восторгаясь: «Ах, как тут чудесно! Какой веселый оркестр!» Бэббиту было не до восторгов: через два столика он увидел Верджила Гэнча. Вовремя завтрака Гэнч следил за ними, а Бэббит следил, как за ними

следят, и делал смехотворные попытки вести себя так, чтобы не испортить настроение Танис. «Сегодня мне так весело! — заливалась она. — Мне ужасно нравится в „Торилее“! Здесь очень оживленно и вместе с тем так... так изысканно!»

Он старался говорить о ресторане, о том, что и как им подают, о знакомых, которых он узнал, обо всех, кроме Верджила Гэнча. Больше ему не о чем было говорить. Он добросовестно улыбался шуткам Танис, он соглашался с ней, что «с Минни Зоннтаг так трудно дружить» и что «юный Пит — ленивый глупый мальчишка, просто негодник!». Но добавить ему было нечего. Сначала он хотел рассказать ей, как его беспокоит Гэнч, а потом решил: «Нет, не стоит, слишком долго придется объяснять и про Верджа, и вообще про все».

Он облегченно вздохнул, усадив Танис в трамвай, а вернувшись в контору, сразу повеселел в привычной простой обстановке.

В четыре часа к нему пришел Верджил Гэнч.

Бэббит заволновался, но Гэнч начал дружески:

— Ну, как живешь? Знаешь, у нас есть один план, и нам очень хотелось бы, чтобы и ты присоединился!

— Отлично, Вердж. Выкладывай!

— Помнишь, как во время войны мы весь этот нежелательный элемент, всех красных, с их делегациями, ну и вообще всяких там разных ворчунов — всех прижали к ногтю, да и после войны им ходу не было, но люди забывают об опасности, а этим смутьянам только того и надо, они снова начали исподтишка свою работу, особенно эти салонные социалисты. Так вот, надо людям разумным, сознательным объединиться и помешать этому сброду. Один парень там, в восточных штатах, именно для этой цели организовал Лигу Честных Граждан. Разумеется, и Торговая палата, и Американский легион, и все остальные из всех сил стараются, чтобы порядочные люди взяли верх, но у них столько других дел, что этой задаче они не могут отдавать достаточно времени. Но Лига Честных Граждан — ЛЧГ, — она только этим и будет заниматься. Конечно, для видимости у Лиги должны быть и другие задачи — скажем, тут, в Зените, Лига будет поддерживать проект насаждения новых парков и городской комитет плановой застройки, а кроме того, она будет представлять определенные слои общества, в нее войдут только избранные, и, скажем, при устройстве вечеров и тому подобного можно будет не

приглашать всяких смутьянов, а, как известно, нет ничего сильнее общественного бойкота, когда речь идет о людях более или менее заметных, которых ничем другим не проймешь. А если и это не поможет, Лига в конце концов пошлет небольшую делегацию к тем, кто слишком распоясался, члены Лиги укажут, что надо держать себя в рамках пристойности и не трепать языком почем зря. Тебе не кажется, что такая организация может принести огромную пользу? Мы уже получили согласие лучших людей города и, конечно, хотим, чтобы и ты присоединился. Как ты на этот счет?

Бэббиту было очень не по себе. Он чувствовал, что его насильно тянут назад, в ту стандартную жизнь, от которой он так бессознательно, но так настойчиво старался убежать. Он неловко забормотал:

— Наверно, вы особенно будете нападать на таких, как Сенека Доун, — хотите их тоже припугнуть...

— Вот именно, можешь голову прозакладывать! Слушай, Джорджи, друг, ведь я-то ни на минуту не верил, что ты всерьез защищаешь Доуна и забастовщиков и все такое, когда ты за них вступался в клубе. Я знал, что ты просто разыгрываешь всяких дурачков, вроде Сидни Финкельштейна... Ей-богу, хочется верить, что ты их разыгрывал.

— Да, конечно... только, видишь ли... — Под беспощадным пронизательным взглядом Гэнча Бэббит почувствовал, как неубедительно звучит его голос. — Да ты сам знаешь, чем я дышу! Разве я какой-нибудь агитатор? Я — деловой человек, всегда, везде и во всем. Но... но честно говоря, я не думаю, что Доун такой уж вредный, и потом не забывай, что он мой старый товарищ!

— Знаешь, Джордж, когда речь идет о борьбе за наши порядки, за безопасность наших очагов, против шайки ленивых псов, которым только и нужно, что пить пиво на даровщинку, ты должен порвать даже самую старую дружбу. «Тот, кто не со мною, тот против меня!»

— Д-а-а, может, это и верно...

— Так как же? Вступаешь к нам, в Лигу Честных Граждан?

— Надо подумать, Вердж.

— Ладно, как знаешь. — Бэббит обрадовался было, что все так легко сошло ему с рук, но Гэнч снова заговорил: — Джордж, я не могу понять, что с тобой приключилось, и никто из нас не понимает, мы о

тебе не раз говорили. Сначала мы думали, что тебя расстроила эта история с несчастным Рислингом, мы прощали тебе все, что ты болтал, но это дело давнее, Джордж, а мы до сих пор никак не поймем, что с тобой творится. Сказать по правде, у меня уже терпение лопнуло. Да и все наши — и в Спортивном, и в клубе Толкачей — злы на тебя за то, что ты нарочно хвалишь этого Доуна и его проклятую шайку, болтаешь, что надо, мол, быть терпимым — а по-нашему, это значит слюнтяем! — и даже уверяешь, что этот чертов проповедник, Ингрэм, вовсе не профессиональный сутенер. А как ты себя ведешь! Джо Памфри говорил, что видел тебя вчера с какими-то непотребными бабами, пьяного в дым, а сегодня черт тебя дернул явиться прямо в «Торнлей» с этой... нет, я ничего не говорю, может быть, она и вполне порядочная женщина, настоящая леди, но вид у нее был что-то слишком легкомысленный, с такими не ходят завтракать, когда жены нет в городе! Нехорошо это выглядит. Что за чертовщина с тобой творится, Джордж?

— Слишком вы все суете нос в мои личные дела, я и сам про себя того не знаю, что вы...

— Брось ты на меня обижаться, я с тобой откровенно говорю, как друг, прямо в глаза, а не сплетничаю за спиной, как другие. И еще скажу, Джордж, ты занимаешь видное положение в обществе, и общество требует, чтобы ты и жил как подобает. Словом, подумай-ка хорошенько и вступай в Лигу Честных Граждан. Мы еще об этом поговорим.

И он ушел.

Вечером Бэббит обедал в одиночестве. Ему казалось, что весь Клан Порядочных Людей заглядывает в окна ресторана, шпионит за ним. Страх сидел с ним рядом, и он уверял себя, что сегодня не пойдет к Танис, и не пошел... до позднего вечера.

30

Прошлым летом миссис Бэббит во всех своих письмах трещала о том, как ей хочется поскорее домой, в Зенит. Теперь ничего такого в них не было, но мелькнувшая между сухими сообщениями о погоде и болезнях грустная строка «надеюсь, вы без меня прекрасно обходитесь» ясно намекала, что Бэббит, мол, не очень-то жаждет ее приезда. Он без конца об этом думал: «Если б я тут, при ней, загулял, как сейчас, ее бы хватил удар. Надо взять себя в руки. Надо научиться и жить в свое удовольствие, и не валять дурака. Мне это не так уж трудно, только пускай такие, как Вердж Гэнч, ко мне не лезут, да и Майре лучше быть от меня подальше. Бедняжка, видно, здорово истосковалась по дому. Господи, да разве я хочу ее обидеть!»

В порыве жалости он написал, что все по ней соскучились, и в следующем письме она радостно сообщила, что возвращается.

Он уговаривал себя, что хочет ее видеть. Он купил роз, заказал на обед дичь, велел вычистить и отполировать машину.

По дороге с вокзала он еще с воодушевлением рассказывал ей об успехах Теда в баскетбольной команде, но, подъезжая к Цветущим Холмам, уже не знал, о чем говорить, и, всем существом чувствуя, какая она недалекая и бесцветная, думал, сможет ли он остаться хорошим мужем и все-таки хоть на полчаса удрать сегодня вечером в «компанию». Поставив машину в гараж, он побежал наверх, в знакомую, пахнущую пудрой теплоту ее комнаты и нарочито весело пробасил:

— Помочь распаковать чемодан?

— Нет, я сама.

Она медленно подошла к нему, держа в руках небольшую коробочку, и медленно проговорила:

— Привезла тебе подарок... так, пустяки — новый портсигар. Не знаю, нужен он тебе или нет.

Сейчас она походила на ту застенчивую девушку, смуглую милую Майру Томпсон, на которой он когда-то женился, и он, чуть не плача от жалости и целуя ее, умоляюще шептал:

— Милая ты моя, милая, да как же «не нужен»! Еще как нужен. Ты не знаешь, какое ты мне доставила удовольствие. Да и старый мой портсигар никуда не годится!

А мысленно он прикидывал, куда ему деть портсигар, купленный неделю назад.

— И ты вправду рад, что я вернулась?

— Бедняжка ты моя, еще что выдумала!

— Мне показалось, что ты не особенно по мне скучал.

После его вранья она снова почувствовала себя крепко связанной с ним. К десяти часам вечера ему уже не верилось, что она вообще уезжала. Одно только изменилось: надо было придумать, как остаться добропорядочным мужем, как полагалось на Цветущих Холмах, и вместе с тем продолжать по-прежнему видеться с Танис и с ее «компанией». Он обещал позвонить Танис в тот же вечер, но сейчас это оказалось трагически невозможным. Он кружил около телефона, бессознательно протягивал руку, чтобы снять трубку, но не смел рискнуть. Не мог он и найти предлог, чтобы выскочить из дому в аптеку на Смит-стрит, где был телефон-автомат. Его мучило это невыполненное обещание, пока он не плюнул на него, сказав себе: «А какого черта мне волноваться из-за того, что нельзя позвонить Танис? Может и без меня обойтись. Я у нее не в долгу. Она славная женщина, но мы с ней оба дали друг другу все, что могли... А, черт их подери, этих баб, вечно из-за них начинаются осложнения!»

Целую неделю он был внимателен к жене, водил ее в театр, на обед к Литтлфилдам, но потом пошли привычные вялые увертки и отговорки, и Бэббит по крайней мере два вечера в неделю проводил с «компанией». По-прежнему он делал вид, что ходит на собрания ордена Лосей или на заседания комиссии, но все реже заботился о том, чтобы выдумывать правдоподобные предлоги, а жена все реже и реже делала вид, будто верит им. Он был убежден, что она знает, с какой «легкомысленной», как говорили на Цветущих Холмах, компанией он связался, но оба молчали. В брачной географии расстояние от первых безмолвных признаков разрыва до окончательного признания его столь же велико, как расстояние от первого наивного доверия до первого сомнения.

Но чем больше он отдалялся от жены, тем яснее видел в ней человека со своими достоинствами и недостатками, а не просто принимал ее, как некое движимое имущество. С жалостливой нежностью он думал об их отношениях, ставших за двадцать пять лет супружеской жизни чем-то реальным, отчетливо осязаемым. Он вспоминал лучшие минуты их жизни: летний отдых в долине Виргинии, у подножия синих гор, автомобильное путешествие по штату Огайо с заездами в Кливленд, Цинциннати и Колумбус; рождение Вероны; постройку этого дома, рассчитанного на спокойную и счастливую старость, — у обоих стоял комок в горле, когда они сказали друг другу, что, может быть, для них это будет последнее жилище. Но самые трогательные воспоминания не мешали ему рычать за обедом:

— Да, ухожу часа на два! Не жди меня!

Он не смел являться домой пьяным, и хотя его радовало такое возвращение к высоконравственной жизни и он внушительно делал выговоры Питу и Фултону Бемису за их пьянство, его раздражали невысказанные попреки Майры, и он угрюмо размышлял: «Разве человеку можно научиться жить самостоятельно, когда им вечно командуют женщины!»

Танис уже не казалась ему постаревшей и сентиментальной. По сравнению с медлительной Майрой она представлялась ему легкой, крылатой, сияющей, словно дух огня, снизошедший к очагу смертных, и с какой бы жалостью он ни думал о жене, его всегда влекло к Танис.

Но вдруг миссис Бэббит сорвала покров приличий со своих горьких переживаний, и удивленный супруг обнаружил, что и она в меру своих сил решительно взбунтовалась.

Они сидели вечером у холодного камина.

— Джорджи, — сказала она, — ты мне еще не показал запись расходов по дому за время моего отсутствия.

— Да я... я еще не записал... — И спокойным голосом он добавил: — Придется нам в этом году сократить расходы.

— Конечно. Не знаю, куда столько уходит. Стараюсь экономить, но деньги просто улечиваются.

— Нельзя мне столько тратить на сигары. Пожалуй, буду меньше курить, а то и совсем брошу. Я придумал, как отучиться: надо брать эти душистые сигареты, от них сразу начинается тошнить и курить не хочется.

— Ах, как было бы хорошо, если б ты бросил! Не то чтобы мне это мешает, но, честное слово, Джордж, тебе так это вредно! Может быть, ты бы курил поменьше? И еще, Джорджи... я замечала, что, когда ты возвращаешься домой с этих собраний, от тебя иногда пахнет виски. Ты знаешь, милый, что меня не так беспокоит нравственная сторона, но у тебя такой слабый желудок, тебе вредно пить!

— Слабый желудок, черт подери! Да я могу пить ничуть не хуже других!

— И все-таки тебе следует быть осторожнее. Понимаешь, милый, я не хочу, чтобы ты заболел.

— Заболел, еще чего! Я не младенец! Как это я могу заболеть оттого, что опрокину раз в неделю стаканчик-другой! Ох уж эти женщины — беда с ними! Вечно преувеличивают!

— Джордж, пожалуйста, не говори таким тоном, ведь я хочу тебе добра!

— Знаю, знаю, но в этом-то вся загвоздка — беда с вами, бабами! Вечно критикуют, и попрекают, и пристают, а потом, изволите видеть, «я хотела тебе добра!».

— Послушай, Джордж, нехорошо так говорить со мной, что за резкости!

— А-аа, да я и не хотел говорить резко, но, черт, сама доводишь... разговариваешь со мной, будто я сопляк из детского сада, не могу выпить стаканчик — сразу надо вызывать «скорую помощь»! Хорошо же ты обо мне думаешь!

— Не в этом дело. Просто мне... мне не хочется, чтобы ты заболел, и я... Ох, я и не заметила, что уже так поздно! Не забудь показать мне счета за то время, что меня не было!

— Да на кой черт я буду с ними возиться? Забудем о них — и все!

— Слушай, Джордж Бэббит, за все годы, что мы женаты, мы с тобой каждый цент записывали!

— В том-то и беда!

— Да ты понимаешь, что говоришь?

— Ничего я особенного не сказал, только иногда мне до того осточертевает вся эта рутина — и в конторе считай, и дома считай, и крутись, и вертись, и ни отдыха, ни сроку, а все из-за какой-то чуши, черт ее дери, сидишь и корпишь, о господи, твоя воля!.. Да неужто, по-твоему, я создан для такой жизни? Я мог бы стать замечательным оратором, а тут только и знаешь одни заботы, и возню, и хлопоты...

— А я, по-твоему, не устаю от всех этих забот? До того надоело три раза в день заказывать завтраки, обеды, ужины, триста шестьдесят пять дней в году подряд, и портить себе глаза у этой проклятой швейной машины, чинить платье и тебе, и Роне, и Теду, и Тинке — всем, и о стирке заботься, и носки штопай, и на рынок ходи, и корзину сама носи, только бы не платить за доставку, — словом, все, все для вас делай!

— Фу-ты, черт! — удивился он. — Конечно, и тебе не сладко. Но разве сравнишь... Я-то как проклятый сижу в конторе с утра до вечера, а ты весь день свободна, можешь гулять, ходить в гости, болтать с соседями — словом, делать все, что душе угодно...

— Да разве это удовольствие! Вечно одни и те же разговоры, одни и те же люди, а к тебе приходят интересные посетители, ты видишь столько народу.

— Интересные? Сумасшедшие старушонки, которые требуют отчета, почему я не сдал их драгоценные домишки в семь раз дороже против настоящей цены, или старые хрычи, придут, ругаются на чем свет стоит: им, видите ли, надо получать аренду всю, до цента, ровно к трем часам дня по гринвичскому времени второго числа каждого месяца! Еще бы! Интересные! Черная оспа и то интереснее!

— Сейчас же перестань кричать на меня, Джордж!

— Закричишь тут, зло берет на женщин — думают, у человека только и забот, что сидеть в кресле и любезничать с шикарными дамочками, глазки им строить!

— Да уж если тебе такая попадется, ты и в конторе ухитришься с ней полюбезничать!

— Ты что? Думаешь, я за девчонками бегаю?

— Надеюсь, что нет — в твои-то годы!

— Ну знаете! Можешь не верить, но я... Конечно, ты во мне только и видишь толстого старого Джорджа Бэббита. Ясно! Что я для тебя — просто мужчина в доме! Котел топить, когда истопник не явится,

платить по счетам — на это он способен, но скучно с ним до одури! Так вот, можешь не верить, но есть женщины, для которых твой старый Джордж Бэббит — совсем неплохой мальчик. Им-то он уродом не кажется, наоборот, на него и посмотреть приятно, и поговорить он умеет, а есть среди них и такие, с которыми он и потанцевать может лихо, не хуже всякого другого.

— Да-а... — медленно протянула она. — Не сомневаюсь, что стоит мне уехать, как ты находишь людей, которые тебя ценят по-настоящему...

— Да нет, разве я о том, — запротестовал было он. Но тут же, в сердцах, решил на полупризнание: — А что ж, и нахожу! Находятся люди, и очень приличные, черт возьми, для которых я не ребенок с большим желудком!

— Об этом я и говорю! Ты можешь развлекаться, с кем тебе угодно, а я должна тут сидеть, дожидаться! У тебя есть все возможности жить культурной жизнью, все видеть, а мне только и остается, что торчать дома.

— О господи боже мой, да кто тебе мешает читать книжки, ходить на разные лекции или как они там называются, слушать всякую чертовщину?

— Джордж, я тебе сказала, не смей орать на меня! Что это с тобой, ума не приложу. Никогда в жизни ты так безобразно со мной не разговаривал!

— Ничего тут безобразного нет; ей-богу, обидно, когда ты сваливаешь на меня всю вину за то, что ты отстала от жизни.

— А я и не буду больше отставать. Хочешь мне помочь?

— Конечно. Там, где дело касается культуры, — я к твоим услугам! Подписано: Дж.-Ф.Бэббит!

— Отлично, тогда пойдем со мной на собрание лиги «Новая Мысль», на лекцию миссис Мадж, в воскресенье днем.

— Что, что? Куда?

— На лекцию миссис Опал Эмерсон Мадж. Она разъездной лектор американской лиги «Новая Мысль». Она выступит на тему «Возрождение Солнечной Души» перед Лигой Высокого Посвящения в отеле «Торнлей».

— Что за чушь! Перемолотые выдумки под новым соусом! «Возрождение»... Похоже на загадку: «Когда ходят на бал кони?»

Нечего сказать, хорошее место для верующей пресвитерианки, нашла куда ходить, вместо того чтобы слушать дока Дрю!

— Достопочтенный Дрю, конечно, ученый и хороший проповедник и все такое, но в нем не хватает внутреннего фермента, как говорит миссис Мадж, нет у него тяготения к Новой Эре Духа. А женщина ищет одухотворенности. Так что ты, пожалуйста, походи со мной, ты же обещал!

Зенитский филиал Лиги Высокого Посвящения снял под собрание малый банкетный зал отеля «Торнлей» — изысканное помещение с бледно-зелеными стенами и лепными венками из роз, изысканным паркетным полом и сверхизысканными хрупкими золочеными стульями. Всего собралось шестьдесят пять женщин и десять мужчин. Почти все мужчины сидели понуро или ерзали на месте, но их жены держались подчеркнуто чинно, и только у двух мужчин, толстяков с бычьими затылками, вид был столь же благоговейный, как у их жен. Это были недавно разбогатевшие подрядчики, которые, купив дома, автомобили, копии картин и благородное происхождение, теперь покупали изысканную философию в расфасованном виде. Они еще не решили — купить ли им Новую Мысль, Христианскую Науку или добротную, стандартную, новейшего образца веру епископального толка.

Во плоти мисс Опал Эмерсон Мадж никак не походила на пророчицу. Она была коренастая, как пони, пухлая, с лицом высокомерного мопса, кнопкой вместо носика и такими короткими ручками, что, сидя в ожидании у председательского стола, она при всех самых напряженных усилиях никак не могла сложить их на животике. Ее тафтовое платье, отделанное зеленым бархатом, стеклянные бусы в три ряда и огромный лорнет на черной ленте были верхом изысканности.

Председательница Лиги Высокого Посвящения, старообразная барышня в белых гетрах, с тягучим голосом и усиками, представила собранию миссис Мадж. Она сказала, что миссис Мадж изложит в доступной самому неискушенному уму форме, как культивировать в себе Солнечную Душу, и те, кто собирается этим заняться, должны внимательно и благоговейно слушать миссис Мадж, так как даже

Зенит (а всякому известно, что Зенит идет в авангарде духовного прогресса и Новой Мысли) не так часто имеет возможность внимать поучениям столь вдохновенной оптимистки и метафизической провидицы, как миссис Опал Эмерсон Мадж, которая живет жизнью Верховного Предназначения посредством Углубленности, обретая в Молчании те Тайны Высшего Самоконтроля, а также Духовный Ключ, который немедленно откроет перед страждущим человечеством путь к миру, могуществу и процветанию, так что вы, друзья, позабудьте на этот драгоценный и сокровенный час всю иллюзию кажущейся действительности и, активизируя в себе потаенную Истину, вступите об руку с миссис Опал Эмерсон Мадж в Царство Высшей Красоты.

Хотя миссис Мадж, при всей своей полноте, не особенно соответствовала представлению о йогах, ясновидящих, посвященных и пророках, голос у нее звучал вполне профессионально. Речь ее была культурной, жизнерадостной, необычайно спокойной, она лилась сплошным потоком, без единой запятой, так что Бэббит был совсем загипнотизирован. Любимым ее словом было «вечно» — она произносила «вэ-ээч-но». Любимым жестом — торжественное и вместе с тем по-дамски грациозное благословение двумя короткими пальчиками.

Она объясняла, что такое Духовное Насыщение:

— Есть лю-у-у-ди...

Она произнесла это слово сладко и тягуче, как дальний нежный зов в минорной гамме. Звук этот целомудренным укором коснулся ерзавших на стульях мужчин, но в нем был и залог духовного исцеления беспокойной души.

— Есть люди, коснувшиеся внешней кажущейся сущности Логоса, есть другие, кому дано было заглянуть в бездну и в экстазе овладеть какой-то частью этого Логоса, есть люди, которых затронуло, но не пронизало, не радиоактивизировало Динамическое Естество, и они мечутся, веруя в то, что вникли в Логос и Метафизику и проникнуты ими, но Слово, которое я несу вам, Понятие, которое я расширяю, учат, что эти люди не являются цельными, не являются восприимчивыми и что святость в своей сущности вечно, вечно, вечно едина и что...

В общем, выяснилось, что сущностью Солнечной Души является Истина, но ее Аурой и ее Эманацией — Жизнерадостность.

— Всегда встречайте день рассветной улыбкой радости посвященных, постигших, что все идет на благо коловращению миров, и отвечающих на судороги Горьких Душ отрицателей радостным утверждением...

В таком духе она трещала час семь минут.

В конце миссис Мадж заговорила с еще большим пылом и уже со знаками препинания:

— А теперь разрешите указать вам на преимущества Теософически-пантеистического Восточного Просветительного Общества, каковое я представляю. Наша цель — объединить все проявления Новой Эры в одно гармоническое целое — Новую Мысль, Христианскую Науку, Теософию, Веданту, Буддизм и другие искры Единого Нового Света. Подписка — десять долларов в год, и за эту ничтожную сумму члены общества получают не только ежемесячный журнал «Перлы исцеления», но и право посылать непосредственно нашей председательнице, высокочтимой матушке Доббс, любые вопросы касательно духовного возрождения, супружеских проблем, здоровья и хорошего самочувствия, а также финансовых затруднений, каковые...

Все слушали ее с благоговейным вниманием. Все лица дышали благородством. Все казались свежеевыглаженными. Все вежливо покашливали, украдкой скрещивали ноги и с необычайно оптимистическим и утонченным видом сморкались в дорогие платки тонкого полотна.

Только Бэббит сидел и страдал.

Когда они наконец-то очутились на воздухе, когда ехали домой сквозь ветер, пахнувший снегом и солнцем, он не смел заговорить. Слишком часто у них в последние дни назревала ссора. Но миссис Бэббит сама затеяла спор:

— Понравилась тебе лекция миссис Мадж?

— Как сказать, я... А тебе это что-нибудь дало?

— Да, начинаешь как-то задумываться. Выводит из круга будничных мыслей.

— Да, уж эту Опал не назовешь будничной, но все-таки, господи боже, скажи честно, неужели ты что-нибудь поняла?

— Конечно, я не искушена в метафизике и во многом не разобралась, но меня это вдохновляет. А как увлекательно она говорит!

По-моему, ты-то должен был кое-что почерпнуть!

— Я? Ни черта! Клянусь жизнью, я обалдел, глядя на всех этих женщин, — так и впились в нее! Какого черта им слушать всю эту муру, когда можно тратить время на другое...

— Ну, знаешь, лучше уж слушать лекции, чем ездить по загородным ресторанам, курить и пить!

— Не знаю, лучше это или хуже! Лично я никакой разницы не вижу! В обоих случаях это просто способ уйти от самих себя — а в наши дни всякий этого хочет! Я-то, конечно, предпочитаю поразмять ноги, потанцевать как следует, хотя бы в каком-нибудь кабаке, чем сидеть как чучело, будто на тебе слишком тугой воротник, бояться сплюнуть и слушать, как эта Опал треплет языком.

— Знаю я, что ты предпочитаешь! Любишь всякие кабаки! Наверно, не вылезал из них, пока меня тут не было!

— Послушай-ка, что-то в последнее время ты даешь себе слишком много воли — сплошная клевета, намеки, как будто я веду двойную жизнь и всякое такое. Надоело мне это, понимаешь? Не желаю больше слушать! К черту!

— Что с тобой, Джордж Бэббит! Да ты соображаешь, что говоришь! Боже мой, Джордж, за все годы, что мы вместе, ты никогда так со мной не разговаривал!

— Давно пора!

— С каждым днем ты становишься все хуже и хуже, а теперь стал орать на меня, браниться! Ты бы послушал свой голос — столько злости, ненависти, я просто вся дрожу!

— А, чушь! Брось преувеличивать! Ничуть я не ору и не ругаюсь!

— Да ты бы себя послушал! Ты, наверно, не представляешь себе, в каком ужасном тоне ты разговариваешь! И вообще, никогда в жизни ты так со мной не говорил. У тебя просто язык не повернулся бы, если бы ты так страшно не изменился.

Но в нем все ожесточилось. С удивлением он понял, что вовсе и не чувствует никакой вины. Он сделал огромное усилие и заставил себя говорить мягче.

— Глупости, я не хотел тебя обидеть!

— Джордж, да ты понимаешь, что дальше так продолжаться не может? Мы все больше и больше отходим друг от друга, ты становишься все резче и резче. Я просто не знаю, чем это кончится!

На какой-то миг ему стало жалко ее, такую растерянную, беспомощную, и он подумал, сколько глубоких и сердечных чувств пострадает, если действительно «дальше так продолжаться» не будет. Но жалость была какой-то смутной, и он тут же подумал: «А может быть, лучше, если мы... Нет, не развод со всякими неприятностями, а просто отвоевать побольше свободы...»

Она умоляюще смотрела на него, а он вел машину и мрачно молчал.

31

Вдали от жены, возясь в гараже, сметая снег с подножки машины и проверяя, нет ли трещин в шланге, он раскаивался, он огорчался, не понимая, как он мог так напасть на нее, и с нежностью думал, насколько прочнее она связана с его жизнью, чем легкомысленная «компания». Он пришел к ней, бормоча извинения: «Зря я на тебя напустился», — спросил, не хочет ли она пойти в кино. Но в темноте кинозала он мрачно думал, что теперь он «навсегда пришит к юбке Майры». Ему доставляло удовольствие мысленно вымещать свою досаду на Танис Джудик. Черт ее возьми, эту Танис! Надо же ей было втягивать его во всю эту историю; из-за нее он нервничает, места себе не находит, совсем свихнулся! Слишком много осложнений! Кончать надо!

Ему хотелось покоя. Десять дней он не виделся с Танис, не звонил ей, и она тут же стала оказывать на него давление, которого он не выносил. Через пять дней после того, как он перестал у нее бывать, ежечасно гордясь своей решимостью и ежечасно воображая, как скучает без него Танис, мисс Мак-Гаун доложила:

— Миссис Джудик у телефона. Хочет поговорить насчет ремонта.

Танис говорила быстро и спокойно:

— Мистер Бэббит? Джордж, это Танис. Я не видела вас столько недель... столько дней. Вы не больны?

— Нет, просто дела уйма... Я... мм-мм... Я думаю, в этом году строительство развернется вовсю. Мне надо... я должен работать.

— Конечно, мой дорогой! Я хочу, чтобы вы работали! Вы знаете, как я честолюбива, когда речь идет о вас, — это больше, чем личное честолюбие. Мне только не хочется, чтобы вы забывали бедную Танис! Вы мне скоро позвоните?

— Конечно! Обязательно! Непременно!

— Пожалуйста, звоните! Я больше вас тревожить не буду.

Он раздумывал: «Бедная девочка! Только зачем она звонит мне в контору... Удивительное существо, сколько чуткости... честолюбива, когда речь идет обо мне. Но, черт возьми, не позволю, чтобы меня принуждали, позвоню, когда сам захочу! Черт их дери, этих женщин,

вечно чего-то требуют. Нет, она меня долго не увидит... А, черт, как хочется повидать ее сегодня, крошку мою милую... Эй, друг, брось глупить! Раз ты уже вырвался, держись!»

Больше она не звонила, но еще через пять дней он получил письмо:

«Неужели я вас обидела? Поймите, я этого не хотела. Я так одинока, мне нужна родная душа. Почему вы не пришли вчера на чудесную вечеринку к Керри — по-моему, она вас звала. Не можете ли вы заехать ко мне завтра, в четверг, вечером? Я буду дома одна и хочу вас видеть».

Его обуревали самые противоречивые мысли.

«Провались я на месте, почему она не может оставить меня в покое? Почему женщины не понимают, что мужчины ненавидят, когда их волокут силком? — Вечно кричат, какие они одинокие, — разве это не насилие?»

Нехорошо, молодой человек, свинство так говорить! Она добрая, честная, порядочная женщина, а жизнь у нее и вправду одинокая. Почерк у нее красивый. И бумага отличная. Простая, изящная. Придется к ней зайти. Слава богу, хоть до завтрашнего вечера я от нее свободен.

Милая-то она, милая, но... Нет, черт подери, меня не заставишь! Я на ней не женат. И жениться не собираюсь, честное слово!

А, чччерт... Все же придется пойти».

Четверг — день, назначенный Танис в письме, — был полон волнений. За столом «дебоширов», в клубе, Вердж Гэнч агитировал за Лигу Честных Граждан и нарочно (как казалось Бэббиту) не приглашал его вступить, как других. У старого Мэта Пеннимена, подручного в конторе Бэббита, были Неприятности, и он пришел жаловаться: старший сын — бездельник, жена болеет, с зятем он поссорился. У Конрада Лайта тоже накопились Неприятности, но так как Лайт был лучшим клиентом Бэббита, пришлось его выслушать. Как выяснилось, мистер Лайт страдал исключительно интересной формой невралгии, и к тому же его обманули владельцы гаража. Когда Бэббит вернулся домой, все стали рассказывать ему свои Неприятности: жена собиралась рассчитать новую прислугу —

бесстыжую девку, и в то же время боялась, что та сама уйдет, а Тинка во что бы то ни стало хотела наябедничать на свою учительницу.

— Ох, перестаньте шуметь! — зашумел Бэббит. — Разве я к вам пристаю со своими Неприятностями, попробовали бы вы управлять конторой по продаже недвижимости! Сегодня я обнаружил, что мисс Бенниген два дня уже не ведет счетов, прищемил себе палец ящиком, потом пришел Лайт, бестолковый, как всегда...

Он был так раздражен, что после обеда, вместо того чтобы тактично улизнуть к Танис, просто буркнул жене:

— Я ухожу, постараюсь вернуться часам к одиннадцати!

— Ах, ты опять уходишь?

— Опять? Как это — «опять»? Я всю неделю носа не высовывал из дому!

— Ты... ты идешь в орден Лосей?

— Нет-с. Надо кое-кого повидать.

Отлично слыша свой собственный голос и понимая, что говорит резко, видя, что жена укоризненно смотрит на него большими глазами, он все-таки прошел в переднюю, схватил пальто, меховые перчатки и отправился заводить машину.

Ему стало легче, когда Танис встретила его весело, без попреков, вся сияющая, в платье из коричневых кружев на золотистом чехле.

— Бедненький, ехать в такую погоду! Жуткий холод! А не выпить ли вам стаканчик?

— Честное слово, люблю умных женщин! Конечно, неплохо бы выпить стаканчик, если он только не слишком велик — литра три, не больше!

Он поцеловал ее беззаботно и сердечно, совершенно забыв, что она «вынудила» его прийти, потом развалился в огромном кресле с блаженным ощущением, что наконец-то он попал домой. Он вдруг разболтался, он объяснил ей, какой он благородный и непонятый человек, насколько он выше Пита, Фултона Бемиса и всех других ее знакомых, а она, наклонясь к нему, подперев прелестной ручкой подбородок, весело соглашалась со всем. Но когда он заставил себя спросить: «А как ваши дела, родная?» — она приняла этот формальный вопрос всерьез, и оказалось, что у нее тоже есть Неприятности.

— В общем, ничего, но я так рассердилась на Керри. Она сказала Минни, будто я ей сказала, что Минни ужасно скупая, и Минни сказала мне, что Керри ей это сказала, и, конечно, я ей сказала, что я ничего подобного не говорила, а потом Керри узнала, что Минни мне все сказала, и она просто рассвирепела оттого, что Минни мне сказала, а я, конечно, вскипела, потому что Керри сказала Минни, что я ей все рассказала, и мы все собрались у Фултона — его жена, слава богу, уехала! — ах, у них такой изумительный паркет, так чудно танцевать! — и мы все перессорились и вообще... О, я так ненавижу эти ссоры, а вы? Это так... так неблагородно, правда? А тут еще моя мама собирается приехать на целый месяц; конечно, я ее очень люблю, ко, честно говоря, она совершенно нарушит мой стиль — не может отучиться во все вмешиваться, всегда допытывается, куда я уйду по вечерам, а если я ей совру, она начинает шпионить и выслеживать, узнает, где я бываю, а потом смотрит на меня глазами долготерпеливой мученицы, таких, знаете ли, изображают на надгробьях. Доводит меня просто до слез! Нет, я непременно должна все вам сказать... Вообще-то вы знаете, что я никогда о себе не говорю, я ненавижу людей, которые вечно говорят о себе, а вы? Но сегодня я такая глупая, наверно, вам скучно все это слушать, но я... Скажите, как мне быть с мамой?

По-мужски легко он разрешил все ее сомнения. Приезд мамы отложить. Керри послать к чертям. Она поблагодарила его за эти драгоценные советы, и они стали привычно сплетничать про «компанию». Про то, какая Керри сентиментальная дура. Про то, какой Пит ленивый мальчишка. Про то, каким славным может быть Фултон Бемис — «конечно, после первой встречи многие считают его старым ворчуном только потому, что он не начинает сразу гоготать над их шутками, но стоит узнать его поближе, и всякий скажет, что он прелесть!».

Но после того как они всех обсудили подробнейшим образом, разговор не клеился. Бэббит попытался было завести интеллигентную беседу на мировые темы. Он высказал несколько глубоко продуманных суждений о разоружении, свободомыслии и терпимости, но ему показалось, что мировые вопросы интересовали Танис лишь постольку, поскольку они касались Пита, Керри или их самих.

Наступило тягостное для Бэббита молчание. Он попытался заставить ее разговориться, но молчание серым призраком встало между ними.

— А... ммм-mmm... — выдавил он из себя, — я... мне кажется, что безработица уменьшается.

— Может быть, Питу удастся получить приличное место.

Молчание.

Он сделал отчаянную попытку:

— В чем дело, дружок? Бы сегодня какая-то грустная.

— Разве? Нет, ничего. А вам... не все ли равно, грущу я или нет?

— Мне? Как это все равно? Конечно, нет!

— Правда? — Она бросилась к нему, примостилась на ручке его кресла.

Ему ужасно не хотелось принуждать себя к нежности по отношению к ней. Он погладил ее руку, натянуто улыбнулся и снова развалился в кресле.

— Джордж, я все думаю — ты меня любишь или нет?

— Конечно, люблю, дурочка!

— Правда, солнышко? Правда, любишь хоть капельку?

— Ясно, люблю. Иначе разве я торчал бы тут целый вечер?

— Ого, молодой человек! Что за тон! Не смейте говорить со мной так сердито!

— Нет, я не хотел... — И почти по-детски обиженно он пожаловался: — Господи боже, просто надоело, говоришь обыкновенным голосом, а все тебя попрекают, что ты сердишься. Петь мне, что ли?

— Кто это «все»? Каких еще дам вы утешали?

— Слушай, что это за намеки?

В ее голосе звучало смирение:

— Знаю, милый. Я просто тебя дразнила. Маленький и не думал сердиться. Маленький просто устал. Прости гадкую Танис! Скажи, что любишь, скажи!

— Люблю... Ну да, люблю.

— Да, по-своему! — вызывающе сказала она, и тут же спохватилась: — О милый, прости меня, я не хотела тебя обидеть. Но... но я так одинока! Я чувствую себя такой бесполезной. Никому я не нужна, ничего не могу сделать для других. И знаешь, милый, я

такой энергичный человек — было бы только, что делать! И я еще молода, не правда ли? Я не старуха! Правда, я не глупая старуха?

Ему пришлось разуверять ее. Она гладила его волосы, и он старался сделать довольное лицо, хотя в этом мягком прикосновении он чувствовал настойчивую властность. Ему становилось невтерпеж. Хотелось уйти, убежать в суровый, надежный мужской мир, без всяких сантиментов. Может быть, ее ласковые пальцы вдруг ощутили его брезгливую неприязнь. Она перестала гладить его и, придвинув скамеечку, села у ног Бэббита, умоляюще глядя на него. Но часто бывает, что собачья преданность или внезапный детский страх вызывает у мужчины не жалость к женщине, а лишь какое-то раздражение и невольную жестокость. Так и ее самоунижение только злило его. И он видел, что она уже не молода, что она скоро совсем постареет. Он ненавидел себя за эти мысли, но не мог от них избавиться. «Стареет! — с тоской подумал он. — Стареет!» Он заметил, как кожа под ее подбородком, у глаз, у кистей рук собирается тонкими складками. На шее виднелась шершавая кожа, словно крошки от ластика на бумаге. Стареет! Годами она моложе его, но тошно смотреть, как она мечтательно подымает свои большие, круглые глаза, «как будто, — с дрожью отвращения подумал он, — тебе объясняется в любви твоя собственная тетушка!».

Внутри у него все переворачивалось: «Надо кончать эту идиотскую канитель. Надо с ней порвать. Она чертовски милая, хорошая женщина, и я ее не могу обижать, но ей будет гораздо легче, если порвать сразу, как ножом отрезать, — чисто хирургическая операция».

Он вскочил на ноги. Он заговорил настойчиво, решительно. Чтобы сохранить чувство собственного достоинства, он во что бы то ни стало хотел ей доказать, что виновата во всем она сама.

— Может быть, я сегодня не в своей тарелке, но, честно говоря, дружочек, я не приходил, потому что запустил работу и надо было разобраться, что к чему. Надо быть умницей и ждать, пока я сам приду! Неужто ты не понимаешь, дорогая, что, заставив меня прийти, ты тем самым вызвала во мне — уж такой я упрямый осел! — только одно сопротивление! А сейчас, милая, мне надо уходить...

— О нет, любимый, погоди! Нет!

— Да! Я ухожу. А там посмотрим, как будет дальше.

— Не понимаю, милый, что значит «дальше»? Разве я сделала тебе что-нибудь плохое? О, это ужасно, прости меня!

Он решительно заложил руки за спину:

— Ничего плохого ты не сделала, господь с тобой! Лучше тебя я никого не знаю. Но дело-то в том... черт возьми, неужели ты не понимаешь, что у меня есть обязанности, работа? Мне надо вести дело, и хотя ты можешь мне не верить, у меня есть жена, есть семья, которую я очень люблю! — И, совершая это убийство, он вдруг почувствовал себя благородным и добродетельным. — Я хочу, чтобы мы были друзьями, но, черт возьми, не могу я так жить, не могу чувствовать, что обязан бегать сюда каждую минуту...

— Ах, милый, милый, да я же тебе всегда твердила, что ты совершенно свободен! Я только хотела, чтобы ты приходил сюда, когда устанешь и захочешь отдохнуть, поговорить со мной или повеселиться на наших вечеринках...

Она рассуждала так разумно, она была так права, так мила! Целый час он потратил на то, чтобы уйти, ни о чем не договорившись, но, в сущности, договорившись до конца. И, выйдя на волю, в пустоту, под холодный северный ветер, он вздохнул:

— Слава богу, все кончено! Бедная Танис! Бедная, милая, славная Танис! Но все кончено! Навсегда! Я свободен.

32

Жена не спала, когда он пришел домой.

— Ну, как, весело было? — бросила она.

— Нет, не весело! Очень скучно! Что-нибудь еще объяснить?

— Джордж, как ты можешь разговаривать в таком тоне? Боже мой, что это на тебя напало!

— Ничего на меня не напало, черт подери! Зачем ты все время ко мне цепляешься?

Мысленно он одернул себя: «Тише! Перестань хамить! Конечно, она обиделась — бросил ее одну на весь вечер». Но он тут же забыл всякую сдержанность, когда она завела свое:

— Зачем же тогда ходить по чужим людям? Или, может быть, ты опять скажешь, что был на заседании комитета?

— Нет, не скажу. Я был в гостях у женщины. Сидели у камина и дразнили друг друга, веселились вовсю, если хочешь знать!

— Но... ты так это говоришь, как будто я виновата, что ты там был. Я тебя к ней послала, да?

— Да, ты!

— Ну, знаешь, это слишком...

— Ты ненавидишь «чужих», как ты говоришь. Дай только тебе волю, ты из меня сделаешь такого же старикашку домоседа, как Говард Литтлфилд. Никогда не позовешь в дом интересных людей, тебе бы только сидеть со старыми чучелами и молоть про погоду. Ты все делаешь, чтобы я стал стариком. Так вот, имей в виду, я этого не позволю...

Эти неслыханные обвинения так на нее подействовали, что она огорченно залепетала:

— Что ты, милый, с чего ты взял? Я не хочу, чтобы ты стал стариком, неправда! Может быть, в чем-то ты и прав! Может быть, я не умею заводить новые знакомства. Но вспомни, как мы иногда уютно и мило проводим время, вспомни наши обеды, кино и все такое...

С истинно мужской хитростью он не только убедил себя, что она его обидела, — голос его звучал так резко и он так напал на жену, что сумел и ее убедить, будто она перед ним виновата, и довел ее до того,

что она стала извиняться перед ним за вечер, который он провел у Танис. Он лег спать довольный, чувствуя себя не только хозяином, но и мучеником в собственном доме. Правда, когда он ложился, у него мелькнула неприятная мысль, что он, возможно, был не совсем справедлив. «Стыдно, что я так на нее набросился! Она по-своему права. Может быть, и ей не так уж весело живется. Впрочем, ерунда! Ей полезно немного встряхнуться! А я должен быть свободен! И от нее, и от Танис, и от клубной братии — от всех! Я сам себе хозяин!»

В таком настроении он пошел в клуб Толкачей и на завтраке, который состоялся на следующий день, держал себя особенно вызывающе. Перед собравшимися выступал некий член конгресса, который только что вернулся в Америку после исчерпывающего трехмесячного изучения финансов, этнологии, политического строя, лингвистических особенностей, минеральных ресурсов и земледелия Германии, Франции, Великобритании, Италии, Австрии, Чехословакии, Югославии и Болгарии. Он подробно осветил все эти вопросы и рассказал три анекдота о том, как в Европе неправильно представляют себе Америку, а также с воодушевлением высказался о необходимости не впускать этих невежественных иностранцев в Соединенные Штаты.

— Да, очень содержательная беседа. Крепко, по-мужски! — сказал Сидни Финкельштейн.

Но Бэббит был недоволен:

— Жульничество! Пустая болтовня! И чем ему не угодили иммигранты? Чушь, будто все они невежды, да и сдается мне, что сами мы — потомки этих иммигрантов!

— Ох, не морочьте мне голову! — сказал мистер Финкельштейн.

Бэббит заметил, что доктор А.-И.Диллинг, насупившись, прислушивается к его словам через стол. Доктор Диллинг был одним из самых влиятельных членов клуба Толкачей. Он был не терапевтом, а хирургом — специальность гораздо более романтическая и видная. Это был огромный, внушительный человек, с копной черных волос и густыми черными усами. В газетах часто писали о его операциях. Он был профессором на кафедре хирургии в университете штата, обедал в самых знатных домах Зенита на Ройял-ридж, и ходили слухи, что у

него несколько сот тысяч долларов. Бэббит не мог вынести, что такая выдающаяся личность неприязненно косится на него. Он торопливо стал расхваливать остроумие члена конгресса, обращаясь к Сидни Финкельштейну, но так, чтобы слышал доктор Диллинг.

К концу этого же дня три человека явились в кабинет Бэббита, как являлся Комитет Бдительности в далекие времена Гражданской войны. Все это были видные, деятельные люди, важные шишки в зенитском обществе: доктор Диллинг — хирург, Чарльз Мак-Келви — подрядчик и, что неприятнее всего, седобородый полковник Резерфорд Сноу — владелец «Адвокат-таймса». Их присутствие подавляло Бэббита, и он сразу почувствовал себя ничтожным и маленьким.

— А-а, очень рад, садитесь, пожалуйста, чем могу служить? — забормотал он.

Но они не сели, не заговорили о погоде.

— Бэббит, — начал полковник Сноу, — мы пришли от Лиги Честных Граждан. Мы решили, что вам надо вступить: Верджил Гэнч говорил, что вы не хотите, но я, кажется, могу вам дать некоторые разъяснения. Лига намерена объединиться с Торговой палатой в борьбе за свободный наем рабочих, так что вам пора к нам примкнуть.

Бэббит так растерялся, что не сразу вспомнил, по каким причинам он не хотел вступить в Лигу, если только он вообще когда-нибудь ясно представлял себе, из-за чего он отказывался, но он определенно чувствовал, что вступать в Лигу ему не хочется, и при мысли, что они желают его принудить, он испытывал злобу даже по отношению к этим королям коммерции.

— Простите, полковник, мне еще надо подумать! — пробормотал он.

Мак-Келви вспылал.

— Значит, не желаешь вступать, Джордж? — крикнул он.

Что-то темное, незнакомое, злое заговорило в Бэббите.

— Слушай-ка, Чарли! Провались я на месте, если дам себя насильно затащить куда бы то ни было. Даже вам, воротилам, меня не запугать!

— Никого мы запугивать не собираемся! — заговорил было доктор Диллинг. Но полковник Сноу перебил его:

— Нет, собираемся! Мы, если нужно, можем и припугнуть! Слушайте, Бэббит, в ЛЧГ давно идут разговоры о вас. Все считают вас неглупым, честным, надежным и порядочным человеком, таким вы были всегда, но в последнее время, один бог знает почему, мне из самых разнообразных источников стало известно, что вы якшаетесь с какой-то распутной компанией и, что гораздо хуже, защищаете и поддерживаете самые опасные элементы в городе, вроде этого Доуна.

— Полковник, по-моему, это мое личное дело!

— Возможно, но мы хотим с вами договориться. Вы и ваш тесть всегда защищали интересы самых влиятельных, самых передовых кругов города, как, скажем, моих друзей из Транспортной компании, и, разумеется, моя газета всегда хвалила вас. Но вы не можете надеяться, что порядочные люди будут и впредь помогать вам, если вы примкнете именно к тем элементам, которые пытаются подорвать основы нашей жизни!

Бэббит здорово струхнул, но его мучило сознание, что, если он сейчас пойдет на уступку, ему придется уступать во всем. И он стал возражать:

— Вы преувеличиваете, полковник! Хотя я считаю, что надо проявлять терпимость, свободу мысли, но, разумеется, я, как и вы, против всяких смутьянов, болтунов, рабочих союзов и всего прочего. Но я уже принадлежу к такому количеству организаций, что не могу уделять достаточно внимания даже им, поэтому мне и хочется сначала все обдумать, а потом решить — вступлю я в ЛЧГ или нет.

Полковник Сноу снизошел до ответа:

— О нет, я вовсе не преувеличиваю! Спросите доктора, он сам слышал, как вы не далее как сегодня порочили одного из самых выдающихся членов конгресса от республиканской партии! И вы напрасно полагаете, будто у вас есть возможность «обдумать» — вступать вам в Лигу или нет. Мы не просим вас вступить — мы разрешаем вам! И я не уверен, мой милый, как бы потом не было поздно, если вы вздумаете откладывать! Я не уверен, что мы вас тогда примем. Решайте-ка поскорей, слышите, поскорей!

Все трое «бдительных», величественные и грозные от сознания своей правоты, смотрели на него в напряженном молчании. Бэббит выжидал. Он ни о чем не думал, а в голове у него гудело и звенело: «Не хочу вступать, не хочу!»

— Ну что ж. Мне вас жаль! — сказал полковник Сноу, и все трое резко повернули к нему широкие спины.

Выходя из конторы к своей машине, Бэббит увидел на улице Верджила Гэнча. Бэббит приветственно поднял руку, но Гэнч не ответил и перешел на другую сторону. Гэнч, несомненно, его видел. Домой Бэббит ехал в отвратительном настроении.

Жена сразу набросилась на него:

— Джорджи, миленький, у меня была Мюриель Фринк, она сказала, что Чам сказал ей, будто президиум Лиги Честных Граждан специально просил тебя вступить в Лигу, а ты отказался. Не лучше ли тебе передумать? Понимаешь, все порядочное общество — в Лиге, и ее цель...

— Знаю я ее цель! Ее цель — запретить свободу слова и свободу мысли и все такое! Не позволю, чтобы меня запугивали и насильно тащили куда бы то ни было! И вопрос вовсе не в том, хороша эта Лига или плоха, и на кой черт она вообще нужна, а в том, что я отказываюсь подчиняться насилию...

— Но, милый, если ты не вступишь, тебя будут осуждать!

— Ну и пусть осуждают!

— Я имею в виду *порядочных* людей.

— А ну их к... И вообще, на эту Лигу просто пошла мода. Сколько таких организаций возникало с шумом, с треском — весь мир хотели перевернуть, а потом они рассыпались, словно их и не было!

— Но если сейчас *все* вступают, то и тебе следует...

— Ничего не следует! Прошу тебя, Майра, перестань меня пилить! Надоела мне эта проклятая Лига! Честное слово, лучше бы я вступил в нее с самого начала, когда Вердж мне предлагал, и делу конец. Да я бы и сегодня согласился, если бы этот их комитет не пытался меня застращать, и клянусь честью, пока я еще свободный, независимый американский гражд...

— Джордж! Ты разговариваешь как наш немец-истопник!

— Ах, так! Тогда я совсем с тобой не желаю говорить!

Вечером ему до смерти захотелось повидать Танис Джудик, найти в ней сочувствие и поддержку. После того как вся семья ушла наверх, он даже попытался позвонить ей, но так волновался, что, когда швейцар

подошел, он невнятно забормотал: «Ничего... позвоню позже», — и повесил трубку.

Если Бэббит был не вполне уверен, что Верджил Гэнч его избегает, то насчет Уильяма Вашингтона Иторна никаких сомнений быть не могло. Утром, когда Бэббит ехал в контору, он обогнал машину Иторна, в которой великий банкир в расслабленном величии восседал позади своего шофера. Бэббит помахал рукой, крикнул:

— С добрым утром!

Иторн пристально посмотрел на него и не сразу ответил ему кивком, в котором выразил больше презрения, чем если б он демонстративно отвернулся.

Компаньон и тесть Бэббита явился в десять часов.

— Слушай, Джордж, говорят, ты тут устроил чистый цирк, отказался вступить в ЛЧГ, когда тебя просил сам полковник Сноу! Какого черта ты затеял — хочешь фирму погубить, что ли? Уж не думаешь ли ты, что эти заправилы потерпят, чтоб ты шел против них и трепал языком насчет своей «терпимости»?

— А, ерунда, Генри Т., вы начитались бульварщины. Только в книгах расписывают всякие там заговоры против свободомыслящих людей. У нас свободная страна. Каждый может делать, что ему угодно.

— Конечно, никаких заговоров нет. Кто говорит о заговорах? Но если про тебя станут думать, что ты пустельга, ненадежный мальчик, с тобой никто дела иметь не захочет, понятно? Стоит только пойти слухам, что у тебя мозги набекрень, и наша фирма погибнет как пить дать; никаких заговоров и выдумок не надо — такого этим писакам за целый месяц на досуге не придумать!

В этот же день зашел старый знакомый, верный Конрад Лайт, веселый скупердяй, и, когда Бэббит предложил ему купить несколько участков во вновь застраиваемом районе, Дорчестер, Лайт торопливо, даже слишком торопливо сказал:

— Нет, нет, не хочу, ничего нового затевать не буду!

Неделю спустя Бэббит узнал через Генри Томпсона, что заправилы Транспортной компании готовят новую аферу с земельными участками, но проводить ее будет не фирма «Бэббит и Томпсон», а фирма «Сандерс, Торри и Уинг».

— По-моему, теперь и Джек Оффат на тебя косится — очень уж плохо о тебе говорят! А Джек — прожженный, матерый делец, он и посоветовал этим транспортникам обратиться к другому посреднику. Нет, Джордж, тебе надо принять меры! — Томпсон весь трясся от волнения.

Бэббит сгоряча согласился с ним. Конечно, про него болтают чепуху, но все же... Он решил вступить в Лигу Честных Граждан, как только ему снова предложат, и в свирепой решимости ждал этого. Но никто ему не предлагал. Его игнорировали. Он не мог набраться смелости и пойти попроситься в Лигу и утешался робким хвастовством, что пошел против всего города — и хоть бы что! Ему-то никто не посмеет диктовать, о чем думать и как себя вести!

Но больше всего его задело, когда королева всех стенографисток, мисс Мак-Гаун, вдруг ушла от него, хотя предлог у нее был весьма благовидный — ей необходимо отдохнуть полгодика и сестра у нее хворает. Ему было очень не по себе с ее преемницей, мисс Хавстад. Имя мисс Хавстад никто в конторе так и не узнал. Казалось невероятным, что у нее есть имя, возлюбленный, пудреница, пищеварение. Она была настолько безличной, эта тонкая, белесая, старательная шведка, что самая мысль, будто она может возвращаться с работы в обыкновенный дом и есть обыкновенное рагу, казалась непристойной. Она походила на отлично смазанную, эмалированную машинку, и ее надо было бы каждый вечер протирать и прятать в стол, где лежали ее тончайшие, острейшие карандаши. Она быстро писала под диктовку, отлично печатала, но Бэббит нервничал во время работы. При ней он казался себе слишком толстым, а на его любимые každодневные шутки она отвечала недоуменным взглядом. Он мечтал о возвращении мисс Мак-Гаун и собирался ей написать.

И тут он услышал, что мисс Мак-Гаун через неделю после ухода поступила к его злейшим соперникам — Сандерсу, Торри и Уингу.

Он не только огорчился — он испугался. «Чего же она ушла? — беспокоился он. — Неужели почувствовала, что наша фирма разваливается? Узнала, что Сандерс ведет теперь дела Транспортной компании. Тонуций корабль — фу, чепуха!»

Но мрачный страх преследовал его ежечасно. Бэббит следил за молодым Фрицем Вейлингером, разъездным агентом, раздумывая, не уйдет ли и этот из конторы. Везде ему мерещились обиды. Он отметил

про себя, что его не пригласили выступить на ежегодном обеде Торговой палаты. А когда Орвиль Джонс устроил большой вечер с покером и не позвал Бэббита, тот окончательно понял, что его обошли. Он боялся ходить завтракать в Спортивный клуб и боялся не ходить туда. Он был уверен, что за ним шпионят, что стоит ему выйти из-за стола, как все начинают шушукаться. Везде слышал он этот шипящий шепот: в конторах клиентов, в банке, где он вносил вклад, в своей собственной конторе, у себя дома. Он без конца ломал голову, гадая, что они говорят про него. Весь день он воображал, как они удивляются: «Бэббит? Слушайте, да он настоящий анархист! Надо отдать должное его смелости — смотрите, он стал форменным вольнодумцем и теперь живет, как хочет, честное слово! Да, это опасный человек, безусловно, опасный, не мешало бы его вывести на чистую воду».

Он был так издерган, что если ему случалось, завернув за угол, наткнуться на двух знакомых, которые о чем-то говорили — шушукались! — у него сердце так и подпрыгивало, и он проскальзывал мимо них, как смущенный школьник. Когда он видел вместе своих соседей — Говарда Литтлфилда и Орвиля Джонса, — он заглядывал в их лица и скрывался в доме, чтобы они за ним не шпионили, в тягостной уверенности, что они что-то замышляют — сговариваются — шушукуются о нем.

Но даже в этом страхе таился вызов. Он упорно стоял на своем. Иногда ему казалось, что он отчаянный человек, смелее самого Сенеки Доуна; иногда он собирался пойти к Доуну и рассказать ему, каким он стал революционером, но дальше сборов дело не шло. Зато гораздо чаще, слыша, как перешептываются все кругом, он стонал: «Господи, да что я такого сделал? Повеселился с компанией, высмеял Кларенса Драма, чтоб не воображал себя заправским воякой. Зато я никогда не осуждаю людей, никому своих убеждений не навязываю!»

Он не мог вынести этого напряжения. Он сознался себе, что ему давно хочется вернуться в лоно правоверной жизни, только бы найти достойный и не унижительный путь к возвращению. Но он упрямо не хотел уступать насилью, он клялся, что «пятки лизать» никому не будет.

Только в резких стычках с женой его страхи всплывали на поверхность. Она жаловалась, что он стал раздражительным,

удивлялась, почему он не желает «забежать» вечером к Литтлфилдам. Он пытался, но никак не мог объяснить ей туманную сущность своего бунтарства и предстоящего возмездия. Он потерял Поля и Танис, и теперь ему было не с кем поговорить. «Господи, да у меня только и осталась Тинка, она мой настоящий друг!» — вздыхал он и все больше льнул к дочке, по целым вечерам играл с ней в разные игры.

Он собирался навестить Поля в тюрьме, но, хотя Поль и писал ему каждую неделю сухие, короткие записочки, Бэббиту казалось, что он умер. И он по-настоящему тосковал без Танис.

«Я-то думал, когда расстался с Танис: „Ах, какой я умный, какой независимый“, — а оказывается, она мне нужна, нужна до зарезу! — бушевал он. — Майра ни черта не понимает! Она только одно и умеет — жить, как все, лишь бы не отличаться от других! Вот Танис, наверно, сказала бы, что я прав».

Наконец он не выдержал и как-то вечером помчался к Танис. Он не надеялся застать ее, но она оказалась дома — и одна! Но это уже была не Танис. Это была учтивая, высокомерная, одетая в ледяную броню особа, внешне похожая на Танис. Она сказала ровным и равнодушным тоном: «А-а, Джордж! Так в чем же дело?» — и он уполз домой, как побитая собака.

Единственно, кто его утешил, это Тед и Юнис Литтлфилд.

Они вбежали в гостиную однажды вечером, когда Тед приехал из университета, и Тед весело сказал:

— Что это Юни мне рассказывает, папка? Говорят, что ее отец сказал, будто ты всех взбудоражил — хвалил старого Сенеку Доуна. Елки-палки! Так им и надо! Бей их по башке! Шевели их! Наш городишко совсем закис!

А Юнис прыгнула к Бэббиту на колени, расцеловала его, прижалась стриженной головкой к его подбородку и замурлыкала:

— По-моему, вы во сто раз лучше Говарда. Скажите, — доверчиво спросила она, — почему Говард такой старый ворчунишка? Сердце у него доброе, и, честно говоря, он очень умен, но никак не научится поддавать газу, когда надо, хоть я его и муштрую всю! Как вы думаете, милейший, можно ли с ним что-нибудь сделать?

— Нет, Юнис, нехорошо так говорить о своем папе! — заметил Бэббит самым внушительным тоном, как было принято на Цветущих Холмах, но впервые за много недель почувствовал себя счастливым.

Он вообразил себя старым вольнодумцем, которого поддерживает любовь младшего поколения. Все втроем они пошли грабить холодильник. Бэббит снял:

— Хорошо, что мамы дома нет, она бы нам задала!

А Юнис захлопотала, сделала им огромную яичницу, чмокнула Бэббита в ухо и голоском заботливой аббатисы произнесла:

— Сам черт не поймет, почему такие феминистки, как я, все-таки нянчатся с мужчинами!

Ободренный ее поддержкой, Бэббит вызывающе встретил Шелдона Смейса, заведующего воспитательной частью ХАМЛа и руководителя хора в церкви на Чэтем-роуд. Смейс сжал потной рукой пухлую руку Бэббита и запел сладким голосом:

— Что ж это, брат Бэббит, вас так давно не видно в церкви? Знаю, у вас множество чрезвычайно сложных дел, но не надо забывать ваших дорогих друзей и наш отчий дом — святую церковь.

Бэббит освободил руку от нежного пожатия — Смейс обожал долго жать руки — и буркнул:

— И без меня отлично обойдетесь! Простите, Смейс, бегу! Всего!

Но потом он сетовал: «Если уж эта глιστα имеет наглость тащить меня в церковь, значит, их святая братия, наверно, тоже про меня болтает».

И снова он слышал, как они все шушукаются — доктор Джон Дженнисон Дрю, Чамондли Фринк, даже Уильям Вашингтон Иторн. И вся его независимость испарялась, он одиноко бродил по улицам, боясь их пристальных, беспощадных глаз и неумолимого шипящего перешептывания.

Перед сном он попытался объяснить жене, какой противный этот Шелдон Смейс, но она только сказала:

— У него такой прекрасный голос, такой одухотворенный! Помоему, тебе не стоило говорить о нем так резко только потому, что ты не любишь музыки.

И жена показалась ему чужой: насупившись, он смотрел на эту полную суетливую женщину с пухлыми голыми руками и удивлялся, как это она очутилась здесь.

Ворочаясь с боку на бок в еще не согревшейся постели, он думал о Танис. Дурак он, что потерял ее. Ему нужен человек, с которым можно было бы поговорить откровенно. Он... он просто лопнет, если будет переживать все один, про себя! А Майра... нет, бесполезно, все равно она не поймет. Да, черт возьми, нечего себя обманывать. Жаль, конечно, очень жаль, что между мужем и женой после стольких лет начинается отчуждение, жаль до слез; трудно им сейчас сблизиться, если он по-прежнему будет бунтовать против всего Зенита — а он не позволит собой командовать! Нет, черт подери, не даст он себя запугивать, уговаривать, да и упрашивать тоже не даст!

Он проснулся в три часа ночи от шума грузовика и вылез из-под одеяла, чтобы выпить воды. Проходя через спальню, он услышал, как жена тихо стонет. Все обиды были смыты ночной тишиной, он заботливо спросил:

— Что с тобой, дружочек?

— Страшная боль... в боку... невыносимо... так и колет.

— С желудком неладно? Дать тебе соды?

— Нет... боюсь, не поможет... Вчера вечером мне было худо, да и позавчера, а потом прошло, я уснула. Меня грузовик разбудил.

Голос у нее с трудом пробивался сквозь боль, как корабль сквозь бурю. Он испугался.

— Я позову доктора!

— Нет, нет! Пройдет! Дай-ка мне пузырь со льдом.

Он пошел в ванную за пузырем, потом на кухню — взять лед. Ночное путешествие казалось ему страшноватым, но, разбивая кусок

льда кухонным ножом, похожим на кинжал, он чувствовал себя спокойным, уверенным, храбрым, и прежняя ласка звучала в его голосе, когда он, кладя пузырь со льдом на живот Майры, бормотал:

— Ну вот, ну вот, теперь все в порядке!

Он лег в постель, но уснуть не мог. Снова он услышал, как стонет жена. Он вскочил, побежал к ней, заботливо спросил:

— Все еще болит, дружок?

— Да, схватывает, никак заснуть не могу.

Голос у нее был совсем слабый. Он знал, как она боится докторов, их диагнозов, и, ничего не говоря, на цыпочках спустился вниз, позвонил доктору Эрлу Паттену и стал ждать его, дрожа от холода и пытаясь читать расплывавшиеся перед глазами строчки какого-то журнала, пока не подъехала машина доктора.

Доктор был моложав и профессионально бодр. Он вошел с таким видом, будто стоял солнечный летний день.

— Что, Джордж, маленькие неприятности, а? Как она сейчас? — сказал он деловито, с подчеркнутой, чем-то раздражающей веселостью, швыряя пальто на кресло и грея ладони у радиатора. Он сразу взял все в свои руки. Бэббит почувствовал себя лишним и незначительным, идя за доктором в спальню, и когда Верона заглянула в дверь, испуганно спрашивая: «Что случилось, папа? Что такое?» — ей ответил не отец, а доктор, весело бросивший: «А, немножко живот схватило!»

Осмотрев миссис Бэббит, доктор с игривым задором сказал:

— Что, побаливает? Сейчас я вам дам снотворного, и к утру вы поправитесь. Я сразу после завтрака заеду!

Но, спустившись к Бэббиту, ожидавшему внизу, доктор вздохнул:

— Не нравится мне ее живот. Прощупывается какое-то напряжение, очевидно, ткани воспалены. Скажите, ей не удаляли аппендикс? Угу. Впрочем, беспокоиться нечего. Утром я приеду пораньше, а пока что пусть отдыхает. Я ей сделал укол. Спокойной ночи.

И тут черный страх навалился на Бэббита.

Все его обиды, все душевные трагедии, которые он так бурно переживал, сразу показались ничтожными и нелепыми перед лицом вечных и непреодолимых реальностей, обычных, житейских реальностей — перед болезнью, угрозой смерти, долгим ночным

бдением и нерасторжимыми, прочными узами совместной жизни. Он тихо вошел к жене. И пока она лежала в жарком забытьи под действием морфия, он сидел на краю кровати, держа ее руку, и впервые за много недель ее рука доверчиво покоилась в его руке.

Потом, завернувшись в купальный халат и в бело-розовую покрывку от диванчика, нелепый, весь обмякший, он опустился в кресло. В полусвете спальни казалась таинственной, занавеси походили на притаившихся разбойников, туалет — на замок с башнями. Пахло косметикой, свежим бельем, сном. Он засыпал и просыпался, засыпал и просыпался без конца. Он слышал, как она вздыхает и ворочается во сне. Ему хотелось как-то решительно и быстро ей помочь, но мысли расплывались, он снова засыпал, чувствуя, как ломит все кости. Ночь тянулась бесконечно. Когда рассвело и как будто дежурить было уже незачем, он крепко уснул, но рассердился, когда его застала врасплох Верона: она разбудила его, взволнованно спрашивая:

— Что с ней, папа? Что с мамой?

Майра уже не спала, в утреннем свете ее лицо казалось бледным и безжизненным, но теперь он уже не сравнивал ее с Танис, для него она была не просто женщина, которую можно противопоставлять другим женщинам, — она была его собственным я, и если он осуждал ее или бранил, то это было все равно что осуждать и бранить самого себя, пристрастно, без снисхождения, но не надеясь — да, в сущности, и не желая — посягнуть на неизменную сущность брака.

Он опять заговорил с Вероной отечески властным тоном. Он успокоил Тинку, которая, как и полагалось в трудную минуту жизни, захныкала. Он велел подать завтрак пораньше, хотел было просмотреть газету и показался себе героическим и стойким человеком, отказавшись от этого удовольствия. Но до приезда доктора Паттена он провел несколько томительных и отнюдь не героических часов.

— Не вижу особых перемен, — сказал Паттен. — Я вернусь часов в одиннадцать и, если не возражаете, приведу на консилиум еще одну мировую знаменитость, вроде меня, чтобы действовать наверняка. А вам, Джордж, тут делать нечего. Пусть Верона меняет лед — его мы, пожалуй, оставим, а вы бегите-ка к себе в контору, нечего тут стоять с таким видом, будто больны вы, а не она. Ох уж эти мне мужья! Нервы

хуже, чем у женщин! Непременно во все вмешиваются, да еще с умирающим видом, когда их женам нездоровится! Выпейте-ка чашку крепкого кофе и ступайте!

От его насмешек все стало значительно проще. Бэббит поехал в контору, попытался продиктовать кое-какие письма, позвонить по телефону, но прежде чем ему ответили, забыл, кому звонит. В четверть одиннадцатого он уехал домой. Выбравшись из центра, он погнал машину, и лицо его было похоже на трагическую маску.

Жена встретила его удивленно:

— Почему ты вернулся, милый? Мне гораздо лучше. Я и Вероне велела бежать на работу. Ну не безобразие ли с моей стороны так заболеть!

Он знал, что ей хочется утешений, и она обрадовалась, когда он стал ее утешать. Им было удивительно хорошо, когда вдруг подъехала машина доктора Паттена. Бэббит выглянул в окно. Он перепугался. Из машины Паттена вышел торопливый человек с лохматой черной шевелюрой и лихо закрученными усами — сам доктор А.-И. Диллинг, знаменитый хирург. Стараясь скрыть испуг от жены, Бэббит побежал вниз.

Доктор Паттен говорил с нарочитой небрежностью:

— Не хочу пугать вас, старина, но я решил, что будет неплохо показать ее доктору Диллингу.

Он сделал жест в сторону Диллинга, словно подчеркивая его ученость.

Диллинг кивнул отрывисто и небрежно и поднялся наверх. В мучительной тревоге Бэббит шагал по гостиной. Кроме родов, в его семье никогда не случалось никаких событий, требующих врачебного вмешательства, и для него хирургия была одновременно и чудом, и самой грозной напастью. Но когда Диллинг и Паттен спустились к нему, он понял, что все в порядке, и ему хотелось расхохотаться, так походили они на бородатых лекарей из оперетты, — оба потирали руки, оба делали нелепо глубокомысленные лица.

Первым заговорил доктор Диллинг:

— Мне очень жаль, дружище, но у нее острый приступ аппендицита, нужна операция. Конечно, ваше дело — решать, но никаких сомнений тут быть не может.

Бэббит не сразу сообразил, как это серьезно.

— Ну что ж, — забормотал он, — денька через два-три, может быть, мы ее и уговорим. Надо бы вызвать Теда из университета, вдруг что-нибудь случится.

— Нет! — отрезал доктор Диллинг. — Если вы хотите, чтоб начался перитонит, надо оперировать немедленно. Я настаиваю. Дайте согласие, я немедленно вызову карету из больницы святой Марии, и через сорок минут ваша жена будет на столе.

— Я... я... Конечно, вам лучше знать. Но слушайте, как же я за две секунды соберу ее вещи и все такое? Это же невозможно! И она так ослабела, так нервничает!

— Положите в сумку гребенку и зубную щетку — больше ей на первых порах ничего не понадобится, — сказал доктор Диллинг и пошел к телефону.

Бэббит в отчаянии бросился наверх. Он выслал испуганную Тинку из комнаты. Потом весело сказал жене:

— Знаешь, старушка, доктор говорит, что нам надо сделать пустячную операцию, и все пройдет. Минутное дело, куда легче родов! Сразу выздоровеешь!

Она сжала его руку так, что пальцы занемели. Покорно, как перепуганный ребенок, сказала:

— Боюсь, боюсь засыпать под наркозом... одна. — Глаза у нее стали совсем детские, умоляющие и растерянные. — Ты побудешь со мной? Милый, тебе не надо возвращаться в контору? Можешь поехать со мной в больницу? И вечером, если все будет благополучно, ты приедешь, правда? Тебе сегодня никуда не надо идти?

Он упал на колени у ее кровати. Слабой рукой она перебирала его волосы, а он, плача, целовал ее рукав и клялся:

— Дружочек мой дорогой, я люблю тебя больше всех на свете! Замучился тут с делами и со всякой чушью, но теперь все позади, я опять с тобой!

— Правда? Знаешь, Джордж, я тут лежала и думала, — а может быть, лучше, если я уйду ... Мне казалось, что я никому по-настоящему не нужна. Никто меня не любит. Я подумала — зачем мне жить? Я все глупею, дурнею...

— Ах ты, плутовка! Напрашиваешься на комплименты, а мне надо собирать твои вещи! Еще бы, я-то молод и красив, первый кавалер на

деревне... — Но тут голос у него оборвался, он опять заплакал. И, бормоча бессвязные слова, они снова обрели друг друга.

Пока он собирал ее вещи, голова работала необычайно ясно и четко. Он понимал, что кончились его веселые кутежи. Он признался себе, что не раз о них пожалеет. Сурово подумал, что это была последняя отчаянная вспышка перед уходом в старческую успокоенность. «И все-таки, — он хитро улыбнулся, — погулял, черт меня дери, пока мог! Кстати, интересно, во сколько обойдется операция? Надо было поторговаться с Диллингом. Э, нет, к чертям, мне все равно, сколько это будет стоить!»

Карета «скорой помощи» уже стояла у крыльца. Даже в горе Бэббит, обожавший всякую новейшую технику, с интересом следил, как осторожно и умело санитары переложили миссис Бэббит на носилки и снесли вниз. Машина была белая и сверкающая, громадная, бесшумная. Миссис Бэббит стонала:

— Мне страшно. Как будто кладут на катафалк. Не отходи от меня, Джорджи!

— Я сяду тут же, с шофером, — успокоил ее Бэббит.

— Нет, нет, садись со мной!

Она спросила санитаров:

— Можно ему сесть со мной?

— Конечно, мэм, почему же нельзя? Там специальная скамеечка, очень удобно! — с профессиональной гордостью сказал санитар постарше.

Он сел в карету, где была койка, скамеечка, маленький электрический обогреватель и необъяснимо как попавший сюда календарь, на котором была изображена девушка, лакомящаяся вишнями, и фамилия предприимчивого фруктовщика. Но когда Бэббит с деланной бодростью взмахнул рукой, он стукнулся об обогреватель и взвизгнул:

— Ой! Чтоб их черт...

— Что ты, Джордж Бэббит! Не смей сквернословить и браниться!

— Знаю, прости, но я... А, черт их раздери совсем, смотри, как я обжег руку! Мне же больно... Болит, как... как черт! Проклятый обогреватель, раскалился, чтоб ему... В аду и то прохладнее! Смотри! След остался!

И пока они ехали в больницу св.Мариин, где сестры уже готовили инструменты для операции, чтобы спасти Майре жизнь, она утешала Бэббита и целовала обожженное место на руке, чтобы оно не болело, а он отмахивался с напускной грубостью, радуясь, что с ним так нянчатся.

Карета въехала под арку больничных ворот, и Бэббит сразу превратился в ничто. Перед ним, как в кошмаре, промелькнула вереница коридоров, усталых пробковыми матами, двери, за которыми виднелись старухи, сидящие на кроватях, потом лифт, потом — предоперационная с молодым врачом-практикантом, презирующим всех мужей на свете. Бэббиту позволили поцеловать жену. Он видел, как худая сестра наложила маску на рот и нос, он весь съезжился от сладкого предательского запаха. Потом его выставили в лабораторию, и, сидя на высоком табурете, неподвижно, как оглушенный, он хотел только одного — снова увидеть ее, повторить, что он всегда ее любил, ни единой секунды не любил другую, ни на кого не взглянул. Во всей лаборатории он видел только какой-то разлагающийся препарат в банке с помутневшим спиртом. Его тошнило, но он не мог отвести глаз от банки. Он больше страдал от вида препарата, чем от ожидания. Мысли плавали в пустоте, непрерывно возвращаясь к этой страшной банке. Он хотел удрать от нее и отворил дверь направо, надеясь попасть в обычную, деловую канцелярию. И вдруг понял, что перед ним — операционная. Он сразу увидел все — доктора Диллинга, непохожего на себя в белом халате и маске, склонившегося над стальным столом на винтах и колесиках, сестер, державших лотки и ватные тампоны, и что-то закутанное в простыни: мертвенно-бледный подбородок, белую грудь и посреди — квадрат бледного тела, с разрезом, слегка кровенившимся по краям и с торчавшими оттуда пинцетами и зажимами, похожими на присосавшихся паразитов.

Он торопливо закрыл двери. Может быть, испуг и раскаяние, терзавшие его ночью и утром, не проникли до самой глубины его существа, но это нечеловеческое погребение всего, что в жене было трогательно-человечного, потрясло его так, что он, съезжившись на высоком табурете в лаборатории, поклялся в верности Майре... в верности Зениту, клубу Толкачей... верности всему, во что верил Клан Порядочных Людей.

Послышался ободряющий голос сестры:

— Все в порядке! Блестящая операция! Она быстро поправится. Вот проснется после наркоза — сможете ее повидать.

Теперь она лежала на какой-то странно приподнятой кровати, лицо у нее болезненно пожелтело, но темно-красные губы слегка шевелились. Только тут он по-настоящему поверил, что она жива. Она что-то пробормотала. Он наклонился и услышал, как она со вздохом шепнула:

— Трудно достать настоящий кленовый сироп для оладий!

Он неудержимо расхохотался; сияя улыбкой, он с гордостью сообщил сиделке:

— Подумайте только! Говорит о кленовом сиропе! Клянусь честью, закажу сто галлонов прямо из Вермонта!

Она выписалась из больницы через семнадцать дней. Каждый вечер он навещал ее, и в долгих разговорах между ними установилась прежняя близость. Однажды он намекнул на свои отношения с Танис и ее компанией, и Майру распирало от гордости при мысли, что Порочная Женщина околдовала ее бедного Джорджа.

И если когда-нибудь он сомневался в своих соседях, в непобедимом обаянии этих превосходных людей, то теперь он уверовал в них окончательно.

— Что-то не видно, — говорил он, — чтобы Сенека Доун принес цветы или зашел навестить мою супругу!

Зато жена Говарда Литтлфилда принесла в больницу свое изумительное желе (на настоящем вине!). Орвиль Джонс часами выбирал книги, которые любила миссис Бэббит, — красивые романы из красивой жизни нью-йоркских миллионеров и вайомингских ковбоев. Луэтта Свенсон связала ей розовую домашнюю кофточку, а Сидни Финкельштейн и его веселая кареглазая хохотушка жена выбрали в подарок самую красивую ночную рубашку во всем магазине Парчера и Штейна.

Знакомые давно перестали шептаться о нем, подозревать его. Каждый день члены Спортивного клуба осведомлялись о здоровье миссис Бэббит. Члены клуба, которых он даже не знал по фамилии, останавливали его, спрашивая:

— Ну, как ваша супруга?

Бэббиту казалось, что с пустынных мрачных гор он спустился в душистую теплую долину с уютными домиками.

Как-то днем Верджил Гэнч подошел к нему:

— Собираешься к шести в больницу? Мы с женой тоже хотим забежать.

Они действительно забежали. Гэнч был так остроумен, что миссис Бэббит взмолилась, чтобы он «ради бога не смешил ее, иначе у нее, честное слово, шов разойдется!». Когда они вышли, Гэнч дружелюбно сказал:

— Джордж, старина, ты чего-то на всех огрызался в последнее время. Не знаю почему, да и не мое это дело. Но теперь ты как будто опять молодцом, так почему бы тебе не вступить к нам, в Лигу Честных Граждан, а, дружище? Там здорово весело, да и твой совет нам частенько нужен!

И в этот миг Бэббит, чуть не плача от радости, что его уговаривают, а не запугивают, и что можно, не роняя собственного достоинства, больше не сопротивляться и дезертировать со спокойной душой, навсегда перестал быть комнатным революционером. Он хлопнул Гэнча по плечу и на следующий же день стал членом Лиги Честных Граждан.

А через две недели никто во всей Лиге так рьяно не разглагольствовал о низости Сенеки Доуна, преступлениях рабочих союзов, опасности иммиграции, а также о прелестях гольфа, нравственных устоев и текущих счетов, как Джордж Ф.Бэббит.

34

Лига Честных Граждан получила распространение во всех штатах, но нигде она не развивала такой деятельности и не пользовалась таким уважением, как в городах типа Зенита — торговых центрах с населением в несколько сот тысяч, по большей части расположенных внутри страны и окруженных полями, шахтами и мелкими городишками, которые заимствовали у этих крупных центров деньги под заклад имущества, светские манеры, искусство, социальную философию и дамские шляпки.

Почти все состоятельные граждане Зенита были членами Лиги. Не все они принадлежали к так называемым «добрым малым». Кроме этих славных людей, укреплявших благосостояние общества, в Лигу входили и «аристократы», то есть люди, которые были богаче их или чьи предки разбогатели на несколько поколений раньше: директора банков и заводов, землевладельцы, адвокаты крупных трестов, модные врачи и несколько старообразных молодых людей, которые совсем не работали, но вынуждены были жить в Зените, где от безделия собирали коллекции майолики и первоизданий, как, бывало, в Париже. Но все члены Лиги соглашались, что рабочий класс должен знать свое место, все понимали, что Американская Демократия совсем не означает имущественного равенства, но требует здорового единообразия в мыслях, одежде, живописи, нравственности и речи.

В этом зенитцы походили на правящие классы любой другой страны, особенно Великобритании, но отличались большей энергией и тем, что реально старались добиться признанных ими стандартов, о чем мечтают все правящие классы во всем мире, по обычно безрезультатно.

Самую упорную кампанию Лига провела за свободный наем рабочих, что означало тайную борьбу против всех профсоюзов. Одновременно с этим она проводила кампанию за американизацию, устроив вечерние школы, где преподавали английский язык, историю и экономику, а также ежедневно печатала статьи в газетах, чтобы вновь прибывшие иностранцы твердо усвоили себе, что истинно американский, стопроцентный способ улаживать конфликты между

рабочими и хозяевами заключается в том, что рабочие должны любить своих хозяев и доверять им.

Лига более чем щедро поддерживала другие организации, которые ставили перед собой ту же цель. Она помогла Христианской Ассоциации Молодых Людей собрать двести тысяч долларов на новое здание. Бэббит, Верджил Гэнч, Сидни Финкельштейн и даже Чарльз Мак-Келви выступали перед зрителями кинотеатров, рассказывая о том, какую роль в их собственной жизни сыграла «добрая старая Ассоциация», сделав из них мужественных христиан, а престарелый, но полный сил полковник Резерфорд Сноу, владелец «Адвокат-таймса», был сфотографирован, когда он жал руку Шелдону Смейсу из ХАМЛа. Правда, потом, когда Смейс просюсюкал: «Приходите на наше молитвенное собрание, полковник, вы непременно должны прийти!» — свирепый полковник зарычал: «А какого черта я там не видел? У меня свой каба́к есть!» — но об этом в прессе упомянуто не было.

Лига оказала серьезную поддержку и Американскому легиону, когда некоторые мелкие и безответственные газеты вздумали критиковать эту организацию ветеранов мировой войны. Однажды толпа молодых людей ворвалась в помещение зенитского комитета социалистической партии, сожгла документы, избива служящих и преспокойно выкинула письменные столы в окно. Все газеты, кроме «Адвокат-таймса» и «Вечернего адвоката», приписали проведение этого ценного, хотя, может быть, и несколько необдуманного мероприятия Американскому легиону. Тогда летучий отряд из Лиги Честных Граждан посетил редакции всех несправедливых газет и объяснил, что ни один из бывших солдат не станет делать такие вещи, после чего редакторы уразумели, что к чему, и тем самым сохранили клиентуру, дававшую объявления в их газеты. Когда единственный противник военной службы, выпущенный из тюрьмы, был справедливо изгнан из города, газеты во всем обвинили «неопознанную толпу».

Во всей плодотворной деятельности Лиги Честных Граждан Бэббит принимал горячее участие, и к нему полностью вернулось самоуважение, спокойствие и любовь друзей. Но потом он

запротестовал: «Честно говоря, я внес свою лепту в оздоровление города. Теперь пора взяться за собственные дела. Надо, пожалуй, поменьше заниматься Лигой».

Он возвратился в лоно церкви так же, как вернулся и в клуб Толкачей. Он терпеливо снес пылкие приветствия, которыми его встретил Шелдон Смейс. Его беспокоило — не лишился ли он из-за своего прежнего бунтарства надежды на спасение души. Он не совсем был уверен, существует ли царствие небесное, но доктор Джон Дженнисон Дрю утверждал, что существует, и Бэббит рисковать не собирался.

Как-то вечером, прогуливаясь около дома пастора, он но раздумывая зашел к доктору Дрю, который сидел у себя в кабинете.

— Минутку, я только позвоню по телефону! — деловым тоном бросил доктор Дрю и воинственно закричал в трубку: — Алло, алло! Беркли и Генис? Говорит Доктор Дрю. Куда это у вас запропастилась корректура «Воскресного альманаха»? Что? Конечно, у вас. Да разве я виноват, что все больны? Мне корректура нужна сегодня же вечером. Найдите рассыльного и шлите сюда, быстро!

Он обернулся к Бэббиту с тем же деловым видом:

— Чем могу служить, брат Бэббит?

— Да я только хотел узнать... Я вам прямо скажу, отец мой: тут я как-то за последнее время малость распустился. Выпивал и все такое. Мне и хотелось спросить: что, если человек все это бросил, опомнился, так сказать? Не повлияет ли то, что было... как бы выразиться, — не помешает ли это спасению души?

Достопочтенный Дрю вдруг оживился:

— А было ли... мм-мм... и другое, брат мой? Женщины?

— Да нет, можно сказать, почти что нет.

— Не бойтесь говорить правду, брат мой. Для этого я и существую. Совершали веселые прогулочки? Обнимали девочек в машине? — Глаза у достопочтенного Дрю замаслились.

— Нет, нет...

— Ну, я вам вот что посоветую. Через четверть часа ко мне придет депутация общества «Не шути с сухим законом», а в девять сорок пять — представители Союза борьбы с противозачаточными средствами. — Он деловито взглянул на часы. — Но я могу уделить вам минут пять и

помолиться вместе с вами. Становитесь на колени тут же, около стула, брат мой. Не стесняйтесь искать помощи у господа бога.

У Бэббита зудело в голове, — до того хотелось удрать, но доктор Дрю уже плюхнулся на колени у письменного стола, и его голос из деловито-отрывистого стал елейно-проникновенным от общения с грешником и со Всевышним. Бэббит тоже опустился на колени, и доктор Дрю залился восторгом:

— О господи, перед тобой наш брат, сошедший с пути истинного из-за множества искушений. Отец небесный, очисти сердце его, да станет оно непорочным, как сердце дитяти! Дай познать ему радость мужественного отречения от зол земных...

Тут в кабинет влетел сияющий Шелдон Смейс. При виде двух коленопреклоненных мужчин он расплылся в улыбке, всепрощающе похлопал Бэббита по плечу и, став рядом на колени, обнял его за талию, подкрепляя мольбы доктора Дрю выкриками: «Да, господи! Помоги брату нашему, о господи!»

И хотя Бэббит старательно закрывал рукой глаза, он тихонько, сквозь пальцы покосился на пастора и увидел, как тот, взглянув на часы, торжественно закончил:

— И пусть он никогда не страшится приходить к нам за советом и братской помощью, пусть осознает он, что церковь может вести его, как слабого маленького ягненка!

Тут доктор Дрю вскочил, возвел глаза туда, где должно было находиться царствие небесное, сунул часы в карман и быстро спросил:

— Депутация пришла, Шельди?

— Ага, ждет! — так же быстро ответил Шельди и вкрадчиво обратился к Бэббиту: — Брат мой, если вам от этого станет легче, я могу с наслаждением пройти с вами в соседнюю комнату и помолиться, пока доктор Дрю примет депутацию общества «Не шути с сухим законом».

— Нет, спасибо, мне некогда! — крикнул Бэббит и бросился к дверям.

После этого его часто видели в пресвитерианской церкви на Чэтем-роуд, но многие замечали, что он избегал пожимать руку пастора, выходя из церкви.

Но если его моральные устои были настолько поколеблены «бунтарством», что он стал не вполне надежным соратником в суровых битвах Лиги Честных Граждан и не очень горячим приверженцем церкви, то в одном сомнений быть не могло: Бэббит с удовольствием вернулся к радостям домашнего очага, Спортивного клуба, к своим Толкачам и Лосям.

После долгих колебаний Верона и Кеннет Эскотт наконец решили пожениться. К свадьбе Бэббит нарядился ничуть не хуже Вероны: он напялил смокинг, который надевал всего раза три в год, на званые вечера, а когда Верона с Кеннетом благополучно отбыли в лимузине, он вернулся в дом, развалился в кресле, вытянул ноющие ноги на кушетке и подумал, что теперь они с женой могут спокойно сидеть в гостиной одни и не придется слушать, как Кеннет и Верона с ученым видом беспокоятся о судьбах Театральной лиги и о низком уровне заработной платы.

Но даже эта успокоенность была менее утешительна, чем возвращение в лоно клуба Толкачей, где Бэббит снова стал одним из самых популярных и обожаемых сочленов.

Президент клуба Вильям Иджемс, открывая очередное заседание, молча встал и так скорбно поглядел на членов клуба, что все испугались — не объявит ли он сейчас о смерти кого-нибудь из Толкачей.

Он заговорил медленно и проникновенно:

— Друзья, я должен сообщить вам потрясающую новость, страшную тайну одного из наших сочленов.

Несколько Толкачей, в том числе и Бэббит, растерянно посмотрели на него.

— Один из наших странствующих — с чемоданчиком! — рыцарей, мой добрый друг, недавно объезжал по делам наш штат и в некоем городке, где некий Толкач провел детство, он обнаружил то, что дольше скрывать нельзя. Говоря точнее, он раскрыл внутреннюю сущность человека, которого мы считали Настоящим Парнем, свойским малым. Джентльмены, голос мне изменяет, я не в силах произнести эти слова вслух, и я их написал.

Он сдернул покрывку с большой грифельной доски — на ней огромными буквами стояло:

«ДЖОРДЖ ФАЛЛАНСБИ БЭББИТ — Ах ты, Фалли-Фалалей!»

Толкачи заорали «ура», они хохотали до слез, швыряли в Бэббита булками, вопили:

— Речь! Речь! Ах ты, Фалли-Фалалей!

Президент Иджемс продолжал:

— Вот, джентльмены, та ужасная истина, которую столько лет скрывал от нас Джорджи Бэббит, заставляя нас думать, что его зовут просто Джордж Ф. Прошу всех по очереди разъяснить, что каждый из вас подразумевал под этим «Ф».

— Франт! — закричали все. — Фофан! Фига! Фанфарон! Фрукт! Форсун! Фат!

По этим добродушным выкрикам Бэббит понял, что они снова возвратили ему свою любовь, и, счастливый, вскочил с места:

— Ребята, сознаюсь! Никогда я не носил часы на браслете, никогда не коверкал свою фамилию, но признаюсь, что меня зовут «Фаллансби». Единственное мое оправдание в том, что мой папаша, который вообще-то был умный малый и мог обставить любого чинушу в два счета — я говорю об игре в шашки! — назвал меня так в честь нашего домашнего врача — старого доктора Амброза Фаллансби. Прошу прощения, друзья! В своем следующем, как оно там называется, я постараюсь перевоплотиться в человека с вполне дельным именем — с именем, которое звучало бы красиво и вместе с тем мужественно и просто, — словом, с именем, которое было бы похоже на доброе имя, знакомое каждому ребенку, — на смелое, неотразимое имя — Виллис Джимджемс Иджемс!

По мощным крикам «ура!» он понял, что вернул их дружеское расположение, понял, что больше никогда не поставит под угрозу свое благополучие и свою популярность, откалываясь от Клана Порядочных Людей.

Генри Томпсон ворвался в контору с радостными возгласами:

— Эй, Джордж! Отличные новости! Джек Оффат говорит, что транспортники недовольны тем, как Сандерс, Торри и Уинг провели последнюю сделку, и хотят опять перевернуть к нам!

Бэббит обрадовался тому, что последняя рана, нанесенная его бунтом, зарубцевалась, однако по дороге домой его одолевали непрощенные мысли, которых он не знал в дни воинствующего оппортунизма. Он обнаружил, что искренне считает заправил Транспортной компании не совсем честными людьми. Ладно, он проведет для них еще одну махинацию, но при первой возможности — а такая возможность наверно представится, когда старый Генри Томпсон умрет, — сразу порвет с ними всякие отношения. Ему сорок восемь лет, через двенадцать лет стукнет шестьдесят, хочется внукам оставить незапятнанное имя. Конечно, на сделках с транспортниками можно заработать уйму денег, надо подходить к вещам здраво, и все-таки... Его передернуло. Очень хотелось выложить этой шайке из Транспортной компании все, что он о них думает. «Нет, нельзя, сейчас еще не время. Если второй раз их обидеть, они меня в порошок сотрут. Да, но...»

Он сознавал, что будущее ему не очень ясно. Он не знал, что делать дальше: он был еще молод, неужели все приключения уже кончились? Он чувствовал, что попал в те же самые сети, из которых вырывался с такой яростью, и, по иронии судьбы, его же заставили радоваться, что он опять пойман.

«Да, довели меня, прикончили совсем!» — жалобно подумал он.

Но в доме в этот вечер было тихо и мирно, и он с удовольствием сыграл с женой в пинокль. Он возмущенно возражал Искусителю, что ему нравится жить как полагается, по старинке. На следующий день он зашел к торговому агенту Транспортной компании, и они составили план тайной скупки участков вдоль Ивенстоунского шоссе. Но, возвращаясь в контору, он внутренне сопротивлялся: «Нет, буду все делать по-своему и вести дела, как мне нравится, когда уйду на покой!»

Тед приехал из университета на конец недели. И хотя он перестал говорить об инженерно-механическом институте и сдержаннее отзывался о своих профессорах, но с университетом он никак примириться не мог и больше всего интересовался новым радиоприемником.

В субботу вечером он поехал с Юнис Литтлфилд на вечеринку в Девон-Вудс. Бэббит мельком видел, как Юнис подпрыгивала на сиденье — вся сияющая, в огненно-красном плаще поверх тончайшего платья из палевого шелка. В половине двенадцатого, когда Бэббиты легли спать, Юнис с Тедом еще не возвращались. Поздно ночью, неизвестно в котором часу, Бэббита разбудил телефонный звонок, и он, рассердившись, неохотно поплелся вниз. Звонил Говард Литтлфилд.

— Джордж, Юни еще не вернулась. А Тед?

— Нет... во всяком случае, дверь в его комнату открыта.

— Пора бы им вернуться. Юнис сказала, что вечеринка кончится не позже двенадцати. Как фамилия людей, к которым они поехали?

— Ей-богу, Говард, по правде говоря, я и сам не знаю. Какой-то одноклассник Теда в Девон-Вудсе. Что ж тут делать? Погодите, я побегу спрошу Майру, может быть, она знает, к кому они поехали.

Бэббит зажег свет в комнате Теда. Это была настоящая мальчишеская комната — беспорядок в шкафу, беспорядочно разбросанные вещи, старые книжки, спортивный вымпел средней школы, фотографии баскетбольных и бейсбольных команд. Но Теда там и в помине не было.

Когда Бэббит разбудил жену, та с раздражением сказала, что никаких знакомых Теда она не знает, и сейчас поздно, что Говард Литтлфилд просто врожденный идиот, а она хочет спать. Но она не заснула и очень беспокоилась, а Бэббит у себя на веранде пытался снова задремать под неумолчное, как дождь, журчание ее голоса. Уже рассвело, когда он проснулся оттого, что она трясла его, испуганно повторяя:

— Джордж! Джордж!

— Что... что такое?

— Скорее, скорее, иди посмотри! Только тихо!

Она повела его по коридору к комнате Теда и осторожно приоткрыла дверь. На потертом коричневом ковре легкой пеной розовел шифон сброшенного белья, на солидном кожаном кресле блестела серебряная девичья туфелька. А на подушке рядом лежали две сонные головы — Теда и Юнис.

Тед проснулся и, улыбнувшись, пробормотал неуверенно, хотя и с вызовом:

— Доброе утро! Разрешите представить мою супругу — уважаемую миссис Теодор Рузвельт Юнис Литтлфилд Бэббит.

— Боже правый! — воскликнул Бэббит, а его жена простонала:

— Как, вы уже...

— Да, мы уже вчера вечером поженились. Жена! Сядь и скажи хорошенько «доброе утро» свекрови!

Но Юнис спрятала плечи и очаровательно растрепанную головку под подушку.

К девяти часам Теда и Юнис в гостиной Бэббитов окружил целый синклит, включая мистера и миссис Джордж Бэббит, мистера и миссис Говард Литтлфилд, мистера и миссис Кеннет Эскетт, мистера и миссис Генри Т.Томпсон, а также Тинку Бэббит — единственного члена инквизиционной коллегии, который был очень доволен.

Вся комната была полна взволнованных голосов:

— В их возрасте...

— Надо аннулировать...

— В жизни не слыхала про такое...

— Оба виноваты...

— Главное, чтоб не попало в газеты!..

— Отправить в школу...

— Надо что-то предпринять и, по-моему...

— Отодрать бы их по старинке!

Больше всех возмущалась Верона:

— Тед! Ты *обязан* понять, тебе надо *внушить*, насколько это *серьезно*, и нечего стоять как *пень* с дурацкой *улыбкой* на лице!

Он возмутился:

— Фу-ты пропасть! Рона! Да ты сама только что вышла замуж!

— Это совершенно другое дело!

— Я думаю! Меня и Юни не надо было тащить на аркане, чтобы заставить поцеловаться!

— Эй, молодой человек, брось дерзить! — приказал старый Генри Томпсон. — Послушай-ка меня!

— Послушай дедушку! — сказала Верона.

— Да, послушай, что скажет дедушка! — подхватила миссис Бэббит.

— Тед, послушай мистера Томпсона! — поддержал и Говард Литтлфилд.

— Да слушаю я, слушаю, черт меня дери! — завопил Тед. — Только лучше бы вы меня послушали! Надоело мне быть трупом на этом вскрытии! Если вам непременно хочется кого-нибудь угробить, идите и бейте пастора, который нас обвенчал. Содрал пять долларов, а у меня в кармане всего было шесть долларов и два цента! И перестаньте на нас орать, хватит!

И вдруг новый голос, внушительный и громкий, перекрыл всех. Заговорил сам Бэббит.

— Да, что-то слишком много советчиков собралось! Рона, замолчи! Мы с Говардом сами сумеем отчитать, кого надо. Тед, пойдем в столовую, мы обо всем поговорим.

В столовой, плотно закрыв двери, Бэббит подошел к сыну, положил ему обе руки на плечи:

— Ты, в общем, прав. Слишком много они все болтают. Скажи мне, старина, что ты собираешься делать?

— Да неужто... Папка, неужели ты будешь говорить со мной по-человечески?

— Видишь ли... Помнишь, ты однажды назвал нас «мужчины семейства Бэббитов» и сказал, что нам надо держаться друг друга! Этого-то я и хочу. Разумеется, это дело серьезное. При теперешнем положении вещей, когда у молодого парня не так уж много шансов устроиться, я не очень-то одобряю ранние браки. Но лучше Юнис я для тебя девушки не знаю, да и Литтлфилд может считать себя счастливым, что ему достался в зятя Бэббит! Но что ты собираешься делать? Конечно, если бы ты продолжал учиться в университете, а когда кончишь...

— Папа, я больше не могу! Может быть, для других университет — штука хорошая. Может, и я сам туда захочу когда-нибудь вернуться. Но сейчас я мечтаю об одном — заняться техникой. Наверно, из меня выйдет неплохой изобретатель. Уже сейчас один человек готов взять меня к себе на завод и платить двадцать долларов в неделю!

— Ну что ж... — Бэббит прошелся по комнате, медлительный, грузный, словно сразу постаревший. — Мне всегда хотелось, чтобы ты получил университетский диплом... — Он в раздумье еще раз прошелся из угла в угол. — Но сам-то я никогда... только, ради Христа, не повторяй это при матери, не то она выдерет у меня последние волосы... сам я за всю жизнь не сделал ничего так, как мне

хотелось. Не знаю — достиг ли я чего-нибудь, вернее, просто жил, как жилось. Думаю, что из каждых возможных ста футов я прошел от силы четверть дюйма. Может быть, ты пойдешь дальше. Не знаю. Но в душе я, откровенно говоря, радуюсь, что ты твердо знал, чего тебе нужно, и своего добился. Теперь они все будут пытаться запугать тебя, утихомирить. А ты пошли их к черту! Я — за тебя. Поступай на завод, если хочешь. Не бойся всех этих родственников! И всего Зенита не бойся! А главное — не бойся самого себя, как я боялся. Ступай, дружище! Весь мир — твой!

И, обняв друг друга за плечи, мужчины семейства Бэббитов прошагали в гостиную и предстали пред лицом грозно надвинувшихся на них родичей.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

1

свиданий наедине (*франц.*)

2

вдвоем (*франц.*)

3

вот откуда эти слезы (*лат.*)

4

полудев (*франц.*)

5

«Дама за туалетом» (*франц.*)

6

сама по себе (*лат.*)

7

добрый день, синьор, как поживаете, как дела? Как... (искаж.
итал. франц., нем., франц.)

8

per diem — в день (лат.)

9

вечер (нем.)

10

искаж. comprenez-vous — понимаете (франц.)

11

своеобразие (франц.)

12

говорят (франц.)

13

тайные советники (нем.)

14

командоры (*итал.*)

15

свободный стих (*франц.*)

16

soiree — вечеринка (*франц.*)